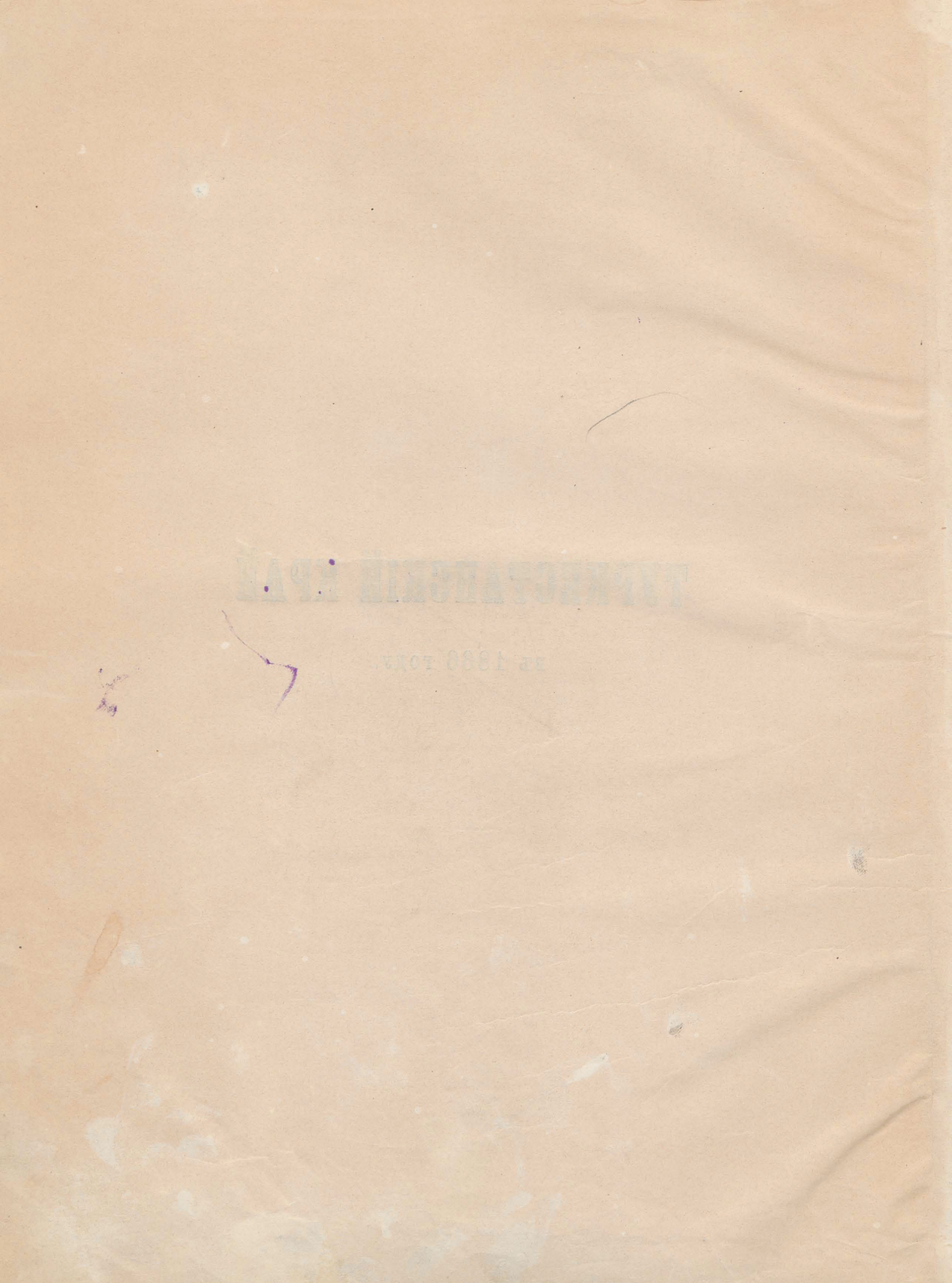
ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ

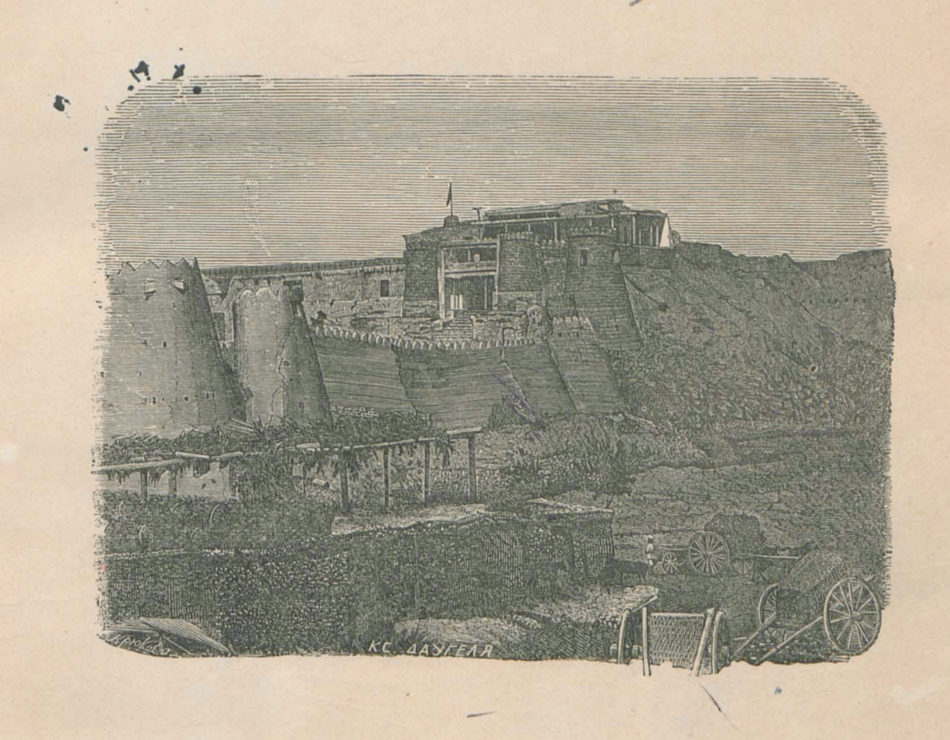
въ 1866 году.

ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ
въ 1866 году.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

П. И. ПАШИНО.

Съ двадцатью рисунками въ три тона, работы А. Гине, тридцатью пятью виньетками, рѣзанными на деревѣ А. Даугелемъ и рисованными В. Крюковымъ и съ картою Туркестанскаго края.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 ноября 1868 года.

Въ типографіи Тиблена и К° (Неклюдова), В. О., 8 л., д. № 25,

Содержатель типографіи Тиблена и К°, Николай Андреяновичъ Неклюдовъ, жительство имѣетъ по Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, д. № 87.

ГРАФУ ИЛАРІОНУ ИВАНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ-ДАШКОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ ИСКРЕННЯГО УВАЖЕНІЯ,

ПОСВЯЩАЕТЪ АВТОРЪ

Avoir affaire aux nations sans les connaître, sans les comprendre c'est bon pour des conquérants; moins bon pour des alliés et même pour des protecteurs; et rien n'est plus détestable et plus insensé pour des civilisateurs, ce que nous avons la prétention d'être.

C-te Gobineau.

Выпуская первую книгу моихъ трудовъ, въ такомъ изящномъ видѣ, я обязанъ выразить благодарность сотрудничеству покойнаго Д. В. Вележева, всѣ рисунки котораго находились въ моемъ распоряженіи. Я выбралъ изъ нихъ самые лучшіе этюды, которые воспроизведены содѣйствіемъ художниковъ В. С. Крюкова и А. В. Гине. К. В. Струве, позволилъ мнѣ украсить книгу, составленною имъ на мѣстѣ географическою картою, которая считается, до настоящаго времени, самою вѣрною картою Туркестанскаго края.

Трудъ мой долженъ быть разсматриваемъ, какъ описаніе быта степняковъ—киргизъ и какъ описаніе быта осѣдлыхъ городскихъ жителей. Къ сожалѣнію, я сознаюсь, что въ обоихъ случаяхъ, не могъ достигнуть надлежащей полноты, такъ такъ степь видѣлъ только проѣздомъ чрезъ нее, а въ Ташкендѣ пробылъ не болѣе полутора мѣсяца. Я увѣренъ, однакоже, что все сказанное мною не лишено интереса для каждаго читателя. Остается жалѣть что книга моя такъ запоздала выходомъ и

появляется тогда, когда уже русскія знамена развѣваются на стѣнахъ Самарканда, но о туркестанскомъ краѣ до сихъ поръ еще не было говорено никѣмъ на столько подробно, на сколько я заботился объ этомъ. Тяжкая и продолжительная болѣзнь моя была причиною пріостоновки печатанія книги, — во всякомъ случаѣ лучше поздно, чѣмъ никогда.

П. Пашино.

28 октября 1868 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВЪ СТЕПИ.

На долю каждаго путешественника достается безусловное выполненіе тяжелой прапрадѣдовской заповѣди о терпѣніи, будь онъ въ пустыняхъ внутренней Африки, или въ преизобильной населеніемъ западной Европѣ. Мнѣ кажется, что случайныя непріятности въ путешествіи по комфортабельному западу гораздо сильнѣе поражаютъ и возбуждаютъ досаду, потому что къ нимъ не готовишься, ихъ не ожидаешь. Какъ должно быть невыносимо, когда опоздаешь къ поѣзду, потому что забылъ перевести часы, или когда, благодаря большому стеченію пасажировъ и неповоротливости прислуги, не успѣешь разрѣзать благодатный ростбифъ, какъ ужъ звонятъ,—а тебѣ до смерти ѣсть хочется,—вѣдь европейское приличіе не позволяетъ тащить въ рукахъ въ вагонъ кусокъ говядины или котлету. Это еще цвѣточки, а мало ли другихъ непріятностей: таможенная ревизія вашего имущества, визированіе паспорта и проч.

Странствователь по пескамъ африканскимъ и по пустынямъ азіятскимъ готовится ко всему. Его не удивитъ, если приведется двое сутокъ питаться полфунтомъ черстваго хлѣба, столько же времени быть безъ воды, полчаса находиться подъ проливнымъ дождемъ или подъ градомъ съ голубиное яйцо, не имѣя мѣста куда укрыться. У него единственное желаніе, чтобы судьба спасла его отъ дикаго звѣря да недобраго человѣка, и онъ всю свою жизнь будетъ благодарить эту судьбу, что ему удалось вынести цѣлою свою особу и не довелось попасть подъ руки какому-нибудь готтентоту или фанатику мусульманину. Голова его полна новыхъ впечатлѣній, любознательность удовлетворена, и онъ счастливъ, — чѣмъ же другимъ можно объяснить манію къ странствованіямъ?

Объѣхавши въ 1861—62 годахъ всю сѣверную Персію и испытавъ на себѣ многія лишенія и невзгоды, я съ самымъ спокойнымъ духомъ смотрѣлъ на предстоявшую мнѣ поѣздку въ Туркестанскій край. Эта поѣздка казалась мнѣ даже до извѣстной степени комфортабельною, потому что не предвидѣлось тысячеверстныхъ переѣздовъ верхомъ на лошади,—тогда уже газеты прокричали объ открытіи почтоваго сообщенія самаго Ташкенда съ Оренбургомъ. А сидѣнье въ экипажѣ,—даже въ почтовой телѣгѣ,—умѣетъ оцѣнить только тотъ, кто отъ зари до зари, не выправляя ногъ, трясся на поганомъ азіятскомъ сѣдлѣ изо дня въ день въ теченіе цѣлаго года. Конечно, караванное странствованіе на верблюдѣ завлекательнѣе тѣмъ, что даетъ болѣе пищи для наблюденія; однако, если бы Пальгреву или Вамбери предложили выборъ между верблюдомъ и почтовой тройкой, то едва ли бы они долго задумывались въ отдачѣ предпочтенія послѣдней, хотя также далеко не комфортабельной ѣздѣ. Утѣшительно было еще то обстоятельство, что мнѣ сперва приходилось проѣхать до г. Орска по тракту, гдѣ гоньба заведена и благоустроена давнымъ давно; потомъ до Уральскаго укрѣпленія—по тракту, открытому въ 1858 году; дальше до форта № 1—по тракту, открытому въ 1861 году, а затѣмъ уже перейти на новооткрытый въ концѣ 65 и въ началѣ 66 года трактъ, гдѣ я и ожидалъ встрѣтить нѣкоторыя неудобства. Дѣйствительно, тысячу верстъ, отъ Нижняго до Оренбурга, я проѣхалъ безпрепятственно и хорошо, благодаря отчасти тому случаю, что ждали генерала, ѣхавшаго сзади меня. Лошади были вездѣ въ хомутахъ, станціонныя комнаты въ порядкѣ и чистотѣ, самовары блестѣли, по ночамъ у крылецъ зажигались въ фонаряхъ свѣчи, и смотрители выбѣгали мнѣ на встрѣчу въ новыхъ форменныхъ сюртукахъ.

Въ Оренбургъ я пріѣхалъ 20 февраля и долженъ былъ тамъ прожить два-три дня, для полученія подорожной до Ташкенда и починки возка. Заходя по дѣламъ въ разные штабы и канцеляріи и обѣдая у Оренбургскаго Дюсо,—Антона Каретникова,—я пріобрѣлъ много случайныхъ знакомыхъ. Ихъ прежде всего обуяла зависть, что я ѣду безъ нихъ въ этотъ обѣтованный край повышеній и отличій, а потомъ, въ успокоеніе себя, они стали описывать мнѣ самыми черными красками тѣ лишенія и опасности, какія ждутъ меня въ дорогѣ. Кто ссылался на свой собственный опытъ, а кто—на показанія своихъ братьевъ, племянниковъ, сыновей и другой родни.

— Не завидуемъ, не завидуемъ вамъ,—говорили одни, какъ будто угадывая мое подозрѣніе, котораго въ то время, впрочемъ, во мнѣ вовсе еще не зарождалось,—что ѣдете въ степь, натерпитесь и муки, и горя. Станціи плохо устроены, лошади заморены постоянными курьерами, а верблюды передохли отъ мороза,—такая ужъ нынче зима. Вотъ сынъ мнѣ писалъ,—только-что на дняхъ получилъ письмо,—просто бѣда! На одной станціи ему довелось прожить въ юртѣ цѣлую недѣлю одному одинешеньку. Морозъ сорокъ градусовъ, ямщики разбѣжались,—что имъ за дѣло, киргизятинѣ этой? у сына ни дровъ, ни ѣды; чуть не умеръ. На седьмой день, какъ потеплѣло, такъ они ужъ и вернулись изъ аула на станцію. Ну, что тутъ подѣлаешь съ ними? жаловался коменданту потомъ,—обѣщали взыскать,—да сыну то легче ли отъ этого, спрашиваю?

— Это такъ, это бываетъ,—подтверждали другіе:—и особенно затруднительно на счетъ продовольствія. У васъ, положимъ, есть и чай, и сахаръ, тепленькаго хочется, а тутъ

ни уголька, ни лучины, да, пожалуй, и спичекъ-то на другой станціи не найдете. На сухояденіи-то далеко не отъѣдешь? Напичкаешься калбасами да сыромъ, пить захочется:— жара, а воды ни капли на сто верстъ кругомъ,—вѣдь вотъ что значитъ степь! Положимъ теперь снѣгомъ можно жажду утолить; да вѣдь отъ этого и жаба, и гриппъ, и всякая другая гадость можетъ пристать, и не развяжешься потомъ. Есть ли у васъ самоваръ или чайникъ мѣдный? совѣтовалъ бы завести, да тоже всенепремѣнно нужно имѣть при себѣ запасъ,—хотя небольшой, отъ форта до форта,—углей и лучины.

— Вы запаситесь-ка бульономъ,—у Скворцова есть. Да заморозьте нѣсколько сотъ пельменей, это, я вамъ скажу, драгоцѣнная вещь,—говорилъ новый совѣтникъ.— Благодарить меня будете, право. Щи замороженные тоже недурно. Дровъ не надо, а возьмите спирту, на спирту лучше. Вѣрьте мнѣ,—по опыту говорю: я степь всю знаю, всю ее исходилъ, на Усть-Уртѣ самомъ былъ, Асмантай-Матай знаю, чего ни натерпѣлся! Да что говорить,—сами увидите, вспомните тогда меня.

Такія или почти такія предостереженія меня не очень безпокоили, потому вопервыхъ, что мнѣ приводилось выслушивать подобные же совѣты предъ поѣздкою за Кавказъ и въ Персію, и они большею частію оказывались на дѣлѣ преувеличенными, а вовторыхъ,—сбираясь ѣхать въ Туркестанскій край, я готовился ко всему; и на другой день я еще съ бо́льшимъ хладнокровіемъ выслушивалъ новые ужасы отъ новыхъ лицъ. Меня завѣряли, напримѣръ, что неудивительно, если мой казанскій возокъ не выдержитъ и двухъ-трехъ степныхъ переѣздовъ, потому что «узкоглазые азіяты» не умѣютъ обходиться съ экипажами, что лошади впрягаются невыѣзжанныя, все разнесутъ въ дребезги, а починять въ степи некому, да ничего и не найдешь на станціи: ни веревки, ни гвоздя, ни куска дерева, ни топора, ни пилы. Это послѣднее обстоятельство я принялъ къ свѣдѣнію и поторопился завести себѣ гвозди, веревки, пилу, топоръ, молотокъ, долото, буравъ, терпугъ и пр. Да кстати запасся и всякою съѣдобною штукою,—одного бѣлаго хлѣба я купилъ на четыре рубля, на томъ основаніи, что одинъ изъ знакомыхъ весьма энергически доказывалъ, что «эти скоты киргизы и хлѣба-то во всю жизнь въ глаза не видали да и понятія о немъ не имѣютъ; а въ фортахъ, кромѣ солдатскихъ сухарей, ничего и спрашивать не моги,—напрасно будетъ.»

Словомъ я выѣзжалъ изъ Оренбурга въ возкѣ нагруженномъ всякою всячиною, какъ мелочная лавочка: тутъ были и аптека, и книги, и писчія принадлежности, чай и сахаръ, всякое копченое, соленое, печеное и вареное. Былъ и погребецъ, и чайникъ мѣдный, и таганъ желѣзный. Не забыты и дрова, и угли. Было все, чего не доставало Робинсону на необитаемомъ островѣ. Знакомые мои не могли нарадоваться моему послушанію, только одинъ остался недоволенъ,—это былъ господинъ, совѣтовавшій обзавестись казацкою плетью, затѣмъ, дескать, что «кулаки мои устанутъ ходить по широкимъ скуламъ, а нагайки куда какъ вся эта степная шушера боится!»

— А нагайку взяли?—спрашивалъ онъ, усаживая меня въ возокъ. — Нѣтъ? ну поздравляю! Пеняйте на себя,—безъ рукъ воротитесь......

Первая встрѣча съ киргизами, которыхъ покровительствующій Оренбургъ величаетъ киргизятиной, узкоглазыми, степной шушерой и т. п., произошла въ Орскѣ на степной станціи. Здѣсь двѣ станціи—одна трактовая въ Уральское войско и въ прочія

стороны, а другая—въ степь. При послѣдней находится особый чиновникъ, выдающій ѣдущему въ степь офицерству свидѣтельства о днѣ проѣзда на тотъ конецъ, что съ этого дня каждому воинскому чину идетъ особое *степное продовольствіе* сверхъ жалованья. Мнѣ такого свидѣтельства не полагалось, но обязательный степной приставъ все-таки зашелъ на станцію, узнавъ о проѣзжающемъ, и я, пользуясь его словоохотливостью, сталъ провѣрять разсказы оренбуржцевъ о трудности предстоящаго мнѣ странствованія. Показанія его во многомъ расходились,—онъ не имѣлъ такого зловѣщаго взгляда на націю, съ которою «возится уже третій десятокъ»; напротивъ, мнѣ показалось, что онъ отчасти, пожалуй, даже пристрастенъ къ киргизамъ. Въ его глазахъ, это народъ до геройства честный, самолюбивый, ребячески-наивный и забитый вслѣдствіе постоянныхъ смутъ въ степи, когда доставалось и правому, и виноватому и отъ русскихъ, и отъ бунтовщиковъ, какъ всегда и вездѣ бываетъ. Онъ даже снисходительно отнесся къ ихъ неопрятности и нечистоплотности.

— Имъ много можно простить,—со вздохомъ добавилъ онъ.—А вотъ тебя, Арсланка, надо бы хорошей баней попотчивать,—обратился онъ къ киргизу, развалившемуся на деревянномъ диванѣ:—тебѣ непростительно въ грязи жить: ты *джатàкъ* (осѣдлый)! Я тебѣ когда еще говорилъ, что начальство ѣдетъ? что же ты порядокъ не соблюлъ? вездѣ грязь: и во дворѣ, и въ избѣ!

— *Шистà булъ* (чисто было), опять *грязнилъ*,—отвѣчалъ Арсланка съ дивана, не поворачивая даже головы въ сторону степнаго пристава.

— Съ этими джатаками ничего не подѣлаешь,—продолжалъ резонерствовать мой новый знакомый:—выстроишь имъ избу, дашь лошадь, корову и другую скотину; поле вспашешь за него и посѣешь, казалось бы, живи—не хочу, а онъ, злодѣй, продастъ тихомолкомъ хлѣбà на корню да купитъ себѣ юрту, разставитъ ее на гумнѣ да и свиститъ цѣлую зиму въ кулакъ. Вотъ башкиры тоже у насъ голь голью сталъ народъ,—а все оттого, что къ осѣдлости пріучать стали. Стада да табуны свои забылъ, а къ землѣ привычки не получилъ, заботы о будущемъ не имѣетъ. Лѣтомъ баринъ по степи, а зимой лапу соси. Около Уфы, гдѣ нѣтъ раздолья, направо и налѣво и кругомъ да около земли все чужія, хозяйскія, тамъ башкиру хорошо: волей неволей перенимать все началъ и, говорятъ, ужъ въ торговлю пустился, а на линіи мретъ съ голоду. Никакое начальство не заставитъ его въ избѣ сидѣть, коли юрта есть да кругомъ луга привольные. То же самое и нашъ киргизъ. Вотъ офицеры возвращаются изъ Ташкенда, такъ разсказываютъ, что въ области-то новой вся сила въ киргизѣ: на пашнѣ — киргизъ, въ табунѣ — киргизъ, въ работникахъ — киргизъ, ну просто вездѣ киргизъ. А нашъ ни за что никуда изъ своей степи, развѣ байгушъ, т. е. безъ роду, безъ племени какой-нибудь сиротина, идетъ на заработки на линію. Проживетъ тамъ годъ ли, два ли, три ли года проживетъ, ну до тѣхъ поръ, покуда сколотитъ деньгу на юрту, на коня да пару барановъ, и драло въ степь опять. Ну, а что вамъ про нихъ наговорили, это клевета;—они, напротивъ, народъ смирный, послушный. Станціи—тоже все въ порядкѣ: самоваръ, печка — это ужъ есть на каждой. За Уральскимъ укрѣпленіемъ, гдѣ не настроено еще домовъ, туда высланы желѣзныя печи и самовары тоже. Объ угляхъ и дровахъ тоже не надо тревожиться,—гдѣ камышъ, гдѣ кизякъ, гдѣ колючка, — а все

ужъ безъ теплоты не останетесь. Вѣдь и въ Россіи, хоть въ Ефремовѣ тульской губерніи, лузгой топятъ, — лузга это шелуха отъ гречихи, — а не мерзнутъ же. Одно вѣрно, что вотъ если оглобля трахнетъ, такъ—пасъ! Я совѣтую вамъ здѣсь купить парочку про запасъ, — а веревка вездѣ вещь не лишняя, веревочки вамъ пригодятся. Я дамъ подъ росписочку еще пару казенныхъ хомутиковъ и чересѣдельникъ, — это при случаѣ важно, потому что хомутовъ мало, а они, — онъ указалъ на киргиза, — куда какъ неряшливо съ сбруею обходятся!

Я взялъ хомуты, запасся оглоблями и, не теряя времени, тронулся изъ Орска, котораго вовсе не видѣлъ, потому что пріѣхалъ подъ вечеръ и пробылъ всего часа два, хотя городъ этотъ имѣетъ гораздо большее значеніе для края, чѣмъ Оренбургъ, во всѣхъ отношеніяхъ, конечно, кромѣ административнаго. Но казенному туристу можно останавливаться тамъ, гдѣ приказано, и спѣшить туда, куда посылаешься.

Орскіе ямщики-киргизы, — ихъ было два, потому что за мною слѣдовала вторая тройка съ казенными вещами, — показались мнѣ очень поворотливыми малыми, весьма смѣтливыми и ничѣмъ не отличающимися вообще отъ нашихъ ямщиковъ. По ямщикамъ нельзя судить о цѣломъ народѣ, но смотрѣть на нихъ какъ на первый экземпляръ, попавшійся подъ микроскопъ наблюдательности, дозволяется. Киргизы-ямщики одѣты были по-зимнему во множество истасканныхъ халатовъ, и всѣ они, кромѣ верхняго, всунуты въ широчайшіе шерстяные шаравары; на верхній халатъ натянутъ грубый шерстяной армякъ. Шапка, называющаяся малахаемъ, защищала и голову, и шею отъ холода. Малахай шьется по преимуществу изъ бараньихъ шкурокъ и покрывается сукномъ, нанкою и даже выбойкою; видомъ своимъ напоминаетъ нѣчто среднее между дамскимъ капоромъ и офицерскимъ башлыкомъ. На ногахъ — желтые выростковые сапоги на гвоздяхъ съ толстыми шляпками. Благодаря ли тяжести ваточныхъ халатовъ и гигантскихъ сапоговъ, или врожденности, только движенія киргизъ были перѣдко очень забавны, а сидѣнье на козлахъ калачемъ ноги неподражаемо, особливо когда въ ухабахъ на откосахъ они перекатывались съ одного края козелъ на другой.

Первое слово къ лошадямъ «*я аллà!*» отвѣчаетъ нашему — съ Богомъ, а ужъ потомъ у киргизъ идутъ свои междометія, понятныя, вѣроятно, только ихъ лошадямъ. Чаще всего они кричатъ нѣчто въ родѣ «*гаутъ*» и «*халевà*», и ихъ крики, какъ все новое, сперва занимаютъ, а потомъ надоѣдаютъ жестоко, потому что часто повторяются.

Чуть ли не на десятой же верстѣ наши орскіе ямщики потеряли дорогу, слѣзли съ козелъ, бросили насъ на произволъ судьбы и, перекликаясь между собою, пошли оба въ противоположныя стороны отыскивать слѣдъ. Ночь была безъ мѣсяца, небо блистало звѣздами и кругомъ ни одного облачка. Походный термометръ Реомюра показывалъ 8° мороза. Это было въ 11 часовъ ночи на 28 февраля. Я вышелъ изъ возка, чтобы посмотрѣть на степь. Я очутился будто бы въ какомъ-то подземельѣ, въ какой-то пещерѣ съ небеснымъ сводомъ, кругомъ вѣяло холодомъ, гробовая тишина нарушалась по временамъ только далекими перекличками киргизъ, похожими на мяуканье дикой кошки, шакала, гіены или какого-нибудь другаго, пожалуй, баснословнаго звѣря. Мяуканье это все приближалось къ намъ ближе и ближе и, наконецъ, начало разнообразиться

скрипомъ сапоговъ и пыхтѣньемъ усталыхъ ямщиковъ, которое раздавалось будто подъ самымъ ухомъ. Дорога отыскана, кони бодро замаршировали по крѣпкому снѣгу до самой станціи.

Съ какимъ бывало нетерпѣніемъ ожидалась дорогая станція, когда проѣзжаешь зимнимъ путемъ пермскую или казанскую губерніи. Вмѣстѣ со станціею представлялась воображенію теплая комната съ обычнымъ кожанымъ диваномъ, часами съ кукушкою, почтовыми правилами по стѣнамъ и шипящимъ самоваромъ на столѣ. Я зналъ, что здѣсь ничего этого нельзя было ожидать, но меня интересовало, — что же, наконецъ, тутъ есть? Вопросъ этотъ рѣшился очень скоро, потому что станція была близко, и ямщики начали еще чаще и еще несноснѣе мяукать и причитывать ломанымъ русскимъ языкомъ: «*маршъ съ гурка подъ гурка, барынъ на бутка даютъ!*» что въ переводѣ означало: съ горки на горку, дастъ баринъ на водку! Поѣздъ нашъ остановился передъ глыбами снѣга, скрывавшими станціонную лачугу. Киргизы ввели насъ въ нее чрезъ низенькую дверь, запирающуюся рамою, обтянутой войлокомъ. Комната, — сажени въ двѣ длиною и въ одну шириною, — была занята большой печкою и простой кроватью, покрытою истасканнымъ ковромъ; на стѣнѣ висѣли правила деликатнаго обращенія съ ямщиками, росписаніе станцій до форта № 1 и нѣсколько хомутовъ и другой сбруи. Смотритель, бѣглый хивинецъ съ обрубленными пальцами, прекрасно говорилъ по-русски и былъ дотого предупредителенъ, что, еще издали по киргизскому мяуканью почуя проѣзжающихъ, распорядился поставить самоваръ изъ снѣжной воды. Мы не могли воспользоваться, впрочемъ, этой любезностью, потому что самоваръ былъ очень давно не луженъ внутри и донельзя грязенъ снаружи. Черезъ полчаса послѣ насъ ввалили въ комнату и ямщики. Они не стали у порога и не попросили на водку, почесывая затылокъ, какъ это дѣлаютъ великорусскіе ямщики, а безъ церемоніи одинъ сѣлъ на стулъ, а другой на полъ и начали болтать между собою и раздѣваться, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія. Здѣсь мнѣ въ первый разъ довелось выслушивать длинную киргизскую болтовню, и признаться, хотя я и почитаю себя спеціалистомъ по татарскимъ нарѣчіямъ, но понималъ изъ десяти фразъ не болѣе двухъ и догадывался, о чемъ идетъ рѣчь, только изъ фразъ хивинца, который тоже вмѣшивался въ бесѣду. Киргизы говорятъ татарскимъ языкомъ съ примѣсью своихъ собственныхъ словъ, которыя тоже, быть можетъ, когда-то были общеупотребительны и у другихъ родственныхъ имъ народовъ, но вышли уже изъ употребленія: кромѣ того, они ужасно искажаютъ слова произношеніемъ; напримѣръ, буква *ш* у нихъ вездѣ замѣняется буквою *с*, персидское слово *филь*—слонъ они произносятъ *пиль*, а *пеше*—комаръ искажаютъ въ *мися*. Многія слова, даже фразы сокращаются и почти пропадаютъ въ разговорѣ, — а говорятъ они всегда очень скоро; напримѣръ, вмѣсто *алыпкиль*—принеси, у нихъ остается только: *акиль*, и т. п. Наболтавшись досыта и передавши хивинцу всѣ городскія новости, киргизы, совершенно раздѣтые, начали скоблить свое тѣло нещадно ногтями, потомъ сняли свои длинныя рубахи съ воротниками à l'enfant и стали вытряхивать насѣкомыхъ. Послѣднее обстоятельство выходило ужъ изъ границъ, и я пригласилъ ямщиковъ убираться вонъ.

— А на бутка даю-юшъ? протянулъ одинъ изъ ямщиковъ, выглядывая изъ рубахи. Я далъ имъ по 15 к. Киргизъ осмотрѣлъ монету со всѣхъ сторонъ, потеръ ее по бритой

головѣ, потомъ улыбнулся и, сказавъ про себя, по-киргизски «маловато», махнулъ рукой и вышелъ вонъ со всѣми своими пожитками.

Первое утро въ степи было великолѣпно. Мы были готовы, когда солнце только-что выплывало изъ-за горизонта; снѣжная масса блистала всевозможными отливами; небо было чисто-голубое; нигдѣ ни одного облака, ни одного пятна, только отъ солнца огромнѣйшій полукругъ оранжеваго цвѣта занималъ часть небосклона, и та сторона, откуда выкатывало дневное свѣтило, была какъ будто бы ближе къ намъ, скорѣе заканчивалась, нежели другія, а тамъ, — съ другихъ сторонъ, — всюду было передъ глазами безконечное, снѣжное пространство. Станціонный домъ съ конюшнями и сараями, одиноко стоявшій въ степи и какъ бы прилелѣянный снѣжными глыбами, изъ-подъ которыхъ мѣстами торчали бренные останки брошенныхъ здѣсь лѣтнихъ экипажей, осей, колесъ и другихъ принадлежностей телѣжныхъ, имѣлъ особый характеръ, очень понравился ѣхавшему со мною художнику, Д. В. Вележеву, и наброшенъ имъ въ альбомъ. Дорога тянулась узкою лентою, то вытянутою какъ на аршинѣ, то сложенною въ родѣ фестоновъ; нигдѣ ни направо, ни налѣво ни одного отпрыска, ни одного проселка. Здѣсь сбиваются съ дороги, потому что она одна, гдѣ ее отыщешь? у насъ, потому что перекрестковъ много, — вездѣ ко всему найдутся свои резоны. Кромѣ нашего поѣзда, степь не оживлялась ничѣмъ. Рѣдко, рѣдко, развѣ на протяженіи сотни верстъ два раза мы встрѣчали табуны лошадей на тебеневкѣ, т. е. на подснѣжномъ кóрмѣ. Обыкновенно этому предшествовала заброшенная тебеневка, которая узнавалась по множеству желтыхъ пятенъ на снѣгу, происшедшихъ отъ дыханія лошадей. Наученный природою и обстановкой, конь сперва одною изъ переднихъ ногъ, — по большей части правою, — разбиваетъ снѣговую кору, потомъ дыханіемъ очищаетъ подснѣжную траву отъ снѣга и щиплетъ ее. Козы и овцы дѣлаютъ то же самое. Впереди всѣхъ идутъ непремѣнно козы, какъ опытные сыщики; за ними овцы, на долю которыхъ достается болѣе нѣжная часть растенія, а уже за ними слѣдуютъ лошади. Верблюды, неравнодушные къ холоду, въ своихъ пальто-сакъ изъ войлока, по большей части, ходятъ особнякомъ и нисколько не руководствуются указаніемъ козловъ, а больше довѣряютъ своему инстинкту; но, не имѣя копытъ, они не могутъ довольствоваться подножнымъ кормомъ, а требуютъ о себѣ заботъ самого хозяина и въ степи истребляютъ только то, чего ни одна скотина даже не понюхаетъ. Они питаются сухимъ камышомъ и почитаютъ за самое лакомое блюдо колючку, — это мелкій кустарникъ въ родѣ кратегуса. Ѣдятъ они вяло, жуютъ будто нехотя, будто только для препровожденія времени; «у насъ, молъ, и дома свой столъ есть», — а весь ихъ столъ дома состоитъ изъ пригоршни проса въ сутки да охапки той же колючки. Если вы доберетесь до тебеневки, то знайте, что гдѣ-нибудь по близости находится киргизскій *кышлакъ*, т. е. зимовка, а отъ зимовки не далека и станція. Можно проѣхать возлѣ самой зимовки и не замѣтить ея, потому что она вся затянута снѣгомъ; хорошо, если случайно торчитъ какой-нибудь шестъ, или на звонъ колокольчика выбѣжатъ совершенно голые киргизята со стаею злющихъ и охриплыхъ собакъ; но любопытство все-таки не будетъ вполнѣ удовлетворено, потому что по внѣшнему виду нельзя составить себѣ никакого понятія, чтó за этими глыбами кроется и какъ голыя дѣти благоденствуютъ подъ этими снѣгами? На самомъ же дѣлѣ въ зимовкѣ живется не такъ худо:

тамъ стоятъ войлочныя юрты, въ которыхъ помѣщается нѣсколько семействъ, состоящихъ между собою въ родствѣ, и изъ хлѣвовъ, куда спасаются стада и табуны отъ холодовъ и непогоды. Къ лѣту отъ зимовки ничего не остается, кромѣ пятенъ отъ денно и нощно горящихъ въ юртахъ костровъ.

На встрѣчу намъ во всю дорогу до форта № 1 попался только одинъ курьеръ, а обогнали мы лишь единственный караванъ съ товарами оренбургскаго купца Ѳедорова: однообразіе, наводящее тоску, — завтра то же, что вчера. Между тѣмъ для киргизскаго глаза и хорошо, и весело, — онъ и здѣсь находитъ много разнородныхъ предметовъ, останавливающихъ на себѣ его изощренное вниманіе. То онъ по оголившейся желтой травкѣ дѣлаетъ заключеніе, что прошлой ночью прошла здѣсь вьюга полосою; то по тому, куда смотрятъ снѣговыя волны своими верхами, дѣлаетъ замѣчаніе, что такое-то урочище должно очиститься отъ снѣговъ и очень удобно для тебеневки такой-то зимовки; то съ улыбкою указываетъ на пару прыгающихъ сусликовъ около своей норы, находящейся верстахъ въ пяти отъ дороги; то завидитъ на самомъ горизонтѣ сайгаковъ или кулановъ. Какъ киргизы знаютъ дорогу, это ужъ и понять трудно, — обычаевъ нашихъ степныхъ губерній помѣчать дорогу пучками соломы или елками здѣсь еще не заведено, а между тѣмъ слѣдъ заметаетъ по нѣскольку разъ въ одни сутки. Разъ ямщикъ попросилъ у меня папироску. Передавая ему, я уронилъ ее въ снѣгъ и сейчасъ же предложилъ другую. Но онъ отказался отъ второй и не вернулся за упавшей въ снѣгъ.

— Ничего, потомъ найду, — успокоивалъ онъ меня: — зачѣмъ брать другую, — ты въ дорогѣ нуждаешься въ этомъ, а я, вѣдь, только позабавиться захотѣлъ. Поѣду назадъ, — подниму.

Меня удивила его самоувѣренность, съ какой онъ сказалъ послѣднюю фразу. — Подниму! Да найдешь ли ты, любезный, эту насквозь измокшую папиросу черезъ часъ, когда будешь возвращаться верхомъ на лошади? подумалъ я. Не успѣлъ еще я выразить сомнѣнія, какъ ямщикъ, обводившій своими узенькими глазками мѣстность, добавилъ:

— Мѣсто знакомое, найду: здѣсь направо большой *соръ* (солончакъ), налѣво тамъ урочище *сычканъ кюти* (мышиная дыра), а здѣсь подъемъ. Найду непремѣнно, — еще самоувѣреннѣе подтвердилъ онъ и снова отказался взять отъ проѣзжаго человѣка папироску, какъ вещь необходимую и трудно здѣсь пріобрѣтаемую.

Можетъ, читателю покажется страннымъ, какъ я изъ своего возка вижу каждое движеніе ямщика, сидящаго на козлахъ, и веду съ нимъ бесѣду. Это было очень просто: я цѣлые дни сидѣлъ въ саняхъ съ вещами и только на ночь да въ ненастье забирался въ возокъ. Для разговоровъ мнѣ даже не доводилось прибѣгать къ киргизскому языку, потому что большая часть ямщиковъ весьма удачно и удобопонятно коверкала русскую рѣчь.

Мнѣ кажется, я уже достаточно наговорилъ про ѣзду по степи въ зимнюю пору, — и не стоитъ, да и нѣтъ возможности описывать переѣзды отъ станціи до станціи: все до невѣроятности одно и то же. На пути отъ Орска на р. Сыръ-Дарью приходится, впрочемъ, мѣнять лошадей два раза и въ укрѣпленіяхъ. Первый разъ въ фортѣ Карабутакъ, а второй — въ Уральскомъ укрѣпленіи; но объ этихъ двухъ населенныхъ пунктахъ также положительно нечего сказать, потому что они имѣютъ только значеніе

промежуточныхъ этапныхъ пунктовъ. Въ Карабутакѣ всего населенія, вмѣстѣ съ гарнизономъ, 70 человѣкъ. Аристократію этого уголка составляютъ только воинскій начальникъ и фельдшеръ, завѣдывающій лазаретомъ съ 10 кроватями. Нѣтъ ни церкви, ни священника. Въ годъ основанія этого форта, въ 1848 году, сюда поселилось четыре казачьихъ семьи, а теперь осталось только двѣ. Мѣстность около Карабутака положительно негодна къ производительности: песокъ и камень. Рѣчка Карабутакъ, притокъ Иргиза, пробиваетъ дорогу по камнямъ и производитъ много шума.

Окрестности Уральскаго укрѣпленія, заложеннаго въ 1845 году для окончательнаго (?) водворенія спокойствія въ степи и усмиренія Кенисары Касимова, еще пустыннѣе, а почва еще непроизводительнѣе. Поселенцы здѣшніе отдались единственно скотоводству и придерживаются киргизскаго способа ухода за скотиною, какъ болѣе практичнаго и согласнаго съ мѣстными условіями. Общество, спасающееся въ глиняныхъ мазанкахъ, состоитъ изъ коменданта, доктора, плацъ-адъютанта и нѣсколькихъ офицеровъ. Фельдшеръ, состоящій при госпиталѣ на 60 кроватей, конечно, фигурируетъ уже между тамошнимъ деми-мондомъ. Здѣсь есть церковь и священникъ, который ѣздитъ по временамъ съ требами въ Карабутакъ. За недостаткомъ, который обыватели терпятъ во всемъ, они ведутъ самую скромную жизнь, денегъ не копятъ, потому что самое необходимое покупается дорогою цѣною, и всѣ по своимъ мрачнымъ и постнымъ физіономіямъ напоминаютъ спасающуюся братію. Песокъ, солонцы и соленая иргизская вода дотого убиваютъ растительность, что здѣсь даже трудно найти самыхъ обыкновенныхъ овощей: рѣпы, моркови и капусты. Содержаніе этого укрѣпленія, гдѣ пріучаются къ воздержанію удалившіеся отъ міра чиновники, начиная съ коменданта и кончая послѣднимъ горнистомъ, обходится государству около 30 т. руб. въ годъ.—въ 1865 году израсходовано 26,989 р. 2 копѣйки.

Уральское укрѣпленіе—преддверіе настоящей степи, сыпучимъ пескамъ Каракумъ, и преддверіе Туркестанской области. Чрезъ сто верстъ намъ предстояло уже перешагнуть границу новой области. До станціи Джулюсъ—120 верстъ, и мы недоумѣвали, почему именно здѣсь проведена новая граница; потому что если смотрѣть практично, то черту эту слѣдовало бы перенести къ форту № 2 или даже къ форту Перовскому по той причинѣ, вопервыхъ, что киргизы района форта № 1 на лѣто перекочевываютъ не къ Ташкенду, а къ оренбургской линіи, гдѣ и проводятъ бóльшую часть года, вовторыхъ,—еще и въ видахъ торговли и пограничныхъ разбирательствъ. Всѣ караваны и изъ Бухары, и изъ Хивы идутъ чрезъ фортъ № 1 на оренбургскую линію, или въ Орскъ, или въ Троицкъ, а между тѣмъ, въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь претензій, за разбирательствомъ должны обращаться въ Ташкендъ, чтó вовсе не по пути. Но мы не знаемъ видовъ главныхъ мѣстныхъ властей, которые для частнаго наблюдателя, быть можетъ, неудобосообразимы, и вѣроятно составители проектовъ имѣли свои доводы къ проведенію границы именно здѣсь. Частный наблюдатель судитъ по разсказамъ, по народнымъ толкамъ, по частнымъ случаямъ; соображенія же высшія, основанныя на резонахъ отдаленныхъ, для него не доступны.

Насъ очень интересовали лежавшіе впереди насъ пески, носящіе названіе *кара-кумъ* (черный песокъ). Въ Оренбургѣ насъ утѣшали, что мы ѣдемъ въ хорошее время

и песковъ этихъ не замѣтимъ вовсе, такъ какъ они будутъ покрыты снѣгами. На дѣлѣ оказалось немного иначе: сильные бураны и постоянныя вьюги совершенно оголили степь, и мы тянулись черепашьимъ шагомъ по Каракуму, шурша, свистя и скрыпя полозьями по песку, галькамъ и ракушкамъ. Тройка верблюдовъ съ воемъ и ревомъ едва вытягивала наши экипажи, останавливаясь по десяти разъ на каждой верстѣ. Отъ Джулюса мы почти постоянно впрягали верблюдовъ, потому что тройка тощихъ лошадей отказывалась даже сдвинуть насъ съ мѣста. Верблюды были правда еще худѣе лошадей, но ужъ такъ мать-природа устроила, что одинъ верблюдъ могъ тащить то, отъ чего отказывалась почтовая тройка. Бѣда вся заключалась въ отсутствіи корма. Содержатели лошадей сильно жаловались на это и добавляли еще новое горькое для нихъ обстоятельство, именно, что купеческіе караваны, проходя чрезъ Каракумъ, постоянно развьючиваютъ своихъ верблюдовъ около станцій и истребляютъ всѣ кормы, такъ что лошадей приходится гонять на тебеневку за 30 и больше верстъ. Верблюды же вездѣ что-нибудь да найдутъ себѣ поѣсть и выносливѣе лошади, такъ что начальство дозволило имъ безъ церемоніи подъ всякаго запрягать верблюдовъ. Быстрота ѣзды полагается, по росписанію, пять верстъ въ часъ. Да мы были бы очень счастливы, если бы дѣлали по пяти верстъ въ часъ; но, увы, мы двигались только со скоростью 25 верстъ въ сутки. Это происходило не совсѣмъ оттого, чтобы намъ мѣшали пески Каракумъ; мы не вязли въ нихъ, потому что они были подъ снѣгомъ, а прогалины представляли скованныя морозомъ песчаныя глыбы. Кромѣ того пески лежатъ только на протяженіи тридцати девяти верстъ почтовой дороги. Но голодные и упрямые до-нельзя верблюды—вотъ гдѣ было наше горе.

На самой станціи, во время запряжки, возня съ ними отнимаетъ добрый часъ времени: то верблюдъ ляжетъ и не хочетъ подняться, чтобы дать возможность пристягнуть постромку, то потянетъ возокъ съ дороги въ глыбу снѣга и поставитъ его на бокъ; при этомъ всѣ свои проказы сопровождаетъ невыносимымъ ревомъ, фырканьемъ и отрыжкою. Наконецъ, тройка этихъ уродовъ готова: въ корню реветъ *наръ-тюя́*,—одногорбый, славящійся силою, а въ пристяжкахъ пара *айры-тюя́*,—двугорбыхъ, акомпанируетъ ему. Поѣздъ трогается вскачь. Путешественникъ пораженъ и въ то же время доволенъ, потому что ѣзду на верблюдахъ онъ представлялъ себѣ самою медленною. На первой же верстѣ начинаются разочарованія. Правый пристяжной налегаетъ на экипажъ, не поспѣвая за товарищами; кнутъ не дѣйствуетъ, потому что черезъ войлокъ, покрывающій всего верблюда, ему нечувствителенъ. Въ это время коренникъ, работающій за двоихъ, выбивается изъ оглоблей, которыя были плохо привязаны къ его бокамъ; слѣдуетъ остановка, верблюды выпрягаются, ямщикъ, со всевозможными ругательствами и молитвами, поправляетъ на нихъ войлочные мѣшки и впрягаетъ ихъ снова, причемъ рвутся *арканы*,—волосяныя веревки,—и безъ того состоящіе только изъ ряда узловъ. Шаговъ сто впередъ,—какъ другому пристяжному почему-то не захотѣлось идти, и онъ спокойно укладываетъ подъ себя ноги и ложится; экипажъ при этомъ накатывается и давитъ его своею тяжестью. Новая исторія, —ямщики ругаются, кричатъ, пищатъ, верблюды воютъ и стонутъ. Вы терпите долго, наконецъ, выбираетесь изъ возка, помогаете ямщикамъ освободить притиснутаго верблюда

изъ-подъ экипажа, — для чего, пожалуй, придется очистить сперва самый возокъ отъ поклажи. Напослѣдокъ, вы начинаете сами сердиться. Упрямый верблюдъ брошенъ на дорогѣ и важно отправляется назадъ на станцію. Пара тянетъ хоть и тихо, да дружно, — какъ-нибудь можно доѣхать до станціи; но легко можетъ случиться, что еще одинъ изъ верблюдовъ заупрямится и дотянетъ васъ до станціи только одинъ великодушный, хотя и свирѣпый на видъ наръ.

Въ связи съ этими легкими неудобствами находятся и другія. Напримѣръ, въ продолженіе десятичасоваго переѣзда станціи въ 30 верстъ вамъ нѣсколько разъ захочется перекусить чего-нибудь. Сколько бы вы ни терпѣли, однако, голодъ заставитъ, наконецъ, поднять возню въ экипажѣ и доставать съѣстное, чтобы поскорѣе заморить червячка. Конечно, вы закусываете чѣмъ-нибудь соленымъ,—является жажда, приходится ѣсть снѣгъ. Иногда, такимъ образомъ, между двумя станціями вы совершаете и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. При отсутствіи развлеченія такая обстановка возбуждаетъ досаду, сидѣнье въ экипажѣ дотого надоѣдаетъ, что вы по нѣскольку разъ выходите и, не смотря на тяжесть шубы и зимнихъ сапоговъ, маршируете сзади возка по рыхлой дорогѣ версты двѣ-три.

Не говорю, чтобы подобныя непріятности, какія я только-что описалъ, сопровождали васъ всю дорогу; но иногда,— очень впрочемъ рѣдко,—подъ васъ запрягутъ хорошую тройку лошадей или менѣе капризныхъ верблюдовъ, тогда вы и не замѣтите, какъ проѣдете станцію, особенно если у васъ есть книга: ни одного ухаба, все время катитесь, какъ по льду, читать гораздо удобнѣе, чѣмъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Но можетъ случиться новая бѣда, какая постигла меня; книги, захваченныя вами, прочитаны, читать, значитъ, положительно нечего, глазѣть по сторонамъ не интересно, потому что все одно и то же: сверху синё, снизу бѣлó, пожалуй, даже и утомительно для глазъ. При такихъ обстоятельствахъ поневолѣ развертываешь свои закуски и усердно перечитываешь лоскутки старыхъ газетъ. Станцію ждешь, какъ поднятія занавѣса въ оперѣ во время утомительнаго антракта, или какъ ждешь поскорѣе антракта въ теченіе утомительнаго акта оперы.

Я уже говорилъ, что съ въѣздомъ въ область станціи не имѣютъ домиковъ, а помѣщаются въ юртахъ. Юрта—небольшое утѣшеніе послѣ долгаго переѣзда. Если бы она предназначалась единственно для проѣзжающихъ и содержалась бы чисто, такъ еще ничего, но, къ несчастію, каждый, входящій въ юрту, разомъ вступаетъ ногою въ киргизскую семью. Кàкъ это можетъ случиться и, кстати, чтò такое самая юрта, я сейчасъ объясню читателю.

Киргизская юрта состоитъ изъ двухъ частей, стѣнокъ и верха. Стѣнки — это рядъ жердей, составленныхъ крестъ на крестъ и образующихъ собою рѣшетку. На мѣстахъ, гдѣ жерди соприкасаются одна съ другою, онѣ соединены деревянными гвоздями, на которыхъ ихъ можно свободно вращать. Это даетъ возможность сдвигать и раздвигать концы жердей въ родѣ того, какъ сдвигаются и раздвигаются концы ножницъ. Подобное приспособленіе весьма облегчаетъ перевозку юрты. Верхъ состоитъ изъ деревяннаго обруча, аршина полтора въ діаметрѣ, отъ котораго къ стѣнкѣ идутъ дугообразно согнутыя жерди. Этотъ остовъ обтягивается войлокомъ; дверь вставляется особо, она состоитъ изъ рамы съ опускающимся внизъ кускомъ войлока. Пола нѣтъ,

а земля покрывается или войлокомъ, или ковромъ. Посреди юрты подъ самымъ обручемъ помѣщается очагъ, дымъ прорывается въ отверстіе на верху, которое затягивается войлокомъ только на ночь. Юрта въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе пяти аршинъ. На такой-то небольшой площади, на иной станціи, помѣщается два или даже три ямщицкихъ семейства съ дѣтьми, ягнятами и телятами. Стѣны завѣшаны хомутами, возжами и другой сбруею; гдѣ-нибудь прицѣплена къ жерди закоптѣлая рамка съ почтовыми правилами и росписаніемъ станцій. По срединѣ дымится костеръ.

Когда въ юрту входитъ новый человѣкъ, его прежде всего обдастъ дымомъ, потомъ спертымъ, невыносимымъ запахомъ амміака, ассафетиды и всякой другой гадости. Ошеломленнаго гостя хозяева приглашаютъ поскорѣе садиться, потому что внизу меньше дыма. Грязь непроходимая повсюду, въ этой грязи валяются толстопузыя, голыя дѣти, рядомъ съ ягнятами. Всякій спѣшитъ скорѣе назадъ въ возокъ, но иногда неволя заставляетъ оставаться цѣлые часы въ этой атмосферѣ и въ этой компаніи. Сначала хозяева дѣлаютъ нѣкоторыя любезности, очищаютъ мѣсто, сдвигаются сами въ-плотную у дверей; но, когда вы начнете пить чай, они понемногу придвигаются къ вамъ и изъявляютъ готовность на общительность. Горе тому, кто вздумаетъ отвѣтить имъ тѣмъ же, — эти дѣти степей скоро дойдутъ до самой крайней степени фамиліарности и любознательности. Они васъ всего ощупаютъ: на какомъ мѣху у васъ шуба, каковы сапоги, что̀ стоятъ они вамъ, осмотрятъ до подробностей каждый вашъ несессеръ, каждую сумку, возьмутъ у васъ и чаю, и сахару, и хлѣба, и всего, что вы сами ѣдите. Впрочемъ къ такому попрошайничеству и безцеремонности болѣе склонны женщины, въ особенности старухи. А если вы окажетесь знающимъ хоть мало-мальски киргизскій языкъ, вамъ придется совсѣмъ плохо. Не помню, на какой-то станціи, совершенно при вышеописанной мною обстановкѣ, я въ первый разъ рѣшился заговорить по-киргизски. Сейчасъ же все общество, которое до тѣхъ поръ держало себя на почтительной дистанціи, сплотилось около меня. Черезъ минуту меня уже трепали ласково по спинѣ, приговаривая: «*эге! тильма̀чъ!*», т. е. переводчикъ, — брали у меня изо рта папироску, снимали безъ церемоніи съ головы моей шапку и т. п. Нужно замѣтить, что киргизы не имѣютъ никакого уваженія къ переводчикамъ, потому что здѣшніе переводчики не умѣли и до сихъ поръ не умѣютъ поставить себя въ должное отношеніе къ народу.

Лично для меня описанныя выше непріятности сопровождались и извѣстною долею удовольствія, потому что нужно же было когда-нибудь начать знакомиться съ киргизами, — а ихъ неопрятность и лишенная всякихъ удобствъ жизнь мнѣ до нѣкоторой степени была уже извѣстна. Но меня забавляла брюзгливость Д. В. Вележева, съ которымъ киргизы распоряжались такъ же свободно, какъ и со мною; такъ же вырывали изъ рукъ хлѣбъ, оправдываясь на свирѣпый его взглядъ тѣмъ, что «это, дескать, малюткамъ»; отбирали у него папиросы, разрывали ихъ и табакъ отправляли за щеку. Имъ хотѣлось проникнуть и въ его походный ящикъ съ рисовальными принадлежностями, но тутъ мой артистъ проявилъ всю свою энергію и, при всей мягкости своей натуры, принялся браниться.

—Инспекторы какіе! курить не даютъ, отбираютъ папиросы; какъ сыщики, лазятъ по карманамъ: просто сволочь народъ! Да скажите этой дряни, чтобъ хоть меня-то они оставили въ покоѣ.

Я отшучивался, замѣчалъ, что во всемъ виновата его привлекательная физіономія, которою плѣнились эти степныя красавицы. Любопытные до крайности киргизы допытывались, о чемъ мы говоримъ, и кто такой мой спутникъ, и какой *на плечѣ* его чинъ? Про меня они уже рѣшили, что я тильмачъ. Когда я сказалъ имъ, что онъ живописецъ, т. е. умѣющій изобразить ихъ рожи на бумагѣ, они еще больше стали приставать къ нему, подставляя свои фигуры къ самому костру, чтобы лучше освѣтить ихъ, такъ какъ Вележевъ отговаривался тѣмъ, что въ юртѣ темно.

— Сдѣлай моего сына, —приставала одна отвратительная киргизка съ носомъ, набитымъ по самые края нюхательнымъ зельемъ. — Глазочикъ ты мой, душа ты моя, ради Бога, сдѣлай моего сына. Видишь, какой онъ хорошенькій! И она развертывала дрожавшаго отъ холода, голаго сына изъ тряпицъ и войлоковъ. — Ради спасенія своей души, сдѣлай сына! — приставала она.

Такому неотвязчивому приставанью слѣдовало положить конецъ, потому что утомленный Вележевъ ни за что не хотѣлъ раскупориваться ночью, да притомъ еще и очень скупился на бумагу, не зная, долго ли придется ему пробыть въ краѣ.

— Онъ ночью не можетъ нарисовать ребенка, — объяснилъ я киргизкѣ: — и чтобы твой сынъ вышелъ похожимъ, нужно работать нѣсколько дней. Да притомъ онъ по этой части плохъ, — онъ больше дѣлаетъ домà, лошадей, верблюдовъ, юрты и тому подобное, — добавилъ я ей по секрету.

Слова *рисовать* въ киргизскомъ языкѣ не существуетъ, и они замѣнили его словомъ— дѣлать.

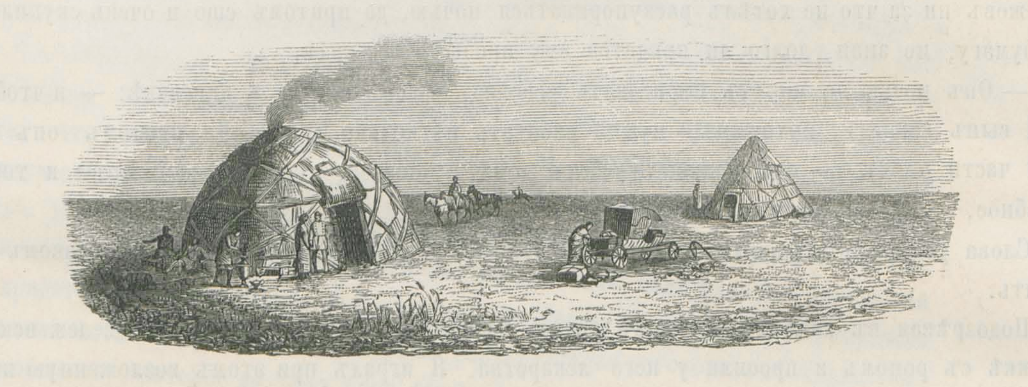
Подозрѣвая въ каждомъ русскомъ знаніе медицины, они приступили къ вележевской фляжкѣ съ ромомъ и просили у него лекарства. Я игралъ при этомъ возложенную ими на меня роль тильмача. Тотъ съ злобною миною поднесъ чарку больному. Лекарство это произвело неожиданное дѣйствіе, — вдругъ вся юрта превратилась въ больницу, веселыя рожи скорчились въ болѣзненныя и всѣ, мужчины и женщины, изъявили непреодолимое желаніе излечиться отъ какой-то невѣдомой немощи. Имѣя впереди фортъ № 1, мы разщедрились; чарка пошла въ круговую. Мужчины выпивали, чмокали губами, морщились, качали головами и приговаривали: «*джаксы аракъ!*» — хорошая водка. Женщины же чаркою дѣлились съ своими дѣтьми. Компанія скоро повеселѣла, а за юртою раздавалось уже киргизское пѣніе.

Потомъ меня заставили напоить всю семью чаемъ, накормить хлѣбомъ, взяли всего отъ меня про запасъ и до тѣхъ поръ не выпустили, пока я не надѣлилъ ихъ всѣхъ лекарствами. Я давалъ всѣмъ имъ гофманскія капли и отъ грудной боли, и отъ страданій желудка, и отъ накожныхъ сыпей, и отъ impotentia virili. Благодарностей и молитвъ наслушался я за свою любезность, конечно, очень много, но зато одолжился массою всякаго непріятнаго насѣкомаго, и единственное утѣшеніе видѣлъ въ томъ, что близко фортъ № 1, гдѣ я надѣялся отъ всего этого избавиться.

Къ счастію, чѣмъ ближе къ Сыръ-Дарьѣ, тѣмъ дни становились теплѣе, около юртъ можно было на прогалинахъ разложить походный коверъ и подъ говоръ киргизъ, доходившій до меня чрезъ войлокъ, творить свой степной far niente. Зато ночи на станціяхъ убійственны. Закрыть юрту—будетъ невыносимо душно, открыть—

нестерпимо холодно; кромѣ того, дымъ ѣстъ нещадно глаза, потому что вездѣ костры, а изъ желѣзныхъ печей ни одной нѣтъ годной. Такое положеніе, впрочемъ, происходитъ вслѣдствіе неаккуратности почтъ-содержателей, которые обязаны для проѣзжающихъ держать особую юрту, чтó соблюдается весьма рѣдко.

Тысячеверстный переѣздъ отъ Оренбурга до форта № 1, совершенный мною въ двѣ недѣли, отзывался на всемъ моемъ организмѣ, чтó весьма понятно: постоянно сидячее положеніе, тѣло, закутанное въ тяжелое платье, желудокъ безъ обѣда и испорченный разными закусками, лице обвѣтренное, — все это сдѣлало изъ меня тряпку. Я такъ заочно полюбилъ фортъ № 1, что стремился теперь къ нему, какъ бы ожидалъ тамъ встрѣтить объятія матери.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НА СЫРЪ-ДАРЬѢ. ФОРТЪ № 1.

Физіономія степи, отъ предпослѣдней станціи до форта № 1, Камышлы-башъ, начала сильно измѣняться. Вѣяло весной. Южный вѣтерокъ былъ бы еще ласковѣе, если бы ему не приходилось перебѣгать большаго пространства, занятаго Аральскимъ моремъ. Пространство дороги, накатанное полозьями курьерскихъ саней и утоптанное ступнями караванныхъ верблюдовъ, извивалось желтоватою лентою по степи. снѣга бѣлѣли только по откосамъ холмовъ и въ разсѣлинахъ. Прогалины или зеленѣли травкою, или блестѣли стоячею водою, которую не хотѣла больше принимать въ себя почва. Возокъ едва тащила тройка верблюдовъ. Пристяжные, которымъ приходилось ступать по голой, скользкой глинѣ, налегали со всеусердіемъ на кореннаго и свою боязнь грохнуться на каждомъ шагу выражали несноснымъ ревомъ.

Терпѣніе не измѣняло намъ ни на минуту, мы утѣшались, что какъ-нибудь да добредемъ въ этотъ день до человѣческаго жилья. Однако, ошиблись. Солнце такъ припекало цѣлый день, что на послѣдней станціи Бикбаулы намъ не давали ни лошадей, ни верблюдовъ, потому что все равно застрянемъ въ степи, а предложили обождать на станціи до полуночи, чтобы ночнымъ холодкомъ успѣло затянуть распустившуюся грязь. Понятно, мы сочли за лучшее повиноваться.

Къ разсвѣту, па другой день, меня разбудили крикъ ямщиковъ, киргизская брань и вой верблюдовъ. Сквозь сонъ казалось, будто разомъ сѣкутъ до сотни гимназистовъ, и они ревутъ подъ розгою на всевозможные голоса. Площадная брань и работа арапниками, дошедшія до моего слуха, прежде всего заставили меня подумать, что на насъ произведено нападеніе. Мы выскочили изъ возка. Оказалось, что на дорогѣ стоялъ встрѣчный

караванъ, верблюдовъ въ тридцать, и не хотѣлъ давать намъ дороги, а требовалъ, чтобы мы свернули въ сторону. И тѣ, и другіе были равно правы и имѣли одинаковое основаніе не уступать. Караванъ — какъ болѣе нагруженный, ямщики же—какъ лица почтовыя, а дорога проложена и наѣзжена ими. Караванъ былъ, дѣйствительно, весьма грузенъ и видимо разсчитывалъ на зимній путь, который здѣсь имѣетъ также важное значеніе: на бокахъ каждаго верблюда было навьючено по 16—18 пудовъ, да кромѣ того каждый былъ впряженъ въ дровни съ клажею также около десяти пудовъ. Осмотрѣвъ караванъ и принимая въ соображеніе, что на долю нашей тройки верблюдовъ приходится вдвое меньше тяжести, мы рѣшились свернуть въ сторону. Направо и налѣво намъ казалась совершенно сухая твердая почва. Огорченные нашими настояніями ямщики съ такою силою дернули тройку за веревку, протянутую въ ноздри верблюда, что разорвали несчастному носъ. Плачъ верблюда дотого вызывалъ на состраданіе, что не только нервная женщина, но всякій нервный мужчина готовъ былъ бы тутъ же расплакаться. Я вспомнилъ тогда о создавшемся въ Петербургѣ обществѣ покровительства животныхъ. Вотъ бы гдѣ была ему работа. Должно замѣтить, что такой варварскій обычай продирать ноздрю у верблюда и продѣвать туда деревяшку съ веревкою вызванъ упрямствомъ этого животнаго и нетерпѣливымъ характеромъ самихъ киргизовъ. Ни въ Бухарѣ, ни въ Персіи, ни гдѣ, кромѣ степи кокандскаго ханства, этого нѣтъ. Кокандскій ханъ Мамедъ-Али запретилъ было такое варварское обращеніе съ верблюдами, но его запрещеніе не достигло цѣли.

Свернувъ съ дороги и выжидая церемоніальнаго марша караванныхъ верблюдовъ, мы замѣтно все больше и больше затягивались въ трясину. Сухая почва была солончакъ, имѣющій коварную способность вбирать жидкость глубоко и на поверхности казаться сухимъ, даже разсѣвшимся отъ жара. Возня продолжалась очень долго, пока мы выбрались изъ солончака, и едва-едва къ 6 ч. утра 12 марта предъ нами предсталъ видъ форта № 1, который бы мы даже и не замѣтили, если бы ямщики не показали намъ на него пальцемъ. Глиняныя лачужки форштата ничѣмъ не отличались отъ остальной картины степи, представлявшей безконечное пространство, какъ бы обтянутое шкурою съ колоссальнаго пѣгаго звѣря съ бѣлыми и рыжими пятнами. Когда уже мы находились въ полверстѣ отъ форта, тогда только можно было различить крѣпостную стѣну и часоваго.

Сначала мы въѣхали въ улицу форштата, довольно широкую, съ мазанками то сѣрыми, то выбѣленными. Верблюды едва переставляли ноги изъ одной зажоры въ другую, и при такой черепашьей ѣздѣ можно было разсмотрѣть все хозяйство на каждомъ дворѣ. По той картинѣ, которую представляли дворы, можно предположить о зажиточности обывателей. Скота вездѣ вдоволь, — и лошадей, и коровъ, и овецъ. Съ одного двора выѣзжалъ въ телѣгѣ мужикъ на парѣ воловъ. Дворы завалены камышемъ и колючкою,— это здѣшнее топливо. По другую сторону форштата работало нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. Миновавъ базары съ лавчонками, изъ которыхъ торчали азіятскія головы, мы выѣхали на площадь предъ крѣпостныя ворота. Здѣсь остановилъ насъ солдатъ, онъ объяснилъ, что квартира для насъ отведена въ помѣщеніи начальника аральской флотиліи, сѣлъ на козлы и направилъ поѣздъ нашъ въ ворота. На мостикѣ, передъ воротами, на встрѣчу намъ проѣхало нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ волами, съ солдатами,

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°.

ТАШКЕНДЪ

отправлявшимися, вѣроятно, на казенныя работы. Передъ домомъ налѣво отъ гауптвахты, на которой часовой отхваталъ намъ на караулъ, полицейскій сдѣлалъ подъ козырекъ, хотя тамъ всѣ, повидимому, спали мертвымъ сномъ. Мы догадывались, что здѣсь обитаетъ власть, т. е. комендантъ. Противъ самаго крыльца коменданта, черезъ площадь, было другое крыльцо, передъ которымъ мы и остановились.

Я нашелъ помѣщеніе начальника флотиліи весьма хорошимъ, обстановка говорила, что хозяинъ, бывшій въ это время въ отпуску, любитъ комфортъ. Особенности, которыя, конечно, сразу же и бросились въ глаза, заключались только въ томъ, что полъ былъ выложенъ камнемъ и кирпичемъ, а потолокъ имѣлъ откосъ и конструкціею своею съ толстою матицею и балками напоминалъ каюту.

Какъ оказалось, комендантъ давно уже всталъ и ходилъ по хозяйству форта. Черезъ часъ, умывшись и приведя въ порядокъ костюмъ, мы были уже у него. Михаилъ Павловичъ Юній извѣстенъ каждому, кто знакомъ съ геройскою обороною Севастополя. Онъ съ горстью подобныхъ ему храбрецовъ защищался на Малаховомъ курганѣ добрыхъ два часа, послѣ занятія его французами. Супруга его, родомъ изъ Бессарабіи, оказалась прелюбезною и наигостепріимною хозяйкою. Мы были приняты по-русски, по-старинному, потому что намъ предложена была даже и баня, чему, конечно, мы несказанно обрадовались, какъ и самому хлѣбосольству. Казенная баня—какъ баня, но что въ ней было особеннаго,— это вѣники, распространявшіе самый аптечный ароматъ. За отсутствіемъ здѣсь всякаго дерева, русскій человѣкъ, не могущій жить безъ вѣника, придумалъ вязать его изъ солодковой травы. Обѣдъ коменданта понравился бы и сытому; до какой же степени пришелся по вкусу онъ намъ, послѣ двухнедѣльнаго говѣнья безъ обѣда, и сказать нельзя. Кромѣ умѣнья угостить и пріютить проѣзжающаго, Михаилъ Павловичъ обладаетъ способностью и занять каждаго. Послѣ обѣда была устроена поѣздка по форту и на р. Сыръ-Дарью къ слону, назначавшемуся въ подарокъ отъ бухарскаго Эмира нашему Государю.

Прежде всего мы отправились на *карды;* такъ называются здѣсь скотный дворъ и другія хозяйственныя постройки форта. При отсутствіи поселенія и рабочихъ, вся тяжесть обязанностей поденщиковъ и рабочихъ ложится на гарнизонъ. А работы здѣсь постоянно много. Кромѣ заготовленія годовой пропорціи топлива и фуража, солдатамъ приходится заниматься и работою каменщиковъ. Глиняныя казармы и всѣ казенныя постройки требуютъ почти ежегоднаго ремонта. Причину этому нужно искать не въ одной только непрочности вообще такихъ построекъ, но и въ исторіи построенія самаго форта. Въ 1853 году, по плану инженеръ-генералъ-майора Бюрно, было приступлено къ возведенію этого форта. Но назначенная г. Бюрно мѣстность для форта, на урочищѣ Казалы во время высокой воды въ Сырѣ, затоплялась. Это было извѣстно первому строителю инженеръ-поручику Антоневичу, и онъ, по докладу г. Бюрно, для удержанія разлива Сыра, устроилъ по берегу на протяженіи 300 саженъ временную плотину, которая ежегодно поддерживалась исправленіемъ, но лѣтомъ 1865 года отъ сильно высокой воды не только плотину, а даже и грунтъ береговъ значительно подмыло. — На этой-то мѣстности, опасной отъ разливовъ Сыра, въ 1854—57 годахъ производились постройки; онѣ клались изъ не жженаго кирпича, на глинѣ, которая какъ для стѣнъ, такъ и

для смазки крышъ добывалась тутъ же около возводимаго строенія, отчего вся мѣстность форта была изрыта ямами до сажени и болѣе глубины, и ямы эти по окончаніи зданій при очисткѣ засыпались мусоромъ; притомъ самый грунтъ земли подъ фортомъ такого свойства, что при возвышеніи воды въ Сырѣ тотчасъ слоями пропускаетъ воду почти въ уровень ея въ рѣкѣ.

Постройки системы г. Бюрно еще въ 1856 году, а тѣмъ болѣе въ 1857 году дали сильныя трещины и угрожали паденіемъ. — Это вынудило послать на мѣсто другаго спеціалиста для изслѣдованія и принятія мѣръ къ исправленію прежнихъ ошибокъ. Прибывшій сюда, въ 1857 г., инженеръ-полковникъ Генрихъ по разслѣдованіи нашелъ необходимымъ всѣ постройки г. Бюрно совершенно уничтожить и произвести другія по новой, имъ принятой системѣ, примѣняясь къ средствамъ и настоятельной потребности. — Для этого онъ составилъ планъ и чертежи новому форту № 1-го. Линія огня осталась почти таже и на прежнемъ мѣстѣ, а все остальное измѣнено; для удержанія же разливовъ рѣки предположено устроить смѣтную прочную плотину, но плотина эта и до сего времени остается неустроенною.

По новому плану, строенія пришлись на изрытой ямами мѣстности, гдѣ при выемкѣ земли подъ фундаментъ строитель не всегда имѣлъ время и возможность досмотрѣть, чтобы она дѣлалась до твердаго грунта; построенные такимъ образомъ въ 1858 году на мелкомъ фундаментѣ дома почти всѣ разрушились, и возводились новые; другія же постройки слѣдующихъ годовъ имѣютъ въ большей или меньшей степени трещины. — Будь произведены постройки по системѣ Генриха на другомъ, свѣжемъ, мѣстѣ немного далѣе отъ рѣки, гдѣ не бываетъ разливовъ, онѣ стояли бы прочно, требовали бы меньше расхода, и самыя работы были бы успѣшнѣе, тогда не требовалось бы замедляющей дѣло ломки, меньше пошло бы матеріаловъ на фундаментъ, который доходитъ до сажени глубины. Доказательствомъ тому служитъ форштатъ; на свѣжемъ мѣстѣ многія строенія стоятъ много прочнѣе безъ всякаго фундамента, тамъ сырецъ стѣнъ положенъ прямо на выровненной землѣ.

Кромѣ того, почти на всѣ казенныя зданія весьма мало употреблено лѣса, — вѣроятно, по причинѣ дороговизны. Балки во многихъ казармахъ не могутъ выдерживать земляныхъ потолковъ, а оконные и стѣнные косяки гнутся подъ тяжестью налегающей на нихъ сырцовой стѣны. Земляные полы зимою даютъ много сырости и имѣютъ дурное вліяніе не только на здоровье обывателей, но и на состояніе самихъ зданій.

Было, говорятъ, предположеніе перенести фортъ на другое мѣсто, и объ этомъ до сихъ поръ ведется переписка. Нѣкоторые полагаютъ полезнымъ, оставя форштатъ на своемъ мѣстѣ, самое укрѣпленіе перенести на лѣвый берегъ р. Сыръ-Дарьи, а на правомъ—всѣ казенныя помѣщенія уступить чинамъ аральской флотиліи. Уступка эта для флотиліи не большая находка, потому что всѣ строенія, года черезъ два—три, готовы превратиться въ груды мусора. При мнѣ пала вся задняя стѣна комендантскаго дома, а вскорѣ отъ пушечной пальбы въ честь мурзарабатской побѣды рухнула церковь.

Форштатъ, какъ я уже говорилъ, находится въ болѣе выгодномъ положеніи. Единственное неудобство въ тамошнихъ помѣщеніяхъ заключается въ томъ, что сквозь

полъ просачивается въ весеннее время вода, потому что всѣ зданія построены на солончакахъ. Отъ этого же и по улицамъ весною и осенью стоитъ непроходимая грязь. Въ форштатѣ, прежде всего, мы подъѣхали къ киргизской школѣ. До тридцати киргизскихъ мальчиковъ, прыгавшихъ черезъ парты, при нашемъ входѣ схватились за книги. Михаилъ Павловичъ заставилъ одного изъ нихъ прочитать по-русски, и тотъ весьма хорошо прочиталъ все царствованіе Анны Леопольдовны, по кратчайшему учебнику Устрялова, заключавшееся въ десяти строкахъ. Начинающіе плохо говорятъ по-русски, а пробывшіе года два очень хорошо и произносятъ твердо и отчетливо каждое русское слово. Тутъ же есть отдѣленіе для русскихъ мальчиковъ, которые всѣ предметы, кромѣ закона Божьяго, слушаютъ вмѣстѣ съ киргизами. Школѣ этой второй или третій годъ, и, судя по успѣхамъ мальчиковъ, она дѣлаетъ честь учредителямъ.

— Это нашъ клубъ, — сказалъ г. Юній, нырнувши въ низенькую дверцу, противъ классной комнаты. — Теперь здѣсь учатся также, но, по извѣстнымъ вечерамъ, мы собираемся сюда всѣ повеселиться, потанцовать и поиграть въ картишки.

— Гдѣ же тутъ танцуютъ?—невольно вырвалось у меня. — Вѣдь здѣсь три, четыре дамы въ криполинахъ да съ порядочнымъ шлейфомъ займутъ всю комнату?

— А намъ больше и не надо. Если соберется побольше, такъ не для танцевъ, а для картъ. Засадимъ ихъ за зеленое поле, а на этомъ паркетѣ,—онъ указалъ носкомъ сапога на кирпичики, — отличаются исключительныя охотницы. А музыка?—продолжалъ Михаилъ Павловичъ, угадывая готовившійся съ моей стороны вопросъ: — музыка помѣщается въ сѣняхъ у дверей. Оркестръ у насъ славный, состоитъ онъ изъ трехъ артистовъ: одинъ отъ флотиліи, одинъ отъ артиллеріи и одинъ батальонный.

Кромѣ клуба, содержащагося по подпискѣ, общество здѣшнее сходится между собою часто и по домамъ. При отсутствіи всякой жизни, послѣ пересудовъ о житейскихъ интересахъ, всѣ садятся за карты. Впрочемъ, я видѣлъ двоихъ ярыхъ игроковъ въ шахматы, которые передвигали по картонной шахматницѣ пѣшки и фигуры, весьма мило и удачно сдѣланныя изъ мякиша бѣлаго хлѣба.

На пути отъ школы къ слону, мы заѣхали на бухарскій базаръ. При началѣ бухарской линіи, состоящей изъ мазанокъ, каждая съ одною дверью безъ оконъ, стояло два часовыхъ солдата, — на другомъ концѣ тоже виднѣлись часовые. Для меня это было понятно, потому что я зналъ распоряженіе оренбургскаго начальства задержать всѣхъ находившихся тогда въ нашихъ предѣлахъ бухарскихъ подданныхъ съ товарами, такъ какъ ихъ Эмиръ угрожалъ войною ген. Черняеву и задержалъ въ Бухарѣ караваны и прикащиковъ нашихъ купцовъ. Такая мѣра съ нашей стороны произвела большой переполохъ во всѣхъ ханствахъ. До этого времени всѣ азіятскіе купцы и кокандцы, и хивинцы называли себя на русской границѣ бухарцами и въ паспортахъ прописывались бухарскими подданными, имѣя въ виду то основаніе, что Россія съ Бухарою была постоянно въ болѣе хорошихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ другими ханствами. Понятное дѣло, что приказаніе задерживать бухарцевъ падало на каждаго, кто былъ прописанъ въ паспортѣ подданнымъ Эмира. Начались разбирательства, наряжена цѣлая коммиссія, и, какъ водится, заварилась каша. Оказалось, что бо́льшая часть богатыхъ бухарскихъ каравановъ благополучно пробралась на родину, а у насъ задержаны преимущественно

тѣ, которыхъ задерживать не слѣдовало. Конецъ такихъ разбирательствъ еще далеко не насталъ, хотя и наши купцы давно вернулись на родину, и азіятскіе отпущены обратно, не смотря на то, что, быть можетъ, наши купцы пострадали и вдвое больше, чѣмъ бухарскіе.

Здѣсь задержано до 200 бухарцевъ, по большей части работниковъ при товарахъ. Двадцать изъ нихъ бѣжало удачно, а нѣсколько человѣкъ поймано. Чтобы пробраться во свояси, они одѣваются въ киргизскіе малахаи, но это теперь не помогаетъ больше, потому что киргизы района г. Юнія со всеусердіемъ занялись охотою на бухарскихъ бѣглецовъ. Не слѣдуетъ спѣшить объяснять этого ни преданностью киргизъ Россіи, ни ненавистью къ бухарцамъ, какъ бы собственно казалось съ перваго раза.

— Поощряю представленіями къ наградамъ, къ медалямъ и къ почетнымъ халатамъ, — объяснялъ мнѣ Михаилъ Павловичъ. — Нѣкоторымъ, впрочемъ, случалось давать и деньги, понятное дѣло изъ своихъ, — добавилъ онъ, — потому что отъ казны не полагается. Я теперь устроилъ дѣло съ бухарцами порезоннѣе: у меня каждый байгушъ отданъ на поруки богатому, который отвѣчаетъ за побѣгъ его своими товарами. Результаты великолѣпные: другъ за другомъ слѣдятъ и, если замѣтятъ за кѣмъ-нибудь, что малый-то сбирается задать тягу, сейчасъ же даютъ знать мнѣ. Я отбираю у раба божія малахай да дня два продержу въ полиціи, — и шелковый, поклянется всѣми аллахами, что во всю жизнь не выѣдетъ изъ Россіи.

Злополучные бухарцы выскакивали изъ лавокъ для поклона коменданту и потомъ шли за нами слѣдомъ; чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ гуще становилась толпа. — *Хабаръ іокъ* (нѣтъ ли чего новаго)?—спрашивали насъ эти несчастные отвѣтчики за глупости своего повелителя.

Нѣкоторые просили себѣ денегъ на расходы, и я со словъ г. Юнія передавалъ имъ, что такому-то можно выдать, а такой-то недавно получилъ большую сумму и не долженъ еще покуда нуждаться. Вы, конечно, догадываетесь, что комендантъ не изъ своего кармана давалъ имъ деньги, а изъ отобранныхъ у нихъ же капиталовъ.

— Я издержалъ деньги, всѣ издержалъ. Холодно, я шубу себѣ купилъ. *Валла* (ей Богу)! шубу купилъ, — завѣрялъ тотъ, которому отказано.

— Врешь, бѣжать хочешь, — на ходу возражалъ комендантъ. Снова раздавалась божба и мольба и кончалась тогда, когда получалось обѣщаніе дать денегъ.

— Ну теперь къ слону, — приказалъ Михаилъ Павловичъ, усаживаясь со мною на долгушу. — А то вы, пожалуй, осмотрѣвши нашу кунсткамеру, потомъ будете жаловаться, что слона-то и не замѣтили.

Слонъ помѣщался въ сараѣ, построенномъ изъ сырца на самомъ берегу р. Сыра. Описывать его нечего, это былъ слонъ, какъ слону и слѣдуетъ быть. У него слезились глаза отъ дурно устроенной печи, что, впрочемъ, нисколько не вліяло на его аппетитъ и не мѣшало ему пожирать ежедневно всякой всячины на четыре цѣлковыхъ. Вожакъ его былъ для меня гораздо интереснѣе. Это былъ лагорецъ мѣдно-синяго цвѣта, говорилъ хорошо по-персидски съ незнакомымъ мнѣ особымъ акцентомъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что лѣтъ восемь тому назадъ слонъ этотъ былъ подаренъ англичанами кашмирскому магараджѣ, потомъ магараджею отправленъ въ подарокъ владыкѣ Афганистана

Достъ-Мухаммедъ-Хану, а послѣдній препроводилъ его къ сосѣду своему, бухарскому Эмиру. Всѣ эти переселенія слонъ совершилъ вмѣстѣ съ этимъ вожакомъ.

На вопросъ мой, чей онъ подданный, вожакъ сначала поразилъ меня своимъ отвѣтомъ.

— Я подданный Бѣлаго царя, — нисколько не стѣсняясь, сказалъ онъ.

Михаилъ Павловичъ удивился не меньше моего, и мы потребовали объясненія, полагая, что онъ или когда-нибудь попалъ въ неволю, или авантюристъ изъ персидскихъ провинцій Закавказья. Оказалось еще того проще.

— Я былъ англійскимъ подданнымъ, меня со слономъ подарили магараджѣ, я сталъ его подданнымъ. Потомъ былъ нукеромъ (рабомъ) Достъ-Мухаммедъ-Хана и Эмира; а *халя менъ нукѐри акъ-падшà гестемъ*, — т. е. а теперь я слуга Бѣлаго царя.

Однако ему не удалось быть слугою Бѣлаго царя, потому что, при началѣ непріязненныхъ дѣйствій, слонъ былъ не принятъ и возвращенъ Эмиру, а съ нимъ вмѣстѣ отправился и всеобщій подданный, его вожакъ.

Неподалеку отъ помѣщенія слона находится докъ аральской флотиліи, а дальше вдоль по берегу раскинулся садъ коменданта. Деревья стояли еще во всей весенней наготѣ, но можно было различить нѣсколько ивъ и сребровидныхъ тополей. Тутъ же находится и виноградникъ, состоящій всего изъ четырнадцати кустовъ. Эти кусты дали въ прошломъ году коменданту сорокъ пудовъ великолѣпнаго винограда. Кто-то пытался здѣсь разводить хлопокъ, и онъ удался. Такіе факты даютъ, мнѣ кажется, нѣкоторое вѣроятіе народнымъ розсказнямъ, что въ былыя времена это голое печальное мѣсто было громаднымъ садомъ, начинавшимся въ Туркестанѣ и кончавшимся у Ургенджа, такъ что соловей могъ перелетать съ вѣтки на вѣтку отъ одного города до другаго. Тѣмъ болѣе возможно допустить, что была растительность по лѣвую сторону Сыръ-Дарьи и по всему юго-восточному берегу Аральскаго моря, такъ какъ тамъ все это пространство покрыто развалинами и изрыто водопроводами. Нашествія варварскихъ племенъ, такъ часто здѣсь повторявшіяся, опустошали города,—и сады, оставленные безъ присмотра и поливки, сгорали подъ палящимъ солнцемъ. Вѣдь во всей центральной Азіи естественной растительности весьма мало, но гдѣ есть селеніе, тамъ и сады. Быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что тамъ и избираютъ мѣсто для поселенія, гдѣ есть растительность, но это будетъ не такъ: ищутъ только мѣста воднаго, удобнаго для устройства оросительныхъ канавъ, заселяютъ его и потомъ разводятъ сады, и является уже растительность. Мнѣ говорили персидскіе старожилы, какъ на ихъ памяти возникали большія селенія и покидались прежнія по причинѣ истощенія ключей. Такъ, заброшенными селеніями полна дорога отъ Тавриза до Тагерана. На Сыръ-Дарьинской же линіи недостатка въ водѣ быть не можетъ, и причина запустѣнія береговъ Сыра объясняется только историческими обстоятельствами. Устройся здѣсь правильное азіятское населеніе съ правами поземельной собственности, и вы не узнали бы форта № 1. Кому особенно стараться объ улучшеніи почвы и объ устройствѣ садовъ? Офицерамъ и чиновникамъ незачѣмъ, потому что они пріѣхали сюда не надолго и мечтаютъ только поскорѣе вырваться. Киргизы не годны для этого, остаются одни поселенцы, но ихъ, вопервыхъ,

мало; вовторыхъ, они отдали всѣ свои силы хлѣбопашеству. Мнѣ разсказывали, будто одинъ чудакъ, какъ его величали, второй или третій годъ занимается составленіемъ проекта о заселеніи Сыръ-Дарьи нѣмецкими колонистами. Мнѣ кажется, что мысль этого чудака не такъ странна, чтобъ положительно порицать ее, а, пожалуй, даже имѣетъ свои резоны. Конечно, лучше было бы обойтись намъ здѣсь безъ чужаго элемента, но если опыты говорятъ о неспособности нашихъ переселенцевъ воспользоваться всѣми выгодами, представляемыми мѣстностью, и оживить дѣятельность края, то конкуренція германскаго поселенца скорѣе послужитъ въ пользу и возбудитъ если не соревнованіе, то подражаніе. Кромѣ того, у нашихъ поселенцевъ много вредитъ всему дѣлу привязанность къ мѣсту родины, къ своему уѣзду и къ своей волости. Большая часть поселенцевъ на Сыръ-Дарьѣ состоитъ изъ солдатъ, обзаведшихся семействами; ихъ освобождаютъ отъ службы, даютъ пособіе на обзаведеніе и желаютъ отъ нихъ только занятія сельско-хозяйственнымъ трудомъ. Охотники являются не то чтобы рѣдко, являлись бы и еще чаще, если бы на линіи было побольше невѣстъ, холостяковъ же въ поселенцы не пускаютъ, — но вотъ бѣда, что, вмѣсто занятія хлѣбопашествомъ, поселенецъ пускается въ барышничество, которымъ гораздо легче сколотить деньгу́, и потомъ или спивается съ круга, или, по истеченіи срока службы, отказывается оставаться дольше на мѣстѣ поселенія и уѣзжаетъ въ безсрочный отпускъ или въ чистую отставку въ свою губернію. Такихъ примѣровъ было много и о нихъ писали другіе раньше меня.

Въ фортѣ № 1, къ счастію, нѣтъ поселянъ изъ солдатъ. Здѣсь ихъ всего 108 душъ, и всѣ они изъ Оренбургскаго казачьяго войска и помѣщаются въ 55 собственныхъ хатахъ. Кромѣ нихъ, здѣсь живутъ въ 20 собственныхъ домахъ и на квартирахъ 12 отставныхъ нижнихъ чиновъ, 6 крестьянъ, столько же мѣщанъ, 4 купца, 17 прикащиковъ, 9 купеческихъ работниковъ и одинъ вольноотпущенный. Вотъ все приватное населеніе форта, если прибавить сюда еще 55 женщинъ разнаго сословія вдовъ, замужнихъ и дѣвицъ, да 17 мальчиковъ †).

Промыслы поселянъ состоятъ, кромѣ хлѣбопашества, въ огородничествѣ, рыболовствѣ и мелкой торговлѣ. Въ 1865 году со ста десятинъ собрано ими 275 пудовъ картофеля и 865 возовъ арбузовъ и дынь; о моркови, рѣпѣ, свеклѣ, лукѣ, капустѣ и др. овощахъ свѣдѣній нѣтъ, но здѣсь родится все хорошо. Говорятъ, будто капуста здѣсь растетъ худо, но, по всей вѣроятности, это зависитъ не отъ климатическихъ и почвенныхъ особенностей, а отъ дурнаго ухода за разсадою. Оренбургскіе казаки съ Урала перенесли сюда и страсть къ рыболовству. Въ одинъ годъ они добыли, кромѣ мелкой рыбы, до 3,280 пуд. красной рыбы и продали 48 пудовъ икры, да 13 п. клею, около десяти пудовъ вязиги. Кромѣ того, они занимаются извозомъ, преимущественно казеннымъ, но въ послѣднее время этотъ промыселъ началъ падать. Такое паденіе, по всему вѣроятію, временное и съ

---

†) Цифры, приведенныя мною, далеко разнятся съ показаніями г. Мейера, хотя оба мы брали данныя изъ оффиціальныхъ источниковъ, — я объясняю это ошибкою со стороны писарей, торопившихся перепискою для меня вѣдомостей. У г. Мейера, къ концу 1863 года, поселянъ считалось, въ 47 семействахъ, 180 д муж. пола и 162 д. ж. п. См. Матеріалы для Геогр. и Статист. Россіи. Киргизская степь Оренб. Вѣдомства. Л. Мейеръ 1865, стр. 276. Мои цифры относятся къ концу 1865 года.

умиротвореніемъ края извозничество разовьется дотого, что у поселенцевъ не будетъ доставать средствъ, чтобы удовлетворять всѣ подряды.

Чтобы начать рѣчь о хлѣбопашествѣ, я перенесу читателя въ покои коменданта, гдѣ насъ ожидала компанія его сослуживцевъ, а въ числѣ ихъ и священникъ Александръ Гавриловичъ Побѣдоносцевъ, извѣстный, даже между киргизами, за самаго смышленаго сельскаго хозяина.

— Позвольте, святой отецъ, познакомить васъ, — сказалъ хозяинъ, представляя меня священнику: — вы вѣрно лучше меня разрѣшите вопросы, которые такъ интересуютъ нашего гостя.

Мы усѣлись съ батюшкой къ сторонкѣ отъ составившейся партіи играющихъ въ преферансъ, которая, впрочемъ, нерѣдко, вслушиваясь въ нашу бесѣду, вставляла и свое слово, такъ какъ хлѣбный вопросъ въ то время былъ на очереди, былъ вопросомъ дня.

— Здѣсь хлѣбопашество все въ будущемъ, на нашу долю приходится только сѣять да хлопотать, а ужъ пожинать будутъ другіе, — замѣтилъ батюшка.

Кто-то возразилъ, что замѣчаніе отца Александра лишено основанія, потому что на долю теперешнихъ обывателей форта приходится уже порядочная жатва, подготовленная хлопотами и стараніями невѣдомыхъ предшественниковъ, устроивавшихъ систему орошенія, которою и по сіе время всякій пользуется.

— Я только про то говорю, — продолжалъ священникъ, — что мы заботимся отыскивать сбытъ хлѣбамъ, а сбывать то доведется ужъ не намъ. У насъ вѣдь знаете все такъ тихо дѣлается. Будь-ка сбытъ, такъ тутъ хлѣба и не накупишься. Теперь вотъ, по свѣдѣніямъ, киргизы засѣваютъ 7 т. десятинъ, да поселяне около 200 десятинъ, а будь спросъ, такъ разомъ нулька по два и прибавилось бы къ цифрамъ-то. При теперешнихъ обстоятельствахъ куда сбывать? Кругомъ около насъ все земли хлѣбородныя, ни въ Оренбургѣ, ни въ Бухарѣ въ нашемъ хлѣбѣ не нуждаются. Въ фортѣ тоже никто не купитъ, потому что сюда провіантъ идетъ изъ Оренбурга. Мы вотъ дѣлали предложеніе кому слѣдуетъ о заготовкѣ провіанта и фуража въ форты по всей линіи на мѣстѣ, и сбереженія казенныя высчитали, да покуда ничего не знаемъ, вникнутъ ли; — а къ намъ все шлютъ да шлютъ провіантъ. Съ 1861 года разрѣшено намъ и командамъ остатки отъ провіанта возвращать въ казну двумя рублями дешевле заготовки, — такъ сейчасъ же, т. е. въ тотъ же годъ сбыто въ казну больше 500 четвертей муки да до 800 четвертей крупъ, а теперь почитай, что и все почти отдаютъ обратно. Что сей сонъ обозначаетъ? а обозначаетъ онъ то, сударь вы мой милостивый, что выгодно за провіантъ получить деньги да на эти же деньги пріобрѣсти другой подешевле и посвѣжѣе. Не съ голоду же люди томятся, чтобы только экономію составить, — вотъ что!

Въ разговоръ вмѣшались другіе. Оказывается, что почва около форта весьма хлѣбородная, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она во время разливовъ рѣки понимается водой. Лучшія поемныя мѣста воздѣлываются русскими поселенцами, но ихъ остается довольно еще и на долю киргизъ, которые, кромѣ того, прибѣгаютъ и къ оросительной системѣ тамъ, гдѣ водопроводныя канавы не требуютъ для поддержки особенно усиленныхъ трудовъ. Они имѣютъ свои пашни по обоимъ берегамъ рѣки. На лѣвомъ, гдѣ въ былое

время находилось болѣе заселенныхъ мѣстъ, самыя канавы устроены основательнѣе, чѣмъ на правомъ, который зато болѣе подвергается орошенію при разливѣ рѣки †).

Я самъ не успѣлъ побывать на лѣвомъ берегу по случаю распутицы, хотя меня туда и очень тянуло, не потому чтобы мнѣ уже такъ хотѣлось самому увидать ирригаціонныя канавы, — я насмотрѣлся на нихъ вдоволь въ Персіи, — а меня интересовали остатки старинныхъ городовъ, которыми, по словамъ туземцевъ и нашихъ путешественниковъ, усыпана та сторона Сыръ-Дарьи до самаго впаденія въ море. Болѣе замѣчательными почитаются остатки Кара-тепе, Джанъ-калы и Джанкенда. По словамъ г. Левшина развалины эти напоминаютъ владычество Чингизидовъ и разноплеменныхъ народовъ, составлявшихъ страшныя ихъ ополченія. Арабъ Абульфеда, жившій въ XIV столѣтіи, упоминаетъ о Джанкендѣ, называя его Янги-кендъ. Поручикъ Гладышевъ, видѣвшій эти развалины въ 1742 году, пишетъ, что въ его время здѣсь существовали еще каменныя башни съ оградами и что каракалпакскій ханъ жилъ здѣсь *). По словамъ г. А. Макшеева (С. Пб. Вѣд. 1867 г. № 60), въ ½ верстѣ къ западу отъ Джанкенда находится огромное кладбище, состоящее изъ двадцати надгробныхъ памятниковъ, сложенныхъ изъ жжонаго кирпича, и изъ множества простыхъ земляныхъ могилъ. По словамъ киргизъ, здѣсь похоронены какіе-то батыри: Давлу-бай, Мынтай, Даке и Саянъ. Одни говорятъ, добавляетъ г. Макшеевъ, что кладбище это принадлежало Джанкенду, и здѣсь погребались даже самые ханы, а другіе полагаютъ, что тутъ былъ городъ величиною больше самого Джанкенда. Самое позднѣйшее описаніе этихъ развалинъ мы находимъ въ книгѣ г. Л. Мейера: *Киргизская Степь Оренбургскаго Вѣдомства*, изд. 1865 г.. стр. 285. По его словамъ, развалины этого города находятся 20 верстъ ниже форта № 1 и въ нѣсколькихъ верстахъ *отъ нынѣшняго русла* рѣки. Остатки, видѣнные имъ, г. Мейеръ, не смотря на упоминаніе о Джанкендѣ Абульфедою, признаетъ принадлежащими къ позднѣйшему времени. «Можетъ быть, — говоритъ г. Л. Мейеръ, — названіе *Джанъ-Кентъ* (новый городъ), весьма обыкновенное вездѣ, гдѣ поселялось тюркское племя,

---

†) Привожу цифры изъ отчета за 1865 годъ На 198 десятинахъ поселянами

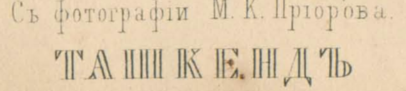
засѣяно:	Пшеницы	1,059	пуд.
	Ячменя	148	»
	Проса	29	»
	Овощей на 100 десятинъ	80	»
снято:	Пшеницы	3,397	»
	Ячменя	538	»
	Проса	122	»
	Картофеля	275	»
	Арбузовъ и прочаго	865	»

Киргизами засѣяно въ разныхъ мѣстахъ около 7 т. десятинъ и собрано отъ нынѣшняго урожая:

Пшеницы	22	т. пуд.
Ячменя	62	» »
Проса	89	» »
Ржи	16	» »

А такъ же засѣяно ими большое количество земли подъ арбузы и дыни, которыя употребляли для себя и часть продавали на базарѣ.

*) См. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина ч. I, стр. 212.

Съ фотографіи М. К. Пріорова.

Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

относится къ другому мѣсту или даже къ тому же, но существующіе нынѣ слѣды укрѣпленія и города принадлежатъ позднѣйшему періоду, такъ какъ нельзя допустить, чтобы стѣны изъ необожженой глины могли простоять столько столѣтій и сохранить почти совершенно свой первоначальный видъ. Въ настоящее время тамъ стоитъ довольно большое укрѣпленіе въ видѣ неправильнаго четыреугольника саженъ 150 въ длину и около 100 въ ширину, въ одномъ углу котораго находилась цитадель изъ обожженаго кирпича. Кругомъ этого укрѣпленія, иногда какъ бы въ извѣстномъ порядкѣ, разбросано значительное число возвышеній, состоящихъ внутри изъ обожженаго кирпича, а снаружи похожихъ на естественные бугры; это вѣроятно и былъ самый городъ. Кромѣ сего по всей мѣстности валяются черепки грубой глиняной посуды и видны слѣды множества оросительныхъ канавъ.» Кромѣ упомянутыхъ мною развалинъ, у Левшина находимъ Кумъ-кала и Ковенъ-кала. Ближе къ форту находится Кара-тепе †).

Читателямъ вѣроятно не совсѣмъ было бы интересно, если бы я дольше останавливалъ ихъ вниманіе на развалинахъ, тѣмъ не менѣе я позволю себѣ добавить еще нѣсколько словъ. Въ 1866 году осенью эти развалины обратили на себя неожиданнымъ образомъ вниманіе всего форта. Это случилось такимъ образомъ: одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ, занимавшихся въ фортѣ постройками, былъ удивленъ, что киргизы предложили ему снять подрядъ на поставку жжонаго кирпича, по представленнымъ ими обращикамъ. Кирпичи эти были темно-малиноваго цвѣта, квадратной формы, величиною съ большой листъ почтовой бумаги, а толщиною вершка въ полтора. По бокамъ оставались несчищенными слѣды сѣраго цемента. На вопросъ, откуда они взяли эти кирпичи, киргизы отвѣчали, что-изъ развалинъ, находящихся за Сыромъ. Первою мыслью было, конечно, то, нельзя ли какъ-нибудь воспользоваться этими развалинами, находящимися въ нашихъ предѣлахъ, помимо киргизъ, хозяйственнымъ образомъ, и съ этой цѣлью, по распоряженію коменданта, туда отправилась коммиссія для обслѣдованія такого вопроса на мѣстѣ. Изъ акта, составленнаго этою коммиссіею, видно, что пространство, занимаемое постройками изъ жжонаго кирпича и отъ времени скрытыми въ развалинахъ подъ наносными песками, имѣетъ до пяти верстъ въ діаметрѣ, но не сказано, чтобы оно находилось близъ Джанкенда. Кто-нибудь изъ читателей вѣроятно припомнитъ, какого шума надѣлало это извѣстіе въ петербургскихъ кружкахъ ученыхъ и литераторовъ и съ какимъ недовѣріемъ оно было встрѣчено. Однако, въ то время, когда печатается настоящая страница, на мѣстѣ открытія находится командированный туда для изслѣдованій изъ Петербурга г. Лерхъ, на долю котораго досталось разрѣшить, насколько вообще заслуживаютъ вниманія сырдарьинскія руины и къ какому времени можно отнести ихъ существованіе. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ такъ уже близко, что я почитаю вовсе излишнимъ добавлять что нибудь здѣсь отъ себя, такъ какъ, что бы я ни сказалъ, все это оставалось бы въ чертѣ предположеній. Поэтому вернусь къ разсказу.

Первый и единственный вечеръ, проведенный мною у коменданта, прошелъ чрезвычайно пріятно. Быть можетъ, мои собесѣдники и не остались довольны мною,

†) Сюда полагали перенести весь фортъ № 1, по причинѣ настоящаго его дурнаго положенія, объясненнаго мною выше, но это почему-то до сихъ поръ не состоялось

потому что я далеко не удовлетворилъ ихъ любознательности и любопытства, какъ стараются дѣлать всѣ проѣзжающіе изъ Россіи, зато я ими былъ чрезвычайно доволенъ. Въ залѣ я говорилъ съ священникомъ и съ интендантскимъ чиновникомъ о хлѣбопашествѣ, съ докторомъ о климатѣ и народномъ здравіи, съ комендантомъ о торговомъ положеніи форта, а съ любезною хозяйкою о дороговизнѣ припасовъ и другихъ неудобствахъ степной жизни. Въ это же время въ другой комнатѣ два или три писаря снимали для меня копіи съ разныхъ отчетовъ и другихъ бумагъ, заключавшихъ кое-какія статистическія свѣдѣнія.

Понятно, что я не могу передать всю нить разговоровъ. На основаніи ихъ я не могъ сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ о состояніи того или другаго хозяйства въ степи, но они мнѣ все-таки подготовляли канву для дальнѣйшей работы и знакомили отчасти съ современнымъ положеніемъ и значеніемъ форта. Вы уже знаете, что хлѣбопашество здѣсь существуетъ съ-поконъ вѣка и съ приходомъ нашимъ годъ отъ года начинаетъ принимать все большіе размѣры. Рѣшись правительство заготовлять продовольствіе войскъ на мѣстѣ, это еще болѣе бы подвинуло дѣло. Переписка объ этомъ уже завязалась давно. По справкамъ, только въ трехъ ближайшихъ къ форту складахъ: въ Джанкендѣ, на Кустомѣ и въ Каракумъ, сейчасъ же можно получить до 35 т. пудовъ пшеницы отъ 75—85 к. за пудъ, болѣе 30 т. п. ячменя по 45—50 к., до 15 т. п. ржи и до 50 т. п. проса, стоящихъ въ одной цѣнѣ съ ячменемъ. При нуждѣ явилось бы много новыхъ мельницъ, и цѣна за помолъ съ 30 к. за пудъ, конечно, также понизилась бы. Во избѣжаніе голода въ случаѣ неурожаевъ или истребленія посѣвовъ саранчею, — что здѣсь нерѣдко случается,—можно было бы завести запасные магазины съ годичнымъ запасомъ хлѣба.

О вліяніи климата на здоровье я получилъ самыя благопріятныя свѣдѣнія. По словамъ доктора заболѣваютъ здѣсь по большей части обыкновенными болѣзнями: тифами, катаррами, лихорадкою и рекуррѳнсомъ и то лишь вновь прибывающіе, между аклиматизированными же поселянами и туземцами болѣзни рѣдки. Встрѣчаются случаи накожныхъ болѣзней, сифилиса и было двое больныхъ сибирскою язвой. По разсказамъ туземцевъ здѣсь и не знаютъ о существованіи на бѣломъ свѣтѣ эпидемій, сопровождающихся чумными или холерными припадками. Сибирская язва, или подобіе ея,—болѣзнь, занесенная съ юга; по крайней мѣрѣ, заѣзжіе купцы разсказывали, что въ южныхъ окраинахъ бухарскаго и хивинскаго владѣній такой родъ болѣзни замѣчался ими весьма часто. Туземцы любятъ обращаться къ русскому доктору, но только не съ болѣзнями, а просто съ пустяками: или просятъ лекарства отъ мороза, т. е. средства предупредить отмораживаніе носа и прочихъ членовъ, или пристаютъ, чтобы докторъ далъ такого зелья, отъ котораго у жены пошли бы каждый годъ дѣти, и тому подобное. Больные же опасно лечатся сами своими средствами, между которыми первую роль играетъ окутыванье больнаго въ свѣжую баранью шкуру, прикладываніе къ больному мѣсту внутренностей барана, коровьяго помета, — эти средства спасаютъ и исцѣляютъ ихъ. Особенно замѣчателенъ способъ леченія переломовъ костей,—туземцы лечатъ ихъ пріемомъ внутрь какого-то смолистаго ароматнаго вещества разваренпаго въ молокѣ; медикаментъ этотъ называется *мумiе*, а что значитъ муміе, я не знаю, да и доктора мнѣ не сумѣли

объяснить, что это за смола. При накожныхъ воспаленіяхъ съ нагноеніемъ киргизы или вырѣзываютъ пораженное мѣсто, или отрубаютъ часть страдающаго члена. Словомъ, лечатся отъ всѣхъ болѣзней сами безъ всякаго пособія и совѣтовъ нашихъ врачей, прибѣгая къ нимъ, какъ къ фокусникамъ или кудесникамъ, за открытіемъ разныхъ секретовъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я только что упомянулъ.

Третье лицо, сообщавшее мнѣ свѣдѣнія преимущественно о торговомъ положеніи форта № 1, былъ комендантъ М. П. Юній, которому я обязанъ и за доставленіе оффиціальныхъ данныхъ по этой части. Собесѣдникъ придавалъ подвѣдомственному ему форту огромное значеніе въ торговомъ отношеніи и предсказывалъ ему блистательную будущность.

Дѣйствительно, фортъ № 1, находящійся на урочищѣ *Казалы*, или, какъ его называютъ туземцы, *Казаклы*, на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, стоитъ на соединеніи двухъ караванныхъ путей: изъ Бухары и изъ Хивы. На пути въ Россію нѣкоторая часть каравановъ, минуя фортъ, идетъ прямо на Уральское укрѣпленіе и далѣе на Орскъ или Оренбургъ двумя дорогами, гдѣ и оплачиваетъ ввозимый товаръ пошлиною, но на обратномъ пути караваны эти по большей части не минуютъ форта, имѣя въ виду или побарышничать на базарѣ съ киргизами, или разузнать наемныя цѣны на перевозку вьюковъ и заняться заключеніемъ подрядовъ по поставкѣ верблюдовъ къ будущей веснѣ или осени. Товары ихъ и они сами помѣщаются въ 156 лавкахъ, построенныхъ изъ нежженаго кирпича. Ряды этихъ лавокъ называются бухарскимъ и хивинскимъ базарами. Нѣкоторые изъ азіятскихъ купцовъ находятъ выгоднымъ торговать здѣсь круглый годъ и держатъ постоянно сидѣльца, большинство же лавокъ съ отъѣздомъ каравана закрывается. Въ 1865 году на перевозку каравановъ употреблено до 1,500 верблюдовъ съ платою отъ форта до оренбургской линіи по 7 р. съ вьюка. Отъ Сыръ-Дарьи до Бухары и до Хивы наши киргизы берутъ отъ 10 до 12 р. съ верблюжьяго вьюка, но по большей части одинъ караванъ-башъ подряжается доставить караванъ съ мѣста до мѣста безъ сдачи въ другія руки на полдорогѣ, т. е. отъ Бухары до Орска или до Оренбурга, съ платою по 18 р. сер. съ вьюка или по рублю съ пуда, потому что вьюкъ, какъ я уже говорилъ, рѣдко бываетъ тяжелѣе 18-ти пудовъ. Если же подрядъ сдѣланъ бухарцами не до Орска, а только до форта № 1, тогда весь товаръ бросается на лѣвомъ берегу у переправы или на Кара-тепе, или на Муртукѣ, а купцы отправляются въ фортъ, чтобы найти возчиковъ. Переправами завѣдываютъ киргизы, которые сперва перевозили на *салахъ*, т. е. на тростниковыхъ плотахъ, потомъ какъ то добыли нѣсколько хивинскихъ лодокъ, и въ настоящее время на значительныхъ переправахъ можно насчитать такихъ лодокъ до двухъ сотъ. За перевозъ верблюжьяго вьюка платится отъ одной до двухъ чашекъ хлѣба, а за самаго верблюда отъ 10—15 к. с. Съ лошади и быка киргизы берутъ обыкновенно 10 к., а съ барана копѣйку. При переправѣ цѣлаго стада взимается съ сотни барановъ одинъ ягненокъ, а съ юрты съ имуществомъ двадцать коп. Въ 1865 году торговля пріостановилась, вслѣдствіе задержанія у насъ бухарскихъ каравановъ, поэтому количество вьючныхъ верблюдовъ, проходившихъ въ Россію, значительно уменьшилось. Въ прежнее время цифра эта доходила до 14,000 головъ, особливо во время американской войны, теперь же она пала до 7 или 8 тысячъ, чего не бывало ни разу въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Зато стало

болѣе появляться хивинскихъ каравановъ, почему здѣсь предполагали, что товары свои бухарцы отправляютъ изъ осторожности подъ именемъ хивинскихъ. При появленіи въ фортѣ каравановъ съ юга, бухарскіе ряды наполняются азіятскими издѣліями, которыя до сихъ поръ, не имѣя конкуренціи, расходятся по степи между киргизами. Выгрузивъ примѣрное количество полушелковыхъ матерій, шитыхъ тибитеекъ, конской сбруи, сѣделъ и т. п. и сдавъ его на руки своего постояннаго агента, караванъ съ остальнымъ добромъ, преимущественно же съ хлопкомъ, идетъ на линію. На обратномъ пути въ своихъ лавкахъ—купцы, по большей части, не застаютъ уже товара, а на мѣсто его находятъ бараньи шкурки, верблюжью и овечью шерсть и мѣха. Все это нанесено въ обмѣнъ киргизами за плохія бухарскія полушелковыя ткани. Очистивъ отъ этого товара свои лавченки, бухарцы пополняютъ ихъ русскими ситцами, миткалемъ, кумачемъ, сафьяномъ, кожею, фарфоровою посудой, всякою мелочью, въ родѣ зеркальцевъ, ножичковъ, ножницъ, пуговицъ, подносовъ и болѣе нужнымъ желѣзнымъ товаромъ: гвоздями, котелками, таганами, серпами, косами и столярными инструментами. Все это есть, положимъ, и въ русскихъ лавкахъ, которыхъ здѣсь считается 10 постоянныхъ и до 30-ти переносныхъ, но тамъ, вопервыхъ, запрашиваютъ дороже, а вовторыхъ, не идутъ на обмѣнъ и въ третьихъ, не даютъ въ кредитъ, а требуютъ деньги. Впрочемъ, эти лавки и мало разсчитываютъ на степное населеніе, а ждутъ покупателей изъ постоянныхъ обывателей форта. Въ нихъ можно достать *все* необходимое для жизни, только процентовъ на тридцать дороже противъ Оренбурга. Я купилъ здѣсь пудъ сахару за 16 р. Папиросы въ пачкахъ куплены мною вмѣсто 25 к. по 35 к. за 25 штукъ †).

— Здѣсь можно найти рѣшительно *все* необходимое, — говорила занимавшая меня хозяйка дома. — Конечно, не нужно проглядѣть, а то другіе раскупятъ. Закуски и вина

†) Представляю выписку изъ отчета о торговлѣ форта № 1, съ 1 декабря 1864 по 1 ноября 1865 года:

Провезено товару изъ Россіи на		100,196	р.	73 к.
— Азіи —		87,085	»	60 »
Продано на базарѣ:	Скота	54,637	»	
	Хлѣба	21,238	»	98 »
	Масла коровьяго .	765	»	
	Сала бараньяго . .	2,504	»	
	Шкуръ.	12,235	»	20 »
	Верблюжьей шерсти	1,616	»	50 »
	Дынь и арбузовъ .	1,970	»	90 »
	Ячменя.	61,815	»	54 »
	Мяса	4,287	»	
	Рыбы	1 612	»	50 »
	Итого	349,964	р	95 к.

Среднія цѣны были: лошадь 21 руб. 50 к., верблюдъ 44 руб.; хлѣбъ: пшеница 1 р., просо 60 к., рожь 50 к., ячмень 50 к; масло коровье 6 р., сало баранье 3 р. 50 к., шкуры 1 р., верблюжья шерсть 2 р. 96 к. мясо 1 р. 50 к.

Доходъ въ пользу казны за отданные съ торговъ для базара вѣсы 620 руб. 10 к. Поземельнаго сбора съ частныхъ лицъ за отведенныя мѣста для постройки лавокъ 66 » 75 »

Итого 686 руб. 85 коп

въ настоящее время есть очень хорошія; вино отъ Депре и не такъ дорого. Хересъ 2 р. бутылка, марсала 1 р. 50 к., коньякъ тоже 2 р., есть и дешевле, но тѣ сорта́ уже никуда не годятся. У насъ на нынѣшній разъ неудача,—добавила она, подводя меня къ закускѣ.—Посмотрите, какой честеръ, весь разсыпался, точно просовая каша. Говорятъ, что это отъ морозной зимы.

Огромный кусокъ сыра, дѣйствительно, скорѣе напоминалъ какую-то песчаную горку, до которой опасно дотронуться ножемъ, чѣмъ честеръ. Зато рядомъ стояла лакомая селедка, сардинки, ветчина изъ дичи и другая всячина.

Вмѣстѣ съ нами подошли къ столу и всѣ гости. Комендантъ вмѣшался въ разговоръ мой съ его супругою и, начавъ съ совѣтовъ мнѣ купить здѣсь московскихъ сухарей, американскихъ бисквитъ и русскихъ кренделей, вскорѣ перешелъ снова на значеніе форта въ нашей торговлѣ съ ханствами.

— Если бы даже, — говорилъ онъ: — и былъ возобновленъ путь по Эмбѣ къ Каспійскому морю, и тогда нашъ фортъ не потерялъ бы ничего. Для того нужны только нѣкоторыя мѣры со стороны правительства. Такъ, само по себѣ, ничего не бываетъ, такъ и курица яйца не снесетъ.

Начались пренія. По мнѣнію однихъ, путь къ Каспійскому морю когда-нибудь да откроется же, если онъ существовалъ только прежде. Теперешнее караванное движеніе на оренбургскую линію вызвано насильственно, а все, что неестественно, должно измѣниться. Другіе возражали, что движеніе каравановъ чрезъ степь на сѣверъ вызвано торговыми выгодами, а не понудительными мѣрами; вызвано именно тѣмъ, что здѣсь азіятскіе купцы прямо попадали на потребителей ихъ издѣлій, на мусульманское населеніе и, не имѣя себѣ конкурентовъ, получали отличные барыши, а въ Астрахани имѣли постоянныхъ конкурентовъ персіянъ и закавказскихъ инородцевъ, снабжавшихъ поволжье произведеніями гораздо лучшаго качества и лучшей доброты. Возьмите хоть ткани, хоть сырой матеріалъ, все и шелкъ, и хлопокъ персидскій выше бухарскаго, да и мастерство-то всякое у персіянъ куда лучше. Кромѣ этого, другую причину, почему даже и хивинцы не полѣзутъ на Волгу, надо искать въ томъ, что путь на Оренбургъ легче, удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ къ морю. Здѣсь кочевники надъ собой силу чувствуютъ и знаютъ, что разъ сойдетъ, два сойдетъ, а на третій разъ и спиной и боками и головой поплатиться придется. Притомъ здѣсь и дорога торнѣе, и воды, и травъ больше.

— И тамъ дорога хорошая-съ и удобная-съ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей, сѣдой отставной штабъ-офицеръ съ бѣлою, длинною бородою:—отсюда съ переправы, она идетъ на Акджулпасъ, потомъ по старой караванной дорогѣ, чрезъ Малые Барсуки до Большихъ Барсуковъ, къ озеру Ходжа-кулю. Мѣста славныя, былъ когда-то даже лѣсъ и звѣрь барсукъ водился. Конечно, колодцы засорены теперь, но ихъ легко возстановить во всей силѣ. Оттуда близко до р. Чаганъ, потомъ по колодцамъ, оставя верстахъ въ тридцати влѣво бывшее Чучкакульское укрѣпленіе, чрезъ родникъ Ханъ-дуртъ-куль на Эмбу къ могилѣ батыря Казбека; тамъ ужъ по Эмбѣ. И хорошо, и скоро, съ порядочными верблюдами всего-то 15 дней пути до самаго берега. Конечно, съ худыми и въ двадцать пять едва допрешь.

— Ну, вотъ и договорились, Константинъ Ивановичъ,—замѣтилъ кто-то:—намъ этого

и надо было. Тамъ-то въ 25 дней еле допрешь, а здѣсь и худой больше двадцати дней не пройдетъ. Здѣсь только до Карабутака верблюду худо, а тамъ во всю дорогу. Эхъ вы!...

— Не въ томъ дѣло, не въ томъ дѣло,—вмѣшался кто-то: — дѣло въ томъ, что туда ли, сюда ли направится торговля, а нашего форта все-таки не миновать.

— Не миновать, да! - началъ мѣстный политико-экономъ и защитникъ торговыхъ интересовъ форта:—поэтому, я полагаю, что, учреди наше правительство здѣсь порто—франко, такъ сказать, и назначь во время наплыва каравановъ ярмарочный съѣздъ, тогда было бы дѣло. Макарьевка падаетъ годъ отъ году, а тогда бы она волею божіею «помре», вотъ какъ-съ! Чѣмъ какую-нибудь бухару привлекать въ Россію, надо сюда привлекать наше купечество. Я это давно ужъ на бумагѣ излагаю. Надѣюсь, господа, со мною всѣ согласятся? вопросительно обратился онъ къ кружку.

— Надѣюсь, что и со мной также никто спорить не будетъ, — выступилъ самъ хозяинъ:—если я скажу, что и бифштексъ, и другая съѣдобная штука не будутъ ждать васъ, господа, пока вы спорите:—все простынетъ. Поэтому покорнѣйше прошу, пока горяченькое! и онъ указалъ на столъ.

Противъ этого возраженій не послѣдовало ни отъ кого, и скоро сытые гости начали было опять старый споръ, но сейчасъ же его и покончили, такъ какъ новою темою для разговора явился мой отъѣздъ. Спутникъ мой, художникъ Вележевъ, предпочелъ остаться здѣсь до открытія навигаціи, чтобъ осмотрѣть все теченіе Сыръ-Дарьи до Чиназа, и мнѣ пришлось бы дальше ѣхать одному, если бы не новый попутчикъ В. А. Б—скій, спѣшившій въ Ташкендъ по дѣламъ службы. Признаться, торопливые попутчики были вовсе не по мнѣ, но я все-таки рѣшился ѣхать вмѣстѣ, потому, вопервыхъ, что до самаго форта Перовскаго, по словамъ людей уже тамъ бывавшихъ, рѣшительно не на чемъ остановить вниманія; а, вовторыхъ, г. Б—скому о. Александръ уступалъ свой экипажъ. Послѣднее дѣло было также первостепенной важности во время полной распутицы, когда ни на полозьяхъ, ни на колесахъ проѣхать нельзя и слѣдовало бы всѣмъ сидѣть у себя дома, особливо въ степи, гдѣ киргизы еще не выгребли хорошенько своихъ почтовыхъ телѣгъ изъ-подъ снѣга и грязи и завязили между станціями всѣ свои сани.

— Мы верхами поѣдемъ, чортъ возьми! горячились молодые офицеры:—и смѣшно, и глупо сидѣть въ какомъ-нибудь фортѣ, когда *тамъ дѣйствіе*; и изъ-за чего же? изъ за грязи, изъ за какой-то распутицы!...

Эти юноши гостили здѣсь уже двое сутокъ по причинѣ распутицы, и мой отѣздъ до того ихъ подзадорилъ, что въ ту же ночь болѣе нетерпѣливые собрались и уѣхали верхами. Я же, предпочитающій верховой ѣздѣ, всякій другой способъ передвиженія, съ большою поклажею, состоящею преимущественно изъ справочныхъ книгъ, рѣшился воспользоваться любезностью г. Б — скаго и, сдавъ казенные ящики коменданту для дальнѣйшей отправки на пароходѣ, былъ готовъ въ дорогу.

На другой день, къ одиннадцати часамъ у подъѣзда красовался здоровый казанскій тарантасъ, осмотрѣнный за ночь рабочими, а на столѣ Михаила Павловича заманчиво смотрѣла закуска и самоваръ съ чайнымъ и кофейнымъ приборами, ожидая выхода любезной хозяйки.

Напяливъ на себя всякое дорожное платье и теплые сапоги и вспомнивъ тѣ страданія, какими сопровождалась дорога до форта № 1, я чуть было не соблазнился убѣжденіямиВележева обождать здѣсь вскрытія рѣки и начала навигаціи, но, къ счастью, тутъ подвернулся одинъ морской офицеръ, который присоединился къ совѣтамъ художника и случайно ввернулъ фразу, заставившую снова передумать.

—Жаль только,—говорилъ онъ:—что пароходъ *Перовскій* зимуетъ въ фортѣ Перовскомъ, и вамъ приведется плыть на пароходѣ *Сыръ Дарья*. Этотъ плохъ на ходу да пойдетъ въ первый рейсъ съ артиллерійскимъ транспортомъ, такъ вы развѣ только къ маю поспѣете въ Ташкендъ. Вотъ если бы на *Перовскомъ*,—тотъ лучше:—тотъ имѣетъ пять «орудіевъ и преферансъ въ ходу».

«До мая много воды утечетъ»,—подумалъ я, и мои мечты плыть вверхъ по старику Яксарту на пароходѣ разбились въ прахъ. Я велѣлъ выносить вещи.

Не смотря на особенное искусство Ивана, человѣка Б—скаго, и не смотря на уемистость тарантаса, пришлось таки кое-что изъ нашей поклажи привязать и къ задку, и къ козламъ. Насъ пугала тяжесть груза, и, когда мы, простившись съ хозяевами, вышли на крыльцо, на лицахъ у обоихъ насъ было написано: «а что какъ трахнетъ?!»

— Смѣлѣе, смѣлѣе, господа,—успокоивалъ насъ добрый батюшка:—не бойтесь, съ помощью Божіею дойдетъ. Тарантасъ бывалый, онъ ужъ два раза въ Ташкендъ бѣгалъ, дорогу хорошо знаетъ, разберетъ, — продолжалъ шутить отецъ Александръ. — Съ Богомъ! добавилъ онъ, когда киргизъ ямщикъ тронулъ возжами: — счастливый путь!

Лошади лихо рванули съ мѣста и понесли нашъ здоровенный тарантасъ по лужамъ, выбоинамъ и грязи, не разбирая дороги, такъ что мы едва держались на высотѣ нашихъ чемодановъ и прочей клади. Въ форштатѣ кипѣла жизнь, день былъ базарный. Грязь и вода не мѣшали народу толпиться на указанномъ для базара мѣстѣ. Цѣлые эскадроны киргизъ въ мохнатыхъ малахаяхъ разъѣзжали и на лошадяхъ, и на верблюдахъ около стадъ курдючныхъ овецъ и табуновъ лошадей. Крикъ и гамъ народа, ревъ верблюдовъ, ржанье лошадей и блеяніе овецъ—все сливалось въ одну общую дисгармонію и издали давало о себѣ знать. Врѣзавшись въ самую средину базара, мы должны были осторожно пробираться между массами народа и скотины. Глупыя овцы, точно нарочно, лѣзли подъ колеса и подъ ноги лошадей; верблюды брыкали и задними и передними ногами, утекая отъ нашего тарантаса, и валили по дорогѣ прямо въ грязь всякаго встрѣчнаго. Словомъ, появленіе наше на базарѣ произвело большую сумятицу и обратило на насъ всеобщее вниманіе.

— *Трàтуръ*, *трàтуръ* (постой, постой)! кричала какая-то азіятская фигура, протискиваясь къ нашему тарантасу.

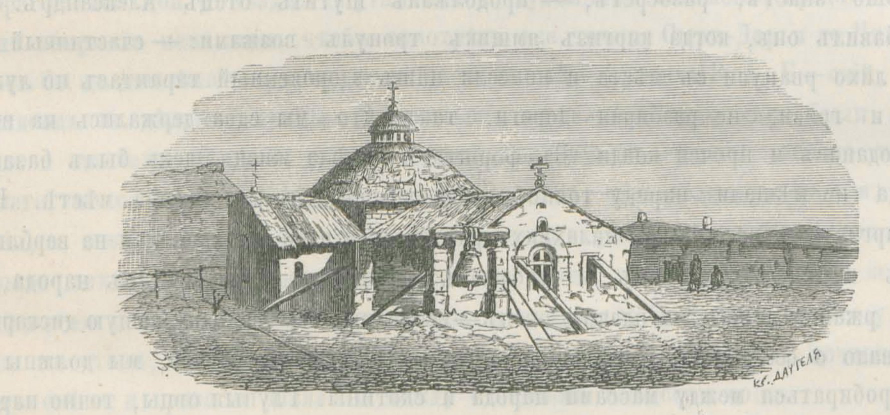
— *Амàнъ*, *амàнъ* (здорово, здорово)! кричалъ онъ мнѣ, точно глухому, во всю глотку, протягивая въ экипажъ обѣ руки, чтобы поздороваться: — счастливый путь! Ты выѣзжаешь, по нашему, подъ хорошей примѣтой, — продолжалъ онъ, вытаскивая изъ кармана кучу денегъ и показывая ихъ мнѣ; — видишь я бухарцамъ несу деньги отъ казначея и тебя встрѣтилъ на дорогѣ съ карманами полными серебра и золота. Это у насъ хорошая примѣта. *Аманъ*, *аманъ булъ* (будь здоровъ)! закончилъ онъ, соскакивая съ подножки.

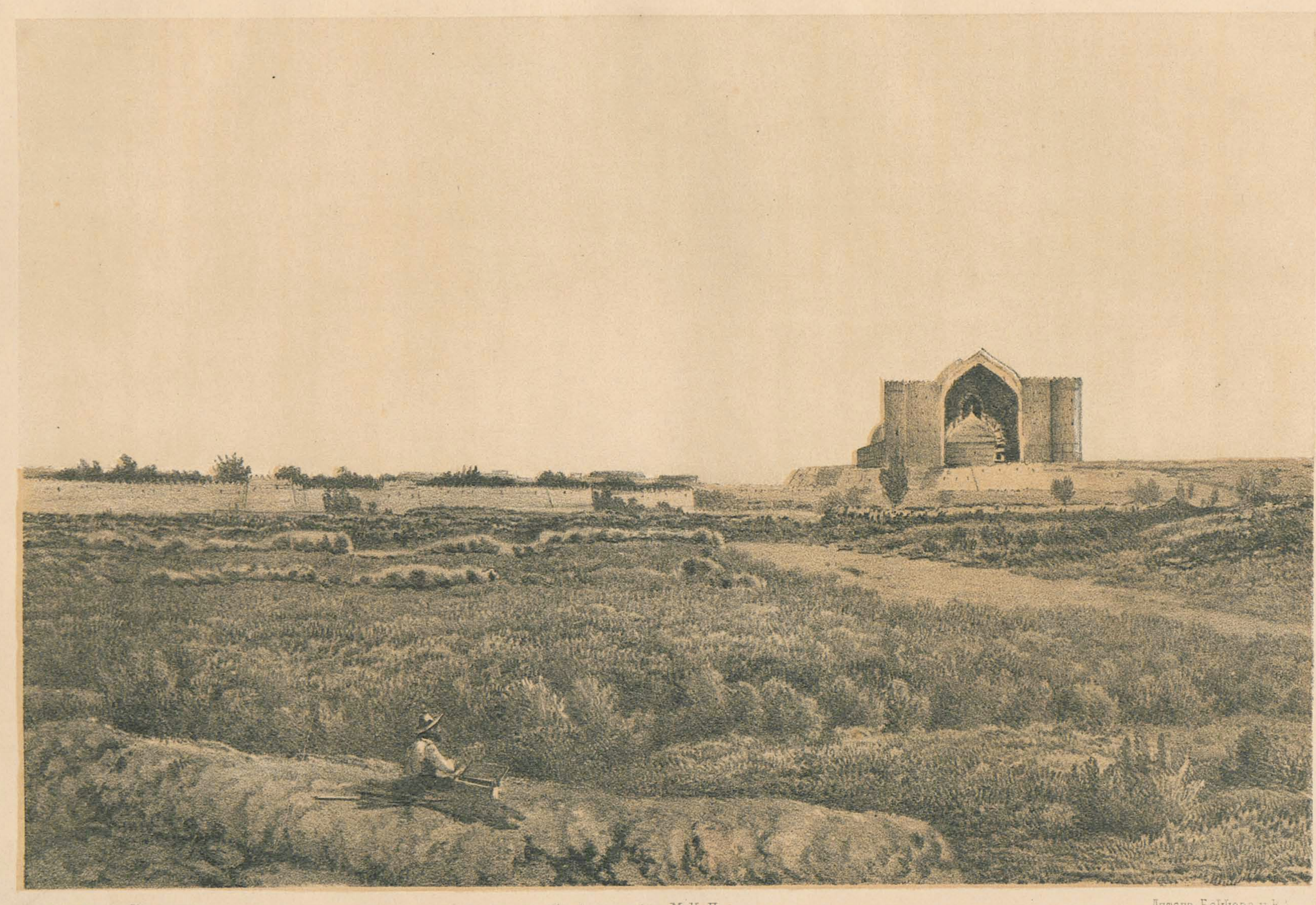
Это былъ хивинецъ, который черезъ меня говорилъ съ комендантомъ, въ качествѣ повѣреннаго бухарцевъ на полученіе за нихъ денегъ.

Миновавъ форштатъ, мы начали подниматься на пологую возвышенность, тянущуюся версты полторы. День былъ ясный, солнце ласково пригрѣвало насъ и умѣряло холодный вѣтерокъ, дувшій съ правой стороны отъ рѣки, затянутой еще ледяною корой. Нигдѣ ни одного деревца и въ то же время цѣлые хоры жаворонковъ, овсянокъ и другой пѣвчей птицы оглушали воздухъ; гдѣ только они скрывались, эти музыканты, — непонятно. Надъ нами, вереница за вереницею, тянулись съ крикомъ по направленію на сѣверо-западъ перелетныя птицы, гуси и утки. По откосамъ струились ручьи. Видимо вся природа просыпалась и стряхивала съ себя бѣлое покрывало, подъ которымъ ей уже надоѣло покоиться. Не доставало человѣка, и мы одни оживляли всю картину.

Взобравшись на пригорокъ, откуда можно было послѣдній разъ взглянуть на фортъ, мы обернулись. Печальный видъ форта на этотъ разъ былъ оживленъ десяткомъ вѣтряныхъ мельницъ, быстро махавшихъ своими крыльями, на которыхъ играло весеннее солнышко. Надъ фортомъ возвышался только флагъ и крыша церкви.

Иванъ снялъ шапку и началъ набожно креститься.

Дозволено Цензурою. Съ фотографіи М. К. Прiорова. Литогр. Беккера и К.

ТУРКЕСТАНЪ

съ восточной стороны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФОРТЪ № 2

иргизскія станціи, киргизскія клячи и несносные верблюды, степная слякоть и самая степь, представляющая видъ блюда съ уложеннымъ на него пирожнымъ то шоколатно-кофейнаго, то снѣжно-бѣлаго цвѣта, или вѣрнѣе, какъ я уже замѣтилъ, представляющая безконечное пространство, обтянутое шкурою съ какого-то пѣгаго съ коричневыми и бѣлыми пятнами звѣря,—все это снова предстало предъ нами въ своемъ величавомъ однообразіи. Тѣ же самыя непріятности, какія только я испыталъ раньше, стали повторяться каждый день. Описывать все въ подробности значило бы повторять то, что только что вы успѣли прочитать, поэтому я перенесу сюда изъ моего дневника лишь то, что насколько-нибудь разнообразило поѣздку и останавливало на себѣ наше вниманіе.

Прежде всего я замѣтилъ, что поѣздка съ военнымъ гарантировала меня отъ множества непріятныхъ случайностей. Это, впрочемъ, весьма понятно, потому что въ партикулярномъ платьѣ являются въ степь только одни купцы, покупающіе себѣ уваженіе и удобства деньгами. Я не помню, на какой это было станціи, только съ меня киргизы требовали всенепремѣнно по $2^1/_2$ к. с. съ лошади за версту, какъ полагается брать съ проѣзжающихъ по своей надобности, проще съ купцовъ, между тѣмъ какъ я, ѣдущій по казенной подорожной, долженъ былъ заплатить по правиламъ только по $1^1/_2$ к. с. Спорамъ не предвидѣлось конца, но, къ счастью, на слѣдующей станціи жилъ грамотный казакъ и было поручено ямщику обратиться къ казаку за разбирательствомъ моихъ правъ. Это было до форта № 1. Здѣсь подобныя недоразумѣнія не имѣли мѣста, потому что я ѣхалъ съ офицеромъ. Впрочемъ, отъ форта № 1 до самаго Ташкенда почти на каждой

станціи находится по нѣскольку казаковъ для обученія киргизъ къ обхожденію съ упряжью и для выѣзживанья лошадей. Но со мною и на такой станціи былъ одинъ случай, доказывающій, что значитъ въ степи военная кокарда. Хотя это было и на обратномъ пути, однако, я нахожу очень кстати разсказать этотъ случай здѣсь.

Рано утромъ пріѣзжаю я на одну станцію. Казаки спятъ; на станціи ни ямщиковъ, ни лошадей. Старый ямщикъ на пристяжной поскакалъ, по просьбѣ моей, въ аулъ, а я, съ сопровождавшимъ меня урядникомъ Бѣлочкинымъ принялись будить казаковъ, чтобы тѣ указали, гдѣ достать воды, и помогли поставить самоваръ. Часа черезъ два лошади были запряжены, я уже сидѣлъ въ экипажѣ, а урядникъ возился съ укладкою погребца. Въ это время подъѣзжаетъ тройка; изъ тарантаса выпрыгиваетъ офицеръ и требуетъ лошадей; ему предлагаютъ обождать, пока приведутъ изъ аула. Но или терпѣнья у этого офицера не было, или онъ ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ торопился, только онъ приказалъ отпрягать мою тройку. Съ моей стороны воспослѣдовалъ протестъ, выраженный казаку, явившемуся для исполненія приказанія.

— Выпрягать тебѣ приказываютъ, а не разсуждать! горячился юноша.

— Не смѣть выпрягать! въ свою очередь протестую я.

Казакъ былъ между двухъ огней. Юноша между тѣмъ бросился къ своему тарантасу, началъ тормошить своего спутника, спавшаго самымъ крѣпкимъ сномъ.

— Levez-vous, baron, levez-vous vite! шепталъ онъ, работая руками:—on vient de m'offenser et vous dormez comme... Раздалось ворчаніе, которое помѣшало мнѣ дослушать конецъ фразы, и изъ экипажа выскочилъ юнкеръ, на видъ юнѣе самого офицера.

— Кто? гдѣ? кого?! спрашивалъ онъ, протирая глаза и ища глазами врага. Между тѣмъ офицеръ показывалъ свою подорожную казаку и требовалъ исполненія приказанія на томъ основаніи, что «онъ офицеръ».

— Я самъ офицеръ, — отвѣчалъ я за казака, величавшаго меня *штатскимъ полковникомъ*, какъ здѣсь называютъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства.

— Н — не похоже?! процѣдилъ сквозь зубы офицеръ.

Оно и точно было непохоже. Моя обросшая бородою физіономія, выглядывавшая изъ-подъ широкихъ полей пуховой шляпы, съ зелеными, старческими, въ кожаной оправѣ очками, напоминала всего скорѣе купца, а Бѣлочкина легко можно было признать за прикащика, такъ какъ въ его костюмѣ не было ничего, что бы напоминало его казачество: онъ былъ въ рубашкѣ и ташкендскихъ шараварахъ.

Чтобы покончить скорѣе непріятную исторію, я пожелалъ узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло. — Я эрцгерцога — скаго полка штабъ-ротмистръ NN, а вы? — обратился ко мнѣ кавалеристъ.

— А я Государя Всероссійскаго коллежскій ассесоръ такой-то.

— Боже мой! У меня есть къ вамъ пакеты и порученіе отъ Николая Андреевича †) ждать его въ Ташкендѣ.

— Давайте сюда пакеты. — Сейчасъ же они были отысканы и отданы мнѣ.

---

†) Крыжановскаго, который въ это время готовился ѣхать въ область.

Послѣ такой неожиданной случайности мы разговорились съ г. NN; оказалось, что онъ такъ же, какъ и я изъ — скаго университета; мы подали другъ другу руки, и я, посовѣтовавъ ему напиться тутъ чаю, такъ какъ дальше станціи три не было хорошей воды, благополучно оставилъ его съ юнкеромъ на мѣстѣ.

Второй случай, съ другимъ *штатскимъ полковникомъ*, я вычиталъ на одной станціи въ «жалобной» книгѣ. Бѣдный самыми печальными красками рисуетъ сутки, проведенныя имъ наканунѣ праздника Рождества Христова въ 1865 году. Дѣло было такъ: онъ откуда-то куда-то ѣхалъ въ возкѣ; между двумя станціями его засталъ буранъ и морозъ. Ночь, кругомъ зги невидно, словомъ дотого было темно, что онъ и не замѣтилъ, какъ киргизъ успѣлъ выпрячь лошадей и удрать куда-то. Полагая, что тотъ поѣхалъ отыскивать дорогу, штатскій полковникъ уснулъ. Проснулся онъ къ утру, окруженный со обѣихъ сторонъ возка голодными волками, которые сидѣли и выли, вѣроятно, прося его открыть дверцы и угостить ихъ для праздника. «До слѣдующаго дня я долженъ былъ просидѣть въ этой волчьей компаніи, — значится въ жалобѣ: — стуча зубами отъ холода и голода, не имѣя смѣлости выдти ни за какою нуждою, даже подышать воздухомъ. Если бы не двустволка и револверъ, я сдѣлался бы жертвою этихъ звѣрей и безпорядковъ.» Далѣе, говорится, что только на третій день его отыскали ямщики и доставили, наконецъ, на станцію. Будь на мѣстѣ этого злополучнаго чиновника военный, навѣрное подобной исторіи не было бы и ямщикъ скорѣе замерзъ бы и былъ засыпанъ бураномъ, чѣмъ осмѣлился бы бросить въ степи на произволъ стихіямъ и волкамъ *турю* †), у котораго на плечѣ чинъ, т. е. эполеты.

Я былъ гарантированъ на этотъ разъ отъ подобныхъ непріятностей. Благодаря моему попутчику мы боролись цѣлую дорогу на протяженіи 180 верстъ до форта № 2 со стихіями, и намъ помогала въ этомъ вся степная публика, сколько ея тутъ ни было на всемъ пространствѣ, которое можетъ охватить взглядъ дальнозоркаго киргиза. Не смотря на всѣ наши старанія и усилія, едва-едва на пятый день мы дотащились до форта. Причина понятная — распутица. Киргизы только первый годъ занялись почтовой гоньбой, не умѣютъ ни запрячь лошадей, ни править, ни выбирать дороги. Лошади, какъ скоро сталъ экипажъ гдѣ-нибудь среди лужи, встрѣтивъ препятствіе, не умѣютъ дружно взять, и вы засѣли, пожалуй, до тѣхъ поръ, пока вся лужа высохнетъ. Въ такихъ случаяхъ мы посылали ямщика верхомъ на станцію за помощью; являлись казаки съ жердями, лопатами и дреколіемъ; возня продолжалась по нѣскольку часовъ и кончалась или тѣмъ, что на вытащенный экипажъ садился править казакъ, volens-nolens, — ему приказывалось, — или, послѣ тщетныхъ стараній до десятаго пота, мы садились верхомъ на неосѣдланныхъ лошадей и плелись на ближайшую станцію ждать ночи, когда подмерзнетъ, чтобы продолжать по холодку путь дальше. Такія дневки были для меня чрезвычайно пріятны, потому что я занимался все время съ киргизами болтовнею о томъ, о семъ; спутникъ же мой, котораго тянуло до невѣроятности въ Ташкендъ, постоянно сердился, становился неразговорчивъ и выкуривалъ множество папиросъ.

---

†) *Турá* — отвѣчаетъ нашему: баринъ, господинъ, а также офицеръ.

Впрочемъ, и онъ скоро привыкъ хладнокровнѣе относиться къ подобнымъ случайностямъ и сталъ интересоваться тѣмъ, что насъ окружало въ юртѣ во время дневокъ, или продолжительнаго ожиданія лошадей. И нельзя сказать, чтобы уже вовсе не было разнообразія. На иной станціи попадешь въ большую мужскую компанію киргизъ, состоящую изъ ямщиковъ, почтодержателя и его повѣренныхъ или прикащиковъ, въ другой въ цѣлую киргизскую семью, которая, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ проѣзжающихъ, даже не обращая на нихъ вниманія и сама не стѣсняя ихъ, исполняетъ на ихъ глазахъ всѣ свои дневные обиходы. Сутокъ черезъ двое мы знали уже почти все, какъ проводятъ киргизы свой день. Утромъ, напримѣръ, изъ-подъ разныхъ халатовъ, войлоковъ и всякаго хлама вылѣзаютъ на свѣтъ божій всѣ обитатели юрты и раскладываютъ костеръ на рединѣ, надъ которымъ начинается встряхиваніе бѣлья и всего платья. Потомъ притащатъ воды, впрочемъ, не для того, чтобы мыться,—киргизы никогда не умываются,—а для кушанья. Въ этой водѣ находящаяся въ юртѣ киргизка промываетъ нѣсколько разъ просо, затѣмъ наливаетъ воды въ *казанъ* (котелокъ) и вѣшаетъ на треножникѣ надъ костромъ. Сюда же всыпается просо и варится довольно долго, потомъ казанъ выносится изъ юрты и стоитъ тамъ долго-долго, должно быть пока не испарится вся вода. Во время такой стряпни мужское населеніе съ жадностью во взорѣ сидитъ около котла и слѣдитъ за варевомъ. Но вотъ кушанье уже готово. Часть свареннаго въ водѣ проса пожирается тутъ же, а остальное дѣлится между всѣми и завертывается ими въ кушакъ. Это дневная провизія степняка. Разъ, впрочемъ, мы были свидѣтелями, какъ въ котелъ бросили нѣсколько жирныхъ частей верблюжьяго мяса, — это такъ удивило насъ, что мы не отказались попробовать такого блюда. Нечего и говорить, какъ оно не вкусно безъ соли и всякой другой приправы. Я удивлялся, какъ мой спутникъ, который, быть можетъ, не разъ въ Петербургѣ съ гримасою относился къ повару Доминика, Палкина и другихъ рестораторовъ, конечно, кромѣ Дюсо и Донона, могъ съ апетитомъ ѣсть эту киргизскую кашу, да еще притомъ приготовлявшуюся на его глазахъ, между тѣмъ какъ я, неизбалованный судьбою, едва могъ попробовать ее. «Въ полѣ и жукъ мясо»,—объяснялъ Иванъ поведеніе своего барина, однако, самъ не прикоснулся къ этому жуку. Казаки же не уступали киргизамъ; имъ бѣднягамъ негдѣ взять ничего и, чтобы съѣсть что-нибудь, нужно ѣхать въ фортъ, гдѣ стоитъ ихъ сотня, за провіантомъ. Для нихъ это кушанье, называющееся *бутка́* (каша), было дѣйствительно хорошимъ жукомъ въ полѣ, благо хозяева киргизы радушны, а то съ голоду умереть можно, потому что даже хлѣба негдѣ достать, киргизы его не употребляютъ. Какъ-то, впрочемъ, разъ я видѣлъ, какъ киргизка, изготовивъ такую бутку и выполоскавъ казанъ, снова его подвѣсила надъ огнемъ; сама въ это время замѣсила прѣсное тѣсто, надѣлала лепешекъ, пришлепнула ихъ къ стѣнкамъ нагрѣвшагося котелка и такимъ образомъ испекла на каждую душу по парѣ опрѣсноковъ. Киргизы очень любятъ хлѣбъ, у каждаго проѣзжаго просятъ его и даже воруютъ, а между тѣмъ кочевая обстановка не даетъ имъ возможности имѣть его, потому что нѣтъ печки. На одной станціи мы застали пять киргизокъ и одного казака, остальные двое казаковъ и всѣ ямщики были почему-то въ отлучкѣ. Киргизскія жены оказались крайне любезными: одна поскакала верхомъ за лошадьми и за ямщикомъ, остальныя четверо ухаживали за нами сколько

могли, носили воду для самовара изъ Сыръ-Дарьи, бѣгали за колючкою для костра, таскали вещи изъ экипажа въ юрту и обратно,—словомъ, вызвали насъ на полнѣйшую благодарность. Мы спросили казака, можно ли имъ предложить за услуги денегъ.

— Зачѣмъ денегъ ваше скородіе? дайте имъ булочку и будетъ съ нихъ. Куда имъ деньги дѣвать, а хлѣба-то бѣдныя вторыя сутки во рту не имѣли, — посовѣтовалъ уралецъ, скорчивъ сострадательную рожу.

Мы предложили имъ хлѣба и что же изъ этого вышло? Эти степныя красавицы замѣтили, откуда доставался хлѣбъ, и украли его незамѣтнымъ образомъ весь. Такія исторіи были не съ нами одними, а повторяются вездѣ и очень часто.

Цѣлый день киргизы, кромѣ риса, находящагося въ кушакѣ, ничего не видятъ; нѣкоторые, впрочемъ, пьютъ кислое молоко, разведенное водою. Это питье называется *айраномъ*. Вечеромъ готовится новая бутка только въ меньшемъ количествѣ и большею частію жидкая; ее черпаютъ маленькими чашечками, похожими на наши полоскательныя чашки и находящимися у каждаго киргиза на поясѣ въ особомъ кожаномъ чахлѣ.

Читателямъ моимъ можетъ показаться страннымъ, отчего же киргизы такъ страдаютъ безъ пищи, когда у нихъ есть стада овецъ? Дѣйствительно, это странно и тѣмъ не менѣе оно такъ. Киргизы вообще весьма скупы на свой скотъ, особливо на овецъ, и питаются мясомъ только изрѣдка; говорю это не про богатыхъ, не про киргизскихъ біевъ, а про бѣдный классъ, къ которому принадлежатъ и ямщики. Лѣтомъ зато пища киргизовъ очень улучшается кумысомъ, который они пьютъ въ невѣроятномъ количествѣ. Отчего же они не ѣдятъ курицу, цыплятъ, яйца? спросите вы. До поѣздки въ степь я тоже не зналъ, что они не могутъ держать куръ, и думалъ даже разнообразить свой походный столъ яйцами и курицею, какъ это дѣлается всѣми на русскихъ трактахъ; но киргизы осмѣяли меня, когда я, проѣзжая мимо одного аула, вздумалъ спросить, нельзя ли тутъ купить яицъ и курицу, а казакъ на станціи даже удивился моей непроницательности.

— Куда имъ куръ имѣть,—съ упрекомъ объяснялъ онъ мнѣ:—развѣ курица кочуетъ? она не кочуетъ, она здѣсь негодна. Курица одно слово, какъ есть, *домашняя птица.*

Казакъ говорилъ правду, и дѣйствительно, когда представишь себѣ бродячую жизнь киргиза съ его семьею и стадами, длинные переходы для перекочевки, массу опасностей, преслѣдующихъ такое безотвѣтное созданіе, какъ курица, въ образѣ орловъ, беркутовъ, соколовъ, ястребовъ, лисицъ и другаго хищнаго звѣря, и, наконецъ, самую жизнь куръ, требующую покоя и осѣдлости, то сейчасъ же согласишься, что киргизу съ курицей не ужиться, потому что она *птица домашняя.* Но мнѣ кажется, что привычная къ работѣ и хлопотамъ киргизская женщина извернулась бы какъ-нибудь и въ этомъ случаѣ, еслибы у нихъ было въ обычаѣ птицеводство. Я это говорю не наобумъ, а потому, что на одной станціи въ той самой юртѣ, гдѣ былъ отведенъ уголокъ для меня, сидѣла бѣлая гусыня съ гусятами, только что появившимися на свѣтъ къ необычайному удовольствію преинтересной молоденькой хозяйки, которая, не обращая вниманіе на мое присутствіе, постоянно вертѣлась около нихъ. Это, впрочемъ, было вблизи самаго форта, куда она часто ѣздила съ мужемъ, гдѣ и выучилась уходу за птицами. Быть можетъ, она занялась гусями потому, что была привязана къ одному мѣсту, къ станціи, которую

снялъ ея мужъ, и въ случаѣ перекочевки бросила бы это хозяйство, — я этого ничего не знаю; но отсутствіе птицеводства готовъ объяснить скорѣе отсутствіемъ потребности, чѣмъ непреодолимыми затрудненіями. Вѣдь возятся же киргизы-охотники съ учеными соколами и беркутами, уходъ за которыми сложнѣе ухода за курами: отчего бы переносящая всякіе труды и невзгоды жена этихъ крайнихъ сибаритовъ не устроилась съ домашнею птицею?

Киргизская женщина, сохраняющая за собою всѣ недостатки своего пола, была нерѣдко самымъ пріятнымъ развлеченіемъ въ нашихъ дневкахъ. Насъ забавляло ея кокетство, которое она обнаруживаетъ сразу, — я разумѣю молодую женщину: — частымъ появленіемъ въ дверяхъ юрты, въ которой мы находились, будто за дѣломъ: то она побезпокоитъ насъ вытаскиваніемъ изъ-подъ войлока клубка съ шерстью, то ей понадобится какая-нибудь ложка или чашка, лепящаяся между жердями юрты, то вдругъ ни съ того ни съ сего она примется помогать казакамъ ставить самоваръ или раздувать костеръ возлѣ юрты, а то просто войдетъ къ намъ въ юрту и уставитъ на насъ свои черные глазки, не то лукаво, не то страстно выглядывающіе изъ неправильнаго прорѣза, окоймленнаго густою линіею черныхъ длинныхъ рѣсницъ. Стоитъ и смотритъ долго, такъ что даже какъ-то неловко становится. Думаешь: да чѣмъ же это кончится? вдругъ она спроситъ васъ что-то такъ скоро по-киргизски, что вы ничего не поймете...

— Да провались ты окаянная, опять пристаешь чортъ! просто вѣдьма-баба! прикрикнетъ на нее казакъ. На вопросъ вашъ, чего она хочетъ, — она ваше скородіе лекарства проситъ, — добавитъ онъ: — какъ бы ребятъ родить. Ко всякому пристаетъ; нѣтъ ужъ коли Богъ не даетъ, такъ тутъ никакое зелье не поможетъ! Знаю я какого ей средствія хочется: весна, мужья въ табунѣ да въ разгонѣ, со скуки и бѣсится. Вы плюньте, — она ко всѣмъ такъ... у киргизовъ на этотъ счетъ просто... и казакъ махнулъ рукой.

Насколько былъ правъ на этотъ разъ казакъ, взводя такія черныя подозрѣнія на степную кокетку, неизвѣстно; однако, не лишено вѣроятія, что киргизки не особенно отличаются супружеской вѣрностью, а мужья такихъ женъ рѣдко страдаютъ ревностью, хотя, впрочемъ, и здѣсь бывали Отелло, подъ ударами которыхъ погибали заподозрѣнныя въ невѣрности Дездемоны. Дѣвица на этотъ счетъ гарантирована со всѣхъ сторонъ. Родители совершенно равнодушны къ ея наклонностямъ, только бы она исполняла домашнія обязанности. Еслибы огласилось даже ея поведеніе, и она была бы отвергнута женихомъ, — это не бѣда: — и сиди вѣкъ въ дѣвкахъ. Въ семьѣ она никогда не будетъ въ тягость, потому что работа для нея всегда найдется, и она не даромъ получитъ пріютъ и пропитаніе. При такомъ взглядѣ на нравственность дѣвушки, при отсутствіи всякаго фанатизма, свойственнаго всему остальному мусульманскому міру, неудивительнымъ покажется, если вы встрѣтите на рукахъ у киргизки сынишку блондина, что̀ весьма естественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проходили наши войска. Я нигдѣ не встрѣчалъ такого равнодушія, такого индифферентизма относительно нравственности и такой безнравственности, облеченной въ самыя наивныя формы, какъ между киргизами. Какъ-то разъ я разговорился на эту тему съ ямщикомъ, мальчикомъ лѣтъ шестнадцати; онъ меня поражалъ своими разсужденіями, не лишенными, впрочемъ, извѣстной доли логики

и ловкихъ софизмовъ. Не буду приводить всего нашего разговора, скажу только, что онъ кончился на предложеніи познакомить меня съ его сестрою, первою, по его словамъ, красавицею въ аулѣ, которую обѣщалъ привезти ко мнѣ на станцію, если я этого пожелаю и подарю ему двугривенный.

Не на всякой станціи мы встрѣчали киргизскія семьи. Иногда стоитъ только одинокая юрта съ скучающими въ ней казаками и больше ничего. Это случалось тогда, когда близко находился аулъ, гдѣ жили ямщики, оставляя на станціи одного дежурнаго, который бы могъ дать знать о проѣзжающихъ. Въ такихъ случаяхъ мы занимались чтеніемъ жалобныхъ книгъ, которыя неизвѣстно для чего заведены здѣсь на станціяхъ, когда ихъ никто не смотритъ и никто жалобъ не повѣряетъ и не взыскиваетъ съ виноватыхъ. Все-таки находятся охотники вносить свои неудовольствія въ книгу. Скептики относятся къ этимъ книгамъ иначе и дѣлаютъ изъ нихъ другое употребленіе. Такъ на одной станціи какой-то господинъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ «*маіоръ Никита, Чертовъ братъ*», наполнилъ всю тощую книгу описаніемъ двухъ восходовъ и двухъ закатовъ солнца въ степи, которыми онъ любовался за неимѣніемъ ни лошадей, ни ямщиковъ на станціи; другая книга была занята нѣсколькими пульками преферанса, которую разыграли четверо проѣзжающихъ, объяснившихъ подъ итогами, что такъ какъ имъ пришлось провести на станціи полуторы сутки, то, чтобы меньше скучать, они разыграли столько-то пулекъ и оставляютъ администраціи въ неопровержимое доказательство ихъ продолжительной задержки весь ходъ пулекъ, которыя нельзя окончить менѣе, чѣмъ въ тридцать часовъ. Иногда встрѣчались болѣе или менѣе остроумные афоризмы о терпѣніи и вовсе неостроумныя ругательства болѣе нетерпѣливыхъ путешественниковъ.

Покончивши съ жалобной книгой, мы иногда отходили за полверсты отъ станціи на какой-нибудь пригорокъ, чтобы посмотрѣть на аулъ и встрѣтить нетерпѣливо ожидаемыхъ ямщиковъ. Это мы дѣлали тогда, когда предстояла возможность ходить, т. е. гдѣ земля была болѣе суха. Дорога между фортами №№ 1 и 2 тянется по правому берегу, то удаляясь отъ рѣки, то приближаясь къ ней, по мѣстности нельзя сказать чтобы холмистой, но и не совсѣмъ ровной; станціи находятся постоянно на возвышенныхъ мѣстахъ, которыя скорѣе просыхаютъ; пологія же мѣста, состоящія по большей части изъ солончаковъ, бываютъ заняты водою и образуютъ на нѣкоторое время трясину. За двумя-тремя пригорками гдѣ-нибудь ютится и киргизскій аулъ, и если мы находили удобнымъ пробраться на ближайшую возвышенность, съ которой видѣнъ былъ аулъ, то никогда не упускали этого случая, потому что картина кочевой жизни для насъ была нова, незнакома и чрезвычайно интересна. Да признаться картина эта мнѣ еще и до сихъ поръ представляется въ самыхъ пріятныхъ краскахъ. Я жалѣю только, что гораздо лучше умѣю любоваться природою и наслаждаться ею, чѣмъ описывать ее и передавать тѣ впечатлѣнія, какія она на меня производитъ. Здѣсь, впрочемъ, не представлялось намъ ничего такого, что бы можно было назвать живописнымъ, особливо въ такое время, когда еще только начинаютъ являться проблески кочеваго удобства, когда киргизъ только что начинаетъ чувствовать возможность не дрожать отъ холода. Чтобы посмотрѣть на аулъ, мы съ грѣхомъ пополамъ пробирались съ бугорка на бугорокъ, пока не замѣчали тонкихъ струекъ дыма, выходящаго, для непривычнаго глаза,

какъ бы изъ земли, такъ какъ войлокъ, которымъ обтягивается юрта, почти землянаго цвѣта; тогда мы вооружались биноклемъ. Грязныя юрты едва отдѣлялись отъ грязнаго же фона всей картины, онѣ стояли въ нѣкоторомъ порядкѣ, такъ что образовывали собою родъ улицы. Дверь каждой юрты смотрѣла на эту улицу. Около, съ солнечной стороны возились голые грязные прегрязные киргизята, такъ же едва замѣтные потому только, что они возились; между юртами мелькали женскія фигуры, въ обыкновенныхъ синихъ рубахахъ и бѣлыхъ *урамалахъ*, намотанныхъ на головѣ †); изрѣдка можно встрѣтить, впрочемъ, и ярко-красную кумачную или ситцевую рубашку, принадлежащую дѣвушкѣ. На солнцѣ растянута бѣлиться армячина изъ верблюжьей шерсти, — произведеніе рукъ киргизской женщины, — тутъ же сушатся только что свалянные войлоки и изрѣдка бѣлѣютъ бараньи шкурки. Послѣднее бываетъ, когда киргизу уже положительно приходится или умирать съ голоду, потому что все просо и другая крупа во время зимы истощились, или зарѣзать барана, лишиться котораго ему такъ же жаль, какъ лишиться своего дѣтища. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ аула, подростки собираютъ колючку и сорныя травы для топлива и откапываютъ разные цѣлебные коренья. Но вотъ прискакалъ дежурный со станціи, остановился у крайней юрты, передъ которой стояла на привязи лошадь. На его зовъ выскочило мужское населеніе, начались разговоры, наконецъ, одинъ изъ нихъ вскакиваетъ на неосѣдланную лошадь, беретъ въ руку арканъ съ петлей и мчится въ табунъ за лошадьми. Иногда намъ случалось видѣть и самую ловлю лошадей арканами, если табунъ бродилъ не далеко отъ своего аула. Ловкость, съ которою бросается петля именно на ту лошадь, которую хотятъ поймать изъ сплотившагося табуна, не подражаема. Попавшаяся на арканъ лошадь нисколько не сопротивляется, будто бы подчиняясь человѣческой ловкости безапелляціонно. Скоро къ станціи вскачь приближается тройка дикихъ, никогда не испытавшихъ хомута лошадей и начинается запряжка. Казаки дикому коню завязываютъ глаза, иначе онъ не позволяетъ надѣть хомута, пристягиваютъ постромки, оглобли, надѣваютъ дугу съ колокольчикомъ, какъ можно скорѣе и потомъ, снявши повязки, мчатъ экипажъ во весь опоръ, пока тройка не взмылится и не утомится окончательно, — тогда уже обезсиленный конь подчиняется волѣ ямщика и смиренно тянетъ до станціи. Впрочемъ, не всегда это кончается благополучно, иногда тарантасъ или телѣга разбиваются въ дребезги, а казакъ или киргизъ теряетъ руку и платится своими ребрами. Съ нами такого несчастія не было, мы благополучно добрались до форта № 2.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ форту, тѣмъ болѣе чувствовалась весна; снѣга уже нигдѣ не было, и намъ доводилось только по-временамъ ѣхать версты по три по четыре солончаками, покрытыми водой. Аулы киргизъ встрѣчались все чаще и чаще. Это были передовые той безчисленной массы киргизъ, которая теперь двигалась изъ глубины песковъ *Козылъ-кумъ* на сѣверъ къ Сыръ-Дарьѣ въ наши предѣлы. Передовые, по преимуществу, болѣе бѣдные спѣшили перекочевать на нашу сторону, чтобы перейти рѣку по льду, а не платитъ потомъ за перевозъ.

---

†) *Урамалъ* — испорченное персидское слово *руи-малъ* или ру-малъ, т. е. полотенце для лица.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°.

ХОДЖЕНДЪ

Видъ съ крѣпостной стѣны

Намъ также разъ случилось ѣхать по льду р. Сыръ-Дарьи въ одномъ мѣстѣ, гдѣ она дѣлала большой изгибъ, чтобы сократить немного дорогу. Это было раннимъ холоднымъ утромъ; мы вышли изъ экипажа и въ енотовыхъ шубахъ промаршировали все пространство, версты двѣ по ея синему прозрачному гладкому льду. Чуть ли не на другой день рѣка вскрылась.

— Рѣка вскроется очень скоро, — замѣчали киргизы, слѣдя за массами перелетныхъ птицъ. — Вонъ ужъ и чайка появилась, — добавляли они, какъ бы еще болѣе подтверждая этимъ свое предсказаніе.

Дѣйствительно, птицы было такъ много, будто она нарочно собралась сюда на какой-нибудь пиръ, на празднество. Воздухъ оглашался на всевозможные лады, начиная отъ множества пѣвчихъ птицъ и кончая такими, которымъ не слѣдовало бы никогда издавать ни одного звука, такъ какъ природа лишила ихъ пристойнаго голоса. Вереницы гусей пестрили чистое лазоревое небо; ниже ихъ съ кряканьемъ неслись на сѣверъ утки, не соблюдая такого порядка, какъ гуси, а въ-разсыпную. Мнѣ вспомнился разсказъ одного азіята объ охотѣ въ этихъ краяхъ; онъ, желая лучше выразиться о множествѣ перелетной птицы, сказалъ: «у насъ птицы затмѣваютъ весеннее солнце»;— признаться, это было близко къ истинѣ. Кромѣ массы птицы въ воздухѣ, гораздо большее количество ея отдыхало на землѣ и на весеннихъ случайныхъ озерахъ, образовавшихся отъ стоковъ снѣжныхъ ручьевъ. Черезъ дорогу перебѣгали то и дѣло рябки, — родъ рябчика,—чибисы и фазаны. Хищныя птицы плавно кружили въ воздухѣ надъ норками тушканчиковъ, сусликовъ и земляныхъ мышей. Какъ бы въ контрастъ возрожденію природы, по дорогѣ изрѣдка попадались гніющіе трупы павшихъ лошадей и верблюдовъ, которые испускали зловонія на огромное пространство и были по душѣ только чернымъ воронамъ, не покидавшимъ этого блюда даже при проѣздѣ дребезжащаго тарантаса.

Спутникъ мой, повидимому, такъ спѣшившій въ Ташкендъ, мало по малу увлекался своей охотническою страстью; онъ сперва ястребинымъ взоромъ слѣдилъ за полетомъ гусей и утокъ, браня ихъ по-временамъ за что-то «подлецами», а потомъ при каждомъ удобномъ случаѣ останавливалъ тройку, вылѣзалъ изъ экипажа, крался за рябками къ кустарнику или гнался за фазаномъ. Послѣдняго ему впрочемъ удавалось только подстрѣливать, а рябки попадали весьма часто и въ тарантасъ. Не имѣя собаки, онъ долго сдерживался идти противъ утокъ, но на одной станціи казаки изъявили желаніе замѣнить лягавыхъ псовъ, и мы потеряли добрыхъ часа три на охотѣ за утками съ казаками, которые плавали по озеру и таскали намъ поноску. Тарантасъ былъ полонъ всякой дичи, когда мы подъѣзжали къ форту № 2, и В. А. Б—ій, довольный собою, пересталъ сердиться на утокъ и рябковъ и «подлецами» называлъ только однихъ неподдавшихся ему фазановъ.

Мы въѣхали въ фортъ раннимъ утромъ, когда тамъ еще все кромѣ часовыхъ покоилось крѣпкимъ сномъ. Видъ форта № 2 гораздо грандіознѣе форта № 1, благодаря какой-то зубчатой башнѣ, построенной изъ жженаго кирпича на сѣверозападномъ углу и оказавшейся неотвѣчающею цѣли, какъ нерѣдко бываетъ у насъ, и — церкви возвышавшейся надъ всѣми постройками форта. На мостикѣ, перекинутомъ черезъ ровъ,

встрѣтившій насъ караульный побѣжалъ впередъ и указалъ квартиру для проѣзжающихъ. Долго бѣгали за ключами, за солдатомъ, которому поручено вѣдѣніе этою квартирою, и наконецъ насъ ввели въ низенькія, но чистенькія комнатки съ ситцевою мебелью и такими же занавѣсками. Видно было, что давно человѣческая нога не была въ этихъ комнатахъ: пауки безцеремонно протянули свои пути сообщенія отъ угла до угла черезъ всю комнату, и мы неумышленно своими физіономіями разрушили ихъ долговременную, но непрочную работу; голодные и исхудалые клопы довольно крупной породы бродили по мебели и по стѣнамъ, едва передвигая лапки. Спертый воздухъ обдалъ насъ непріятною сыростью, и мы попросили скорѣе развести огонь въ печкѣ и дать намъ самоваръ.

Вскорѣ въ дверь ввалились два солдатика съ громаднѣйшими вязанками камыша за спиною, которыя едва съ шумомъ и трескомъ прошли въ дверь и, брошенныя на полъ, заняли половину комнаты. Мы удивились усердію солдатъ, но они преспокойно замѣтили намъ, что этого еще мало и придется еще притащить парочку вязанокъ, чтобы нагрѣть комнату. Дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ полчаса камыша уже не стало, и появились обѣщанныя новыя двѣ вязанки.

Относительно самовара намъ отвѣчали, что самъ комендантъ идетъ просить насъ къ себѣ на чай. Онъ не заставилъ насъ долго себя ждать, и черезъ полчаса мы уже шли въ его квартиру. Кто проѣзжалъ по сырдарьинской линіи, тотъ понимаетъ, какъ пріятно быть приглашеннымъ къ коменданту. Съ подобнымъ приглашеніемъ связано всенепремѣнно понятіе о сытномъ обѣдѣ, о пачкѣ газетъ, доставленныхъ сюда обогнавшей васъ почтой, о полученіи новостей *съ мѣста дѣйствія* и,—что для туриста важнѣе всего, о возможности разспросить степнаго старожила о томъ, что его интересовало на пути, что обращало на себя его вниманіе, но осталось непонятымъ, невыясненнымъ. Егоръ Михайловичъ Косаревъ во всѣхъ отношеніяхъ оправдалъ наши надежды. Мы провели въ его семействѣ цѣлый день, у него и обѣдали, и ужинали. Въ числѣ блюдъ такой незатѣйливой кухни, какъ степная, намъ были предложены колбасы самаго свѣжаго качества съ собственной коптильни коменданта. Между дѣломъ, то есть между ѣдою, мы просмотрѣли только что полученные №№ «Русскаго Инвалида», находившіеся въ дорогѣ около полуторыхъ мѣсяцевъ. Такая поздняя доставка впрочемъ случайна, благодаря распутицѣ, а въ остальное время года газеты доходятъ сюда почти въ мѣсяцъ.

Но тысячу разъ интереснѣе всякихъ газетъ была для меня бесѣда съ амфитріономъ о степи, ея обитателяхъ, богатствѣ и о степномъ хозяйствѣ. Онъ самъ, какъ большой и опытный хозяинъ, во все вникалъ, всѣмъ интересовался; и сообщенныя имъ свѣдѣнія впослѣдствіи подтвердились вполнѣ. Жаль съ одной стороны, что такая полезная личность очутилась въ такомъ пунктѣ, гдѣ дѣятельность немыслима, съ другой—кромѣ его никто бы здѣсь не остался и года: или бѣжалъ бы, или померъ бы съ тоски и съ голода.

Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ нѣсколько лѣтъ назадъ необходимость могла заставить насъ на такой пустынной и каменистой мѣстности создать укрѣпленіе, но его бы слѣдовало бросить при первомъ шагѣ впередъ, при первой возможности. Фортъ № 2 основанъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи при сліяніи Караузяка и Джаманъ-Дарьи, двухъ ея рукавовъ, близъ урочища Кармакчи́, прозваннаго такъ потому, что здѣсь находится могила киргизскаго святаго извѣстнаго подъ этимъ прозвищемъ. Противоположный берегъ представляетъ

прекрасную луговую низменность, между тѣмъ какъ этотъ состоитъ изъ песка, щебня и камня и лишенъ всякой растительности. Въ фортѣ, не смотря на всевозможныя старанія, до сихъ поръ не могли возрастить ни одного деревца: — къ половинѣ лѣта почва положительно раскаливается и всякая зелень перегораетъ, не смотря на самую тщательную поливку. Понятно, что при фортѣ не водворилось ни одного поселянина, и все населеніе состоитъ изъ коменданта, доктора, одного субалтернъ-офицера и 70 ч. гарнизонной команды. Священника здѣсь также нѣтъ, такъ какъ церковное зданіе не имѣетъ ни иконостаса, ни алтаря. Нѣтъ даже ни одного купца, ни одной лавочки; все нужно или выписывать изъ форта № 1, или закупать у проѣзжающихъ дальше въ степь каравановъ. При такихъ условіяхъ жизнь здѣсь — пытка, и въ настоящее время, когда край умиротворенъ, когда правительство находитъ достаточнымъ содержать гарнизонъ, равняющійся, при внѣшнемъ нападеніи и при волненіяхъ въ степи, нулю, — жертвы, приносимыя ежедневно обитателями форта, и лишенія, ими испытываемыя, совершенно напрасны. При всемъ этомъ оклады жалованья весьма умѣренны, такъ что не можетъ вознаграждать и экономія. Блаженъ тотъ, кто при такихъ обстоятельствахъ, — добавьте ко всему отсутствіе библіотеки, — съумѣлъ посвятить свою дѣятельность какой-нибудь отрасли хозяйства или сосредоточить свою любознательность на изученіи какой-нибудь интересной стороны окружающей его оригинальной природы съ ея обитателями; — но и такому здѣсь на первомъ же шагу встрѣтятся припятствія въ недостаткѣ пособій. Не знаю, что занимало здѣсь врача, я съ нимъ не успѣлъ познакомиться; нашъ же амфитріонъ весь отдался хозяйству и рыболовству и цѣлый день проговорилъ со мною объ этихъ предметахъ съ охотою, что служитъ вѣрнымъ тому доказательствомъ.

— Сазановъ мы ловили острогою, — разсказывалъ мнѣ любезный хозяинъ, — а на шиповъ, щуку и лещей у насъ есть неводъ.

— Есть ли въ Сыръ-Дарьѣ стерлядь? — спросилъ я.

— Какже — есть, отвѣчалъ онъ: — въ 1864 году поймали одну стерлядь. А вотъ здѣсь славная мелкая рыба встрѣчается въ родѣ селедки, надо бы испробовать посолить. Но вотъ бѣда, народу нѣтъ: оренбургскіе казаки не охотники до рыбалки, а уральскихъ въ степи оставляютъ мало. Сыръ-Дарьѣ теперь скоро пора пройти, — обратился онъ къ моему компаніону, бесѣдовавшему съ хозяйкой.

Сыръ-Дарья вскрылась въ эту же ночь. Нашъ тарантасъ перевезли на ту сторону, и мы, простившись съ комендантшей, переправились черезъ Сыръ-Дарью съ комендантомъ, ея мужемъ, который ѣхалъ посмотрѣть, много ли солдатики приготовили *саксаула* †).

— Вотъ посмотрите: — въ Караузякѣ течетъ вода голубая, обратился къ намъ комендантъ; — а тамъ въ Джаманъ-Дарьѣ сѣрая, какъ на всемъ Сырѣ. Это, говорятъ, оттого, что Караузякъ заростаетъ камышемъ; камышъ каждую осень гніетъ, падаетъ и ложится на дно, а въ Джаманъ-Дарьѣ камышей нѣтъ; и вода-то въ Караузякѣ затхлая немного; попробуйте, — добавилъ онъ, зачерпнувши въ ковшикъ воды.

---

†) *Саксаулъ*, — это степное растеніе, называющееся Halimodendron ammodendron, растетъ въ корень и величиною бываетъ небольше человѣческаго роста; вмѣсто листьевъ имѣетъ зеленыя иглы.

Мы попробовали:—ничего себѣ, вода какъ вода. Когда мы проѣзжали Джаманъ-Дарью, онъ указалъ намъ на нее. Дѣйствительно, чрезвычайно оригинально сливались между собою два рукава: сѣровато-мутная струя Джаманъ-Дарьи отбивалась къ берегу быстрымъ потокомъ Караузяка; и Богъ знаетъ, камыши ли тутъ виноваты, или Караузякъ имѣетъ новые источники, отчего вода его становится голубой.

Первая станція около сорока пяти верстъ. Лошади уже были готовы и ожидали насъ на берегу; мы пожелали всякаго благополучія коменданту и тронули въ объѣздъ, по саксаульнику, который былъ здѣсь довольно высокъ.

— А *джулбарсы* †) здѣсь есть?—спросилъ я ямщика.

— Нѣтъ, ихъ нѣтъ здѣсь; осенью бываютъ,—отвѣчалъ ямщикъ.

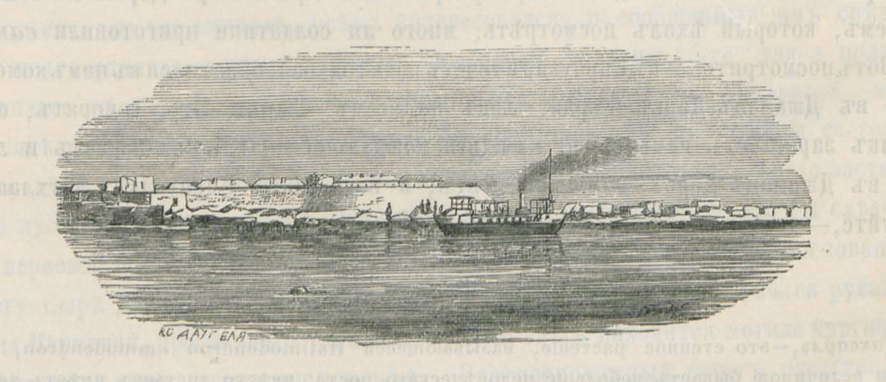
Я много выслушалъ разсказовъ г. Косарева о томъ, какъ тигровъ здѣсь ловятъ киргизы и солдаты. Они ставятъ какую-нибудь падаль въ извѣстное мѣсто и окружаютъ ее ружьями, къ куркамъ которыхъ протягиваютъ бечевки, такъ что съ которой бы стороны тигръ ни показался, онъ получаетъ залпы изъ нѣсколькихъ ружей. Но комендантъ говорилъ, что тигры иногда уходятъ и отъ этакой опасности.

Водопроводныя канавы встрѣчаются очень часто; онѣ здѣсь довольно глубоки. Мы встрѣтили многихъ киргизъ—*игунчй* ††) за работою: они прочищали канавы и работали усердно. Чтобы нанять такого игунчй, нужно заплатить отъ двухъ до четырехъ рублей въ мѣсяцъ и дать ему на пропитаніе проса и дойную корову. Къ ночи только мы пріѣхали на первую станцію, значитъ переѣздъ былъ довольно порядочный; лошади подъ конецъ едва тянули. Станція была занята киргизами, поджидавшими проѣзжающихъ; лошади были далеко отъ станціи, и насъ просили обождать. Нечего было дѣлать, мы напились чаю и прикурнули, г. Б—скій въ тарантасѣ, а я—въ юртѣ.

На разсвѣтѣ мы выѣхали съ тѣмъ же ямщикомъ и по ровной мѣстности проѣхали три станціи, не встрѣчая нигдѣ остановки. На одной только станціи нашъ ямщикъ долго торговался, чтобы позволили ему править лошадьми.

†) *Джулбарсъ*—тигръ.

††) *Игунчй* собственно значитъ пахарь, а здѣсь обозначаетъ также и осѣдлаго человѣка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ФОРТЪ-ПЕРОВСКІЙ.

Послѣдняя станція застала насъ утромъ. Мы были уже въ виду станціи, стоило только перебраться черезъ маленькую рѣчку Куванъ-Дарью. Рѣшено было ѣхать въ тарантасѣ, но разливъ былъ такъ великъ, что нельзя было разсмотрѣть порядкомъ дна. Правая пристяжная упала и сбила коренника; должно быть, имъ была такъ пріятна вода, что онѣ ни за что не хотѣли встать, пока ихъ не выпрягли. Ямщикъ былъ тотъ же, который сѣлъ къ намъ на козлы въ фортѣ № 2. Мы заставили его кричать, чтобы онъ разбудилъ на станціи людей. Изъ кибитки высунулась сперва голова какой-то старухи, а потомъ вылѣзли и ямщики. Не знаю, откуда достали они лошадей, переправились къ намъ и рѣшили, что тяжести нужно перевезти верхомъ. Началась переборка вещей до тѣхъ поръ, пока въ тарантасѣ ничего не осталось, кромѣ меня да К. Б—скаго. Наконецъ тронулись и мы; вода хватала лошадямъ выше брюха, но благодѣтельный тарантасъ былъ на высокихъ колесахъ, и, благодаря этому обстоятельству, насъ не подмочило.

Утро было великолѣпное. Солнце отливало всевозможными лучами; однако это не помѣшало намъ забраться въ кибитку и посмотрѣть, какъ киргизка готовила *бутку* †) съ верблюжьимъ саломъ, и ждать пока Иванъ снабдитъ насъ чаемъ. К. Б—скій рѣшился поѣсть этой бутки, которую ему съ большой охотой предложили киргизы, я же не отважился.

Не знаю почему, намъ пришлось долго пробыть на этой станціи. Нужно замѣтить, что здѣсь находился ямщикъ съ предыдущей станціи, которому слѣдовало сдать лошадей,

†) *Бутка́* — каша изъ проса или какой-нибудь другой крупы.

возжи, хомуты и т. п. Кажется, происходилъ споръ между ямщикомъ станціи Кумкульской и содержателемъ станціи Куликинской изъ-за недостающихъ ему частей сбруи.

О удивленіе! На козлахъ сидѣлъ опять тотъ же ямщикъ, который везъ насъ отъ форта № 1.

— Ты какъ опять сюда попалъ?—спросилъ я его.

Онъ объяснилъ мнѣ, что поставляетъ саксаулъ отъ форта № 2 до форта Перовскаго, что ему надо побывать въ фортѣ Перовскомъ и что онъ проѣдетъ туда съ нами. А какъ онъ попалъ опять на козлы, это онъ пояснилъ тѣмъ, что съ деньгами все можно сдѣлать.

Часа черезъ три мы были на берегу Сыръ-Дарьи, сдали тамъ лошадей обратному ямщику и должны были ждать до вечера желѣзнаго баркаса, который долженъ былъ выйти къ намъ на встрѣчу. К. Б—скій поинтересовался спросить у казаковъ, есть ли тутъ въ камышахъ фазаны и, узнавши, что есть, отправился на поиски. Казаки мнѣ говорили, что ночи три тому назадъ гулялъ тигръ въ этихъ камышахъ; я испугался этаго и по берегу отправился догонять Б—скаго, чтобы предупредить его. Оказалось, что казакъ, отправившійся вслѣдъ за нимъ, разсказалъ ему ужъ раньше объ этомъ. Наконецъ, на поворотѣ рѣки завидѣлась мачта баркаса; но прошло еще порядочно времени, пока онъ причаливалъ къ берегу, разложилъ мостки и принялъ насъ къ себѣ. Человѣкъ двадцать солдатъ подъ командою одного урядника составляли экипажъ баркаса; тутъ были мордва и черемисы и казанскіе татары, — словомъ представители многихъ поволжскихъ губерній.

Около насъ разложили небольшой костеръ, и Иванъ распоряжался чаемъ. Солдатики шутили между собою сначала, а потомъ сѣли грѣть и затянули пѣсню, знакомую каждому русскому:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью»....

Подъ это пѣніе мы, находившіеся все время на чистомъ воздухѣ, скоро заснули и проснулись уже тогда, когда тарантасъ нашъ начали втаскивать на берегъ. Это было въ ночь на 19 марта. Насъ направили въ домъ благороднаго собранія, гдѣ мы нашли только соннаго буфетчика и весьма приличное помѣщеніе, состоящее изъ гостиной и зала.

На утро я былъ разбуженъ приходомъ начальника праваго фланга, разсыпавшагося въ извиненіяхъ, что онъ не успѣлъ помѣстить насъ у себя, но что, ежели намъ угодно, мы можемъ переѣхать къ нему; что его кабинетъ готовъ къ нашимъ услугамъ и что онъ надѣется, что мы придемъ къ нему обѣдать.

Домъ собранія состоитъ изъ зала, гостиной, дамской уборной и комнатъ для прислуги. Въ залѣ направо отъ входа устроено помѣщеніе для музыкантовъ, которыхъ здѣсь наберется едвали много, но по всей вѣроятности есть человѣкъ пять шесть, судя по мѣсту, которое для нихъ назначено. Домъ одноэтажный съ плоской крышей и съ пристройками, которыя состоятъ изъ ледника и амбара для провизіи съ одной стороны, а съ другой — изъ квартиры переводчика татарскаго языка г. Хадисова, не окончившаго курса въ Императорской казанской гимназіи, состоящаго при начальникѣ населенія г.

Груздѣ. Изъ оконъ зала виднѣется церковная палатка и имущество бухарцевъ, разложенное на площади, съ часовымъ, прохаживающимся около него. Въ залѣ виситъ безграмотное росписаніе танцовальнымъ и карточнымъ вечерамъ клуба.

Проходя квартиру начальника фланга, мы увидѣли въ полуразвалившихся воротахъ форта массу сложенныхъ одно на другое бревенъ; каждое бревно обошлось правительству съ доставкою изъ Оренбурга отъ 25 до 40 р. сер.

Фортъ Перовскій, при входѣ въ ворота, представляетъ улицу, обсаженную съ обѣихъ сторонъ деревцами. Мы вошли налѣво въ ворота дома начальника фланга; тамъ же помѣщались гауптвахта и развалины акмечетской башни. Помѣщеніе начальника фланга одноэтажное, очень комфортабельное. Въ залѣ мы у него нашли накрытый столъ, его супругу, весьма милую даму, и какого-то военнаго доктора. Столъ былъ чрезвычайно вкусенъ, а для насъ, проѣзжающихъ по степи, даже необыкновенно изященъ; пріятный разговоръ хозяйки дома доставлялъ намъ громадное удовольствіе. Я узналъ, что сегодня отправляется въ Россію почта, и послѣ обѣда расположился въ кабинетѣ хозяина писать въ Петербургъ письма; К. Б—скій, наговорившись съ хозяйкою, отправился домой заниматься тѣмъ же.

Кромѣ начальника праваго фланга, здѣсь есть комендантъ и начальникъ киргизскаго населенія, но я уже съ ними познакомился на обратномъ пути, купивши у перваго тарантасъ, а со вторымъ такъ изъ любознательности, потому что слышалъ про него много хорошаго въ Ташкендѣ. На обязанности начальника населенія лежитъ собираніе кибиточной повинности, рѣшеніе споровъ между киргизами и судъ надъ ними. Кибиточная повинность собирается черезъ біевъ, такъ какъ самъ начальникъ не можетъ знать, сколько у него кибитокъ подъ началомъ. Кибиточнаго сбора полагается по 4 рубля съ кибитки; вмѣсто денегъ нѣкоторые киргизы представляютъ барановъ, но эти бараны никогда не доходятъ до рукъ начальника населенія, а продаются біями же въ степи; къ нему привозятся только деньги. Рѣшеніе споровъ, зависящее отъ него, не такъ велико, потому что киргизы обращаются по бо́льшей части съ тяжебными дѣлами въ *біиликъ*, судъ біевъ. Тамъ дѣла разслѣдуются и рѣшаются очень скоро, только не на основаніи нашихъ законовъ, а на основаніи чингисхановой *ясы* †). Эта яса̀ до того строга, что въ настоящее время киргизы отдаются въ нѣкоторыхъ родахъ своихъ преступленій русскимъ судамъ, а въ мѣстахъ, близкихъ къ мусульманскимъ городамъ, рѣшенію *шаріатскаго суда* ††). Испортитъ ли одинъ родъ киргизъ у другаго водопроводныя канавы, или помнетъ хлѣба́, обиженные идутъ къ начальнику населенія жаловаться на злонамѣренное покушеніе. При заключеніи какихъ-нибудь сдѣлокъ или торговыхъ

---

†) Яса̀ — слово монгольское, значитъ наказъ. Говорятъ, будто Чингисханъ оставилъ послѣ себя письменное завѣщаніе, которымъ руководствуются киргизы. Улугъ-бекъ цитируетъ изъ него нѣсколько правилъ, довольно строгихъ. Для меня весьма памятенъ споръ о существованіи этой ясы́ въ письменномъ видѣ И. Н. Березина съ К. Ѳ. Голстунскимъ; послѣдній, на основаніи того, что у Сананъ Сецена ничего не сказано про нее, опровергалъ ея существованіе. Я разыскивалъ эту ясу́, и мнѣ указывали на одного какого-то смышленаго муллу, у котораго была писанная яса̀, но мнѣ его не удалось видѣть. Поэтому я не могу говорить ни pro, ни contra.

††) Судъ по шаріату — судъ по мусульманскому духовному закону.

договоровъ съ какимъ-нибудь русскимъ купцомъ они также его безпокоятъ. Безпомощные бѣдные киргизы постоянно идутъ къ начальнику населенія, такъ какъ у него за рѣшенія споровъ ничего не взыскивается; бійликъ же иногда дорого обходится тяжущимся сторонамъ †).

Свободное отъ службы время начальникъ населенія можетъ тратить на что ему угодно, на рыболовство и охоту; г. Груздь, кажется, предпочитаетъ заниматься первымъ, такъ какъ въ обратный проѣздъ мой я засталъ его на рыбной ловлѣ, на которую онъ отправился съ большою компаніей офицеровъ, стоявшихъ въ Фортѣ Перовскомъ.

Въ туркестанскомъ, чимкендскомъ и ташкендскомъ районахъ начальники населенія взимаютъ съ провинившихся киргизъ *аибныя* деньги, вносимыя ими въ штрафъ за какое нибудь преступленіе. Аибныхъ денегъ набирается въ теченіе года довольно большое количество. Начальникъ населенія имѣетъ квартиру съ неслыханною здѣсь роскошью, съ биліардомъ. Онъ — пожилой холостой человѣкъ, управляетъ киргизами уже не первый годъ, говоритъ по-киргизски, какъ киргизъ, и имѣетъ постоянно около себя холостой кружокъ.

Фортъ Перовскій основанъ въ 1853 году и носитъ грустный отпечатокъ степныхъ укрѣпленій. Масса одноэтажныхъ домовъ, окруженныхъ стѣною, масса такихъ же домиковъ въ форштадтѣ и слободкѣ нисколько не разнообразятъ картину. Вотъ садъ имѣетъ здѣсь особенную прелесть, а такой здѣсь находится, даетъ плоды и виноградъ; мнѣ не довелось ни одного раза быть въ этомъ саду, но я ѣлъ фрукты, снятые въ немъ. Начальникъ фланга имѣетъ право собирать фрукты изъ этого сада, и на обратномъ пути, въ концѣ іюня мѣсяца, я пользовался у него ими. Природа въ фортѣ Перовскомъ великолѣпна, кромѣ одного небольшаго обстоятельства, которое обыкновенно связано съ присутствіемъ рѣкъ: — это масса комаровъ, которая безпокоитъ не только проѣзжающаго, но изнуряетъ и лошадей. Въ лѣтнюю пору здѣсь лошади бываютъ покрыты бѣлыми чахлами, которые будто бы спасаютъ коня отъ этого кровожаднаго насѣкомаго.

Въ торговомъ отношеніи фортъ Перовскій давалъ результаты не хуже форта № 1, не смотря на то, что здѣсь мало пролегаетъ торговыхъ путей. На югѣ непроходимые пески Кызылъ-кумъ отдѣляютъ его отъ Бухары, и только восточныя провинціи бухарскаго ханства направляли свои транспорты на него; но зато масса киргизскаго населенія окружаетъ постоянно фортъ Перовскій. Годовой торговый оборотъ форта Перовскаго доходитъ до 80,000 р. слишкомъ. Бóльшая часть продаваемаго здѣсь товара приходится на долю азіятской мануфактуры и мѣстныхъ произведеній; изъ русскихъ издѣлій здѣсь съ громадною выгодою продаются вещи, выдѣланныя изъ желѣза; также идутъ въ ходъ

†) Въ канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора въ пограничномъ отдѣленіи должно бы было находиться дѣло о рѣшеніи киргизскихъ бійликовъ. Подозрѣваютъ одного оріенталиста въ похищеніи этого дѣла при сдачѣ дѣлъ пограничной коммиссіи. Тамъ, говорятъ, находились рѣшенія судовъ біевъ за нѣсколько лѣтъ; такая масса рѣшеній принесла бы громадную пользу при изслѣдованіи вопроса о нихъ.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°.

ТАШКЕНДЪ,

Окрестности съ стороны Минурюкской рощи.

юфть, кожи, ситцы и коленкоръ. Киргизы, кажется, въ послѣднее время только начали сознавать преимущество русскихъ издѣлій передъ бухарскими; но бухарцы привозятъ къ нимъ халаты, тибитейки и готовую обувь и вымѣниваютъ все это на барановъ или верблюдовъ, а русскій купецъ требуетъ денегъ за неприготовленный еще матеріалъ; а гдѣ же киргизу тачать сапоги или шить себѣ халатъ? Понятно такимъ образомъ преимущество азіятскихъ торгашей передъ русскими купцами. Нужно замѣтить притомъ, что бухарцы ввозятъ товаръ полушелковый, употребляемый мусульманами всей сибирской и оренбургской линій и мусульманами всѣхъ нашихъ поволжскихъ губерній; мы же не входимъ въ положеніе ихъ и не ввозимъ какихъ-нибудь суррогатовъ суконъ или шерстяныхъ матерій.

Огороды въ фортѣ Перовскомъ и около него въ киргизскихъ степяхъ разведены въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Въ слободкѣ форта живутъ поселенные солдаты, для которыхъ отведена земля; ихъ огороды отличаются отъ киргизскихъ только тѣмъ, что обсажены развѣ подсолнечниками; способъ же обработки перенятъ ими отъ киргизъ. Арбузы, дыни, огурцы, тыквы здѣсь поспѣваютъ въ огромнѣйшемъ количествѣ; картофель къ киргизамъ пока не привился; табакъ русскіе солдаты получаютъ изъ Россіи, киргизы же отъ бухарцевъ и отъ русскихъ солдатъ. Они табакъ чрезвычайно любятъ, кладутъ его за щеку, нюхаютъ, но не курятъ. Называютъ табакъ киргизы *насвай*, т. е. носовой нюхательный табакъ.

Для бахчей, разбросанныхъ вдоль рѣки, вода получается изъ Сыръ-Дарьи. При отсутствіи дождей въ теченіе лѣта температура доходитъ до 37°, земля пересыхаетъ и требуетъ старательной поливки; тогда русскіе прибѣгаютъ къ киргизскому способу подниманія воды изъ рѣки: они употребляютъ *чигирь* †), которымъ наполняютъ водопроводныя канавки. Нужно замѣтить при этомъ, что русскіе забрали себѣ самыя лучшія мѣста, а киргизы владѣютъ землями похуже.

Здѣсь заселеніе края солдатами не привилось: они живутъ въ фортѣ съ женами до безсрочнаго отпуска; а когда наступитъ возможность, такъ они являются къ начальнику и умиленно просятъ объ отпускѣ. Не знаю, не лучше ли было бы предложить казачеству свободное переселеніе на Сыръ-Дарью? Кажется, такая мѣра могла бы имѣть успѣхъ, потому что Сыръ-Дарья рѣка рыболовная, и живущіе теперь въ фортѣ Перовскомъ уральскіе казаки занимаются приготовленіемъ балыковъ и икры, которую продаютъ проѣзжающимъ чрезвычайно дешево. Во время обратнаго проѣзда моего казакъ Бѣлочкинъ взялъ-было нѣсколько балыковъ въ Перовскомъ, но я не могъ ихъ ѣсть, потому что они оказались перекопчеными; впрочемъ говорятъ, что балыки здѣсь по временамъ приготовляются весьма изрядно.

Въ фортѣ Перовскомъ назначены двѣ ярмарки, но эти ярмарки не имѣютъ никакого значенія, не прививаются. При опредѣленіи ярмарочныхъ сроковъ слѣдовало бы обратить вниманіе на прибытіе въ фортъ каравановъ и на приливъ киргизскаго населенія къ форту; вѣроятно, это было упущено изъ виду составителями проэкта о ярмаркахъ

†) Чигирь — извѣстный петербуржцамъ способъ добыванія воды; здѣсь чигирями очищали Фонтанку; только здѣсь дѣйствуютъ парами, а тамъ волами.

Здѣсь существуетъ на бухарскомъ базарѣ нѣсколько бухарскихъ лавокъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ киргизами; есть также и русскія лавки. Въ послѣднихъ—такой сбродъ всевозможныхъ продуктовъ, что нельзя и пересчитать всего, чѣмъ ведется торговля нашими купцами. Цѣны весьма высоки: пудъ сахара стоилъ при мнѣ 18 р. с. Вообще при всѣхъ неудобствахъ жизнь въ фортѣ Перовскомъ обходится весьма дорого.

Къ вечеру мы собрались уѣзжать. Часть нашихъ вещей мы сдали на пароходъ. Передъ тѣмъ, какъ намъ садиться въ тарантасъ, начали уже собираться гости въ клубѣ. Полковникъ Мантейфель провожалъ насъ. Мы проѣхали цѣлую ночь одну станцію въ 30 верстъ. Въ трехъ верстахъ направо отъ дороги мы увидѣли памятникъ по убіеннымъ при осадѣ и штурмѣ Акмечети. Кругомъ растетъ *джида* †) и рядомъ съ нею гребенщикъ; памятникъ сложенъ изъ кирпича, желѣзная крашеная доска со стертою бѣлою надписью плотно прибита. Рядомъ находится могила двухъ конфирмованныхъ поляковъ; многіе и не знаютъ о существованіи этихъ памятниковъ.

На другой день на зарѣ мы остановились въ Пырказанѣ. Содержателемъ станціи былъ киргизъ, прапорщикъ иррегулярной кавалеріи; но прежде чѣмъ мы его узнали, мы познакомились съ его двумя женами, которыя выбѣгали брать воду. Вскорѣ появился прапорщикъ и зашелъ къ намъ въ юрту; мы предложили ему чаю, онъ не отказался и выпилъ четыре здоровыхъ стакана. Когда мы сѣли въ экипажъ, этотъ прапорщикъ осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ насъ провожать. Онъ ѣхалъ верстъ шесть въ сторонѣ, чтобы насъ не забрызгать, такъ какъ мы пробирались трясиною. Когда мы выбрались изъ этой трясины, онъ подъѣхалъ къ намъ, сдѣлалъ подъ козырекъ и поѣхалъ назадъ рысью. На слѣдующей станціи, называющейся Джартыкумъ, мы пробыли недолго, перемѣнили лошадей и отправились дальше. Замѣчательная природа поражала насъ своею оригинальностью; саксаýловые лѣса тянулись сплошною массою и прерывались развѣ тамъ, гдѣ приходилось переѣзжать солончаки. Проѣздъ по солончаку въ весеннюю пору особенно пріятенъ: вода впиталась вся въ землю и гладкая поверхность ковровой скатертью протянулась передъ вами, а затѣмъ опять саксаýловый лѣсъ, между которымъ мѣстами встрѣчается джида. Фазаны часто перебѣгаютъ дорогу; масса птицъ, которыхъ казаки называютъ рябками, постоянно встрѣчается на дорогѣ и медленно отступаетъ передъ тарантасомъ, непривычная пугаться человѣка; зеленыя вороны перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку. Солнышко сверху пригрѣваетъ, дуетъ легкій вѣтерокъ, ни крошки пыли, и мы ѣдемъ туда, гдѣ происходитъ война. Каждая задержка, каждая остановка на станціи бѣситъ моего спутника, точно будто мы спѣшимъ на свиданіе съ милой особой; однако и онъ увлекается, выходитъ изъ тарантаса и крадется по цѣлой верстѣ за фазаномъ; впрочемъ, если бы не бить дичи, то намъ нечего было бы ѣсть, хотя по всей дорогѣ встрѣчались киргизскія кочевья. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о пропитаніи киргизъ заслуживаетъ серьезнаго изученія; утромъ просовая каша варится на цѣлый день до вечера, вечеромъ же какая-нибудь болтушка на конскомъ или верблюжьемъ масѣ;—вотъ и все зимнее пропитаніе киргиза. Лѣтомъ кумысъ,—весьма питательное

---

†) *Джида* дерево, называемое учеными Eleagnus hortensis.

вещество, просо и пара прѣсныхъ лепешокъ, испеченныхъ въ котелкѣ, по временамъ на бараньемъ салѣ, вполнѣ удовлетворяютъ киргиза. Женщина—постоянная работница въ его домѣ; онъ только возитъ продавать ея работу, а остальное время лежитъ въ юртѣ и тянетъ кумысъ; шерстяныя веревки, арканы, ковры, войлоки, шляпы и армячина ткутся и валяются женщинами. Ребятишки заняты цѣлый день звѣринымъ промысломъ, и добыча ихъ продается бухарскимъ караванщикамъ по весьма сходнымъ цѣнамъ. Въ этой пустынной мѣстности, поросшей саксауломъ и покрытой барканами, водятся громадныя количества всякаго звѣря. Здѣшнее звѣроловство, составляя забаву отъ нечего дѣлать, даетъ обильный доходъ, не особенно безпокоя звѣря; случается, что и самъ pater familias выѣзжаетъ иногда со своими гостями на охоту; онъ вооружается беркутомъ и травитъ имъ звѣря; это составляетъ особенную страсть. Встарину и наши цари ѣздили на соколиную охоту и сокольничьи бояре были въ силѣ; въ Европѣ соколиная охота существовала въ большомъ ходу даже въ концѣ XVII вѣка; въ Азіи, гдѣ порохъ высоко цѣнится, соколиная охота существуетъ и до сихъ поръ.

Слѣдующая станція Сары-чаганакъ осталась памятною намъ тѣмъ, что, не доѣзжая до нея съ версту, тянется большой перевалъ черезъ барканъ. Когда я проѣзжалъ назадъ, то на этой станціи встрѣтилъ большое киргизское семейство. Между прочимъ въ моей юртѣ, гдѣ я отдыхалъ, сидѣло двое киргизъ и, когда я отъ нечего дѣлать развернулъ газету, одинъ киргизъ спросилъ другаго, чтó я это дѣлаю? Тотъ отвѣчалъ, что я газеты читаю. Я спросилъ его, откуда онъ это знаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что воспитывался въ неплюевскомъ училищѣ въ Оренбургѣ. Меня, признаться, очень поразило видѣть въ толстой киргизской физіономіи воспитанника неплюевскаго кадетскаго корпуса.

— И вы тамъ окончили курсъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не окончилъ курса,—отвѣчалъ онъ.

— Почему же вы не захотѣли доучиваться?

— Отчего же, я бы учился, да меня выгнали изъ корпуса за шалости,—отвѣчалъ онъ, краснѣя. Разговоръ мой съ нимъ на этомъ и остановился. Онъ былъ такъ любезенъ, что сѣлъ править моей тройкой и на слѣдующей станціи одолжился отъ меня папироской.

Между фортомъ Перовскимъ и Джулекомъ идетъ рядъ баркановъ и песчаныхъ переваловъ. Въ лѣтнюю пору на этихъ барканахъ встрѣчаются разнородныя ящерицы и множество тарантуловъ; послѣдніе ядовито кусаются, такъ что укушеніе ихъ иногда причиняетъ смерть; говорятъ, что укушенный въ шею долженъ непремѣнно погибнуть; если же тарантулъ укуситъ кого-нибудь въ руку, въ ногу, въ спину или въ бокъ, то исцѣленіе возможно. Между барканами, въ сторонѣ налѣво, видны богатыя пастбища со стадами овецъ и съ пастухомъ по серединѣ, сидящимъ верхомъ на лошади, которая также не упускаетъ случая, чтобы поѣсть свѣжей травы съ косякомъ лошадей, пасущихся на свободѣ, или съ массою верблюдовъ, въ разброску болтающихся по степному пространству, съ любознательностію встрѣчающихъ и провожающихъ проѣзжающаго своими умными глазами. Чрезвычайно интересны маленькіе верблюденки, когда они, задравши хвостъ, начинаютъ кидаться въ сторону отъ экипажа; они прыгаютъ обѣими ногами разомъ, фыркаютъ и, Богъ ихъ знаетъ, какія штуки выдѣлываютъ. Встрѣчаются табуны верблюдовъ во сто,

*

принадлежащіе одному лицу; косяки лошадей нерѣдко бываютъ болѣе ста головъ, а стада овецъ бываютъ чрезвычайно огромны. Молодые почти голые киргизы пасутъ эти стада, и часто приводится видѣть библейскую картину, напоминающую блуднаго сына.

Послѣдняя станція передъ Джулекомъ Таръ-Тугай стоитъ, какъ и всѣ предшествовавшія станціи, на Сыръ-Дарьѣ. До нея насъ конвоировали двое верховыхъ, отправлявшіеся къ своимъ табунамъ; одинъ изъ верховыхъ былъ толстякъ невысокаго роста, другой смахивалъ на казанскаго татарина; немного не доѣзжая до станціи, они своротили въ аулъ.

Налѣво синею полосою начинаетъ здѣсь обрисовываться Каратаускій хребетъ. Станцію, должно быть, содержалъ богатый купецъ, потому что юрта для проѣзжающихъ была богаче убрана, и нѣсколько молодыхъ киргизъ въ богатыхъ костюмахъ распоряжались запряжкою лошадей. Лошадей дали намъ отличныхъ, и тридцати-верстное разстояніе мы проѣхали незамѣтно. Направо Сыръ-Дарья, налѣво вдалекѣ горы и между ними множество киргизскихъ кочевокъ не могли не остановить на себѣ нашего вниманія. Наконецъ предсталъ Джулекъ при закатѣ солнца!—это былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ фортовъ новѣйшей постройки.

Комендантъ, къ которому мы обратились за ночлегомъ, принялъ насъ весьма ласково и радушно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

УКРѢПЛЕНІЕ ДЖУЛЕКЪ.

Аппетитный ужинъ коменданта расположилъ насъ къ бесѣдѣ, продолжавшейся до полуночи. Мы говорили о томъ о семъ, о походѣ Черняева подъ Дизакъ, о возвращеніи его оттуда, о крѣпостномъ хозяйствѣ и о житьѣ-бытьѣ самого хозяина. Оказалось, что жена его съ дѣтьми осталась гдѣ-то въ Россіи, чтобы воспитать дѣтей, а онъ влачитъ свою жизнь по степи и назначенъ комендантомъ въ Джулекъ. Жизнь его чрезвычайно монотонна; благо, если пріѣдетъ кто-нибудь,—тогда можно потолковать съ проѣзжающимъ. Общества никакого положительно, только солдаты, составляющіе гарнизонъ укрѣпленія, и докторъ полугоспиталя на десять кроватей, въ которомъ постоянно больныхъ находится болѣе 20-ти человѣкъ изъ числа войска, проходящаго на службу. Гарнизонъ требуетъ заботы о себѣ, приготовленія жизненныхъ припасовъ. Благо, что здѣсь земля кругомъ плодородна и близки сѣнокосы, а то привелось бы, чего добраго, ѣздить за сѣномъ за сорокъ верстъ, какъ въ Уральскомъ укрѣпленіи. Топливо здѣсь въ изобиліи, потому что кругомъ саксаўловыя рощи, джида. Жаль только, что здѣсь нѣтъ столяровъ, какъ въ фортѣ № 1; а то бы можно было выдѣлывать изъ джиды прекрасную мебель и шкатулки. Мы выразили свое удивленіе, почему коменданту не угодно удерживать въ своемъ фортѣ опытныхъ столяровъ изъ солдатъ для приготовленія мебели.

— Что вы, что вы,—возразилъ комендантъ,—какъ это можно, и къ чему бы это повело, когда здѣсь нѣтъ ни инструментовъ, кромѣ топора, ни навыка.

Резоны были таковы, что оставалось согласиться безусловно, такъ какъ выписываніе инструментовъ изъ Россіи сопряжено съ большими неудобствами по отдаленности форта.

— Скажите, вы не опасаетесь волненія киргизъ или, напримѣръ, нападенія бухарцевъ? — спросилъ кто-то изъ насъ. — Ничего, вѣдь, нѣтъ мудренаго, что бухарцы послѣ отступленія Черняева изъ-подъ Дизака произведутъ нападеніе и на васъ; — что вы тогда подѣлаете съ ними съ своими семидесятью человѣками солдатъ?

— А ничего-съ, запрусь въ крѣпости и подниму стрѣльбу, — провіанта у меня много въ фортѣ, отвѣчалъ онъ. — По моему мнѣнію, кажется, объ этомъ и говорить-то нечего: послѣ славнаго степнаго перехода генерала Черняева черезъ голодную степь бухарцы не осмѣлятся произвести на насъ нападенія, а киргизы — народъ смирный; у насъ кругомъ покуда совсѣмъ тихо, ничего не слышно.

Нужно однако когда-нибудь сказать и о походѣ подъ Дизакъ. Присланный эмиромъ къ генералу Черняеву Ишанъ-Ходжа съ миролюбивыми предложеніями просилъ о посольствѣ къ своему повелителю, которое бы состояло изъ русскихъ чиновниковъ. По праву, данному генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ, Черняевъ могъ вести переговоры съ эмиромъ и отъ своего собственнаго лица; поэтому онъ и спѣшилъ удовлетворить ходатайству Ишанъ-Ходжи о посольствѣ. Пятеро чиновниковъ при конвоѣ, состоявшемъ изъ 20 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ изъ киргизъ, отправились съ Ишанъ-Ходжею въ Бухару; сначала они тамъ были приняты эмиромъ хорошо, а потомъ, неизвѣстно почему-то, задержаны. Они содержались сперва въ Бухарѣ, потомъ въ Самаркандѣ весьма исправно, кромѣ послѣднихъ дней, которые были для нихъ положительною пыткою. Генералъ Черняевъ, пройдя голодную степь, неожиданно очутился передъ Дизакомъ. Эмиръ сейчасъ же велѣлъ привезти чиновниковъ въ Самаркандъ; онъ писалъ Черняеву три письма, въ которыхъ завѣрялъ въ своемъ расположеніи и въ намѣреніи вернуть чиновниковъ, приказалъ Дизаку выставить провіантъ и фуражъ, сколько угодно будетъ Черняеву. Но отсутствіе переводчика персидскаго языка въ отрядѣ и переписка съ эмиромъ по-татарски въ переводѣ слово въ слово съ русскаго языка, на которую онъ отвѣчалъ по-персидски, вызвала невѣрное пониманіе послѣдняго эмирова посланія и вслѣдствіе этого отступленіе изъ-подъ Дизака. Когда войска наши двинулись въ обратный путь, массы бухарскаго войска окружили ихъ и провожали въ довольно почтительномъ разстояніи. Во время отступленія стычекъ никакихъ не было; произошла было стычка при фуражировкѣ, но незначительная. Результатомъ этого похода были воодушевленіе бухарскихъ войскъ, приближеніе ихъ къ намъ и грабежи киргизъ. Участь чиновниковъ послѣ этого въ Самаркандѣ ухудшилась: ихъ перевели на другую квартиру и заперли ворота на замокъ; на ночь ставили на крышахъ часовыхъ, пока игриджарское дѣло не положило конца ихъ плѣну. Понятное дѣло, что все вышеизложенное я узналъ впослѣдствіи изъ источниковъ самыхъ достовѣрныхъ и правдивыхъ.

Такимъ образомъ ничего не могло быть страннаго въ нашемъ вопросѣ, предложенномъ коменданту, о походѣ бухарцевъ на Джулекъ или о волненіяхъ въ степи.

Послѣ ужина мы отправились на боковую; сонъ нашъ былъ дотого безмятеженъ и пріятенъ, что мы проснулись на другой день не такъ рано, какъ предполагали сначала. Утренній чай освѣжилъ насъ; мы собрались съ силами и оставили Джулекъ въ великолѣпномъ расположеніи духа. Мы оглянулись на Джулекъ, проѣхавши версты двѣ.

Высокая прекрасная церковь укрѣпленія виднѣлась еще издали; въ этой церкви помѣщается только молельня, нѣтъ престола и иконостаса; мудрено ли впрочемъ, когда самый фортъ основанъ въ 1861 году. Джулекъ имѣетъ всѣ выгоды военнаго укрѣпленія, только подмывается по временамъ Сыръ-Дарьею. Эта быстрая рѣка производитъ здѣсь большія чудеса: то мѣняетъ русло, то раздвояется на рукава.

Первая станція называется Куги-ирумъ; она находится на берегу Сыръ Дарьи и отстоитъ отъ Джулека въ 20 верстахъ. Пространство между Джулекомъ и этою станціею полно растительности. Гребенщикъ, саксаулъ, джида и разныя породы травъ не утомляютъ глаза; только постоянныя водопроводныя канавы, пересѣкающія дорогу, не даютъ путешественнику задуматься. Надо полагать, что населеніе здѣсь было когда-то довольно густое, потому что киргизскія кладбища, встрѣченныя нами, громадны. Недалеко въ сторонѣ находятся остатки кокандской крѣпостцы Динъ-кургана: значитъ и здѣсь кокандцы умѣли распространять свое вліяніе и вносить мусульманство въ киргизскую семью; насколько они успѣли въ этомъ послѣднемъ, мы можемъ видѣть изъ быта въ настоящее время подчиненнаго намъ киргиза. Появившійся въ киргизской семьѣ младенецъ не обрѣзывается до пріѣзда въ ихъ аулъ какого-нибудь бродячаго муллы. Съ колыбели еще молодой киргизъ уже обрученъ, такъ сказать, т. е. помолвленъ. Въ семьѣ окруженный необразованными, безграмотными киргизами растетъ киргизенокъ; онъ не учится ни молиться, ни совершать пятидневныхъ омовеній, ни держать поста, потому что окружающіе его не дѣлаютъ этого. Однако онъ знаетъ, что нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мухаммедъ — пророкъ его, пьетъ при случаѣ водку и кладетъ за щеку табакъ; жизнь свою онъ проводитъ, совершенно какъ дитя природы, только фанатическій югъ и востокъ имѣли на него большое вліяніе, посылали проповѣдниковъ и внушали, что нѣтъ лучше религіи, кромѣ мусульманской. Безграмотность невѣроятная: нѣтъ ни одного киргиза, который бы могъ написать свое имя; зато каждый имѣетъ свою тамгу, которую онъ прикладываетъ въ случаѣ надобности подъ своими договорными граматами. Просьбы къ хану излагались словесно, и тамъ не приходилось прибѣгать къ письму; цѣлый родъ отправлялъ въ случаѣ надобности къ хану своихъ представителей — біевъ; эти біи съ огромными подарками являлись въ ханскую ставку, кланялись, ходили въ мечеть и, ничего не понимая, молились. Для киргизъ было выгодно принять мусульманство, потому что они освобождались съ этимъ отъ многихъ налоговъ и повинностей, которыми были обложены невѣрные, — здѣсь преимущественно индусы и евреи. Прежнія вѣрованія киргиза замѣтны на каждомъ шагу; въ игрѣ камышей, въ сильномъ буранѣ и ночномъ вихрѣ онъ видитъ дѣйствіе нечистой силы, малѣйшее домашнее несчастіе относитъ къ ея вліянію. Водяной чертъ по—киргизски называется *тегерме́инъ-эдзе́нъ*; это монгольское слово, означающее мельничнаго владыку, служитъ доказательствомъ остатковъ шаманизма между киргизами. Кромѣ того по степи расхаживаетъ много баксей †), которые пользуются пріютомъ и уваженіемъ отъ киргизъ; это можетъ также служить подтвержденіемъ только что высказаннаго мною. Притомъ у киргизъ нѣтъ мусульманскаго духовенства: оно не

†) Баксы—тоже монгольское слово. Оно передѣлано изъ бакши; такъ монголы называютъ своихъ духовныхъ.

рѣшается отдаться кочевой жизни; и безъ наставниковъ киргизъ совершенно освобождается отъ мусульманскаго фанатизма. Что же привлекало киргиза принять мусульманское ученіе? — выгоды, по моему мнѣнію, не больше, и то еще, что мусульманская религія не препятствуетъ многоженству. Нужно замѣтить, что киргизы не прочь пороскошничать въ этомъ отношеніи; конечно, только богатые, которые имѣютъ табуны въ разныхъ мѣстахъ; они оставляютъ своихъ женъ при кочевкахъ, чтобы тѣ завѣдывали хозяйствомъ и руководили всѣмъ дѣломъ при конской торговлѣ. Киргизы, имѣющіе въ городахъ дома, непремѣнно заводятъ для нихъ и хозяйку, которая бы безъ нихъ распоряжалась всѣмъ домомъ.

Я видѣлъ надгробные памятники богатыхъ киргизъ; они замѣчательны оригинальностью своихъ рисунковъ. На первый взглядъ рисунки эти напоминаютъ маранье школьника, добывшаго себѣ черную и красную краски. Вы видите внутри мавзолея неуклюже нарисованную красную лошадь съ сидящимъ на ней верхомъ чернымъ офицеромъ въ трехуголкѣ, рядомъ чернаго верблюда, за нимъ краснаго зайца, надъ зайцемъ черную птицу, дальше подобіе тигра, нарисованное красною краскою и передъ нимъ нѣсколько маленькихъ черныхъ звѣрковъ, которыми художникъ хотѣлъ изобразить подобіе собаки; нѣсколько русскихъ солдатъ въ старинныхъ высокихъ киверахъ и передъ ними красный господинъ въ чалмѣ, замахнувшійся на нихъ красною же саблею; потомъ турсуки съ кумысомъ и нѣсколько пестрыхъ ковровъ съ красными цвѣтами по черному фону и тому подобное. Но, вглядѣвшись серьёзнѣе, вы начинаете догадываться, что художникъ по просьбѣ родственниковъ покойнаго, вѣроятно, хочетъ этими незатѣйливыми рисунками ознакомить каждаго, посѣщающаго могилу, грамотнаго и неграмотнаго, съ біографіею и доблестными качествами погребеннаго подъ этимъ мавзолеемъ батыря. Вамъ дѣлается яснымъ, что три русскихъ солдата изображаютъ россійскіе полки, и замахнувшійся на нихъ красною саблею — самъ покойникъ, сражавшійся съ русскими; турсукъ съ кумысомъ означаетъ гостепріимство; ковры, жеребецъ на волѣ и нѣсколько кобылицъ на привязи напоминаютъ о богатствѣ покойнаго; волъ, запряженный въ плугъ, и человѣкъ съ лопатой — о томъ, что онъ занимался хлѣбопашествомъ. Птица надъ зайцемъ и собаки съ тигромъ знакомятъ со страстью покойнаго къ соколиной охотѣ и охотѣ на тигровъ, линія верблюдовъ даетъ понятіе о томъ, что покойный водилъ караваны; а черный офицеръ въ трехугольной шляпѣ и несущійся на него въ кольчугѣ наѣздникъ съ пикою указываютъ, что погребенный здѣсь батырь не прочь былъ и совершать набѣги на русскую границу. Это напоминаетъ отчасти египетскіе гіероглифы, но не знаю, имѣетъ ли какое-нибудь соотношеніе съ ними. Во всякомъ же случаѣ это служитъ яснымъ доказательствомъ, что у киргиза обычай и преданіе стоятъ выше религіи, запрещающей рисовать и дѣлать изъ чего-нибудь изображеніе какихъ бы то ни было одушевленныхъ предметовъ, подъ страхомъ адскихъ мученій †).

---

†) Такое запрещеніе въ мусульманскомъ мірѣ послѣдовало въ первые вѣка ислама для того, чтобы со временемъ лишить правовѣрныхъ всякой возможности дойти до приготовленія идоловъ и иконописанія. У шіитовъ дозволяется живопись, но также строжайше запрещено дѣлать изображенія одушевленныхъ предметовъ изъ чего бы то ни было, даже изъ бумаги, дающихъ отъ себя тѣнь. Года три тому назадъ настоящій турецкій султанъ Абдуль-Азизъ, первый изъ халифовъ, не смотря на возраженія константинопольскаго духовенства, позволилъ снять съ себя фотографическій портретъ, о чемъ, какъ о многознаменательномъ фактѣ, объявили въ свое время всѣ газеты.

Гинс.

Съ картины, принадлеж. А. К. Гейнсъ.

Литогр. Беккера и К°.

ЧИМКЕНДЪ

Цитадель и городъ съ восточной стороны.

Вообще, киргизы только носятъ имя мусульманъ, а ни во что не вѣруютъ. Младенцы рожденные въ степи, мусульманское имя получаютъ весьма рѣдко; обрѣзаніе имъ дѣлаетъ объѣзжающій степь мулла-проходимецъ. Киргизская игра кукъ-бури имѣетъ мѣсто въ свадебныхъ церемоніяхъ, гдѣ какой-нибудь импровизаторъ напѣваетъ богатырскія пѣсни, а мулла не сидитъ между брачущимися. Похороны совершаются помимо духовенства ими самими, хотя впрочемъ зарываніе въ могилу покойника сходно съ мусульманскимъ.

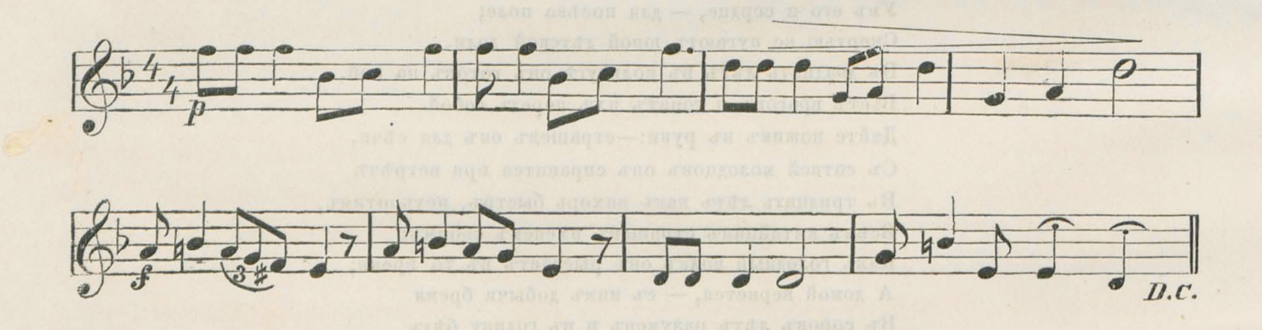
Киргизъ постоянно поетъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Вліяніе ли это степи, или чего нибудь другаго, понять трудно; — и непремѣнно импровизируетъ еще при этомъ. Импровизаціи выходятъ иногда очень оригинальны и милы у нѣкоторыхъ пѣвцовъ, — у другихъ же плохи. Есть у киргизъ особенный родъ пѣвцовъ, которые разъѣзжаютъ изъ аула въ аулъ и всю жизнь занимаются только пѣніемъ. Одинъ изъ такихъ пѣвцовъ пропѣлъ при мнѣ пѣсню, слышанную мною и записанную на берегу Каспійскаго моря, между тѣмъ какъ онъ въ туркменскихъ степяхъ никогда не бывалъ. Мнѣ это показалось довольно страннымъ; тѣмъ не менѣе я передаю въ переводѣ эту пѣсню читателямъ. Она переложена на стихи Д. Д. Минаевымъ чрезвычайно близко къ подлиннику, и была уже напечатана мною въ «Еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за 1864 г. подъ названіемъ туркменской пѣсни.

Ахъ, столѣтній старецъ! Жизнь ты перешелъ,
Въ ней встрѣчая много и добра и золъ.
Сынъ иль дочь въ пеленкахъ бѣдъ земныхъ не знаютъ,
Всѣмъ имъ, какъ султанамъ, въ домѣ угождаютъ.
Въ десять лѣтъ ребенокъ истинный султанъ:
Мать съ отцомъ сгибаютъ предъ ребенкомъ станъ.
Умъ его и сердце, — для посѣва поле;
Смертью не пугаютъ юной дѣтской доли.
Въ двадцать лѣтъ въ кольчугѣ онъ готовъ на бой,
Бьетъ враговъ и гонитъ ихъ передъ собой
Дайте ножикъ въ руки:—страшенъ онъ для сѣчи,
Съ сотней молодцовъ онъ справится при встрѣчѣ
Въ тридцать лѣтъ какъ вихорь быстръ, неукротимъ,
Всѣмъ китайцамъ страшенъ именемъ своимъ;
Какъ голодный волкъ онъ рыскаетъ въ то время;
А домой вернется, — съ нимъ добычи бремя.
Въ сорокъ лѣтъ разуменъ и въ годину бѣдъ
Каждому онъ можетъ добрый дать совѣтъ,
И изъ устъ польются рѣчи Сулеймана;
А умретъ, — всѣ станутъ плакать у кургана
Стукнетъ пять десятковъ, — онъ, какъ Моисей,
Станетъ патріархомъ для отчизны всей.
Въ дѣлѣ онъ избѣгнетъ промаховъ, ошибокъ:
Свѣтлы въ старцѣ мысли, умъ и строгъ и гибокъ
Въ шестьдесятъ—на встрѣчу старость подойдетъ,
И по каплѣ разумъ въ немъ слабѣть начнетъ;
Смерть шепнетъ: «О, странникъ, будь готовъ въ дорогу!»
Будетъ привыкать онъ къ смерти понемногу.
Семь десятковъ минетъ, скажетъ онъ тогда:
— Старость умъ сковала, силъ нѣтъ для труда.
Вотъ еще десятокъ пережилъ старикъ,

Старика не хочетъ слушаться языкъ,
Кости захирѣютъ и спина согнется.
Скоро и въ могилу лечь ему придется...
Вотъ еще десятокъ. — Стой! Пришла пора:
Тѣло одряхлѣло, голова стара;
Глазъ не смотритъ зорко и больные ноги,
Какъ ковыль, согнутся посреди дороги.
Всѣ соблазны міра потеряютъ прелесть,
И зубовъ лишится старческая челюсть ..
Вотъ до сотни дожилъ — голову склонилъ,
Шагъ захочетъ сдѣлать, да не хватитъ силъ...
Есть богатство, — будутъ почести и слуги.
Нѣтъ его, — отъ ближнихъ и не жди услуги. ..
И тогда узнаешь дряхлости той гнётъ.
Юность золотая снова не придетъ.
Радъ бы жить, какъ прежде пожилъ онъ когда-то,
Но былую юность не купить за злато.

Переводъ вѣренъ отъ слова до слова. Нужно отдать должную благодарность г. Минаеву; его таланту обязано это стихотвореніе извѣстной силой.

Другіе пѣвцы поютъ двухстрочными стихами, имѣющими извѣстное соотношеніе: слѣдующіе два стиха уже не составляютъ никакой связи съ предыдущими, до того, что я себѣ не могу представить порядочнаго перевода ихъ; поются они постоянно съ припѣвомъ. Все, что я могу сдѣлать, это предложить вамъ ноты этого пѣнія: судите сами о красотѣ звуковъ и заунывности припѣва.

Слѣдующая станція — Тюменъ-Арыкъ, а за нею Яны-Курганъ, въ который мы пріѣхали на слѣдующее утро. У самаго входа въ крѣпостныя ворота была раскинута палатка; казакъ спалъ въ ней. Мы потребовали чаю; онъ сбѣгалъ на Сыръ Дарью за водой, разложилъ костеръ и нагрѣлъ намъ мѣдный чайникъ. Въ это время мы успѣли осмотрѣть всю крѣпость; она занимаетъ очень небольшое пространство и вся въ руинахъ; улицъ мы не могли разсмотрѣть. Неправильно сложенные дома изъ комьевъ грязи всѣ стоятъ вскрытыми. Во многихъ мѣстахъ находится конскій навозъ, какъ будто-бы тутъ недавно стояли лошади. Стѣна крѣпости довольно высока: аршинъ 10 въ вышину и внизу аршина 4, а вверху аршина 2 въ толщину. На верху были устроены бойницы; входъ въ ворота идетъ неправильною линіею Мѣстность, на которой стоитъ Яны-Курганъ,

чрезвычайно живописна. Каратауския горы какъ-бы подходятъ здѣсь ближе къ крѣпости; Сыръ-Дарья направо проноситъ свои воды близко къ Яны-Кургану; кругомъ масса дичи, которая скрывается въ цвѣтущей зелени. Яны-Курганъ имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе: въ этой крѣпости находился нѣкоторое время г. Сѣверцевъ во время своего плѣна; но трудно было найти среди кучи этихъ развалинъ то мѣсто, гдѣ отдыхалъ г. Сѣверцевъ; можетъ быть, онъ самъ не указалъ бы этого мѣста, такъ какъ былъ въ Яны-Курганѣ израненный въ голову безъ всякаго медицинскаго пособія.

Послѣ чая мы замѣтили, что къ намъ привели тройку никуда не годныхъ кляченокъ, и потребовали, чтобы одна лошадь была непремѣнно перемѣнена; киргизы поскакали въ табунъ и исполнили нашу законную просьбу. Цѣлую станцію насъ везли почти шагомъ; къ вечеру только мы добрались до Арасада. Ѣхали все мѣстами злачными и полными дѣятельности; киргизы поливали свои поля, доставая воду чигиремъ. Черезъ водопроводныя канавы были вездѣ перекинуты мостики: эту роскошь мы отнесли къ заботливости туркестанскаго коменданта, который приказалъ сдѣлать ихъ, имѣя въ виду проѣздъ флигель-адъютанта графа Воронцова — Дашкова. Мы слѣдовали за нимъ и пользовались разными непредвидѣнными удобствами; въ Арасадѣ напр. для проѣзжающихъ была выставлена особенная юрта, украшенная коврами и съ лѣтней подставкой, т. е. со стѣнами, сдѣланными изъ тонкаго камыша и обвитыми цвѣтными шерстями, что́ выходитъ чрезвычайно узорно. Спрашивается, гдѣ это киргизская женщина выучилась разнымъ мастерствамъ, какъ напр. валянью войлоковъ, ткачеству и приготовленію такихъ стѣнокъ. Это должно быть первобытный способъ украшать свои помѣщенія; сквозь такую сѣтку проходитъ только одинъ вѣтеръ, пыли же не заноситъ. Потомъ юрту можно прикрыть съ вѣтреной стороны войлокомъ въ случаѣ сильнаго вѣтра; а небольшой вѣтерокъ въ степи благодать во время сильныхъ солнечныхъ жаровъ.

Слѣдующая станція была въ Сауранѣ. Сюда мы пріѣхали ночью и поэтому я не могъ разсмотрѣть ни сауранскихъ развалинъ, ни храма Азретъ-Султана, въ 50 верстахъ виднаго отсюда; но однако я могу разсказать кое-что объ развалинахъ Саурана, такъ какъ я ихъ разсмотрѣлъ на обратномъ пути. Сауранъ въ окружности около $2^1/_2$ верстъ, обведенъ стѣною и рвомъ въ видѣ неправильнаго четырехъугольника. Ровъ почти заросъ колючкою и разными сорными травами, а стѣна обвалилась. По остаткамъ можно предположить, что она имѣла четыре сажени вышины, въ основаніи 6 аршинъ толщины и кверху съуживалась до 2 футовъ; слѣдовъ амбразуръ нѣтъ. Вся стѣна сложена изъ сырцоваго кирпича, мѣстами встрѣчается дикій камень, но рѣдко около воротъ и ближе къ основанію. Внутренность крѣпости имѣетъ видъ холмовъ, покрытыхъ мусоромъ, гальками и пескомъ; въ мусорѣ виднѣется много черепковъ глиняной муравленой посуды и нѣсколько кусковъ переплавленной желѣзной руды. Къ сѣверу находятся двѣ башни, отстоящія одна отъ другой сажени на три, съ минаретами, вышиною саженъ въ 15 отъ земли, въ діаметрѣ аршинъ 6. Обѣ башни изъ жженаго кирпича рядовъ въ 200 въ вышину. Внутри у обоихъ минаретовъ винтообразныя, хорошо сложенныя лѣстницы. Верхъ одного минарета сломанъ, другой минаретъ имѣетъ видъ колонны коринѳскаго ордена; шейка колонны изукрашена голубыми съ позолотою изразцами. Быть можетъ, это украшеніе состоитъ изъ какихъ-либо письменъ, но я ихъ разглядѣть не могъ, такъ

какъ наступили сумерки. Неподалеку отъ минаретовъ находится воронкообразный колодезь, выложенный камнемъ.

Оріенталистъ Вельяминовъ-Зерновъ въ одной изъ статей своихъ, помѣщенной въ «Запискахъ Географическаго Общества» †), дѣлаетъ предположеніе, не развалины ли это древняго города Утрара. Легенды обывателей противорѣчатъ такому предположенію. Киргизы разсказывали мнѣ, что эта крѣпость не очень древняя и получила свое названіе отъ Сауранъ-батыря, до пяти разъ изгонявшагося и снова завоевывавшаго себѣ этотъ укрѣпленный пунктъ. Жители же Туркестана давали совершенно противоположное толкованіе; они разсказывали, что Саурановъ много и что даже одна станція на караванномъ пути отъ Акмечети въ Бухару по восточной окраинѣ Кызылъ-кума носитъ такое же названіе, но туркестанскій Сауранъ изъ нихъ самый древній.

По ихъ толкованію имя Сауранъ давалось такому укрѣпленному пункту, вокругъ котораго находились хорошія пастбища и въ которомъ сосредоточивалась конница. Въ туркестанскомъ Сауранѣ стояла кавалерія Тамерлана; пѣхота же его, по ихъ словамъ, квартировала въ Утрарѣ, а Утраръ находится въ 100 слишкомъ верстахъ отъ г. Туркестана при впаденіи р. Арыса въ Сыръ-Дарью.

Впослѣдствіи времени изъ одной пріобрѣтенной мною въ Ташкендѣ рукописи «Хавадисàти Тимурѝ», — преданія о Тамерланѣ—, я вычиталъ однако, что Сауранъ и Утраръ были два различныхъ города и оба находились въ окрестностяхъ Туркестана. Это обстоятельство, опровергая догадку Вельяминова-Зернова, даетъ поводъ не смѣшивать эти два названія двухъ различныхъ укрѣпленій.

Мѣсто, занимаемое станціею, находится на Сыръ-Дарьѣ. Уральскіе казаки, находившіеся на станціи для обученія киргизъ почтовой ѣздѣ, собирались на рыбную ловлю; они были задержаны нашимъ пріѣздомъ. Рыба играла на зарѣ; пискъ ея поминутно раздавался.

— Вишь ты, вишь ты, Господи, рыба то какъ играетъ,—замѣчалъ одинъ нетерпѣливый казакъ.—Кабы намъ съ тобой, Гурилевъ, поймать осетрика икряного. Куды ужъ, неводъ истаскался весь, не поймаешь.

— А Богъ-отъ что?! — замѣтилъ низенькій съ черною бородою кургузый казакъ, Гурилевъ. — Какъ не изловить, изловимъ.

— Вона, вона; гляди: вишь, такъ и выпрыгиваетъ изъ воды вся; здѣсь, видно, притонъ рыбій...

Это они говорили, впрягая тройку въ нашъ тарантасъ. Коренного вывели и завязали ему глаза, чтобы надѣть на него хомутъ; у пристяжныхъ хомутовъ не было: имъ просто наматывали войлокъ кругомъ шеи вмѣсто хомута. Киргизъ сѣлъ на козлы.

— *Турà туръ* (постой), возьми возжи-то; да не такъ, а вотъ этакъ, вишь, чортъ этакой!—сердился казакъ на тщедушнаго киргиза ямщика.

— Ну, съ Богомъ! — закричалъ онъ, выпуская изъ рукъ пристяжную. Тройка понесла насъ не по дорогѣ; благо мѣстность ровная, мы усидѣли спокойно. Выѣхали на дорогу, продрали что было мочи версты двѣ и потомъ поплелись трусцой. Мѣста около Саурана, дѣйствительно, весьма привольныя, зелени множество. Каратаускія горы

†) См. «Вѣстникъ Географ. Общ.» за 1856 г кн 5, стр. 140.

на зарѣ отдѣлялись отъ насъ синевой, и такъ хороша была эта даль съ дымившимся далеко, далеко киргизскимъ ауломъ! Дерева мало видно кругомъ, но зато много пашенъ.

Въ Кусмысгилѣ мы встрѣтили проѣзжающаго офицера. Здѣсь никого другаго и не встрѣтишь: край военный вполнѣ. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ и разсказывалъ намъ, какъ онъ находился въ сраженіи подъ Акъ-булакомъ.

— Стоимъ мы, — разсказывалъ онъ, — смотримъ, видимо невидимо окружаетъ насъ кокандское войско; Алимкулъ самъ былъ тутъ, значитъ сила; тысячъ двадцать было непріятеля. Мейеръ нами командовалъ; мы построились въ каре да и начали ихъ лущить изъ пушекъ. Перр-ва-я пли! Вторра-я пли! Третья пли! Тра-та-та-та та! И пошли, и пошли. Алимкулъ пустилъ на насъ свою пѣхоту, состоявшую изъ бѣглыхъ солдатъ. Три приступа дѣлали, только шли подлецы тихимъ шагомъ; а какъ подойдутъ на картечный выстрѣлъ, мы ихъ картечью и благословимъ. Солдатики наши бѣдные истомились, взмолились Богу, цаловались, прощались между собою: народъ извѣстно выпивши. «Прощай другъ, Игнатьевъ,—говорилъ одинъ солдатикъ другому, — ты мнѣ, братъ, двугривенный долженъ, выпей, помяни на этотъ двугривенный душу христіанскую.» Мы шли тогда на соединеніе оренбургской линіи съ сибирской изъ Туркестана. Нашихъ убито и ранено порядочно, а ихнихъ и не перечесть сколько. Вдругъ слышимъ въ сторонѣ выстрѣлы; Господи, какъ мы обрадовались, что Черняевъ послалъ къ намъ изъ Чимкенда подмогу. Да-съ, по правдѣ сказать, было дѣло. Мнѣ Георгія слѣдовало получить за это, потому что на нашу сторону больше налегали; да, не снимись мы съ позиціи, и получилъ бы. И съ какой стати позицію мѣнять: позиція гладкая, ровная; только, признаться, въ лощинѣ насъ захватили. Извѣстное дѣло, что когда принялись лущить кокандцевъ въ двухъ сторонъ, такъ они всѣ разбѣжались.

Потомъ разсказывалъ онъ намъ, какіе киргизы трусы; ѣхалъ будто-бы гдѣ-то офицеръ одинъ безъ конвоя; вдругъ, откуда ни возьмись, выскочило киргизъ человѣкъ двадцать и съ крикомъ кинулись за нимъ. А у него кромѣ подзорной трубки ничего съ собою не было. Лупитъ офицеръ свою лошаденку, да видитъ, что съ ней ничего не подѣлаешь, и наводитъ на киргизъ свою подзорную трубу. Тѣ перепугались, подлецы, подумали, что у него пушка, да драло отъ него въ сторону и попрятались; а онъ проѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Такіе разговоры видимо воодушевляли моего спутника поскорѣе пробраться туда, гдѣ наши дѣйствуютъ. Станцію мы оставили раньше расположившагося тамъ офицера, который, надо полагать, не скоро доберется до Россіи, потому что на каждомъ шагу дѣлаетъ привалъ довольно продолжительный, какъ мы узнали впослѣдствіи. Не доѣзжая верстъ 8 до Туркестана, мы переѣхали черезъ рѣчку Карачикъ, на берегахъ которой г. полковникъ Татариновъ заявилъ мѣсто нахожденія каменнаго угля; дай Богъ, чтобы эта находка удалась ему, а то топлива на долго ли хватитъ.

Туркестанъ былъ видѣнъ еще много раньше со своимъ знаменитымъ храмомъ Азретъ-Султана. Освѣщенный солнечными лучами городъ представлялъ великолѣпную картину издали. Каратаускія горы здѣсь кажутся не такъ далеки. Подъѣзжая къ городу, мы стали замѣчать нѣсколько дорогъ, направлявшихся въ разныя стороны. Большая часть ихъ шла на сѣверъ къ Каратау. Наконецъ появились и ослы съ бревнами,

которыя были перетянуты у нихъ на шеѣ, и съ мусоромъ. Длинные заборы, построенные изъ необожженаго кирпича, отдѣляли отъ насъ опустѣлые брошенные сады. Какая-то женщина встрѣтилась съ нами на поворотѣ улицы. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше оживленія въ садахъ. Вотъ намъ попался одинъ мужикъ, прочищавшій водопроводную канавку своимъ топоромъ; топоръ его носилъ на себѣ особенный характеръ: онъ скорѣе походилъ на нашъ молотокъ, только съ длиннымъ заостреннымъ лезвеемъ.

Вотъ показались наконецъ и ворота съ мостикомъ, перекинутымъ черезъ ровъ, и за ними на горѣ возвышался дивный храмъ Азрета. Надо замѣтить, что онъ гораздо лучше издали или на картинѣ, чѣмъ вблизи. Даль скрадываетъ множество его недостатковъ; напримѣръ, на одной сторонѣ есть выбоины отъ русскихъ ядеръ; эти выбоины издали незамѣтны, и не мѣшаютъ его картинности. Въѣхавши въ ворота, мы сейчасъ же повернули налѣво; но ямщикъ сдѣлалъ такой крутой поворотъ, что тарантасъ повалился набокъ. Иванъ слетѣлъ съ козелъ, мы выскочили, и за нами полетѣли всѣ вещи. Хорошо, что еще намъ слѣдовало сдать этотъ экипажъ брату о. Александра, состоящему священникомъ при здѣшней походной церкви. Мы пошли пѣшкомъ, оставивъ Ивана съ ямщикомъ улаживать экипажъ, у котораго переломилась оглобля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Г. ТУРКЕСТАНЪ.

знуренному человѣку приличествовалъ бы болѣе всего отдыхъ послѣ такого продолжительнаго пути; а намъ доводилось идти саженъ триста между двумя высокими стѣнами, что́, признаться сказать, въ дорожныхъ сапогахъ не очень-то выгодно. Потомъ мы увидѣли ворота съ часовымъ на нихъ и съ грибомъ изъ камыша вмѣсто будки, подъ который часовой прячется отъ солнца. Мы вошли въ ворота, прошли саженъ пятьдесятъ, поднимаясь на гору, и увидѣли лачужки, носившія характеръ казенной постройки. Мы попросили находившихся тутъ солдатъ, не зная, что случилось съ нашимъ тарантасомъ, помочь Ивану собрать вещи. Тѣ охотно кинулись къ воротамъ, а мы прошли дальше. Передъ нами высилась еще стѣна, содержавшая въ себѣ останки Ахмеда Ясави. Линія зданій шла налѣво, и въ концѣ ея ходилъ часовой. Мы пошли туда, чтобы спросить солдата, гдѣ живетъ комендантъ. Комендантъ тутъ и жилъ, и часовой, какъ оказалось, ходилъ около его квартиры. Мы вошли къ коменданту и рекомендовались.

— А, про васъ говорилъ мнѣ генералъ, — обратился ко мнѣ комендантъ. — Вы, должно быть, художникъ?

— Нѣтъ, я не художникъ,—отвѣчалъ я

— А гдѣ же ваши вещи?—спросилъ комендантъ.

— Да вотъ съ нами случилось несчастіе: тарантасъ сломался при въѣздѣ въ городъ. Мы послали туда солдатъ помочь нашему человѣку управиться.

— И они пошли?!!

— Да.

— Эй, Петровъ, скажи фельдфебелю, чтобы онъ послалъ нѣсколько человѣкъ изъ команды помочь вытащить тарантасъ. Для васъ тамъ отведена квартира, — обратился онъ къ намъ. —Вы можете располагаться въ ней. Извините, у меня квартира маленькая, ничтожная.

— Гдѣ же она помѣщается?—спросили мы.

— Эй, Петровъ, покажи имъ квартиру, — сказалъ комендантъ, подавая намъ обѣ руки.—Будьте добры, ко мнѣ обѣдать.

Мы раскланялись и ушли. Пройдя всю линію обратно назадъ и перейдя дорогу, мы встрѣтили Ивана, втаскивавшаго наши вещи въ квартиру. Входъ съ улицы, комната съ двумя маленькими окошками и невысокимъ потолкомъ, съ диваномъ, двумя сломанными стульями и столомъ, составляла наше убѣжище. Мы молча умылись, поправили свой туалетъ, пересмотрѣли вещи, все ли цѣло; вообще не долго были на своей квартирѣ, какъ явился Петровъ приглашать насъ къ комендантскому столу.

Комендантъ медленно шагалъ по своей комнаткѣ, когда мы вошли. Столъ былъ накрытъ на три персоны; на немъ красовалась водка и одна бутылка съ виномъ. Куда только это вино не проникаетъ: вездѣ его можно встрѣтить; однако здѣсь было вино ужъ не отъ московскаго Депрэ, а перевезенное съ сибирской линіи, такъ-называемое кузнецовское. Кузнецовъ поставляетъ вина на всю западную Сибирь; разсказывали, что въ Вѣрномъ онъ былъ разъ въ клубѣ, раскутился и крикнулъ половому: «Ей, малый, дай-ка сюда вина, да спроси тамъ въ буфетѣ не кузнецовскаго, а настоящаго хорошаго». Этотъ анекдотъ можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ доброкачественности винъ, поставляемыхъ въ область г. Кузнецовымъ. Но и такая бутылка въ Туркестанѣ рѣдкость, гдѣ всего на-все наберется едвали до двухъ-сотъ русскихъ, считая въ томъ числѣ и гарнизонъ, и священника.

— Не угодно ли водочки, господа? — обратился къ намъ комендантъ. — Вамъ съ дороги-то хорошо, надо полагать, выпить.

Мы раскланялись, выпили и закусили свѣжей икрой, потомъ сѣли за обѣдъ.

Послѣ супа комендантъ спросилъ насъ, когда мы думаемъ ѣхать. Мы отвѣчали, что хоть сегодня же, только бы отыскать двѣ телѣги.

— Ну, двухъ то я вамъ дать не могу, а одна найдется. Да и въ двѣ телѣги нужно вѣдь шесть лошадей, а гдѣ ихъ возьмешь; сегодня почта ушла на шести лошадяхъ.

— Я во всякомъ случаѣ сегодня поѣду, — возразилъ К. Б—скій, а вы оставайтесь здѣсь, уснете: вѣдь уснуть-то любите.

Я согласился съ нимъ и рѣшилъ остаться, чтобы на другой день, осмотрѣвши Азретъ-Султанъ, выѣхать изъ Туркестана. Обѣдъ былъ непродолжителенъ. Видно было по всему, что комендантъ живетъ по бивачному. Послѣ обѣда я отправился сдавать тарантасъ священнику, а К. Б—скій сбираться въ дорогу. Молодаго священника о. Тимофея я нашелъ въ квартирѣ; онъ—вдовецъ, какъ и старшій его братъ; недавно кончивши курсъ въ семинаріи, онъ первое свое назначеніе получилъ сюда и здѣсь отстраивался къ зимѣ. Я сообщилъ ему, что у насъ находится тарантасъ о. Александра для передачи ему и разсказалъ горестное событіе, случившееся съ нами, при въѣздѣ въ Туркестанъ.

Дозволено Ценсурою.

Съ натуры рисов. Д. Вележевъ.

Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

Мечеть Ходжа-Ахралъ.

На обратномъ пути я увидѣлъ памятникъ, присланный поставить надъ могилой убитаго при осадѣ Туркестана офицера и стоявшій теперь около квартиры коменданта. Проходя мимо комендантской квартиры, я услышалъ, что меня зовутъ туда; я вошелъ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ начальника здѣшняго населенія, г. Крымова, который имѣетъ до васъ дѣло, — сказалъ комендантъ, указывая на молодаго казачьей артиллеріи офицера.

— Весьма пріятно, — отвѣчалъ я. — Дѣло,—какое же?

— Генералъ, проѣзжая, приказалъ мнѣ обратиться къ вамъ, чтобы вы разобрали претензію между шейхъ-исламомъ и казы-келяномъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ я; — но когда же?

— Я имъ велю собраться у меня сегодня вечеромъ; а вы, если будете такъ добры, зайдете ко мнѣ.

— Очень хорошо, приду.

Въ это время въ комнату коменданта вошелъ казы-келянъ туркестанскій, за которымъ посылали, чтобы онъ показалъ мечеть Азрета К. Б—скому. Я познакомился съ нимъ; это была личность, нисколько не обѣщающая, сартъ по происхожденію, съ лукавыми глазами, какъ каждый азіятецъ, и довольно скромный.

Показывали мечеть Азрета К. Б—скому; отчего же было не посмотрѣть и мнѣ.

Мы пошли вдвоемъ къ мечети, разсчитывая зайдти и взять К. Б—скаго; но онъ уже былъ извѣщенъ и самъ шелъ къ намъ. Перейдя мостикъ, мы вошли въ высокія ворота, откуда намъ представилась направо храмина Азретъ-Султана, налѣво небольшое зданіе съ куполомъ. Налѣво — говорятъ туземцы — похоронена дочь Аксакъ-Тимура, и надъ нею воздвигнута эта мечеть. Мы въ нее не входили; она была заперта на ключъ и въ ней находился артиллерійскій складъ. Мы пошли направо и подошли прямо къ Азрету. Интересно было бы знать, какъ высокъ Азретъ-Султанъ и какъ былъ бы онъ высокъ, если бы постройка его была докончена. У входа направо и налѣво находится нѣсколько могилъ; мы пошли по ступенькамъ ко входу. Пропорціональныя величинѣ храмины двери чрезвычайно велики. Наружнымъ видомъ, внѣшними изразцовыми украшеніями рѣзными надписями изъ корана и входомъ въ видѣ арки зданіе это напоминало мнѣ постройки мечетей и дворцовъ, видѣнныхъ мною въ Казвинѣ, Тавризѣ и Ашрефѣ, постройку которыхъ тамъ относятъ къ золотому вѣку шаха Аббаса Великаго. Это мнѣ даетъ поводъ подозрѣвать, что зданіе Азретъ-Султана построено по вкусу персидскихъ архитекторовъ, которымъ обязана центральная Азія чуть-ли не всѣми постройками, начиная съ часовни надъ гробомъ Аксакъ-Тимура.

Туземное преданіе приписываетъ постройку его Аксакъ-Тимуру, заложившему эту мечеть въ честь святаго передъ походомъ въ Россію. Но, принимая во вниманіе, что почти во всей Азіи за отсутствіемъ историческихъ лѣтописей и хронографовъ народная молва все хорошее, а равно и замѣчательныя постройки, мосты и акведуки приписываетъ какому-нибудь одному полюбившемуся ей государю, какъ напр. въ Персіи все относится къ шаху Аббасу Великому; надо полагать, что въ средней Азіи многое нерѣдко весьма ошибочно относятъ къ Тамерлану. И если ужъ приписывать постройку этой мечети Тимуру, то я готовъ скорѣе согласиться, что зданіе это воздвигнуто во время другаго Тимура, внука знаменитаго

завоевателя, жившаго въ XV-мъ столѣтіи. Въ «Хавадисати Тимури» говорится о многихъ постройкахъ Тамерлана, произведенныхъ архитекторами, приглашавшимися со всего свѣта, но о мечети туркестанской нѣтъ и помину. Стоящая внутри зданія массивнаго объема металлическая чаша, которая по преданію не старѣе самой постройки, имѣетъ помѣтку восемсотъ котораго-то года и имя мастера персіянина, что̀ отчасти подтверждаетъ вышеизложенное мною предположеніе. Можно было бы сдѣлать еще нѣкоторыя розысканія по надгробнымъ камнямъ, находящимся на могилахъ направо и налѣво отъ входа, но я въ этомъ не успѣлъ, потому что фанатикъ казы-келянъ просилъ меня не ходить по этимъ могиламъ, чтобы не осквернить праха покоившихся подъ плитами моею невѣрною ногою. Такія розысканія по надписямъ дали бы мнѣ возможность провѣрить слова тѣхъ муллъ, которые клялись мнѣ, что зданіе это построено самимъ святителемъ, и только посѣщалось Тамерланомъ, который дѣлалъ для него многія пожертвованія.

Я не беру на себя описывать съ памяти внутренность храмины съ ея подраздѣленіями, кельями, пекарнями, подземными колодцами и разными проходами, потому что легко могу впасть въ ошибку. Но нелишнимъ почитаю высказать еще одно предположеніе мое относительно цѣли постройки этаго зданія, имѣющаго въ настоящее время назначеніе мечети.

Во время моихъ путешествій по мусульманскимъ странамъ мнѣ ниразу не доводилось ни видѣть, ни читать ни одного описанія какой-нибудь мечети, имѣющей хотя малѣйшее сходство съ устройствомъ храмины Азретъ-Султана. Къ чему эти десятки темныхъ келій, двухъэтажныя пекарни и внутренніе колодцы? Устройство пекаренъ и колодцевъ еще можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что строитель имѣлъ въ виду, на случай нападенія непріятеля, обезпечить защищающій цитадель гарнизонъ отъ голода и жажды; но устройство темныхъ келій, выходящихъ во внутренность зданія низкими дверцами, имѣло натурально какое-нибудь другое назначеніе. Я имѣю нѣкоторыя основанія предполагать †), что самъ Азретъ-Ходжа-Ахмедъ-Ясави былъ основателемъ какой-нибудь новой секты, и кельи эти служили членамъ ея мѣстомъ духовнаго самосозерцанія, сопровождаемаго молитвою и физическимъ изнуреніемъ. Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что и понынѣ съ четверга на пятницу собираются къ могилѣ Азретъ-Султана туркестанскіе фанатики и впродолженіе многихъ часовъ, читая молитвы, сопровождаютъ ихъ различными кривляньями, безчисленными глубочайшими вздохами, доводящими непривычныхъ до безпамятства, и плясками кругомъ гробницы до изнуренія. По словамъ управляющаго населеніемъ г. Туркестана, въ этихъ ночныхъ бдѣніяхъ не принимаетъ никакого участія ни шейхуль-исламъ, ни казы-келянъ и ни одно лицо изъ городскаго духовенства, а единственно только ходжи, т. е. лица, считающія себя потомками этого святителя и пользующіяся на этомъ основаніи вакфомъ, т. е. доходами съ угодій и земель, пожертвованныхъ Азретъ-Султану.

Неподалеку отъ этаго зданія находится другое, относительно миніатюрное, также во вкусѣ мечетей, видѣнныхъ мною въ Тегеранѣ; внутренности его мнѣ не удалось видѣть, такъ какъ оно занято было артиллерійскимъ складомъ. По наружному виду и по

†) Именно указаніе на постройку зданія при жизни святаго.

сохранившимся изразцовымъ надписямъ духовнаго содержанія я полагаю, что это именно и составляло мечеть ордена. При недостаткѣ рукописей, относящихся до исторіи средней Азіи, и при невозможности критически провѣрить множество устныхъ преданій объ этомъ громадномъ строеніи, противорѣчащихъ одно другому, мнѣ кажется, что предположеніе, высказанное мною, весьма правдоподобно.

Мы вышли изъ мечети и увидѣли при входѣ толпу нищихъ, которая ожидала нашего выхода. Поданные нами казы-келяну два рубля вызвали со стороны нищихъ сочувственную молитву.

К. Б - скій къ вечеру уложился и уѣхалъ въ телѣгѣ, а я остался для разбирательства дѣла между казы-келяномъ и шейхуль-исламомъ. Когда стемнѣло, меня пришли звать къ начальнику населенія; я отправился. Въ большой комнатѣ безъ пола съ низенькимъ потолкомъ находилось множество сартовъ и между ними шейхуль-исламъ въ бархатномъ жалованномъ халатѣ съ медалью на шеѣ и казы-келянъ въ простомъ бухарскомъ халатѣ; всѣ были въ чалмахъ;—чалма составляетъ здѣсь постоянный костюмъ мусульманина, и когда киргизскій бій пріѣзжаетъ въ городъ, надѣваетъ чалму. Я вошелъ, всѣ встали. Мы поздоровались, и начальникъ населенія, какъ могъ, такъ и изложилъ претензію казы-келяна на шейхуль-ислама. Онъ говорилъ, что обѣ эти личности пользуются особенной привязанностью народа, и что *въ настоящее время* рѣшеніе спора въ пользу кого-нибудь изъ нихъ можетъ повлечь къ непредвидѣннымъ непріятностямъ; а что спорятъ они изъ-за того, кто изъ нихъ старше и кто изъ нихъ главный. Споръ происходилъ дѣйствительно изъ-за этаго; казы-келянъ, не утвержденный въ этомъ званіи нашимъ правительствомъ, ссылался на то, что ташкендскій шейхуль-исламъ не имѣетъ никакого вѣса, а казы-келянъ тамъ значитъ все. Шейхуль-исламъ горячо сталъ говорить за себя, какъ будто обиженный.

— Вникни, туря, въ мое положеніе,—горячился онъ.—Въ Истамбулѣ шейхуль-исламъ заправляетъ дѣлами мусульманъ, въ Бухарѣ тоже; а у насъ будетъ значить что-нибудь казы-келянъ. Я, слава Богу, выѣзжалъ къ Веревкину на встрѣчу, получилъ отъ него награду и утвержденъ шейхуль-исламомъ. Да мало ли я услугъ оказалъ русскимъ; спроси только Веревкина, что я дѣлалъ. А тутъ какой-нибудь килимша́къ (проходимецъ) изберетъ себя казы-келяномъ и начнетъ народъ судить и рядить...

— Меня народъ избралъ, врешь ты, — со слезами на глазахъ закричалъ казы-келянъ.

— Да, да, да, мы выбрали, — орала толпа народа, стоявшая до сихъ поръ смирно.

Потомъ начались споры о взяточничествѣ, высчитывалось, сколько казы-келянъ содралъ съ того и съ другаго. Крикамъ толпы не было конца во время этаго спора; я боялся, какъ бы дѣло не дошло до драки.

— Да ты чѣмъ можешь доказать?—кричала одна толпа.

— А тѣмъ, что онъ приходилъ потомъ ко мнѣ разбираться,—возражалъ горячившійся шейхуль-исламъ? — Я ему уступаю мѣсто въ мечети, что же еще больше онъ хочетъ отъ меня.

— Это потому, что ты неучъ, — отозвалась толпа, собранная казы-келяномъ.

— Вы очень грамотные,—кричалъ народъ со стороны шейхуль-ислама.

Шейхуль-исламъ, разгоряченный и разобиженный, собирался уходить, казы-келянъ также. Я сказалъ имъ, что по пріѣздѣ въ Ташкендъ сообщу генералу объ ихъ дѣлѣ, и пускай они ждутъ оттуда резолюціи. Затѣмъ они ушли.

— Видѣли, слышали,—говорилъ мнѣ начальникъ населенія.—Какъ же можно было рѣшать въ чью-нибудь пользу это дѣло. Они взволнуютъ весь городъ. А у шейхуль ислама есть еще между киргизами пріятели, біи;—пожалуй всколыхнется и степь.

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, такъ какъ онъ лучше меня зналъ положеніе края и ходъ дѣлъ въ городѣ. Вечеръ я провелъ у него. Онъ воспитывался въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, звали его Александромъ Александровичемъ Крымовымъ. Словесныя разбирательства онъ рѣшалъ черезъ переводчика, а рапорты писалъ самъ. Онъ былъ въ легкихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ коменданту, т. е. считалъ себя равнымъ ему; изъ этаго выходили интересныя и чрезвычайно курьезныя сцены. Здѣсь въ вѣдѣніи начальника населенія находятся какъ киргизы, такъ и сарты, т. е. городскіе жители, которые въ административномъ отношеніи подвѣдомственны коменданту. Мы сошлись съ г. Крымовымъ очень скоро. Въ продолжительной бесѣдѣ, которую вели мы съ нимъ, онъ сообщилъ мнѣ всю трудность положенія начальника населенія въ первое время, и между прочимъ показалъ бумагу, полученную имъ изъ Ташкенда, которой начальникъ центра, Краевскій требовалъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ народонаселенія и объ его образѣ жизни. Кажется, такъ г. Крымовъ и не подалъ этого отчета, пробывши еще около года начальникомъ населенія. Понятно, что при незнаніи языка и трудно было собрать ихъ. Переводчикъ изъ киргизъ оренбургскаго вѣдомства могъ не понимать, для чего такія свѣдѣнія требуются,—и объяснить киргизамъ невѣрный поводъ къ собиранію ихъ, а тѣ на основаніи отзыва переводчика могли бы наврать, предполагая, что такія свѣдѣнія требуются для рекрутскаго набора, напримѣръ, или т. п.

На другой день мы отправились на базаръ. Выйдя изъ цитадели,—небольшой спускъ ведетъ въ улицу. Мы прошли закоулка два-три и очутились на базарѣ. Это продольная линія, въ которой торгуютъ всѣмъ въ разбросъ. Тутъ продаются и ситцы русскіе, и остъ-индская кисея, сушеные фрукты, чай, сахаръ, гвозди, сундуки, чугуны. Масса народа затрудняла наше шествіе. Наконецъ мы очутились у чай-хане †), въ которомъ продавались чай, хлѣбъ, пирожки съ говядиной и сахаромъ, пельмени и особенное блюдо, нѣчто въ родѣ шишлыка, которое трещало надъ угольями. Пирожки съ сахаромъ довольно вкусны; чай заваривается самый низшій сортъ. Мы спросили себѣ пельмени, попробовали ихъ и только. Народъ глазѣлъ на насъ; между сартянскими физіономіями мелькали еврейскія лица, веселыя и смышленыя. Евреи подчиненныхъ намъ городовъ больше всѣхъ довольны сдѣланными нами успѣхами. Въ прежнее время они ходили пѣшкомъ по городу, не смѣли сѣсть на лошадь и опоясывались веревками; теперь же права ихъ сравнены съ туземцами, и они зажили припѣваючи. Вдругъ изъ толпы протискалась къ намъ одна толстая фигура и, схвативши Крымова за руку, начала съ нимъ здороваться. Онъ счелъ долгомъ рекомендовать мнѣ этого толстяка. Толстякъ схватилъ меня за руку и прошипѣлъ: «аманъ, аманъ (зравствуй, здравствуй)». Признаться, я не видалъ никогда

---

†) Небольшой туземный ресторанъ

такого толстаго у насъ въ Россіи. Толстякъ громко дышалъ, и на разстегнутой груди у него катился градомъ потъ. Будучи произведеннымъ въ офицеры, онъ торопился сшить себѣ китель; кто-то подарилъ ему пагоны и портупею. На обратномъ пути я видѣлъ этого базаръ—баша въ офицерской формѣ.

Дальше мы вошли въ рядъ сѣдельниковъ; они сидѣли въ своихъ открытыхъ лавочкахъ и занимались вышиваніемъ чепраковъ. Потомъ мы попали на базаръ, гдѣ продается хлѣбъ, рисъ и ячмень.

— Посмотрите, посмотрите,—вотъ это Канусъ бій, бывшій туркестанскій губернаторъ, а теперь поставщикъ верблюдовъ и арбачей для войска, – сказалъ мнѣ начальникъ населенія, указывая на высокаго и здороваго киргиза, торчавшаго въ своей лавчонкѣ. Скоро бывшій туркестанскій губернаторъ замѣтилъ насъ и подошелъ здороваться съ начальникомъ населенія. Его красный халатъ, подпоясанный кушакомъ, едва достигалъ колѣнъ; дальше торчали ноги, обутыя въ ичиги и въ кожаныя шаравары. На головѣ у него имѣлась маленькая ермолка. Канусъ съ виду имѣлъ болѣе пятидесяти лѣтъ.

Казалось бы, зачѣмъ для города, имѣющаго въ настоящее время не болѣе пяти тысячъ душъ, ставить такой базаръ и имѣть такое множество лавчёнокъ? Но такой вопросъ объясняется весьма просто: окрестные киргизы везутъ сюда свой товаръ, гонятъ своихъ барановъ. Это центръ киргизской торговли въ туркестанскомъ краѣ. Здѣсь есть скупщи ихъ произведеній. Агенты богатыхъ ташкендскихъ купцовъ постоянно живутъ здѣсь, чтобы закупить изъ первыхъ рукъ матеріалъ, необходимый для караванной торговли. Туркестанскіе купцы везутъ иногда кладь съ веревками, войлоками и шерстью въ Ташкендъ и другіе города. Масса проса, засѣваемаго киргизами, требуетъ для себя покупателей; киргизы везутъ и просо въ Туркестанъ, и оно тамъ сбывается. Масса цытварнаго сѣмени провозится черезъ Туркестанъ въ Россію. Что же мудренаго, что здѣсь есть сѣдельный рядъ, когда подгородные киргизы да и самые туркестанскіе сарты разъѣзжаютъ по городу верхами. Туркестанскій базаръ не имѣетъ изящества, персидскихъ базаровъ; онъ весь почти выстроенъ изъ нежженаго кирпича съ переброшенными поверху жердями, которыя покрываются рогожками и всякимъ тряпьемъ, чтобы защититься отъ жары и отъ дождей. Въ иной лавченкѣ всего и товара рублей на десять, а сидитъ сартъ и что-нибудь работаетъ или потѣшаетъ прохожаго дервиша; впрочемъ дервиши группируются по большей части около чай-хане:—здѣсь всегда можно найти слушателей и вольныхъ жертвователей подаянія.

Выйдя изъ давки базарной, мы отправились домой. Время приближалось къ обѣду. На дорогѣ подошелъ какой-то джигитъ, пошептался съ переводчикомъ, сопровождавшимъ насъ, и тотъ передалъ что-то Крымову. Оказалось, что шейхуль-исламъ приглашалъ насъ къ себѣ вечеромъ на чай; я изъявилъ полнѣйшее удовольствіе посѣтить его домъ.

Меня интересовало житье-бытье сартовъ. Всѣ дома ихъ построены изъ сыраго кирпича или слѣплены изъ комковъ глины въ одинъ этажъ. На улицу выходятъ стѣны домашнихъ угодій, конюшенъ, хлѣвовъ, амбаровъ, а у богатыхъ и помѣщенія для прислуги; покои же хозяевъ находятся на второмъ дворѣ, который бываетъ всегда чище перваго какъ постройками, такъ и мостовою.

Туземецъ, имѣющій средства, обмазываетъ какъ наружныя, такъ и внутреннія стѣны

своихъ покоевъ известкою и украшаетъ лѣпною работою. Архитектура весьма незатѣйлива, и почти всѣ дома походятъ одинъ на другой. Каждый покой состоитъ изъ трехъ глухихъ стѣнъ, въ которыхъ мѣстами дѣлаются углубленія въ родѣ шкафовъ для посуды; четвертая же сторона состоитъ изъ большой деревянной рамы, въ которую вдѣланы нѣсколько оконъ съ бѣлою бумагою вмѣсто стекла иногда съ ставнями, запирающимися извнутри. Это—зимнее помѣщеніе, для лѣта-же рядомъ съ описанною мною комнатою находится терраса съ крышею на деревянныхъ разукрашенныхъ колоннахъ. Во время ненастной погоды и когда начинаются холода, доходящіе здѣсь до—8°,—10°, туземцы оставляютъ эти террасы и прячутся за бумажныя окна, гдѣ отогрѣваютъ свои непривыкшіе къ холоду члены оригинальнымъ способомъ. Именно, по срединѣ комнаты ставится табуретъ, покрытый толстымъ одѣяломъ, краями своими достающимъ до всѣхъ четырехъ стѣнъ; подъ эту табуретку помѣщаютъ большой глиняный тазъ, наполненный золою и горящими угольями, а сами съ семьею садятся кругомъ, подсунувши подъ одѣяло кто ноги, а кто и цѣлое туловище. О русскихъ печахъ и о каминахъ, такъ распространенныхъ въ Персіи и появляющихся въ послѣднее время и въ Бухарѣ, здѣсь не имѣютъ никакого понятія. Однако же это послѣднее обстоятельство мнѣ не мѣшаетъ предполагать, что знакомствомъ съ удобствами осѣдлой жизни среднеазіятское населеніе обязано Персіи, а не Китаю, владѣвшему довольно долгое время нынѣшнимъ кокандскимъ ханствомъ, и не Россіи, съ которою кокандцы давно знакомы и видали русскіе дома въ Семипалатинскѣ, Петропавловскѣ и Троицкѣ, потому что въ ихъ постройкѣ нѣтъ малѣйшей тѣни подобія чего-нибудь русскаго и китайскаго, а напротивъ большое сходство съ домами персидскими. Кухня устраивается на женской половинѣ, т. е. на второмъ же или на третьемъ дворѣ; состоитъ изъ одной небольшой печки, въ которую вмазанъ чугунный котелъ. Конечно, не всѣ пользуются одинаковыми житейскими удобствами; и въ Туркестанѣ можно втрѣтить много такихъ пролетаріевъ, которые не только не въ состояніи содержать семейство, состоящее изъ одной жены, но даже въ ненастныя и холодныя ночи принуждены скрываться въ развалинахъ заброшенныхъ домовъ.

Въ теченіе дня ко мнѣ приходили аксакалы, плакавшіе, что они не получаютъ жалованья по десяти рублей въ мѣсяцъ, и просили ходатайствовать объ нихъ въ Ташкендѣ; я обѣщалъ имъ это съ удовольствіемъ. Вечеромъ мы отправились къ шейхуль исламу. Его домъ стоялъ внѣ цитадели, недалеко отъ нея, такъ что мы могли пѣшкомъ пройти до него; войдя на первый дворъ, мы застали хозяина на молитвѣ и прошли въ его пріемную комнату; вскорѣ съ террасы вошелъ въ комнату и шейхуль-исламъ. Мы расположились на полу, устланномъ коврами и сложенными одѣялами. О вчерашнемъ не было говорено ни слова. Подали желтый чай съ пирожками съ мясомъ и сахаромъ и другія азіятскія сладости, между которыми находились поджаренныя фисташки, чрезвычайно вкусныя, и русскія конфекты съ билетиками. Стемнѣло; подали огня въ массивномъ подсвѣчникѣ.

На просьбу мою показать книги шейхуль-ислама онъ изъявилъ полнѣйшее согласіе и принесъ мнѣ изъ другихъ покоевъ, находившихся на второмъ дворѣ, множество книгъ духовнаго содержанія, между которыми не послѣднюю роль играли казанскія изданія. Историческихъ книгъ у шейхуль-ислама не оказалось. Этотъ господинъ какъ будто бы

начиналъ понимать, что̀ такое исторія, съ тѣхъ поръ какъ Н. А. Веревкинъ взялъ Туркестанъ и какъ шейхуль-исламъ оказывалъ Веревкину содѣйствіе. Въ его библіотекѣ находились переводы *Аристу́* и *Афлату́на*, (Аристотеля и Платона) на персидскій языкъ.

— Мудрыя книги, мудрыя: тутъ все правда написана,—говорилъ шейхуль-исламъ, похлопывая книгами объ колѣно.

Потомъ онъ вынесъ и показалъ намъ серебряную чашу, подаренную ему Веревкинымъ, и ковшикъ для кумыса, подаренный проѣзжавшимъ предо мною генераломъ. На его лицѣ выражалось неудовольствіе, что послѣдній подарокъ менѣе цѣненъ чѣмъ подарокъ Веревкина. Я объяснилъ ему, что этотъ ковшикъ—для кумыса и совѣтовалъ, чтобы онъ вспоминалъ всегда новаго генерала, когда будетъ пить кумысъ этимъ ковшомъ.

— Какъ же, Канусъ бію новый генералъ далъ чашу, а мнѣ только ковшикъ!—жаловался шейхуль-исламъ.

— Этотъ ковшикъ онъ далъ тебѣ потому, что зналъ, что у тебя уже есть чаша, подаренная Веревкинымъ;—утѣшалъ его я.

Мы наугощались изрядно, и слѣдовало отправляться домой. Передъ нами шелъ человѣкъ шейхуль-ислама и несъ огромнѣйшій *фанусъ* †); это мнѣ напомнило мои ночныя путешествія по Тегерану. Мы подошли къ воротамъ цитадели; часовой окликнулъ насъ: «кто идетъ?» И узнавши, что съ нами былъ начальникъ населенія, приказалъ отпереть ворота. Дойдя до своего логовища, я раскланялся съ Крымовымъ и пошелъ домой укладываться, чтобы на другой день выѣхать. Комендантъ на другой день обѣщалъ мнѣ, что лошади будутъ свободны и что онъ найдетъ мнѣ какъ-нибудь телѣгу. Въ теченіе дня я узналъ, что городъ дѣлится на четыре квартала, подчиненныхъ четыремъ аксакаламъ; цитадель же составляетъ пятую часть города и находится въ непосредственномъ вѣдѣніи коменданта. Базаръ находится въ вѣдѣніи базаръ—баша; за нравственностью жителей наблюдаетъ раисъ, а за снабженіемъ города, стоящаго въ пятидесяти верстахъ отъ Сыръ-Дарьи, водою наблюдаетъ особое лицо, именуемое мирабъ; въ вѣдѣніи его находятся всѣ двѣнадцать ручьевъ, орошающихъ городъ; колодцы же, которыхъ въ Туркестанѣ много, не подлежатъ вѣдѣнію мираба, а составляютъ собственность хозяина.

Кокандская цитадель, обведенная глиняною стѣною и рвомъ, находится на болѣе возвышенномъ мѣстѣ и заключаетъ въ себѣ въ настоящее время русскія казармы, комендантскій домъ, квартиры офицеровъ, различные склады и святыню всей средней Азіи—могилу Азретъ-Султана.

Проснулся я на другой день довольно рано, одѣлся по дорожному и вышелъ изъ дома прямо къ коменданту.

— А, вотъ и вы встали, доброе утро,—сказалъ комендантъ.—У меня былъ сейчасъ Веніаминъ, аксакалъ иканскій; онъ пошелъ отыскивать васъ. Генералъ поручилъ вамъ разобрать дѣло его, которое онъ ведетъ съ киргизами о водѣ.

— Я не видѣлъ его; гдѣ же онъ?—спросилъ я.

— Онъ къ вамъ сейчасъ пошелъ и, должно быть, зашелъ къ завѣдующему населеніемъ,—отвѣчалъ комендантъ и началъ продолжать свою утреннюю работу.

---

†) Складной фонарь изъ коленкора съ мѣднымъ дномъ и верхомъ.

Видя, что я тутъ лишній, я раскланялся и пошелъ къ начальнику населенія. У того въ пріемной толпилась масса народа.

— Ахъ какъ досадно! У меня былъ сейчасъ Веніаминъ; ему нужно вдиѣть васъ,—началъ Александръ Александровичъ.—Я, полагая, что вы еще спите, сказалъ ему, чтобы онъ черезъ часъ зашелъ къ вамъ. А вы уже встали.

— Какъ видите, и хлопочу объ отъѣздѣ.

— Ну, подождите; куда вамъ торопиться. Оставайтесь у меня пообѣдать: у меня будетъ фазанъ жареный. Кстати вы увидите и Веніамина.

Я отправился къ коменданту узнать, когда лошади будутъ готовы; оказалось, что не раньше, какъ послѣ обѣда. Дѣлать было нечего, я долженъ былъ принять приглашеніе Крымова на фазана. Въ то время, какъ я находился у него, по улицѣ проходилъ какой-то сартъ въ бархатномъ халатѣ съ позументами и въ чалмѣ, а сверхъ халата надѣта сабля.

— Посмотрите, не это ли Ибнъ Яминъ?

— Да, да, это онъ,—отвѣчалъ Крымовъ и послалъ переводчика догнать его и позвать къ себѣ; минуты черезъ двѣ въ комнату ввалилась огромнѣйшая туша съ саблей на бедрѣ; это и былъ Ибнъ Яминъ. Мы съ нимъ познакомились, и онъ объяснилъ мнѣ, что генералъ поручаетъ разобрать ихъ претензіи на арыки †), которыми завладѣлъ теперь кунградскій родъ киргизъ несмотря на то, что у нихъ есть жалованныя грамоты на эти арыки и что они испоконъ вѣка владѣли ими.

— Пріѣдешь въ Иканъ, тебя тамъ встрѣтятъ радушно,—продолжалъ Ибнъ Яминъ,—у меня въ домѣ. Я пошлю отсюда нарочнаго съ извѣстіемъ, а самъ дома быть не могу; ты меня извинишь конечно,—у меня есть дѣла въ городѣ.

Я остался доволенъ рѣчами толстяка, который во время бесѣды трепалъ меня и по спинѣ, и по плечамъ.

Послѣ обѣда привели тройку лошадей и запрягли ихъ въ казенную телѣгу, у которой были колеса безъ шиновъ. Я взвалилъ свой чемоданъ въ нее, расположился самъ, какъ можно было поудобнѣе, и мы тронулись. Мнѣ было дано въ конвой шесть казаковъ оренбургскаго войска и три казака сибирскаго. Выѣхавши изъ городскихъ воротъ, мы пробрались направо и скоро очутились въ полѣ.

†) Арыкъ—водопроводная канава.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°

ХОДЖЕНДЪ

Часть городской стѣны, обращенной къ р. Сыръ-Дарьѣ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТЪ ТУРКЕСТАНА ДО ЧИМКЕНДА.

Разливное море грязи въ небольшомъ овражкѣ остановило насъ на нѣкоторое время. Тройка не могла вытянуть телѣги, ужъ ямщикъ бился и такъ и сякъ.

— Пошелъ на станцію, перемѣни лошадей, сердился я.

— Ай, туря, на станціи лошади еще хуже; нечего туда и посылать. Вотъ нельзя ли у кого-нибудь изъ казаковъ взять лошадки,—говорилъ растерявшійся киргизенокъ.

Я обратился къ казакамъ; одинъ изъ сибирскихъ казаковъ далъ своей лошади, и тройка свободно вывезла телѣгу изъ грязи.

— Откуда эта поганая грязь? – спросилъ я.

— Арыкъ прорвало,—отвѣчалъ ямщикъ.

Нужно замѣтить, что немного выше здѣсь протекаетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ арыковъ и дѣлится на два русла. Большая часть воды течетъ въ другомъ направленіи, а меньшая проходитъ здѣсь. Размыло плотину, и вода потекла сюда. Арыкъ уже былъ исправленъ, но здѣсь вода не просохла, скопившись въ ямкѣ.

Выѣхавши за городъ, я оглянулся на Туркестанъ. Азретъ-Султанъ красовался во всемъ своемъ величіи. Длинная линія стѣны обхватывала весь городъ. Должно быть правду говорилъ комендантъ, что если бухарцы нападутъ на Туркестанъ, то ему трудно будетъ защищать городъ, такъ какъ приходился одинъ солдатъ на пятьдесятъ саженъ стѣны; ему оставалось бы только запереться въ цитадели и выжидать, да и тамъ было трудновато, потому что одинъ солдатъ приходился на семнадцать саженъ; всего же войска было въ распоряженіи коменданта до трехъ сотъ человѣкъ, изъ которыхъ пятьдесятъ казаковъ находились постоянно въ разъѣздахъ, въ конвоированіи транспортовъ и т. п.

Комендантъ, казавшійся мнѣ въ первый проѣздъ чрезвычайно суровымъ и нелюбезнымъ, на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ очень милый. Въ обратную поѣздку мою онъ принялъ меня очень ласково, не смотря на то, что я возвращался въ полной немилости со стороны его начальства, задержалъ у себя четыре дня и, когда приходилъ къ нему урядникъ Бѣлочкинъ съ просьбою лошадей, «какъ бы де штатскій полковникъ не убѣжалъ, потому что онъ закупаетъ здѣсь весь киргизскій нарядъ», онъ гналъ его прочь. Замѣчательно, что казакъ въ это время, когда я покупалъ киргизскій нарядъ, ходилъ около меня и, прибирая костюмъ, говорилъ: «Зачѣмъ это вы покупаете? Вѣдь также въ Петербургѣ бросите? Деньги-то сорите по напрасному. И куда такая дрянь годится,—въ Петербургѣ-то одежду бы купили на эти деньги»; словомъ ворчанью урядника не было конца. Оказывалось, что онъ боялся, чтобы я не бѣжалъ въ Бухару; напрасное было опасеніе. Неудача моя при покупкѣ костюма состояла въ томъ, что я ничего не примѣривалъ, и сапоги съ галошами пріобрѣлъ такіе, которые никому не лѣзутъ на ногу, какъ будто у киргизъ нога такая маленькая.

Отъѣхавши верстъ восемнадцать отъ города медленною рысью, мы очутились на полѣ сраженія, гдѣ Сѣровъ отбивался съ сотнею уральскихъ казаковъ отъ пяти или шести тысячъ кокандцевъ. Изъ сотни едва спаслось тридцать семь человѣкъ, бросивши орудіе—горный единорогъ. За это геройское дѣло Сѣровъ получилъ Георгія въ петлицу. Пособіе къ нимъ выходило изъ Туркестана, но вернулось назадъ, завидѣвши непріятельскія полчища. Теперь на полѣ сраженія валяется нѣсколько верблюжьихъ и конскихъ скелетовъ, больше ничего не видно. Замѣчательно, что Алимкулъ вылилъ на подобіе этого единорога до пятнадцати такихъ же пушекъ, онѣ почти всѣ достались намъ и находились въ то время на берегу Сыръ-Дарьи близъ Чиназа въ вѣдѣніи Черняева, командовавшаго самаркандскимъ отрядомъ и стоявшаго на противоположномъ берегу съ войсками.

Мѣстность, по которой мы ѣхали, была холмистая. Каратаускія горы приближались здѣсь на довольно близкое разстояніе. Повсюду текли водопроводныя канавы и зеленѣлъ ячмень или просо. Наконецъ на горизонтѣ показался и Иканъ, обведенный стѣною, съ возвышеніемъ на горѣ въ родѣ цитадели. Деревня собственно вся расположена подъ горою. Ѣхать еще оставалось верстъ пять, такъ что можно было насмотрѣться на Иканъ вдоволь. У въѣзда въ деревню насъ ожидалъ джигитъ иканскаго аксакала Ибнъ Ямина; онъ провелъ нашу тройку до своего дома и скрылся. Я вылѣзъ изъ телѣги и отправился вслѣдъ за нимъ. На правой сторонѣ большого двора находилась пріемная комната; она не была выбѣлена и имѣла небольшую нишу по лѣвой сторонѣ отъ входа съ поставленнымъ въ нее сидѣньемъ. Я сбросилъ всѣ одѣяла съ этого сидѣнья на полъ и расположился по своему. Вещи были внесены въ ту же комнату. Вскорѣ явилось нѣсколько человѣкъ—родственниковъ Ибнъ Ямина съ угощеніями, начинавшимися съ чая. Такъ какъ въ домѣ Ибнъ Ямина самовара не было, то чай готовили въ чайникѣ,—нѣчто въ родѣ нашего кофейника, и онъ лился въ чашку вмѣстѣ съ выварками; чашка была не такая, какъ у насъ, а нѣчто въ родѣ нашей полоскательной чашки, но значительно меньшаго размѣра. При этомъ были выставлены разныя вкусныя лепешки, сушеный виноградъ и фисташки. Во время угощенія, родственники обратились ко мнѣ съ просьбою разсмотрѣть ихъ дѣло, показывали мнѣ разныя

жалованныя граматы всевозможныхъ ташкендскихъ кушбеги и перванечи. Просмотрѣвши этѣ бумаги, писанныя по персидски, я обѣщалъ имъ обо всемъ доложить генералу по моемъ прiѣздѣ въ Ташкендъ. Персидскiй языкъ, какъ офицiальный, имѣлъ здѣсь большое значенiе; всѣ граматы, какiя мнѣ только случалось разбирать, были писаны на этомъ языкѣ.

Потомъ подали пловъ, приготовленный изъ баранины съ миндалемъ, морковью и фруктами. Мы ѣли его съ удовольствiемъ. Я предложилъ сартамъ оставленный мнѣ К. Б—скимъ стаканъ марсалы; многiе изъ деликатности отказывались принять этотъ стаканъ, но одинъ сартъ выпилъ таки его.

Такъ какъ уже стемнѣло, то я рѣшилъ остаться у нихъ ночевать. Вечеръ былъ проведенъ въ разговорахъ съ сартами. Я имъ показывалъ мой револьверъ, разрядивши его предварительно, сколько онъ можетъ сдѣлать выстрѣловъ. Разсмотрѣвши его хорошенько, сарты закричали: «ой, бой ой! Правда у насъ говорится, что русскiй изъ всѣхъ пальцевъ стрѣляетъ. Вишь ты, штука-то какая; имѣй-ка я такую *тупанчу*, †) да я бы пошелъ противъ ста человѣкъ непрiятелей, не боясь ничего.

— Ну, противъ ста-то не пошелъ бы!—возразилъ ему кто то.

— Противъ ста кокандцевъ?—пошелъ бы, право слово, пошелъ бы!

Во дворѣ въ это время раздавалась пѣсня казаковъ.

— Это оренбургскiе кутятъ, ваше благородiе,—отвѣчалъ казакъ на вопросъ мой, что это за пѣсни. Вишь, бузы натянулись, срамники этакiе, въ такой святой день.

Была страстная пятница. Я только могъ позавидовать веселью казаковъ въ такое время, когда они находятся въ конвоѣ.

— Отпустите ихъ, ваше б—дiе, назадъ; они завтра будутъ проситься у васъ. А сибирскихъ возьмите съ собой. Мы васъ лихо докатимъ до Чимкенда,—въ одинъ день, только вставайте пораньше.

Я отпустилъ всѣхъ сартовъ и залегъ на боковую. На зарѣ меня разбудили казаки. Оренбургскiе казаки были отпущены назадъ, въ Туркестанъ, а сибирскiе—поѣхали со мною.

— Только держитесь, ваше б—дiе, покрѣпче, — говорили они мнѣ. А мы на подставныхъ-то васъ ловко свеземъ,—къ вечеру въ Чикмени будемъ. Здѣсь дорога, ничего себѣ, логами идетъ.

Дѣйствительно, дорога шла перевалами до слѣдующей станцiи,—Акъ—муллы. Вся мѣстность орошалась арыками, проведенными изъ горъ. Киргизы работали на поляхъ; ихъ голыя спины были опалены солнцемъ. Въ Акъ—муллѣ прибыло ко мнѣ три казака, и мы отправились на рѣку Бугунь. Вплоть до этой рѣки на протяженiи пятидесяти верстъ въ длину и верстъ двадцати въ ширину тянется мѣстность, покрытая цытварнымъ кустарникомъ. Одинъ купецъ капиталистъ прiобрѣлъ право на эту мѣстность отъ киргизъ за триста рублей, съ тѣмъ чтобы киргизы каждый годъ косили это пространство и привозили сѣмя въ Туркестанъ къ его агенту; за засвидѣтельствованiе такой купчей начальникъ населенiя получилъ порядочный нагоняй. Рѣчку Бугунь мы переѣхали безъ

†) *Тупанчá* пистолетъ.

особенныхъ хлопотъ и отправились на станцію Арысъ. Это та самая Бугунь, на верховьяхъ которой полковникъ Татариновъ открылъ каменный уголь; удачно ли будетъ производиться ломка угля, еще неизвѣстно, оттого что она требуетъ многихъ механическихъ работъ.

Понятно, что казаки прибывали на каждой станціи, такъ что эту станцію ѣхалъ я въ сопровожденіи двѣнадцати казаковъ. Мѣстность становилась все холмистѣе и холмистѣе. Въ сторонѣ виднѣлись большія зданія киргизской постройки. Мы проѣхали одну брошенную деревню и пріѣхали къ Арысу еще засвѣтло. Тамъ находился одинъ здоровый киргизъ, завѣдывавшій переправою; онъ навьючилъ мои вещи на верблюдовъ и отправился самъ вплавь черезъ Арысъ. Я поѣхалъ на своей телѣгѣ. Это правда, что переправа мнѣ дорого обошлась; но нечего было дѣлать, слѣдовало заплатить, что спрашивали. Арысъ быстрая рѣка, гораздо быстрѣе Бугуни, и во время разлива случаются на ней несчастія. Впрочемъ, переправа черезъ Арысъ обошлась мнѣ дешевле, чѣмъ переправа черезъ Арпачай во время поѣздки моей въ Персію. На другой сторонѣ берега находилась рота солдатъ, отправлявшаяся въ Чимкендъ. Солдаты и офицеръ выстроились и отдали мнѣ честь, потому что казаки разнесли слухъ, что полковникъ ѣдетъ. Съ Арыса мы начинаемъ подниматься въ гору; то спускаемся, то поднимаемся вплоть до самаго Чимкенда. Казаки разсуждали насчетъ хлѣбородія въ здѣшнемъ краѣ и насчетъ того, что недурно было бы, еслибы Арысъ заселили казаками; пошла бы тутъ жизнь вольная;—подъ бокомъ Сыръ-Дарья со всякой рыбой,—живи, нехочу, просто. Говорятъ, что оренбургскіе казаки просились переселиться на Арысъ, но начальство ихъ не пустило. Я соглашался съ казаками, хотя на самомъ дѣлѣ не находилъ особенной прелести жить на Арысѣ. Голая мѣстность, справа возвышающаяся, слѣва падающая въ Сыръ-Дарью, не могла особенно поразить меня; я даже не могъ замѣтить, гдѣ это казаки находятъ для себя удобства: ни одного деревца на всемъ Арысѣ. Поселенія были здѣсь, впрочемъ, довольно часты; они встрѣчались намъ въ заброшенномъ видѣ по сторонамъ отъ дороги.

Чѣмъ ближе къ Чимкенду, тѣмъ спуски и подъемы на горы становятся круче. На одномъ спускѣ лошади насъ понесли и подшибли одному казаку ногу. Начинало темнѣть, прохладный вѣтерокъ подулъ съ горъ, когда мы подъѣзжали къ Чимкенду. Здѣсь начинаетъ темнѣть рано и сумерки бываютъ непродолжительныя. Не доѣзжая Чимкенда виднѣлись по обѣимъ сторонамъ дороги огоньки отъ киргизскихъ кибитокъ. Подъѣзжая къ Чимкенду, въ вечернемъ туманѣ начинаютъ проясняться горы, покрытыя снѣгами. Этотъ видъ совершенно измѣняетъ степную природу своимъ неожиданнымъ появленіемъ; онъ напоминаетъ отчасти видъ кавказскихъ горъ подъ Владикавказомъ, но тамъ только стоятъ величайшіе гиганты впереди, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ, а здѣсь подобіе этихъ гигантовъ—небольшія высоты, покрытыя однако снѣгами, такъ какъ былъ еще мартъ мѣсяцъ. Въ мартѣ же мѣсяцѣ впрочемъ я проѣзжалъ и Владикавказъ; лѣтомъ, быть можетъ, видъ горной картины измѣняется тамъ. Въ Чимкендѣ на обратномъ пути я не нашелъ снѣжинки на горахъ. Замѣчательно, что здѣсь пролегаетъ почти единственный удобный путь въ Ташкендъ, такъ что, чтобы побывать въ послѣднемъ городѣ, нужно проѣхать черезъ Чимкендъ; другая дорога пролегаетъ отъ Ташкенда на Сайрамъ и Манкендъ, но она неудобна для колесной ѣзды; оттого чимкендскую дорогу и предпочли ей.

Когда мы подъѣзжали къ городу, онъ скрывался отъ насъ въ ночной темнотѣ съ его горами; бѣздна огоньковъ, мелькавшихъ тамъ и сямъ, указывали намъ дорогу къ нему. «Господи, — думалъ я, — куда меня нелегкая занесла; — благополучно бы выбраться отсюда.» Бухарцы меня теперь нисколько не пугали, потому что я былъ окруженъ казачьимъ конвоемъ, который хотя почему-то раньше меня прибывшіе въ край и называли «гаврилычами», но это я узналъ уже потомъ, а теперь они представлялись мнѣ ратью богатырскою, которая была бы въ состояніи разбить цѣлую бухарскую ораву, если бы таковая появилась. Мы весело, съ шуточками подъѣзжали къ городу; казаки радовались, что имъ свѣтлое христово воскресенье придется встрѣтить въ своей семьѣ, и поэтому безумолчно балагурили между собою.

Наконецъ мы въѣхали въ городъ. Неудобства ѣзды по азіятскимъ городамъ извѣстны, но здѣсь, когда мы въѣхали на базаръ, едва могли двигаться черезъ рытвины и канавки текущей воды. Мѣстами были переброшены доски, которыя трещали подъ нашей телѣгой. Базаръ былъ освѣщенъ фонарями; крикъ и говоръ народа смѣшивался со скрипомъ телѣги. Наконецъ мы выѣхали въ пустынную мѣстность и начали подниматься на гору, на вершинѣ которой находилась цитадель. Ворота были уже заперты, и мы должны были ожидать, пока доложатъ коменданту о пріѣздѣ нашемъ; наконецъ ворота заскрипѣли. Казаки, сопровождавшіе меня, пожелали мнѣ счастливо встрѣтить наступающій праздникъ и отправились въ свои казармы. Тройка долго еще ѣхала. Казакъ, правившій лошадьми, говорилъ мнѣ, что вотъ тутъ направо солдатская слободка, а налѣво домъ коменданта. Меня повезли къ дому для проѣзжающихъ, втащили вещи въ комнату, и казакъ, получивши на водку, исчезъ. Я остался одинъ, какъ перстъ, въ комнатѣ, натопленной до угара. Я открылъ трубу и спросилъ у появившагося солдатика, можно ли имѣть самоваръ.

— Надо сбѣгать къ коменданту за самоваромъ,—отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, сходи къ коменданту и спроси, могу ли я его сегодня видѣть.

Онъ отправился и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ приглашеніемъ пожаловать къ коменданту. Чимкендскій комендантъ жилъ, какъ оказалось въ двухъ шагахъ отъ моей квартиры; я вошелъ къ нему, рекомендовался и спросилъ его, давно ли былъ здѣсь генералъ и не говорилъ ли онъ что-нибудь про меня.

— Онъ третьяго дня утромъ уѣхалъ и приказалъ вамъ передать, чтобы вы торопились.

— Такъ позвольте же мнѣ, въ такомъ случаѣ, завтра же утромъ убраться отсюда.

— Постараюсь устроить это, но не знаю, какъ вотъ съ конвоемъ быть!—отвѣчалъ комендантъ.

— А развѣ здѣсь опасно?—спросилъ я.

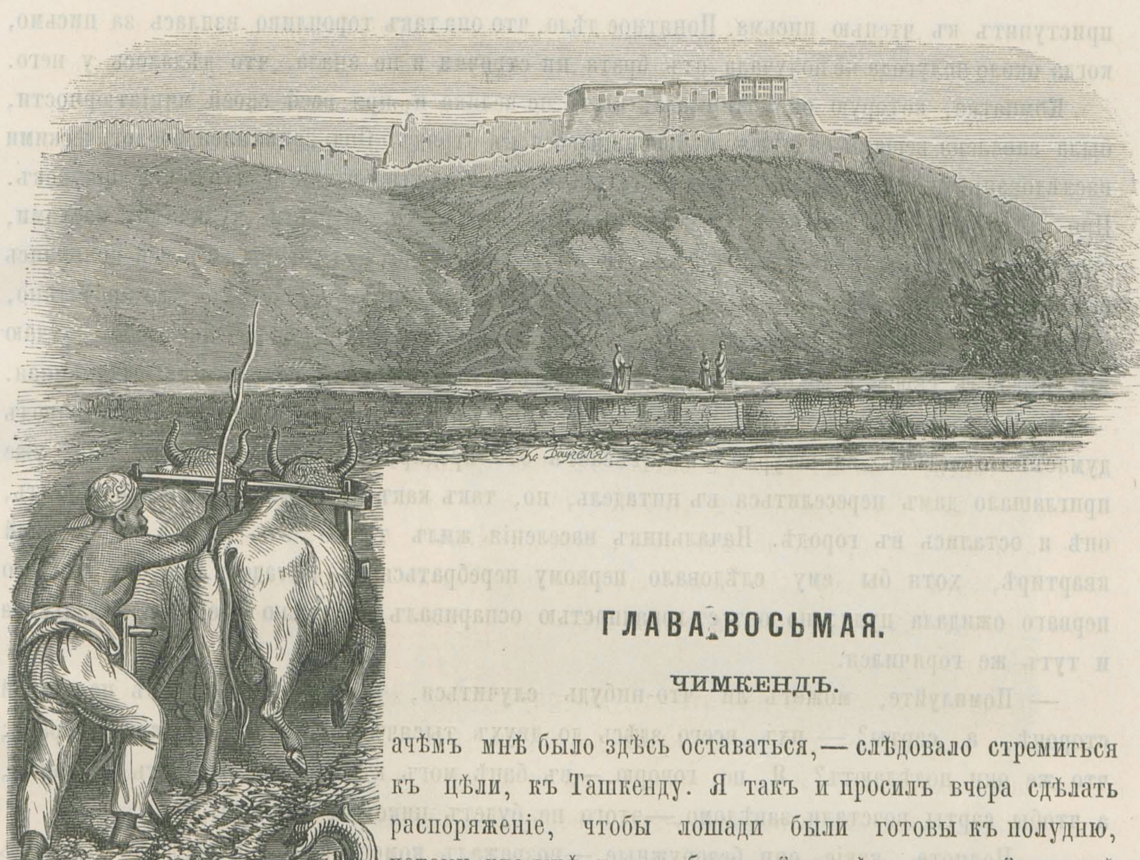
— Да-съ, да-съ,—на бѣду мастера нѣтъ. У насъ здѣсь до Ташкенда двѣ станціи сняты. Киргизы все пошаливаютъ. Развѣ вамъ хочется попасть въ плѣнъ къ бухарцамъ?

Въ это время вошелъ писарь и доложилъ, что въ банѣ въ одного солдата еврея выстрѣлили. Произошелъ переполохъ въ домѣ коменданта.

— Ты вѣдь все врешь!—горячился онъ.—Не можетъ этого быть! Кто тамъ выстрѣлитъ? Ступай, сбѣгай, разузнай всю истину.

Потомъ онъ сообщилъ мнѣ, что слухи носились, будто чимкендцы думаютъ сдѣлать нападеніе на русскихъ, словомъ перерѣзать ихъ всѣхъ наканунѣ пасхи.

Порѣшивъ, что я поѣду завтра, я отправился домой. Самоваръ шипѣлъ уже, и вѣстовой, приставленный къ этой квартирѣ, распоряжался моимъ погребцомъ, какъ хозяинъ. Напившись чаю, я прилегъ заснуть и проспалъ спокойно безмятежнымъ сномъ часовъ до девяти утра, когда проснулся, разбуженный чьей-то болтовней подъ окнами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЧИМКЕНДЪ.

Зачѣмъ мнѣ было здѣсь оставаться, — слѣдовало стремиться къ цѣли, къ Ташкенду. Я такъ и просилъ вчера сдѣлать распоряженіе, чтобы лошади были готовы къ полудню, потому что мнѣ нужно было зайти здѣсь къ одной госпожѣ и вручить ей письмо отъ брата. Я полагалъ, что здѣшнія дамы начинаютъ пріемъ не раньше двѣнадцати часовъ дня, однако здѣсь случилось немного иначе; въ одиннадцать часовъ я уже былъ у госпожи С—вой. Нелишнимъ считаю здѣсь разсказать мое путешествіе до ея квартиры. Она жила въ городѣ; я вышелъ въ сопровожденіи унтеръ-офицера, знакомаго съ мѣстностью, изъ цитадели, и предо мною, какъ на ладони, раскрылся весь городъ. Дома, окруженные садами, имѣли великолѣпный видъ. Ручейки перерѣзывали улицы въ самыхъ неправильныхъ направленіяхъ. Огромное пространство садовъ заставляло думать, что здѣсь не такъ-то много жителей. Утреннее солнце ярко освѣщало поверхность домовъ обывателей. Изрѣдка въ туманѣ виднѣлась какая-нибудь киргизская кибитка съ дымкомъ надъ нею.

Я спустился съ горы и вошелъ въ улицу, неправильно изгибающуюся нѣсколько разъ. Съ обѣихъ сторонъ улицы тянулись непроглядныя стѣны; только перепрыгиванье черезъ грязь и канавки разнообразило наше путешествіе. Народа на улицѣ было мало, мы почти никого не встрѣтили; но вотъ проводникъ остановился у одной сакли и сказалъ мнѣ, чтобы я ждалъ, а онъ пойдетъ доложить, и сейчасъ же шмыгнулъ въ калитку дома. Черезъ пять минутъ онъ вернулся и, сказавши мнѣ «пожалуйте, я васъ подожду здѣсь», пропустилъ меня. Г-жа С—ва выслушала, когда я ей рекомендовался и отдавалъ письмо ея брата, потомъ просила садиться и извинилась, что сейчасъ

приступитъ къ чтенію письма. Понятное дѣло, что она такъ торопливо взялась за письмо, когда около полугода не получала отъ брата ни строчки и не знала, что дѣлалось у него.

Комнатка, которую она занимала, была не велика и, при всей своей миніатюрности, была завалена вещами ея мужа, отправившагося въ отрядъ. Онъ занимался зоологическими изслѣдованіями страны и имѣлъ богатыя коллекціи звѣриныхъ и птичьихъ шкурокъ. При этомъ же, еще былъ разложенъ особый столъ съ разными куличами, пасхами, окорокомъ ветчины и телячьимъ филе. Не смотря на тѣсноту квартиры, въ ней появились еще комендантъ и начальникъ населенія; когда вошли они, письмо было уже прочитано, и мы разговаривали. Комендантъ сообщилъ свой вчерашній переполохъ, по случаю выстрѣла въ еврея, и закончилъ разсказъ тѣмъ, что эта исторія совершенно выдуманная.

Долгомъ считаю замѣтить, что чимкендское начальство вообразило, будто народъ думаетъ отмстить за штурмъ и затѣваетъ это предпріятіе въ день пасхи; оно уже приглашало дамъ переселиться въ цитадель, но, такъ какъ имъ было трудно это сдѣлать, онѣ и остались въ городѣ. Начальникъ населенія жилъ также въ городѣ на наемной квартирѣ, хотя бы ему слѣдовало первому перебраться въ цитадель, потому что его перваго ожидала пуля; но онъ съ горячностью оспаривалъ болтовню военнаго начальства и тутъ же горячился.

— Помилуйте, можетъ ли что-нибудь случиться, когда киргизы всѣ на нашей сторонѣ, а сарты? — ихъ всего здѣсь до двухъ тысячъ, и у нихъ оружіе отобрано; что же они подѣлаютъ? Я не говорю,—въ банѣ могъ кто-нибудь стрѣлять въ еврея, а чтобы сарты возстали завѣдомо,—этого не будетъ никогда, никогда!..

— Полноте, какіе они безоружные,—возражалъ комендантъ.—Говорятъ, что вонъ у нихъ въ городѣ пушки гдѣ-то сохраняются...

— Это вездѣ пушки у насъ сохраняются жителями, да картечи-то нѣтъ,—прервалъ начальникъ населенія.

— Эхъ, полноте, что вы говорите, картечь нашлась бы, — говорилъ комендантъ обиженнымъ тономъ.

— Ну, толкуйте съ нимъ тутъ,—сказалъ начальникъ населенія и, обратясь ко мнѣ, спросилъ, когда я думаю ѣхать.

— Желалъ бы сегодня,—отвѣчалъ я;—не знаю, какъ г. комендантъ выпуститъ меня.

— Да, трудновато найти теперь трезвыхъ казаковъ для конвоя; однако, попробуемъ, похлопочемъ, — отвѣчалъ комендантъ.

— Не нужно казаковъ, я вамъ дамъ джигитовъ, человѣкъ двадцать; съ ними проѣдете куда угодно.

Я поблагодарилъ г. начальника населенія за джигитовъ, всталъ и началъ раскланиваться. Всѣ мнѣ желали благополучнаго проѣзда, точно будто отправляли меня въ непріятельскую сторону.

Начальникъ населенія вышелъ вмѣстѣ со мною, чтобы отдать приказаніе о приготовленіи джигитовъ. Одна дама, вышедшая также со мною, просила меня взять на себя трудъ доставить офицеру, находившемуся на одной изъ станцій и считавшемуся женихомъ ея дочери, куличи и крашеныя яица; она проводила меня почти до цитадели. Я взобрался на гору и побрелъ къ своему домишкѣ. Тамъ ожидалъ меня одинъ инженерный офицеръ,

Дозволено Цензурою.

Съ натуры рисов. Д. Вележевъ.

Литогр. Беккера и К.

ТАШКЕНДЪ

Мечеть Булендъ (высокая)

прославившійся тѣмъ въ этомъ краѣ, что при наведеніи моста чрезъ Сыръ-Дарью для переправы отряда генерала Черняева, онъ что-то сплоховалъ, такъ что затопило пушку.

— Скажите, это вы ѣдете въ Ташкендъ? — обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Я ѣду въ Ташкендъ, — отвѣчалъ я.

— Но вѣдь Черняевъ въ самаркандскомъ отрядѣ; вы, конечно, туда проѣдете?

— Можетъ быть, проѣду, если будетъ мнѣ приказано, — отвѣчалъ я, вводя его въ комнату.

И порядочно долго сидѣлъ этотъ офицеръ у меня, не имѣя въ виду ни попросить меня о чемъ-нибудь, ни дать мнѣ какого-нибудь порученія, такъ что его засталъ еще комендантъ, дѣлавшій всеобщіе пасхальные визиты. За комендантомъ вскорѣ появился и начальникъ населенія.

— Я забылъ васъ спросить, въ которомъ часу вы ѣдете,—обратился онъ ко мнѣ.

— А вотъ, какъ лошади будутъ готовы, такъ и поѣду.

— То-то же, — конвой будетъ сейчасъ готовъ; даю вамъ семерыхъ молодцовъ биштамгалинскаго рода.

— Къ чему же это? — возразилъ комендантъ. — Оно, конечно, для безопасности ничего; но я вамъ даю десятерыхъ казаковъ сибирскихъ, которые въ ротъ ничего не берутъ.

Пока мы разсуждали такимъ образомъ, къ подъѣзду подкатила телѣга съ рыжеватымъ блондиномъ на козлахъ.

— Это для васъ, — сказалъ комендантъ, берясь за кепи. — А я пойду потороплю казаковъ,—что-то они тамъ замѣшкались.

Я былъ чрезвычайно доволенъ участіемъ начальника населенія и коменданта, которое они принимали во мнѣ. Нужно знать положеніе человѣка, проѣзжающаго въ Ташкендъ во время военныхъ дѣйствій, когда двѣ станціи между Чимкендомъ и Ташкендомъ сняты, когда киргизы шалятъ: — можно попасть въ плѣнъ, а тамъ пожалуй пятки срѣжутъ да конскихъ рубленныхъ волосъ подложатъ; мало ли какого свинства ожидать можно отъ азіятцевъ. Я не умѣлъ благодарить чимкендское начальство за его вниманіе, не могъ подобрать подходящихъ выраженій для этаго.

Лошади дурачились подъ окошкомъ; бойкій блондинъ удерживалъ ихъ, пока выносили вещи. Наконецъ я усѣлся самъ, и мы тронулись въ путь дорогу, опаснѣе которой еще не было. Пришлось опять проѣзжать Чимкендъ.

Чимкендъ стоитъ на Бадамѣ и на Кучкаръ-атà. Послѣдній ручей названъ такъ потому, что вытекаетъ изъ-подъ могилы святаго Кучкаръ-атà. Эти два ручья, пробѣгая черезъ Чимкендъ, вполнѣ удовлетворяютъ его жителей, доставляя имъ чистую, свѣжую, прекрасную воду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно даже выкупаться, если захочется сильно, — такъ широки и глубоки эти ручьи. Въ цитадели находится, впрочемъ, колодезь на всякій случай, т. е. на случай осады или народныхъ волненій.

Домовъ въ Чимкендѣ, по словамъ самаго начальника населенія, 756 †). Принимая

†) Смотр. «Отеч. Зап.» 1867 г. Апр. кн. 2. «Наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи» Южакова.

на каждый домъ по 5 душъ, жителей придется 3780 душъ; да слѣдуетъ къ этому прибавить русское населеніе и заѣзжихъ киргизъ, — такъ, пожалуй, составится круглая цифра до 5000 душъ. Населеніе небольшое, но, принимая въ соображеніе близость Сайрама, Манкенда и Карабулака, которые въ былое время составляли, какъ говоритъ г. Южаковъ, одинъ городъ, цифра выйдетъ довольно солидная. Въ Сайрамѣ наприм., по его словамъ, 1000 домовъ, т. е. до 5000 жителей; въ Манкендѣ и Карабулакѣ около 1000 домовъ, т. е. также около 5000 жителей. Такъ въ древнемъ Чимкендѣ слѣдовало быть нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ жителей; а такъ какъ такихъ городовъ не существуетъ во всей Азіи—не говорю про Китай—то и разсказъ г. Южакова выходитъ химерическимъ.

Что касается торговаго значенія Чимкенда, то онъ играетъ значительную роль въ караванной торговлѣ. Всѣ караванъ-баши, живущіе въ Ташкендѣ, — биштамгалинцы, мѣсто кочевокъ которыхъ принадлежитъ къ чимкендскому району; не даромъ сложилась поговорка, что «биштамгалинцы готовы на всѣ четыре стороны» †):—всѣми караванами завѣдуютъ биштамгалинцы. Они берутъ огромные подряды на провозъ товаровъ въ Оренбургъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ, Кульджу, Чугучакъ и другіе города; цѣна отъ Ташкенда до Семипалатинска рѣдко превышаетъ 18 р. с. Такъ какъ здѣсь мало конкурентовъ—бухарцевъ, то и товары ташкендскихъ купцовъ, хотя и перекупленные изъ другихъ рукъ, везутся туда подъ именемъ ташкендскихъ; изъ Россіи же и изъ Китая вывозится много ситцевъ, котловъ, сундуковъ и вообще желѣзнаго товара, чаю, туши, опіума и фарфоровой посуды. Всѣ караванные пути въ рукахъ у биштамгалинцевъ; они народъ честный, правдивый и акуратный. Караваны не всѣ сосредоточиваются въ Чимкендѣ, большая ихъ часть идетъ на Сайрамъ, это караваны, назначенные на сибирскую линію; караваны же, назначенные на оренбургскую линію, не минуютъ Чимкенда; слѣдовательно здѣсь въ извѣстное время бываетъ наплывъ каравановъ, а такъ какъ караванные прикащики не прочь раскупориваться даже при самомъ маломъ спросѣ, то тогда и усиливается торговля этого города.

Чимкендъ сталъ русскимъ 20 сентября 1864 года, благодаря штурму, произведенному генераломъ Черняевымъ. Рѣзня была жестокая; солдаты, разграбивши базаръ, врывались въ дома жителей и душили ихъ; пострадали также многія женщины и дѣти. Годовщину этого штурма туземцы сопровождаютъ повсемѣстнымъ плачемъ, и пожалуй, дѣйствительно, готовы бы были отомстить кяфирамъ за это, но не хватаетъ средствъ. Между тѣмъ комендантъ и нѣкоторые подчиненные его ждали въ настоящемъ году рѣзни въ страстную субботу, упуская изъ вида то обстоятельство, что чимкендцамъ драться не чѣмъ: оружіе у нихъ отобрано,—не съ кухонными же ножами полѣзутъ они на крѣпость, которая въ нашихъ рукахъ. Совершись убійство въ этотъ день, и я полагаю, что паническій страхъ до того былъ бы великъ, что, чего мудренаго, убійца успѣлъ бы спастись.

Обращаюсь къ разсказу о моей поѣздкѣ. Мы проѣзжали городъ весьма долго,—такъ онъ растянутъ, и, выѣхавши изъ него черезъ ташкендскіе ворота, остановились у ручья, чтобы напоить лошадей. Огромнѣйшій караванъ входилъ въ городъ. «Откуда?»

†) *Биштамгалы дуртъ атрафка баргалы.*

спросилъ я.—«Изъ Ташкенда»,—отвѣчали мнѣ. Что бы бы это значило,—подумалъ я,— непріязненныя дѣйствія и торговля идутъ рядомъ: немного странно. Проѣхавши съ версту, мы стали подниматься на гору; казаки и джигиты взяли другой, караванный болѣе удобный, путь.

— Ты кто такой, татаринъ?—спросилъ я ямщика, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ.

— Нѣтъ, я не татаринъ,—я хэтай кыпчакъ,—отвѣчалъ мнѣ рыжій дѣтина, трогая лошадей.

— Гдѣ же ты выучился по-русски?

— Я съ малыхъ лѣтъ съ русскими;—въ Каркаралѣ былъ. Съ Вѣрнаго все иду съ русскими; здѣсь теперь въ ямщики нанялся.

— А на родину въ это время ѣздилъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, на родинѣ не былъ,—что тамъ смотрѣть?—Тамъ ничего хорошаго нѣтъ.

Однако подъемъ былъ довольно высокъ, такъ что мы взбирались добрыхъ полчаса; потомъ стали спускаться вплоть до самой станціи Беглербекъ, которая видна верстъ за десять. Горы, черезъ которыя мы переваливали, были каменисты и не представляли такихъ грозныхъ откосовъ, какіе встрѣчаются постоянно въ кавказскихъ горахъ; онѣ не закрывали отъ насъ вида, а напротивъ составляли какъ-бы рамку его. До Беглербека нѣтъ никакой жизни, и если бы не орелъ, уцѣпившійся за глыбу земли, то казалось бы, что мы проѣзжаемъ по царству мертвыхъ. Беглербекъ находится въ 25 верстахъ отъ Чимкенда. Это, не болѣе не менѣе, какъ полуразвалившійся каравансарай, сложенный изъ жженаго кирпича, слѣпленнаго особеннымъ составомъ сѣровато-бѣлаго цвѣта. Хотя онъ находится поръ горою, но стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи; около него пробѣгаетъ ручей прекрасной воды, которою казаки и джигиты угостили своихъ лошадей; я также попробовалъ этой воды. Ни одной живой души не было въ каравансараѣ, и мы отправились дальше. Новый подъемъ, перевалъ въ келесскую долину,—подъемъ довольно отлогій, такъ что мы ѣхали рысью до станціи Шерапханъ двадцать верстъ. Чрезвычайно живописенъ спускъ въ долину Келеса и станція Шерапханъ, виднѣющаяся верстъ за десять.

Чрезвычайно были хороши три киргизскихъ джигита, скакавшіе стороною, со своимъ оружіемъ, копьями;—это все потомки Алачà-хана, какъ разсказывали мнѣ киргизы. У этого Алачà-хана было много дѣтей, и отъ каждаго сына пошелъ особенный родъ; самъ Алачà-ханъ жилъ тысяча лѣтъ тому назадъ, до Чингиза. Чингизъ, сынъ непорочной Алангу, направилъ свои орды на юго-западъ и завоевалъ полсвѣта. «Мы теперь—говорили мнѣ киргизы—потомки этихъ завоевателей; на насъ нельзя просто смотрѣть: у насъ Чингизъ-ханова ясà, его обычаи; словомъ, мы узбеки,—чего еще больше?!»

— Какъ, вы узбеки? Вы биштамгалинцы, не больше; узбекскій народъ особенный.

— Нѣтъ, туря; мы всѣ узбеки; начиная отъ Оренбурга, куда ни поѣдешь,—все будутъ узбеки. У насъ у всѣхъ свои біи есть †).

— А сарты кто же такіе?—спрашивалъ я, когда мнѣ доводилось говорить объ этомъ съ киргизами.

---

†) *Узъ біилярымызъ баръ.*

— Сарты? Они ни рода, ни племени не имѣютъ,—они по городамъ называются. Спроси сарта, кто онъ такой; онъ тебѣ отвѣтитъ *ташкенликъ* †) или, еще проще, *мусульманъ* ††). А спросите, какъ его зовутъ?—Мухаммедъ—керимъ какой нибудь. А какого рода?—Рода у меня нѣтъ, отвѣтитъ онъ; я ташкендецъ,—чего же еще надо. Между тѣмъ каждый киргизъ имѣетъ свой родъ.

Замѣчательно, что киргизская дѣвушка никогда не выходитъ замужъ за сарта, между тѣмъ киргизы сплошь и рядомъ женятся на сартянкахъ; такое грубое неуваженіе къ сартамъ, вѣроятно, было вызвано тѣмъ, что киргизы нашли уже здѣсь ихъ и подчинили себѣ. Они постоянно почитали и почитаютъ зазорнымъ для себя выдавать дочь за сарта, между тѣмъ какъ сартянокъ берутъ за себя, потому что родъ идетъ отъ отца, а не отъ матери, какъ они объясняютъ. Этакое племенное неуваженіе къ народу, живущему въ городахъ, доходитъ до того, что они говорятъ:—«чертъ киргиза надуетъ, еврея надуетъ, а сарта не проведетъ.» Должно быть во время оно сарты порядочно когда-нибудь подгадили киргизамъ, что возбудили къ себѣ такую ненависть.

Если все это правда, что мнѣ говорили киргизы, то надо полагать, что это походитъ на отношенія персидскихъ илятовъ къ персіянамъ, которые также прибавляютъ къ своему имени названіе города:—Казвині, Тебризі, Исфагані, Зенгяні и т. п. Иляты же носятъ родовое имя и полны такой же ненависти къ персіянамъ, какъ киргизы къ сартамъ. Киргизы и иляты народъ прямой, честный, добродушный ✱); сарты же и персіяне народъ ловкій, коварный и лукавый. Надо полагать, что послѣдніе нѣсколько разъ проводили первыхъ, надували жестоко, чѣмъ и заслужили такое упорное нерасположеніе къ себѣ.

Про сартовъ я буду еще много говорить впереди.

Не доѣзжая до Шерапхана нѣсколькихъ верстъ, мы натолкнулись на покинутую жителями деревню; дома были всѣ полуразрушены, крыши всѣ разобраны и растасканы; такъ какъ онѣ складываются изъ длинныхъ жердей, а здѣсь нѣтъ лѣсу, то, чего мудренаго, онѣ, пожалуй, растасканы нашими солдатами. Мнѣ не столько было жаль деревни, какъ погибшихъ отъ засухи и недосмотра деревьевъ: бѣдныя росли, благодаря водопроводнымъ канавамъ, а жителей не стало, такъ и канавы эти засорились, вода нейдетъ по нимъ, а солнце сушитъ землю, пронизывая ее по крайней мѣрѣ на пол-аршина. За деревней лежали вспаханныя давно, но не засѣянныя, поля, обведенныя арыками,— слѣды трудовъ человѣческихъ, не принесшихъ плода.

Скоро ли же Шерапханъ? Уже солнце сѣло, а мы все не можемъ до него добраться, хотя и ѣдемъ, кажется, хорошей рысью. Здѣсь очень скоро темнѣетъ,—пожалуй, нападетъ какая-нибудь шайка киргизъ, заберутъ у меня все, отрубятъ мою голову и увезутъ къ эмиру, чтобы получить за нее халатъ—*серпай* ⚴).

---

†) Ташкендецъ.

††) Мусульманинъ.

✱) У меня служилъ въ Персіи человѣкъ изъ илятовъ, Хасанъ.

⚴) *Серпай* значитъ жалованный костюмъ. Это слово персидское, обозначаетъ собственно съ головы до ногъ.

Но вотъ проѣхали какую-то плотину; виднѣются огоньки.

— Что это такое за огоньги?—спрашиваю я, по близорукости не видя рѣшительно ничего, а очки я снялъ, такъ какъ уже стемнѣло.

— Это караванъ,—отвѣчалъ ямщикъ. А вонъ тамъ за карваномъ и Шерапханъ, версты не будетъ.

Дѣйствительно, мы скоро наѣхали на эти огоньки и увидѣли множество верблюдовъ, развьюченныхъ и гуляющихъ на свободѣ. Должно быть, караванъ былъ великъ, потому что масса народа сопровождала его; мѣстами раздавалась киргизская пѣсня; подъѣзжая къ главному костру, мой хэтай-кыпчакъ поздоровался съ ними, добавивъ: «*кая барасызлäръ*» (куда ѣдете).

— *Семигя* (въ Семипалатинскъ),—отвѣчали ему многіе голоса.—Здѣшніе жители не задумываются Семипалатинскъ передѣлать въ Семи́, а Орскъ въ Яма̀нъ-кала̀. Быть можетъ еще послѣднее имѣетъ какое-нибудь историческое происхожденіе, а передѣлка Семипалитинска не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ Семи́ ничего не значитъ, а Яма́нъ-кала̀ значитъ худой городъ.

Проѣхавши весь караванъ, который занималъ весьма солидное мѣсто, мы поднялись на горку, и предъ нами предстала крѣпостца Шерапханъ. Мы въѣхали въ ворота; тутъ часовой остановилъ насъ вопросомъ: «кто мы такіе?». Мы отвѣчали ему; онъ пропустилъ насъ добавивши: «ступайте налѣво къ командиру». Мы подъѣхали налѣво, и тройка стала. Подошелъ какой-то юнкеръ и спросилъ насъ: «кого намъ надо?» Я отвѣчалъ, что собственно никого не надо, но нужно бы переночевать здѣсь, не знаю гдѣ пріютиться.

— Пожалуйте къ ротному командиру, а то здѣсь больше негдѣ.

Я былъ чрезвычайно доволенъ этимъ предложеніемъ. Мы спустились ступеньки двѣ, потомъ прошли по темнымъ сѣнямъ; двери отворились, и мы увидѣли ротнаго командира. Тотъ просилъ садиться, приказалъ поставить самоваръ. Пока происходили всѣ эти хлопоты, я узналъ, что юнкеръ былъ сосланный за послѣднее польское возстаніе полякъ, что у коменданта былъ окорокъ, но весь съѣденъ и что въ настоящее время закусить совсѣмъ нечѣмъ. Къ счастью, у меня были запасы кое-чего, и я могъ подѣлиться, предложивши капитану своего снадобья.

— Да-съ, вотъ какую мы жизнь ведемъ: въ первый день пасхи на бивуакахъ съ ротой, состоящей изъ рекрутовъ, молодежи. Нужно было имъ выдать по чаркѣ спирта сегодня, такъ я посылалъ въ Чимкендъ за спиртомъ; а молодцы молодцами, славный народъ. Вотъ завтра увидите: я ударю тревогу; посмотримъ, хорошо ли они вскочатъ; были, конечно, между ними и пьяненькіе; ну, тѣ изъ старыхъ,—разсуждалъ капитанъ. Вотъ не знаю, гдѣ васъ расположить. Ложитесь, пожалуй, на мою кровать, если крысъ не боитесь. А здѣсь крысы—звѣри: прыгаютъ, мечутся; прошедшую ночь я боялся, чтобы онѣ мнѣ носъ не откусили.

— Зачѣмъ же мнѣ лишать васъ вашей кровати,—я лягу на свою телѣгу; ночь лунная, звѣздная;—только вотъ какъ бы дождя не случилось.

— Эге, эге, батюшка, что это вы теперь дождя здѣсь боитесь,—его, пожалуй, до зимы не дождешься. Здѣсь онъ въ рѣдкость.

— Если въ рѣдкость, такъ это очень хорошо. Я усну въ своей телѣгѣ.

Напившись чаю и выпивши рюмку солдатскаго спирта, я началъ зѣвать, что случается со всякимъ, кто цѣлый день проводитъ на воздухѣ, и, пожелавши спокойной ночи, вышелъ во дворъ, взобрался на телѣгу, прикурнулъ и задалъ здороваго храпака до зари, когда барабанщикъ разбудилъ меня, по заранѣе выговоренному условію, чтобы не бить тревоги, не разбудивши меня. Открывши глаза, я увидѣлъ вдалекѣ расхаживавшаго капитана въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и шашкѣ. Не успѣлъ я подняться на телѣгѣ и опомниться, какъ трата-та-та раздалось у самаго моего уха. Я видѣлъ, какъ изъ норъ вылѣзали солдаты, хватались за ружья и бѣжали каждый къ назначенному пункту. Лай ротныхъ собакъ и блеяніе ротныхъ овецъ, присоединившись къ тревогѣ, оживили всю крѣпостцу. Вскорѣ послѣдовалъ отбой, и солдаты, схвативши ведерки, побѣжали къ рѣкѣ мыться; назадъ они возвращались съ водою, которою наполняли чайники и нагрѣвали ихъ на уголькахъ.

Самоваръ уже былъ на столѣ, когда меня попросили къ капитану.

— Хорошо ли спали?—спросилъ онъ, пожимая мнѣ руку, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—а что мои-то молодцы каковы?! Какъ я ихъ встряхнулъ. Съ этакимъ народомъ бояться нечего.

Разговоръ пошелъ о томъ, можно ли было здѣсь ожидать нападенія.

— Повидимому, нельзя. А господь вѣдаетъ, — можетъ быть, можетъ и не быть нападенія; нужно только всегда быть готовымъ, — говорилъ капитанъ, закуривая набитую тютюномъ трубку.

Пока мы занимались чаепитьемъ и бесѣдою, мнѣ привели лошадей и переложили мое имущество. Я сказалъ капитану «до свиданія» и велѣлъ трогать ямщику.

— До свиданія, счастливой дороги. Генералъ, проѣзжая, обѣщалъ двинуть нашу роту впередъ, — говорилъ капитанъ, провожая меня.

Но наше свиданіе случилось гораздо раньше. Не успѣлъ я проѣхать версты, какъ передокъ у телѣги распался, и я, оставя телѣгу съ вещами, побрелъ назадъ.

— Что тамъ такое случилось? Ужъ я видѣлъ изъ воротъ, что что-то неладно, — говорилъ капитанъ, посасывая трубку.

— Передокъ у телѣги трахнулъ, — отвѣчалъ я. — Нужно телѣгу перемѣнить.

— Да есть ли у нихъ запасныя-то телѣги? *Арба баръ* (есть ли телѣга)?— обратился онъ къ киргизу стоявшему возлѣ него, содержателю почтовой станціи. Тотъ потрясъ головой и отвѣчалъ: «*джокъ*» (нѣтъ).

— То-то «джокъ». Я васъ знаю такихъ сякихъ дѣтей. Нечего дѣлать, тащи *лаша* †) сюда. Я ужъ вамъ свою ротную телѣжку дамъ, — обратился ко мнѣ любезный капитанъ, — только съ условіемъ, чтобы вы со слѣдующей станціи мнѣ ее воротили.

Я обѣщалъ не задержать телѣги, которая, дѣйствительно, была чрезвычайно удобно устроена, не трясла нисколько. Лошади были перепряжены, и я отправился къ вещамъ, пожелавши капитану добраго здоровья и выразивши ему свою искреннюю благодарность за телѣгу.

---

†) Лошадей. Многіе изъ русскихъ офицеровъ полагаютъ, что лаша значитъ лошадь, хотя это положительно вздоръ. *Алаша* значитъ меринъ.

Какъ я говорилъ уже, телѣга не трясла нисколько; а это чрезвычайно важное дѣло здѣсь, когда приходилось ѣхать иногда на двухъ неровныхъ колесахъ, причемъ каждый шагъ отзывался и въ животѣ и въ груди. Я помню, такую ужасную ѣзду я испыталъ между Нахичеванью и Джюльфой въ мою поѣздку въ Персію; положеніе самое непріятное изъ непріятныхъ.

Слѣдующая станція находилась въ двадцати восьми верстахъ. Дорога великолѣпная; она шла все по долинѣ Келеса, который, разливаясь, даетъ берегамъ своимъ, какъ рѣка Нилъ, невѣроятное плодородіе. Къ несчастію, во время моего проѣзда поля были заброшены и деревни оставлены.

Собственно говоря, здѣсь версты бабушка клюкой считала; я сомнѣваюсь, чтобы между Акджаромъ и Шерапханомъ было двадцать восемь верстъ; или ужъ лошади несли меня такъ хорошо, что я не замѣтилъ пространства, или въ самомъ дѣлѣ Акджаръ былъ такъ близко, что разстояніе въ двадцать восемь верстъ мнѣ показалось преувеличеннымъ.

Акджаръ стоитъ на ровномъ мѣстѣ недалеко отъ Келеса и представляетъ развалины, между которыми одно мѣстечко отдѣлано подъ станцію. Мнѣ не случилось заходить на станцію на этотъ разъ, потому что тутъ находилась полсотня сибирскихъ казаковъ съ двумя офицерами; одинъ изъ нихъ г. К., которому я везъ куличъ отъ невѣсты, вышедшей въ 1867 г. замужъ за другаго.

Казаки, какъ только повстрѣчались, соскочили съ лошадей и давай христосоваться; я тоже похристосовался съ г. К., передавая ему куличъ. Въ палаткѣ было очень опрятно, только налѣво отъ входа сидѣлъ одинъ казакъ и набивалъ папиросы. Начались распросы, гдѣ и какъ я могъ видѣть ту даму, которая посылала куличъ; съ моей стороны пошли объясненія.

Въ это время подоспѣлъ чай, и я съ удовольствіемъ не отказался выпить стаканчикъ.

— Не стаканчикъ, а чашечку, — улыбаясь возразилъ мнѣ г. К. — У насъ нѣтъ стакановъ, мы пьемъ изъ киргизскихъ чашекъ.

Это родъ нашихъ полоскательныхъ чашекъ, но гораздо меньше; киргизы возятъ ихъ въ чехлѣ у пояса, какъ необходимѣйшій аксессуаръ своего костюма, рядомъ съ ножемъ, съ нагайкой, съ огнивомъ и съ разными пакетиками для пороха, пуль и бумагъ.

— Это все равно, — отвѣчалъ я, также улыбаясь, — хоть чашечку.

Мы напились съ нимъ чаю, пока казаки, назначенные имъ мнѣ въ конвой, готовились къ отъѣзду.

— Я васъ самъ буду провожать до Кафланъ-бека. Хозяинъ жалуется, что партія киргизовъ безпокоитъ кафланъ-бекскую станцію. Нужно посмотрѣть, знаете...

Кафланъ-бекъ находился въ двадцати пяти верстахъ, которыя я могъ проѣхать, какъ у бога за пазухой, подъ конвоемъ двадцати пяти человѣкъ сибирскихъ казаковъ; хотя положимъ ихъ и называютъ за что-то гаврилычами и говорятъ, будто они трусишки порядочные, но все-таки не одинъ ѣдешь, а подъ конвоемъ казачьей команды съ офицеромъ. Великолѣпными мѣстами проѣхали мы до самаго Кафланъ-бека, разговаривая съ офицеромъ, который вскорѣ сѣлъ ко мнѣ въ телѣгу. Телѣга была та же, ротнаго командира изъ Шерапхана; я ее взялъ дальше, потому что въ Акджарѣ не было ни

одной телѣги. Цѣлую дорогу мы проговорили съ г. К. о томъ, за что сибирскихъ казаковъ называютъ гаврилычами и за что ихъ трусишками величаютъ. Онъ чрезвычайно отстаивалъ храбрость и ловкость своего воинства, про гаврилычей же онъ говорилъ, что это названіе получили сибирскіе казаки только въ послѣднее время въ Туркестанской области; но что онъ не знаетъ, за что такая немилость.

Я тоже не знаю и потому объяснить не могу.

Въ такихъ разговорахъ мы проѣхали эти двадцать пять верстъ, не замѣтивши по пути ни одной живой души. Въ Кафланъ-бекѣ мы лошадей не перемѣняли, потому что станція была тамъ снята. Мы съ нимъ посидѣли, потолковали, раскланялись и разъѣхались; — я направо, а онъ налѣво.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°

ЧИМКЕНДЪ

Цитадель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ТАШКЕНДЪ.

Если кому-нибудь изъ васъ случалось дѣлать путь въ три тысячи верстъ, какой совершилъ я, вы поймете то наслажденіе, которое я чувствовалъ, отправляясь съ послѣдней станціи.

— Вотъ подыметесь на гору, и передъ вами предстанетъ Ташкендъ, —говорилъ мнѣ, прощаясь, г. К.

Гора эта мнѣ показалась такъ велика, что я уже думалъ, что никогда не доѣду до Ташкенда.

— Гдѣ же Ташкендъ? — спрашиваю я у ямщика.

— Сейчасъ будетъ,—отвѣчалъ онъ.

Казаки разъѣхались по сторонамъ, и я былъ совершенно одинъ съ устремленнымъ впередъ взглядомъ, чтобы какъ можно лучше вглядѣться въ панораму Ташкенда, полюбоваться его видомъ съ горы; но Ташкенда какъ не бывало. Лошади устали, вспотѣли. День былъ очень жаркій, солнце палило, какъ въ іюлѣ въ Петербургѣ. Да скоро ли же будетъ Ташкендъ?

— Да замолчи ты, туря!—отвѣчалъ мнѣ киргизъ ямщикъ.—Вотъ сейчасъ, какъ съ горки спустимся, и увидишь Ташкендъ. Гнать я не могу: лошади устали.

Господи, да скоро ли? думалось мнѣ, и я томился дѣтскимъ нетерпѣніемъ увидать его поскорѣе.

— *Анду* (вотъ) Ташкендъ, — сказалъ ямщикъ, обращаясь ко мнѣ, когда мы начали спускаться съ горы.

Гдѣ же Ташкендъ, подумалъ я;—тутъ ничего нѣтъ, кромѣ безконечнаго сада. Я сообщилъ ямщику мое недоразумѣніе, и онъ расхохотался.

— Въ садахъ-то и есть дома,—сказалъ онъ, и долго послѣ этого смѣялся.

Дѣйствительно, каждому русскому показалось бы страннымъ встрѣтить садъ, которому нѣтъ конца края, называющійся городомъ, безъ всякихъ слѣдовъ построекъ. Лѣсъ этотъ стоялъ величественно; ни одинъ листокъ не шевелился, потому что вѣтра совсѣмъ не было. Пока мы подъѣзжали къ нему, справа и слѣва открывались небольшія постройки съ пашнями, орошаемыми арыками, которые часто перебѣгали нашу дорогу. Вонъ направо небольшой домъ двухъэтажный и около него бахча, обведенная со всѣхъ сторонъ стѣною. Этотъ домикъ мнѣ такъ напомнилъ благодатную Персію съ ея бала-ханами, верхними этажами, что я невольно предался воспоминаніямъ о странѣ, въ которой такъ пріятно провелъ полтора года. Пересѣкающіе дорогу арыки также напоминаютъ Персію; и въ Персіи проводится такимъ же образомъ вода, какъ здѣсь, разница только та, что тамъ нѣтъ ни арбъ, ни телѣгъ, потому что ни въ одномъ городѣ, ни въ одномъ селеніи нѣтъ ни одной улицы, по которой можно было бы проѣхать на телѣгѣ или на арбѣ. Когда мы начали приближаться къ этому безконечному саду, стала проявляться жизнь. Изъ-за стѣнъ, которыя теперь стали видны, выступалъ огромнѣйшій караванъ и нѣсколько крытыхъ арбъ, въ которыхъ помѣщалась семья караванъ-башей. Когда мы подъѣзжали къ стѣнамъ садовъ, намъ загородили дорогу ослы съ бревнами, натянутыми имъ на шею. Они выходили изъ какого-то сада, откуда слышались между щебетаніемъ птичекъ удары топора; самые хозяева садовъ, заслыша колокольчикъ, подбѣгали къ стѣнамъ, чтобы поглазѣть на русскаго и на его экипажъ и сказать ему въ случаѣ необходимости: «аманъ, аманъ урусъ». Въ садахъ, въ дальнемъ разстояніи отъ дороги, находились лачужки—пріютъ здѣшнихъ садовниковъ. Мѣстами выглядывали и женщины съ повязанными на головѣ платками или безъ платковъ вовсе; смуглыя лица ихъ чрезвычайно добродушно смотрѣли на меня. Съ ними лѣзли на стѣну также ихъ ребятишки въ длинныхъ рубашкахъ и штанахъ; головы ихъ были покрыты тибитейками. Они, негодяи этакіе, кричали брань русскому проѣзжему, — они кричали: «урусъ—хурусъ». Хурусъ значитъ пѣтухъ, вся же фраза переводится такъ: «русскій — пѣтухъ». Да, русскіе задали вамъ, думалъ я, съ шестью стами штыковъ такого пѣтуха, котораго вы никогда не забудете.

Чѣмъ дальше проѣзжалъ я, тѣмъ больше было народа на улицѣ; а сады, безконечные сады, тянулись. Вотъ мы проѣхали уже чай-хане, гдѣ засѣдала масса народа. Нѣкоторые изъ нихъ встали засвидѣтельствовать мнѣ глубочайшее почтеніе словомъ «аманъ»; я имъ тоже отвѣчалъ аманомъ. Нѣкоторые хотѣли подбѣжать къ телѣгѣ и пожать мнѣ руку, но казаки не допустили ихъ до этого. Все было до оригинальности ново для меня. Мѣстами перебѣгали ручьи чрезъ дорогу; черезъ нихъ были перекинуты мостики, не знаю, благодаря ли нашему вліянію, или у нихъ это всегда дѣлалось. Мы ѣхали тихо, почти шагомъ. Топотъ коней казаковъ не мѣшалъ слушать пѣніе весенняго соловья. Голубыя, зеленыя вороны перелетали съ дерева на дерево; множество птицъ совершенно неизвѣстной мнѣ породы, но не нашихъ, не русскихъ птицъ выдѣлывали трели на широколиственныхъ тополяхъ, на высокомъ граціозномъ чинарѣ.

Вотъ мы повернули въ улицу, и предъ нами предстали городскіе чимкендскіе ворота съ аистовыми гнѣздами на нихъ и съ длинноногими аистами, которые, забавно нагнувши

голову внизъ, смотрѣли на проѣзжающихъ. Въ запустѣлыхъ мѣстахъ намъ часто встрѣчалась соломонова птица—такъ называемая *мýрги сулеймáнъ*; не знаю, какъ ее называютъ ученые. Въ Персіи про нее существуетъ легенда довольно оригинальнаго содержанія; по этой легендѣ мýрги сулеймáнъ приносила къ какому-то святому, осужденному на голодную смерть, пищу и уносила калъ, отчего она и отзываетъ непріятнымъ запахомъ. Благодаря легендѣ, птицу эту считается грѣхомъ убивать. Оставалось проѣхать городомъ версты четыре, чтобы попасть на станцію. Нужно замѣтить, что, въѣзжая въ ворота, мы сдѣлали легкій подъемъ. Передъ нами открылись дома, смотрѣвшіе на улицу одною стѣною безъ оконъ. Семья, заслышавши колокольчикъ, выбѣгала на улицу изъ такого дома. Изъ-за домовъ виднѣлись урюковыя и яблоновыя деревья; урюкомъ здѣсь называютъ абрикосъ, персидскій *зердалу*. Улицы пошли, изгибаясь направо и налѣво, съ своими неуклюжими домами. Ребятишки бѣгали по улицамъ полураздѣтые и кричали: «урусъ, ей урусъ — хурусъ, аманъ, аманъ!» Нѣкоторые изъ нихъ купались въ лужѣ направо отъ дороги, въ которой тутъ же сарты мыли своихъ лошадей. Забавно было смотрѣть, когда голые ребятишки цѣлою фалангой валялись въ полугрязной водѣ.

Вотъ попалась одна сартянка въ полномъ выходномъ костюмѣ, т. е. въ халатѣ и съ черною волосяной сѣткой на лицѣ; она несла на головѣ какой-то узелъ. Мы чуть не прижали ее къ стѣнѣ, къ которой она прислонилась; за это она вслѣдъ намъ начала изрыгать всякія проклятія и брань и грозить кулакомъ, будто она была способна что-нибудь сдѣлать намъ. Казаки въ свою очередь ругнули ее такъ, что въ печати не употребляется. Крикъ этой женщины долго продолжался, пока мы не повернули за уголъ.

Пѣвчая птица здѣсь замѣнилась любящей болѣе житейскія удобства птицею:—всюду перебѣгали дорогу голуби, но голуби не наши, а маленькіе, съ малиновыми ножками шоколатнаго цвѣта, въ родѣ египетскихъ; не знаю только, кричатъ ли они такъ, какъ египетскіе голуби, но по наружности своей чрезвычайно похожи на нихъ. Голубятниковъ и голубятенъ здѣсь, понятно, нѣтъ; и почтенные голуби, солидно разгуливая по улицамъ, сами добываютъ себѣ кормъ; нѣкоторые домохозяева выбрасываютъ каждый день горсточку ячменя для нихъ. Масса воробьевъ, конечно, старается перегнать голубей въ подбираніи зеренъ; но ихъ отгоняютъ; голубь гораздо ближе подходитъ къ человѣку, нежели воробей. Случается впрочемъ, что какой-нибудь смѣльчакъ воробьиной породы подтибритъ зернышко и удеретъ съ нимъ.

Вотъ мы встрѣтили партію киргизъ, ѣхавшихъ верхами и сдѣлавшихъ мнѣ подъ козырекъ своей шляпы. Куда это они пробирались? — вѣроятно въ свои аулы для сообщенія новостей, собранныхъ въ городѣ. У киргизъ новость невѣроятнымъ образомъ облетаетъ всю степь, исказится при этомъ конечно, но дойдетъ до Оренбурга и Омска.

Вотъ караванъ попался на встрѣчу. Казакъ поскакалъ впередъ, чтобы убрать верблюдовъ; верблюды были всѣ скучены около стѣнокъ, такъ что для проѣзда оставалось достаточное мѣсто. Проѣхавши нѣсколько шаговъ, мы встрѣтили продолженіе этого каравана;—опять прежнее скучиванье, и дорога свободна. Караванщики оказались знакомыми ямщику, поздоровались и начали кричать; мой ямщикъ тоже отвѣчалъ имъ крикомъ. Немного погодя мы натолкнулись и на хвостъ караванный, который насъ заставилъ остановиться, потому что одинъ верблюдъ развьючился по серединѣ дороги;

*

приходилось обождать. Вскорѣ направо отъ дороги я замѣтилъ массу арбъ, а на дворѣ разныя принадлежности арбовщика, т. е. нѣсколько колесъ, нѣсколько безколесныхъ арбъ, стоявшихъ у стѣны и т. п. Вотъ здѣсь каретное мастерство.

Потомъ мы выѣхали на базаръ. Небольшая площадь съ одной стороны имѣла училище, медресе, и мечеть, чрезвычайно изящно отдѣланную. Съ двухъ сторонъ мечеть эта не имѣла стѣнъ, а потолокъ поддерживался перилами и колоннами изъ дерева. Вся мечеть была изукрашена мелкой работы цвѣтами и, гдѣ только можно было, помѣщались стихи изъ корана. Эта необыкновенная пестрота поразила меня; гдѣ, думалось мнѣ, научились ташкендцы рисованію: въ Китаѣ или въ Персіи? Надо полагать, что отъ персіянъ. Былъ купленъ, вѣроятно, какой-нибудь *кулъ* (невольникъ) живописецъ, взятый туркменами въ плѣнъ; онъ, не забывая своего ремесла, научилъ ему здѣсь дѣтей;—такъ мастерство и разошлось. Другаго ничего мнѣ не приходило въ голову. Мечети здѣсь не имѣютъ минаретовъ, а муэззинъ призваніе къ молитвѣ кричитъ съ крыши мечети. Дѣйствительно, трудно создать здѣсь минаретъ;—онъ требуетъ жженаго кирпича, а жженый кирпичъ чрезвычайно дорогъ, такъ что мечеть обошлась бы Богъ знаетъ какъ дорого.

Шакирды (студенты) сидѣли въ мечети и громко кричали урокъ; но когда заслышали колокольчикъ, такъ всѣ побросали свои книги и стали смотрѣть, кто ѣдетъ. Передъ мечетью на площади была яма, въ которой стояли ослы; съ какой цѣлью она была вырыта, я не могъ себѣ дать отчета. Съ остальныхъ трехъ сторонъ были лавки. Направо входъ на большой базаръ, сзади ворота каравансарая и возлѣ нихъ чайная лавка, т. е. чай-хане, въ которомъ находились толпы народа, и дервишъ распѣвалъ передъ ними какую-то исторію, брыкая ногами и ударяя себя въ грудь кулакомъ. Налѣво были лавки со всякой мелочью и вздоромъ. Шакирды заорали всѣ разомъ: «аманъ, аманъ!» Выѣзжая изъ этого торжища, я встрѣтилъ русскаго офицера въ кителѣ верхомъ, съ казакомъ позади его; это былъ графъ Т., любившій объѣзжать здѣшніе базары и закупать на нихъ всякій вздоръ. Далѣе улица слегка подымалась въ гору. Народъ шелъ взадъ и впередъ. На перекресткѣ попались мнѣ два пьяныхъ солдата, державшихся за заборъ и разсуждавшихъ между собою вслухъ.

— Митричъ, айда трахнемъ еще,—говорилъ одинъ, упираясь спиною въ заборъ.

— Пошелъ ты къ ..... Подносилъ я тебѣ, ты отказался, сказалъ—не хочу,—разсуждалъ другой, упираясь въ стѣну затылкомъ, приправляя рѣчь многими непечатными словами.

Потомъ мы встрѣтили солдата, шедшаго, обнявшись съ сартомъ, и разсуждавшаго что-то потатарски. Солдаты были всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ, красноватыхъ штанахъ и кепи.

А улица пустынно тянулась, изгибаясь и вправо и влѣво. Вездѣ можно было проѣхать. По временамъ встрѣчались сарты, сидѣвшіе у воротъ своего домика, старые и молодые. Вотъ мы выѣхали на такое мѣсто, гдѣ улица шире, такъ что встрѣтившіеся два экипажа могутъ разъѣхаться. Немного дальше находится медресе съ огромнѣйшимъ садомъ, въ которомъ собираются по вечерамъ ташкендцы убивать время, и днемъ этотъ садъ служитъ мѣстомъ прогулки для туземныхъ жителей. Часть оконъ была заставлена соломой, должно быть затѣмъ, чтобы пыль не попадала въ нихъ. Зданіе

это имѣетъ почтенный видъ. Оно начинается башнею, потомъ тянется вдоль улицы стѣною въ два этажа и на углу на поворотѣ въ другую улицу имѣетъ опять башню. Построено оно изъ нежженаго кирпича, фундаментъ положенъ изъ бута; кругомъ обведено небольшимъ возвышеніемъ, должно быть, старинной постройки. На возвышеніи сидѣли дѣти и пожилые люди; изъ среды ихъ вдругъ вывернулся одинъ юродивый и побѣжалъ за телѣгой, протянувъ руку и прося милостыни. Я ему подалъ мелкую серебряную монету. У дорожнаго человѣка всегда бываетъ мелочь, и я былъ снабженъ ею отъ Оренбурга. Юродивый этотъ мычалъ, прыгая за телѣгою и желая еще подачки; онъ былъ косноязыченъ. Мы ѣхали дальше, не встрѣчая никого на улицѣ, только женщины выглядывали изъ щелей домовъ своихъ съ ребятишками, кричавшими всякій вздоръ. Встрѣчались впрочемъ намъ женщины и на улицѣ, но онѣ всегда отворачивались къ стѣнкѣ, чтобы не быть замѣченными. На поворотѣ былъ небольшой базаръ только въ нѣсколько лавокъ, гдѣ продавалось мясо, сальныя свѣчи, фрукты и всякая мелочь. Тутъ не толпилось такъ много народа, какъ на базарной площади; базаришка былъ плохой—причина понятная. Въ лавченкѣ, въ которой всего товара было какихъ-нибудь рублей на пять, лежали и грѣлись на солнышкѣ два сарта, будто бы у нихъ вовсе и работы не было. Такую слабость я замѣчалъ и за персіянами; тамъ какой-нибудь персіянинъ съ осленкомъ, навьюченнымъ фруктами, шлялся цѣлый день по Тегерану, таская съ собою еще мальчика; а тамъ фрукты дешевизною превосходятъ ташкендскіе; всего товара, значитъ, на какой-нибудь рубль въ обоихъ вьюкахъ. Дальнѣйшій проѣздъ не заслуживаетъ описанія. Встрѣчались только одни дома, обращенные ко мнѣ своимъ тыломъ. Но вотъ мы стали подъѣзжать къ цитадели. Тутъ дѣятельность уличная оживилась; пошли лавки и чай-хане, въ которыхъ солдаты гурьбами уписывали здоровые пельмени, приготовленные сартами, пили брагу, продаваемую сартами весьма сходно, и лакомились собственною водочкою, принесенной съ собой изъ слободки. Цитадель отъ города отдѣляется рвомъ. Мѣсто отъ рва до лавокъ занимали возы съ клеверомъ и ячменемъ. Казаки, гордо выступая, торговали у сартовъ необходимый для ихъ лошадей клеверъ и ячмень. Много верблюдовъ лежало на этой площади, важно поднимавшихъ голову и озиравшихся кругомъ своими любопытными глазами. Направо отъ цитадели съ шумомъ падала вода, а налѣво тянулись лавки и построенныя между ними бани, которыхъ здѣсь довольно много. Замѣчательно, что здѣсь преобладалъ русскій элементъ:—одну треть составляли продавцы сарты, а двѣ трети—русскіе: солдаты линейные и артиллерійскіе и казаки. Они не столько покупали, сколько бродили по площади или сидѣли въ чай-хане за пельменями и пирожками. Интересно было бы услышать разговоръ ихъ съ сартами, но мнѣ не удалось;—воображаю, какую они дьявольщину гнули.

На цитадели на барбетѣ стоялъ часовой, любуясь этой картиной. Я въѣхалъ на мостъ, который соединялъ цитадель съ городомъ; вѣроятно, мостъ этотъ былъ построенъ русскими, на столько онъ опрятенъ. Ямщикъ ударилъ лошадей, и мы скрылись въ цитадели. Направо была гауптвахта; солдаты всѣ выбѣжали и отдали мнѣ честь. Мнѣ показалось страннымъ, что они не могли отличить меня отъ военнаго; но здѣсь ужъ былъ обычай дѣлать честь и *штатскимъ полковникамъ*. Мы повернули направо и поѣхали вдоль лавокъ, занятыхъ сартами, тянувшихся съ лѣвой стороны. Лавки

были полны солдатъ; видно было, что пасхальное дѣло требовало кутежки. Направо тянулись казармы стрѣлковаго баталіона. Тутъ одинъ солдатъ игралъ на гармоникѣ, другой стоялъ съ бубномъ, третій прихлопывалъ въ ладоши, а остальные смотрѣли, какъ двое передъ ними отдѣлывали трепака. Хохотъ и крикъ оглашалъ воздухъ.

Потомъ мы выѣхали къ большому пруду, обсаженному со всѣхъ сторонъ деревьями. Ямщикъ спросилъ меня, куда ѣхать, на станцію или куда въ другое мѣсто?

— Ступай въ губернаторскій домъ,—сказалъ я, полагая, что вѣрно тамъ обо мнѣ распорядились.

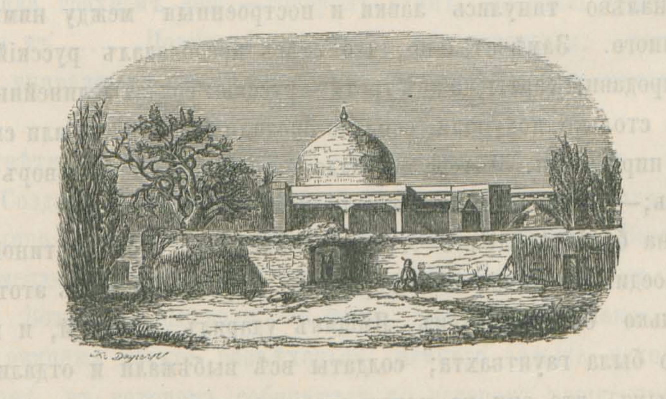
Онъ повернулъ направо, объѣхалъ прудъ и остановился направо у воротъ. Казаки спросили у меня позволенія уѣхать, и я ихъ отпустилъ. Соскочивши съ телѣги, я вошелъ въ губернаторскій домъ и спросилъ тамъ въ передней у казака, не отведена ли для меня комната. Онъ предложилъ мнѣ обратиться къ начальнику населенія, г. Сѣрову, который жилъ тутъ же. Я вошелъ къ нему и спросилъ, куда можно внести мои вещи и не говорилъ ли что ему про меня генералъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ.—Отведена для кого-то квартира, но генералъ ничего не говорилъ про васъ. Да вы не безпокойтесь,—я прикажу перенести ваши вещи туда.

— Эй, Чепуринъ!—закричалъ онъ.

Явился на сцѣну уральскій казакъ.

— Ступай, выложи всѣ вещи г. полковника въ квартиру Краевскаго. А вамъ не угодно ли закусить? Онъ открылъ столъ, наполненный всякими яствами и питьями, какія только можно было устроить въ Ташкендѣ. Окорокъ, конечно, былъ привозный, потому что во всемъ краѣ здѣсь нѣтъ ни одной свиньи; я похристосовался съ любезнымъ хозяиномъ, выпилъ и закусилъ. Вскорѣ пришелъ къ г. Сѣрову начальникъ штаба, который, побесѣдовавши съ Сѣровымъ и перекинувшись со мною двумя-тремя словами, ушелъ. Потомъ отправился и я въ квартиру Краевскаго, гдѣ находились мои вещи; дорога къ этому дому была не особенно удобопроходима, хотя домъ находился рядомъ съ губернаторскимъ. Я скоро очутился въ своемъ новомъ обиталищѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ТАШКЕНДЪ.

ѣлый день съ ранняго утра проѣхавши слишкомъ семдесятъ верстъ на капитанской телѣгѣ и прибывши въ Ташкендъ не позже четырехъ часовъ втораго дня праздника, я не задумался переодѣться и прилечь заснуть и проспалъ до утра. Говорятъ, что меня два раза будили, сперва къ чаю, а потомъ къ ужину, посланные отъ г. Сѣрова, но не могли добудиться.

На другой день я одѣлся, какъ слѣдуетъ, и отправился къ г. Сѣрову. У него были сарты; я поздоровался съ ними и прошелъ къ Сѣрову. Въ его комнатѣ сидѣло еще нѣсколько человѣкъ почетныхъ сартовъ, для которыхъ пріѣздъ новаго генерала на смѣну генерала Черняева былъ неожиданною новостью.

— А что, если новый генералъ, не принимая въ уваженіе условій, сдѣланныхъ съ Черняевымъ при сдачѣ Ташкенда, начнетъ брать рекрутъ и станетъ взимать подати и налоги,—говорили они,—что тогда?

— Тогда *абтралъ* †). Да этого никогда не будетъ; вѣдь условія писаныя,—отвѣчали имъ.

— Эмиръ *башъ устюнда* ††), Черняевъ уѣзжаетъ, *биткянъ ишъ* †††).

— Не безпокойтесь,—говорилъ я.—У бѣлаго царя много такихъ генераловъ, какъ Черняевъ. Онъ выбралъ для васъ самаго лучшаго, который съ турками дрался, съ черкесами велъ войну,—видалъ дѣло.

— Давай Богъ, давай Богъ!—ворчали они.

---

†) *Абтрамакъ* значитъ ошалѣть, стать въ тупикъ.

††) *Башъ устюнда* значитъ на головѣ.

†††) *Биткянъ ишъ*—кончено дѣло.

Въ такомъ родѣ бесѣда продолжалась бы до безконечности;—стоило только ее поддерживать. Съ Сѣровымъ у насъ шли разговоры въ другомъ родѣ. Онъ жалѣлъ чрезвычайно объ отъѣздѣ Черняева. Изъ отряда былъ полученъ приказъ о передачѣ должности Черняевымъ, и самого его ждали на другой день. Дѣйствительно, вечеромъ слѣдующаго дня пріѣхалъ Черняевъ съ графомъ В—мъ Д—мъ. Я былъ представленъ ему графомъ. Не стану описывать личности ташкендскаго героя; скажу только, что онъ имѣлъ чрезвычайно симпатичную наружность. Я не смѣлъ его утруждать бесѣдою со мной, такъ какъ онъ былъ очень взволнованъ. Мы ужинали всѣ вмѣстѣ. Ему подавался любимый его напитокъ, кумысъ. Послѣ ужина я оставался дольше другихъ. Онъ успѣлъ познакомить меня весьма подробно съ прошедшимъ новаго генерала.

На другой день собрались къ Черняеву сарты въ большомъ залѣ въ почетныхъ и простыхъ халатахъ. Онъ вышелъ, подалъ всѣмъ руку, сѣлъ на свое кресло и объявилъ имъ, что онъ уѣзжаетъ, и просилъ ихъ, чтобы они не безпокоились, что государь прислалъ имъ такого генерала, который съумѣетъ ихъ защитить отъ внѣшнихъ враговъ. Сарты стали просить его, чтобы онъ не уѣзжалъ, а остался съ ними, что теперь времена опасныя: бухарскій эмиръ стоитъ во главѣ стотысячной арміи на Сыръ-Дарьѣ. Онъ повторилъ имъ увѣренія свои, что новый генералъ съумѣетъ справиться съ эмиромъ, и раскланялся. Послѣ этого вскорѣ подали двумѣстную коляску съ передовымъ сидѣньемъ, запряженную парою въ дышло, и мы поѣхали съ нимъ по Ташкенду, окруженные огромной свитой верхами подъ конвоемъ двѣнадцати казаковъ; графъ В—ъ Д—ъ сидѣлъ рядомъ съ Черняевымъ, а я помѣстился напротивъ ихъ. По всѣмъ улицамъ стоялъ народъ толпами и что-то кричалъ. Нищіе и юродивые бѣжали сбоку коляски; имъ была подана милостыня личнымъ адъютантомъ Черняева, г. Халдѣевымъ, который имѣлъ для этого деньги. Женщины, не прячась, стояли на крышахъ домовъ. Наконецъ, мы остановились, вышли изъ экипажа, сдѣлали нѣсколько шаговъ по маленькому закоулку и вошли въ домъ Сеидъ-Азима. Тамъ былъ приготовленъ завтракъ; полный столъ былъ уставленъ разными сладостями, которыя мы должны были испробовать. Казылыкъ (конская колбаса) находился на обоихъ концахъ стола; это было любимое лакомство Черняева; кумысъ также подавался постоянно. Чтобы характеризовать здѣшнее угощеніе, скажу, что оно производится совершенно иначе, чѣмъ у насъ. На столѣ стоятъ сласти, русскіе леденцы въ бумажкахъ съ билетиками, сдобныя печенья домашней кухни и двѣ или три бутылки вина. Прежде всего хозяева предлагаютъ попробовать разставленныя передъ гостями сласти; потомъ подаютъ крѣпкій желтый чай, за этимъ слѣдуютъ пирожки съ говядиной и съ сахаромъ, потомъ пельмени съ бульономъ, *бялишъ* (паштетъ) и въ заключеніе пловъ.

Это былъ первый домъ ташкендскаго сарта, который я посѣщалъ, благодаря Черняеву, взявшему меня съ собою; его слѣдуетъ описать. Надъ воротами находились чуланы съ ячменемъ; подъ этими чуланами стояла коновязь, у которой былъ привязанъ черный вороной карабаиръ. Направо отъ воротъ находилась терраса съ потолкомъ; дальше возлѣ нея была комната. Прямо противъ воротъ находилась комната, которую мы занимали. Кухня была на второмъ дворѣ, откуда выбѣгали люди съ кушаньями въ

Съ фотографіи М. К. Пріорова.

Литогр. Беккера и К°

ХОДЖЕНДЪ

Медресе (школа)

рукахъ. Пробывши съ полчаса у Сеидъ-Азима и испробовавъ каждаго кушанья, мы встали изъ-за стола, вышли и отправились къ извѣстному Шерафію, говорившему немного по русски. Тутъ намъ привелось проѣзжать базарами. Они были пусты сравнительно съ тегеранскими; даже около чай-хане было мало народа, не смотря на пристрастіе всѣхъ азіятцевъ къ чай-хане. Я сдѣлалъ невольно вопросъ, отчего же базары такъ пусты?

— Военное время—застой торговли, а то и здѣсь ташкендцы такъ же любятъ чай-хане, какъ и ваши персіяне,—отвѣчалъ мнѣ кто-то.

Мы проѣзжали и мясными рядами, и москательными лавками, и книжными магазинами, и шорными лавками, въ которыхъ сидѣли мастеровые и вышивали окрашенныя кожи шелками; миновали бани и поднялись по улицѣ налѣво отъ базара. Домъ Шерафія былъ недалеко; Шерафій самъ стоялъ у воротъ и поджидалъ насъ. У него расположеніе дома было совсѣмъ другое, чѣмъ у Сеидъ-Азима. Мы вошли въ темные ворота, потомъ повернули направо по темной галлереѣ, гдѣ направо были конюшни, поднялись по лѣстницѣ кверху и, пройдя черезъ маленькую комнату, вошли въ большую, гдѣ находился столъ, уставленный яствами, какъ у Сеидъ-Азима. Начались такія же угощенія, только у Шерафія была еще яичница, чрезвычайно вкусная. Прислуживали все татары, бѣжавшіе изъ Россіи отъ военной службы. Шерафій почитается здѣсь покровителемъ всѣхъ татаръ, которыхъ ташкендцы называютъ ногайцами.

Отсюда мы поѣхали къ одному сарту, имя котораго я забылъ, но который пользуется не меньшимъ почетомъ, чѣмъ два прежнихъ. Къ нему мы проѣзжали черезъ одинъ оврагъ, въ кото́ромъ такъ и кричитъ рѣчка, обсаженная по берегамъ тальникомъ: рѣчка эта, наткнувшись на небольшую мельницу—толчею, старательно и съ большимъ шумомъ, но безтолково исполняющую свое дѣло, работаетъ еще сильнѣе. Овраги съ своими прекрасными видами разнообразятъ нѣсколько монотонную картину Ташкенда.

Домъ сарта, къ которому мы пріѣхали, имѣлъ особенный характеръ. Мы прошли сперва по длинному коридору, а потомъ вошли въ комнату со вставленными рамами, раскрашенную, какъ та мечеть, о которой я говорилъ, пожалуй еще пестрѣе и набитую мѣховыми вещами. Столъ былъ накрытъ по европейски, только вмѣсто стульевъ стояли разные сундуки, покрытые подушками; угощеніе этого сарта ничѣмъ не отличалось отъ прежнихъ. Пробывши у него съ четверть часа, мы отправились домой; Сеидъ-Азимъ, Шерафій и послѣдній сартъ провожали насъ верхами. Впереди ѣхалъ *райсъ* (полиційместеръ). Какими-то окольными улицами мы выѣхали на ту же площадь, на которой по прежнему стояли возы съ сѣномъ и ячменемъ и разгуливали солдаты.

Возвратившись домой, я получилъ приказаніе ѣхать въ отрядъ. Сборы мои были недолги. Въ этотъ день отправлялся туда поваръ генерала и человѣкъ К. Б—скаго; у нихъ не было экипажа. Хотя у меня также не было его, но мнѣ уступали одинъ тарантасъ, чтобы доѣхать до отряда. Конвой былъ данъ большой: пятнадцать человѣкъ казаковъ и десять джигитовъ. Мы выѣхали изъ Ташкенда вечеромъ, часа въ четыре—въ пять.

Прямо изъ цитадели дорога идетъ по новому шоссе, ведущему въ русскую крѣпость и въ русскія слободки 2 и 4 баталіоновъ; потомъ она исчезаетъ въ садахъ, принадлежащихъ городскимъ жителямъ, и верстъ черезъ пять снова выходитъ въ поле, отдѣляющее сады отъ деревни Ногай-Курганъ, остающейся, впрочемъ, влѣво отъ дороги.

Деревня Ногай-Курганъ состоитъ изъ сотни дворовъ и получила свое названіе оттого, что тамъ живутъ семейства бѣжавшихъ изъ Россіи въ разное время татаръ, которыхъ здѣсь называютъ ногайцами. Ногай-Курганъ замѣчателенъ тѣмъ, что это единственное мѣсто во всемъ здѣшнемъ краѣ, гдѣ разводятъ картофель. Природные жители этого края до сихъ поръ еще почитаютъ великимъ грѣхомъ употреблять въ пищу этотъ важный въ нашемъ хозяйствѣ овощъ.

Проѣхавши верстъ пять-шесть, когда Ногай-Курганъ уже совсѣмъ скроется изъ глазъ за различными пригорками, начинается густонаселенная деревня Зенги-ата̀ съ ея фруктовыми садами, въ которой насчитываютъ до 3000 жителей, чему легко повѣрить, когда вы проѣдете цѣлыхъ четыре версты отъ начала деревни до ея конца. Здѣсь покоится прахъ мусульманскаго святаго, отъ котораго она и получила свое названіе; построеніе старинной мечети, скрывающей въ себѣ могилу святаго, приписываютъ Тамерлану. Я не осматривалъ этой мечети, но полагаю, что имя Тамерлапа связано съ этой мечетью по народному обыкновенію все достопримѣчательное относить къ его вѣку, какъ объ этомъ было мною уже говорено выше.

Отъ Зенги-ата̀ дорога идетъ глубокими рытвинами съ частыми подъемами на протяженіи пятнадцати верстъ до выселка Кавунчи́, гдѣ находится только одинъ домъ, — нѣчто въ родѣ русскаго заѣзжаго двора съ съѣстными припасами, въ которомъ тогда помѣщался казачій пикетъ. Подъѣзжая къ Кавунчи́, мы спросили, есть ли подставныя лошади.

— Есть, кормятся, — отвѣчалъ артиллерійскій солдатъ изъ малороссовъ.

— Такъ нельзя ли, братъ, ихъ запрягать?

— И то, ладно, запряжемъ, — отвѣчалъ артиллеристъ и пошелъ за лошадьми.

— Лошади были бодрыя, отстоявшіяся. Мы сѣли и поѣхали дальше. На протяженіи одиннадцати верстъ мѣстность становится нѣсколько ровнѣе, и по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная, впрочемъ, почти отъ самаго Ногай-Кургана, тянутся обработанныя поля, засѣянныя пшеницею, ячменемъ и макомъ.

Здѣсь дорога подходитъ къ берегу р. Чирчика и тянется вдоль широкой единственной улицы г. Эски (стараго) Ташкенда, стоящаго на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, съ обрывомъ саженъ въ пятдесятъ въ долину Чирчика.

Основателемъ этого города, носившаго въ древности имя Шашъ †), на мѣстѣ котораго теперь не больше пяти дворовъ и одна пустынная улица, — называютъ Каюмарса, а на мѣсто нынѣшняго Ташкенда его перенесъ будто бы извѣстный герой древности, соперникъ Рустема, Афрасіабъ ††). Перемѣна же названія изъ Шаша въ Ташкендъ *) произошла вмѣстѣ съ принятіемъ ислама въ началѣ IX вѣка.

---

†) Другіе произносятъ «Джаджъ».

††) Въ Ташкендѣ показываютъ мѣста, гдѣ находились тронъ Афрасіаба и дворецъ его дочери.

*) Въ книгѣ къ Большому Чертежу, изданной въ царствованіе Θеодора Ивановича, упоминается городъ Ташкуръ, который знаменитый Левшинъ смѣшиваетъ съ Ташкендомъ. По моему мнѣнію подъ Ташкуръ нужно подразумѣвать Эски-Ташкендъ, который и понынѣ нѣкоторыми называется Шашъ-Кургаиомъ.

Только мы миновали старый Ташкендъ, лошади понесли, и тарантасъ опрокинулся на бокъ. Фартукъ былъ поднятъ, потому что моросилъ легкій дождикъ, и меня засыпало вещами К. Б—скаго. Но по счастію я спалъ и не проснулся отъ этого паденія. Только слышу, что люди спрашиваютъ: «а Петръ Иванычъ гдѣ же?» Я откликнулся, и меня начали выгребать изъ-подъ кучи вещей и распрашивать, не ушибло ли меня чѣмъ нибудь. Я нигдѣ не чувствовалъ боли и отвѣчалъ, что не ушибся, а между тѣмъ спросилъ, не пострадалъ ли гдѣ тарантасъ. Оказалось, что тарантасъ былъ очень поломанъ.

— По крайней мѣрѣ довезетъ ли онъ насъ до Чиназа?—спрашивалъ я.

— Отчего не довезти, довезетъ,—отвѣчали мнѣ.

— Ну, поднимайте скорѣе тарантасъ на колеса, да запрягайте лошадей.

Признаться, меня пугало, чтобы непріятель не побезпокоилъ насъ. Была ночь,—зги не было видно; конвой въ Кавунчи́ былъ смѣненъ, и десять казаковъ ничего не значили, по моему мнѣнію, въ темную ночь, и нападенія можно было ожидать. Но по счастію ничего не случилось, и мы благополучно прибыли въ Чиназъ уже послѣ зари, когда крѣпостные ворота были уже заперты. Насъ окликнули, и чрезъ нѣсколько времени ворота заскрипѣли на кокандскихъ петляхъ. Мы велѣли ѣхать къ коменданту.

Н. Журавлевъ принялъ меня радушно, обѣщалъ на другой день къ утру починить экипажъ и отвелъ для меня мѣсто на ночь въ какой-то чужой квартирѣ, потому что у него была только одна комната, въ которой спалъ онъ самъ. Онъ угостилъ меня отличнымъ ужиномъ, разсказывалъ, какъ проѣзжалъ новый генералъ, какъ производилъ смотръ гарнизону и какъ обѣщалъ упечь какого–то офицера поляка въ солдаты за неповиновеніе Журавлеву. Это была какая-то кляузная исторія, и дѣло впослѣдствіи кончилось ничѣмъ.

На другой день мы осмотрѣли тарантасъ, заплатили за починку его пять руб. сер. и выѣхали изъ Чиназа. Форштадтъ чиназскій весьма невеликъ, не болѣе 1500 жителей. Старая кокандская цитадель построена на высокомъ курганѣ, обведенномъ глубокимъ рвомъ со стороны города; къ Чирчику же она обращена такимъ же обрывомъ, какъ и старый Ташкендъ. Чиназъ ничѣмъ не замѣчателенъ, кромѣ дурнаго климата, производящаго постоянныя лихорадки и горячки. Причину этаго находятъ въ отдѣляющихъ Чиназъ отъ Сыръ-Дарьи обширныхъ болотахъ, покрытыхъ камышами и дѣйствительно сильно заражающихъ воздухъ своими испареніями.

День былъ прекрасный, солнечный, и мы незамѣтнымъ образомъ доѣхали до рѣки Сыръ-Дарьи, огибая трясину, поросшую камышами. Огромнѣйшій складъ какихъ-то боевыхъ запасовъ ждалъ парома, и мы также поджидали его. Паромъ шелъ сперва черезъ р. Чирчикъ на канатѣ, потомъ намъ слѣдовало пройти нѣсколько десятковъ саженъ по землѣ мимо укрѣпленія, возведеннаго, по всему вѣроятію, нашими солдатами; потомъ слѣдовалъ второй паромъ уже на веслахъ черезъ р. Сыръ-Дарью.

Не стану описывать, какъ мы переправлялись, хотя переправа съ верблюдами, которыхъ приходилось хозяевамъ тащить до парома по водѣ, такъ какъ около берега было очень мелко, а паромъ сидѣлъ глубоко, весьма интересна. Солдатскія остроты и шуточки забавляли всю компанію, не выключая отсюда и Ивана, человѣка К. Б—скаго,

*

и повара новаго генерала. Переправившись, я сдалъ свои вещи казаку, попросивши его тащить ихъ до генеральской палатки; самъ же пошелъ впередъ къ генералу.

Видъ отряднаго лагеря произвелъ на меня извѣстное впечатлѣніе. Сначала я поднялся съ берега въ гору, гдѣ направо находился лазаретъ въ киргизскихъ кибиткахъ, и докторъ, стоя около какого-то ящика, осматривалъ больныхъ и прописывалъ имъ лекарства. Это еще не былъ лагерь, это былъ tête du pont, который отдѣлялся отъ лагеря высокою стѣною съ многими разставленными на стѣнахъ пушками и со рвомъ впереди стѣны. Я шелъ за толпою, поэтому понятно, что толпа вывела меня прямо къ воротамъ, которые были отперты и изъ которыхъ былъ отличный видъ на лагерь. Мнѣ разъ только привелось видѣть лагерь;—это было въ 1862 году, когда я проѣзжалъ по Мазандерану къ каспійскому берегу; но тамъ стояли персіяне, у которыхъ, быть можетъ, порядки были другіе, чѣмъ у насъ въ европейскомъ войскѣ. Тамъ были все бѣлыя солдатскія палатки, здѣсь же, наоборотъ, палатокъ было много, но онѣ принадлежали офицерству, а солдаты помѣщались въ шалашахъ или скорѣе въ землянкахъ. Сотня киргизскихъ юртъ стояла у меня передъ глазами и между ними замѣтно отдѣлялась одна юрта изъ бѣлаго войлока съ придѣланною къ ней палаткою. Это было помѣщеніе генерала Черняева, а теперь новаго генерала. Вправо отъ меня было видно нѣкоторое оживленіе. Здѣсь находился отрядный базаръ съ маркитантами изъ сартовъ, которые забавляли солдатъ приготовленіемъ пельменей и другихъ сартянскихъ блюдъ. Около нихъ всегда была группа солдатъ, которая и ѣла и пила на ихъ счетъ, конечно, съ обязательствомъ заплатить за все послѣ перваго дѣла. Налѣво, повидимому, на безконечномъ пространствѣ были расположены войска. Перескакивая черезъ колючку и бурьянъ, я подходилъ къ генеральской палаткѣ. Самъ генералъ сидѣлъ подъ навѣсомъ, еще до него устроеннымъ, и чѣмъ-то занимался. Я подошелъ къ нему, мы поцѣловались. Я спросилъ, гдѣ мнѣ расположиться.

— Мы найдемъ, гдѣ васъ помѣстить,—отвѣчалъ генералъ.—Да вотъ, кажется, у графа Т—аго есть подъ палаткой свободное мѣсто; не хотите ли къ нему. Я сейчасъ пошлю за нимъ.—Эй, кто тутъ есть?—крикнулъ онъ.

Явился вѣстовой, рука по швамъ, другая у козырька.

— Просить сюда графа Т—аго, — сказалъ генералъ.—Но разскажите же, какъ вы доѣхали. Не случилось ли съ вами чего? Гдѣ Вележева оставили?

— Вележевъ остался въ фортѣ № 1-й, а со мной ничего не случилось,—доѣхалъ благополучно.

Явился графъ Т—ой также руку подъ козырекъ.

— Здравствуйте, графъ, — началъ генералъ.—У васъ, кажется, есть помѣщеніе, такъ не хотите ли пріютить смирнаго человѣка.

— Могу-съ, чрезвычайно радъ,—отвѣчалъ графъ.

— Такъ позвольте васъ познакомить, — сказалъ генералъ и познакомилъ меня съ графомъ Т—ымъ.

— Такъ я схожу посмотрю свое новое жилище и велю перенести туда вещи, — сказалъ я, обращаясь къ нимъ обоимъ.

— Приходите же обѣдать,—крикнулъ мнѣ въ догонку генералъ,—чѣмъ Богъ послалъ.

Оказалось, что палатка графа Т—аго была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генеральской палатки. Оно не то, чтобы было довольно мѣста для двоихъ, но все-таки какъ бы то ни было устанавливалась другая кровать. Раскинувши кровать и уложившись поудобнѣе, я отправился съ графомъ Т—ымъ гулять по отряду. Онъ былъ походнымъ гевальдигеромъ, и на его обязанности лежало обойти отрядъ хоть разъ съ утра. Мы пошли сперва по базару, гдѣ находился одинъ сѣдовласый русскій маркитантъ, пришедшій за отрядомъ съ сибирской линіи; остальные были новый народъ, кромѣ одного татарина. Цѣны на товары стояли диковинныя; напримѣръ, бутылка спирта продавалась за два рубля. У одного маркитанта я нашелъ нѣсколько десятковъ пачекъ папиросъ Спиглазова, отчасти подмоченныхъ, и купилъ ихъ по двадцати коп. за пачку въ десять штукъ. Дежурный унтеръ-офицеръ ходилъ по базару и водворялъ тишину, видя приближеніе отряднаго гевальдигера. Мы прошли черезъ весь базаръ, потомъ полемъ отправились на бойню. Бойня была устроена въ верстѣ, если не больше, отъ отряда. Оттуда везли на телѣгахъ мясо; туда же гнали рогатый скотъ и барановъ въ огромномъ количествѣ. На дорогѣ одинъ сартъ, устроившій на берегу рѣки баню для солдатъ, поднесъ намъ фрукты. Графъ Т—ой бросилъ ему на блюдо сколько-то денегъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Посмотрите на эту рожу,—онъ выучился по русски читать и писать, кажется; ты по русски писать знаешь?—обратился онъ къ сарту.

— Нѣтъ, писать не знаю. Вашъ языкъ бульна мудряна:—съ другой сторона пишется, чѣмъ у насъ,—отвѣчалъ сартъ, улыбаясь.

— Онъ, знаете, выучился во время похода отъ насъ говорить и читать;—такой плутъ,—добавилъ графъ Т—ой, проходя дальше къ бойнямъ.

На бойняхъ нѣсколько солдатъ старались обчищать шкуру съ барановъ, уже заколотыхъ; другіе рѣзали ихъ. Вездѣ былъ запахъ свѣжей крови. Графъ отдалъ кое-какія гевальдигерскія распоряженія, и мы отправились назадъ.

— Хотите пройтись по передовой линіи?—посмотрите орудія,—сказалъ графъ.

— Отчего же, вѣдь теперь кажется еще не поздно,—можно,—отвѣчалъ я, придерживая шляпу, которую чуть-было не снесло вѣтромъ. У меня была на головѣ интересная шляпа: обыкновенная русская поярковая шляпа съ широкими полями и съ чалмою, намотанною на нее; какъ обыкновенно англичане обходятся съ южною природою, такъ вздумалъ и я примѣнить это здѣсь. Мы пошли впередъ и подошли къ орудіямъ.

— Здѣсь нельзя ходить,—замѣтилъ часовой, стоявшій у орудій.

— Отчего же нельзя ходить? — спросилъ я его, удивляясь, почему между пушекъ нельзя было пройти.

— Не приказано,—отвѣчалъ солдатъ.

— Ну не приказано, такъ и дѣлать нечего, не будемъ ходить.

Впереди насъ производилось ученье. Орудія то снимали съ передковъ, то опять ставили на нихъ. Маленькій артиллерійскій штабъ-офицеръ горячился страшнѣйшимъ образомъ и бранился на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы постояли, посмотрѣли на это ученье и пошли дальше; обошли весь отрядъ. На другомъ концѣ уральскіе казаки рѣзали барана.

— Вѣдь я вамъ сказалъ, чтобы вы не смѣли рѣзать барановъ у себя; мало вамъ что ли было говорено? Подождите, вотъ я доложу генералу,—горячился гевальдигеръ.— А потомъ кишки начнете въ Дарью бросать, знаю я васъ, — говорилъ онъ, отходя отъ нихъ.

— Напрасно изволите, ваше б—діе, гнѣваться. Извольте пожаловаться на начальника кавалеріи,—отвѣчали казаки.

— Ужъ доберусь я когда-нибудь до этого П—са: вѣчно по своему изволитъ дѣлать. Вотъ увидитъ генералъ, я же останусь виноватъ, почему я имъ не говорилъ, чтобы они этого не дѣлали,—замѣчалъ графъ Т—ой, проходя мимо казаковъ и ведя меня ко второй ротѣ оренбургскаго линейнаго баталіона.

— Видите, какъ наши линейцы кочуютъ: въ каждомъ шалашѣ по два. Это все ихъ землянки: видите, какъ грядками идутъ, говорилъ графъ Т-ой, выступая съ палочкой впередъ. Передъ ротой нѣсколько солдатъ играли въ свайку; при входѣ въ одну землянку играли солдаты въ карты, остальные или отдыхали, или грѣлись на солнышкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, интересны были ихъ землянки:—по срединѣ вырыта яма длиною въ человѣческій ростъ, глубиною въ полъ-аршина, и надъ этой ямой устроена крыша, чтобы не обливало дождемъ. Въ каждой землянкѣ жило по два солдата; унтеръ-офицеры обыкновенно помѣщались съ какимъ-нибудь молодымъ солдатомъ. За ротою стояла палатка ротнаго командира, и передъ нею была устроена бесѣдка, обнесенная камышемъ, сплетеннымъ рядами, и виднѣлся значекъ Черняева, пожалованный этой ротѣ.

— Здравствуйте, Т—ой! Идите къ намъ, — кричалъ кто-то изъ-за шумѣвшихъ камышей.—Мы здѣсь въ банчишку играемъ; приставьте карточку и вы.

— Это капитанъ С—въ меня зоветъ, — сказалъ графъ, обращаясь ко мнѣ. — Не могу-съ,—добавилъ онъ, поворачивая свою голову къ камышамъ. «Ну, чертъ съ тобой!» или что-то въ этомъ родѣ послышалось намъ вслѣдъ изъ камышей. Мы прошли благополучно въ свою палатку, въ то время какъ человѣкъ генерала явился звать меня обѣдать.

— Пожалуйте кушать къ генералу,—сказалъ человѣкъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

БАРАНЬЕ ДѢЛО.

Генералъ по вечерамъ забавлялъ себя пѣсенниками, которые собирались къ его палаткѣ; онъ ихъ заставлялъ пѣть пѣсни, какъ

Сыръ-Дарьинцы молодцы
По степи гуляютъ,
А кокандцы подлецы
Крѣпости кидаютъ.

Другой хоръ начинаетъ пѣть «Ты, Настасья,—ты, Настасья», потомъ опять первый хоръ затягиваетъ какую-то пѣсню, гдѣ упоминаетъ генерала Романовскаго.

— Это они про меня ужъ пѣсню сложили,—замѣчаетъ съ самодовольной улыбкой Романовскій, забывая, что эта пѣсня уже давно была сложена:—ее пѣли и при Черняевѣ, и при Колпаковскомъ, и при Веревкинѣ.

Солдатамъ за ихъ пѣніе высылалось по два цѣлковыхъ каждый вечеръ. Потомъ пускалась ракета и раздавался пушечный выстрѣлъ; за симъ игралась заря, у казаковъ особенно, у артиллеристовъ особенно и у пѣхоты особенно. Послѣ зари всѣ снимали шапки, и пѣлось «Отче нашъ»; когда кончалось пѣніе, пѣсенники имѣли право уходить по мѣстамъ.

Во время этого пребыванія моего въ отрядѣ я успѣлъ познакомиться со многими офицерами, приходившими къ графу Т—ому *растерзать* рябчика, *вонзить* рюмку спирта и *застегнуть* закуской; познакомился и съ штабными, которые хлопотали о томъ, чтобы какъ-нибудь *подковать* начальство, чтобы оно согласилось назначить невѣроятные раціоны. Признаться, раціоны были чрезмѣрно высоки: я по маіорскому чину получалъ 118 рублей въ мѣсяцъ, когда провіантъ весь закупался въ Чиназѣ и

обходился среднимъ числомъ по 35 р. въ мѣсяцъ; значитъ, сколько же лишнихъ я получалъ? Нѣкоторые изъ офицеровъ по году не получали жалованья и жили на раціоны и «гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти на сто.» Я знаю нѣкоторыхъ господъ,—состояніе наживали себѣ карточной игрой, хотя небольшое, но все-же состояніе. Отрядная жизнь мнѣ уже начинала надоѣдать, какъ вдругъ вздумалось генералу произвести рекогносцировку въ тѣхъ видахъ, что наканунѣ была ранена казацкая лошадь будто бы бухарцами, какъ доложилъ казакъ, и носились слухи, что бухарцы думаютъ напасть на нашъ отрядъ въ курбанъ-байрамъ, который былъ на носу.

4-го апрѣля вечеромъ была отправлена стрѣлковая рота 4-го баталіона впередъ. На разсвѣтѣ отправился и генералъ съ кавалеріею и со своимъ значкомъ. Часамъ къ 8-ми онъ вернулся и съ восторгомъ разсказывалъ, что поднялъ духомъ упавшихъ солдатъ послѣ дизакскаго *пораженія.* Дизакскій Мухаммедъ-Якубъ-бекъ признавалъ тоже Черняева пораженнымъ †).

— Поздравьте, Петръ Ивановичъ, мы разбили вашихъ бухарцевъ; да посмотрите-ко, какой еще доходъ будетъ: забрали у нихъ въ плѣнъ всѣхъ барановъ, — говорилъ генералъ, умываясь отъ пыли, которою онъ былъ покрытъ.

— Въ добрый часъ, въ добрый часъ, поздравляю васъ,—говорилъ я, искренно радуясь побѣдѣ.

На завтра вернулся въ отрядъ графъ В—ъ Д—ъ съ остальными войсками, съ однимъ плѣннымъ, какъ говорили, персіяниномъ и съ четырнадцатью пастухами. Войска были заняты охраненіемъ барановъ; солдаты бросились впередъ на встрѣчу стадамъ. Изъ разсказовъ плѣнныхъ пастуховъ оказалось, что эти стада принадлежали нашимъ киргизамъ. Плѣннаго отдали мнѣ, чтобы я распросилъ его обо всемъ, потому что никто въ отрядѣ его не понималъ. Оказалось, что онъ былъ родомъ илятъ, состоялъ въ услуженіи у пенджикендскаго бека и выѣхалъ съ нимъ утромъ, чтобы осмотрѣть позицію и сообразить, нельзя ли было подвинуть лагерь немножечко впередъ. Казаки убили подъ нимъ лошадь, и онъ самъ чуть не былъ убитъ, но, благодаря графу В—у Д—у, оставленъ въ живыхъ и приведенъ благополучно въ отрядъ, однако съ небольшою раною на головѣ. Я сводилъ моего бѣднаго плѣннаго къ доктору Покрышкину; тотъ промылъ и забинтовалъ ему рану, сказавши, чтобы онъ явился къ нему на другой день утромъ наперевязку.

— Я возлѣ тебя, туря, никого не боюсь,—объяснялъ мнѣ плѣнный. У насъ говорятъ, что русскіе плѣнныхъ мучаютъ, заставляютъ производить земляныя работы, надѣваютъ кандалы... Ты не брось только меня, и я спокоенъ.

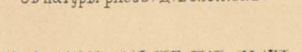
Я обѣщалъ не бросать его, пока это возможно, и посылалъ купить ему на курбанъ-байрамъ новыя галоши и новую чаплашку ††).

Извѣстіе о мурзарабатскомъ дѣлѣ произвело на Ташкендъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Черняевъ, который еще не уѣзжалъ изъ Ташкенда, написалъ какое-то непріятное для генерала письмо, которое его очень взволновало.

---

†) Какъ видно изъ письма его, приложеннаго къ «Замѣткамъ по средне-азіятскому вопросу» Романовскаго, стр. 193.

††) Тибитейка.

Дозволено Цензурою.

Съ натуры рисов. Д. Вележевъ.

Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

Внутренний дворъ Сеидъ-Азима.

На третій день были розданы георгіевскіе кресты солдатамъ, бывшимъ въ этомъ дѣлѣ. Не имѣя крестовъ, генералъ разрѣзалъ георгіевскій темлякъ на нѣсколько частей и, пришпиливая ихъ къ груди солдатъ, цѣловалъ ихъ по три раза, поздравляя каждаго изъ нихъ съ побѣдою надъ бухарцами.

— Не извольте безпокоиться, ваше п—ство, — отвѣчали солдаты; — вѣдь мы ихъ знаемъ: они народъ пустой.

Такая фраза чрезвычайно полюбилась генералу, и онъ ее часто повторялъ.

Черезъ нѣсколько дней прискакалъ въ отрядъ персидскій мальчикъ изъ бухарскаго лагеря; его привели ко мнѣ и поручили мнѣ его допросить.

— Зная дружбу бѣлаго царя съ нашимъ шахомъ, я бѣжалъ къ вамъ изъ бухарскаго лагеря, полагая, что вы даете свободу персіянамъ. Я съ однимъ илятомъ изъ подъ Мешеда однажды пасъ овецъ, былъ взятъ въ плѣнъ туркменами, затянутъ въ кандалы,— вотъ, видишь, и теперь есть слѣды,—говорилъ онъ, обнажая руки выше локтей и ноги по колѣна,— былъ приведенъ въ Бухару и тамъ проданъ. Теперь, находясь въ отрядѣ со своимъ бекомъ, я былъ посланъ имъ за водой, и чтобы поскорѣе ее привезти, онъ мнѣ далъ лошадь; я сѣлъ и удралъ, — пускай, тамъ меня ищутъ. А у насъ въ Бухарѣ давно носился слухъ, что русскіе плѣнныхъ персіянъ сдѣлали свободными; я и бѣжалъ къ вамъ по пути дружбы. Надѣюсь, что меня не убьютъ.

— А сколько войска у эмира?—спросилъ я.

— Да, говорятъ, до ста тысячъ; мнѣ откуда знать—правда это, или нѣтъ.

— А самъ эмиръ гдѣ?

— Въ Ура-тепе, говорятъ, живетъ.

— Бараны чьи, которыхъ мы взяли?

— Эти бараны были киргизскіе,—эмиру нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

Этотъ довольно красивый шестнадцатилѣтній юноша такъ понравился генералу, что онъ приказалъ его помѣстить у себя, вымыть въ банѣ и одѣть на него свою рубашку. Прислуга генерала была однако постоянно недовольна этимъ мальчуганомъ и жаловалась мнѣ на него, будто онъ очень шалитъ. Несомнѣнная привязанность этого персіянина ко всѣмъ намъ убѣдила насъ, что онъ не вздумаетъ снова бѣжать отъ насъ къ бухарцамъ; такъ что, уѣзжая въ Ташкендъ, генералъ не счелъ за нужное оставлять этого мальчика подъ конвоемъ. Понятное дѣло, что я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

До Кавунчи мы доѣхали великолѣпно; здѣсь расположились позавтракать въ тѣни деревьевъ. Въ это время подъѣхалъ транспортъ съ кибиточнымъ сборомъ изъ Чимкенда, и начальникъ чимкендскаго района, г. Южаковъ, представлялъ генералу джигитовъ, составлявшихъ его конвой.

Въ Зенги-атахъ генералъ бросалъ народу деньги, а народъ кидался подбирать ихъ. За Зенги-атами въ садахъ насъ встрѣтили ташкендскіе сарты съ начальникомъ ихъ Сѣровымъ, который былъ въ мундирѣ; словомъ въѣздъ въ цитадель былъ чрезвычайно эффектный. Сарты поздравили Романовскаго съ побѣдою.

— То ли будетъ!—отвѣчалъ имъ ласково генералъ и спросилъ Сеидъ-Азима, какъ идетъ продажа барановъ? Тотъ отвѣчалъ, что продажа идетъ плохо; такъ какъ бараны заморены, то ихъ никто не желаетъ покупать дороже двухъ съ полтиной, да и то въ долгъ.

— Скажите ему, что я во всемъ полагаюсь на него,—пусть онъ продаетъ какъ хочетъ.

Потомъ мы всѣ разошлись по домамъ.

Утромъ слѣдующаго дня толпы народа стояли около бассейна, находившагося передъ губернаторскимъ домомъ. Въ крытой террасѣ сидѣли почетные сарты; на эту террасу вынесли столъ, заваленный подарочными вещами, и кресло для генерала; наконецъ появился и самъ генералъ. Онъ поздоровался со всѣми; всѣ поздравили его съ побѣдой, и онъ началъ раздавать подарки. Первый подарокъ, самоваръ накладнаго серебра, достался Сеидъ-Азиму, второй, почетный зеленый бархатный халатъ, былъ надѣтъ на какого-то муллу, рекомендованнаго Сеидъ-Азимомъ. Потомъ были розданы разныя шкатулки съ музыкой, серебряныя вещи и купленные на базарѣ халаты; послѣднихъ было роздано больше всего. Казы-келяну ничего не было дано за то, что онъ не приложилъ печати къ адресу, посланному къ генералу; а онъ не приложилъ ее потому, что въ бумагѣ упоминалось «благословенное письмо ваше» †), что онъ и объяснялъ генералу, будто бы онъ требовалъ исправленія редакціи письма, а заклятый врагъ его Сеидъ-Азимъ, не исправивши, отправилъ это письмо въ отрядъ. Потомъ генералъ сталъ дѣлать намеки Казы-келяну, что онъ состарился, что у него мозгу мало въ головѣ, что голова покоя проситъ. Казы-келянъ обратился къ народу, требуя у него подтвержденія генеральскихъ словъ. Народъ закричалъ: «нѣтъ, ты годишься для насъ, мы тобою чрезвычайно довольны»

На другой день мы дѣлали визиты сартамъ, Сеидъ-Азиму и Шерафію. На улицахъ вовсе не было народа, на базарѣ было почти пусто, когда мы проѣзжали верхами. Признаться, я боялся дотронуться до кушаній, опасаясь, чтобы не было гдѣ положено отравы; но, слава Аллаху, тутъ ничего не было. На третій день генералъ уѣхалъ въ отрядъ, а пріѣхалъ графъ В—ъ Д—ъ праздновать 17-е апрѣля. Этотъ день былъ отпразднованъ великолѣпно: — днемъ обѣдали сарты за общимъ столомъ съ нами, вечеромъ былъ данъ графомъ В—ъ Д—ъ балъ съ иллюминаціею, около которой толпился народъ.

Потомъ мы ѣздили въ гости къ Сеидъ-Азиму и Шерафію. На этотъ разъ я уже не опасался и перепробовалъ всѣ угощенія у Сеидъ-Азима, такъ что для шерафіевыхъ снадобій не было свободнаго мѣста въ желудкѣ. Мы возвращались отъ Шерафія новыми улицами и садами ташкендскими. Улицы были прямыя и широкія, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были нагромождены арбы, мѣшавшія намъ проѣхать. Потомъ мы выѣхали къ русской крѣпости и по шоссе возвратились въ цитадель. Къ вечеру насъ уже не было въ Ташкендѣ. Мы ѣхали въ отрядъ на подставныхъ артиллерійскихъ лошадяхъ. Не доѣзжая верстъ трехъ до Чиназа, при спускѣ съ горы, графъ В—ъ Д—ъ сломалъ себѣ ногу; мы остановились, срубили два дерева, перевязали возжами, сдѣлали носилки и, подложивши войлокъ подъ графа, понесли его на себѣ. Переноска больного на такихъ импровизированныхъ носилкахъ шла довольно медленно, такъ что, посланный въ отрядъ,

---

†) Мубарекъ хатыгызъ.

казакъ успѣлъ надѣлать тамъ тревоги, разбудилъ докторовъ Покрышкина и Никитникова, которые скакали намъ на встрѣчу, не доѣзжая версты до Чиназа.

Въ Чиназѣ въ комнатѣ коменданта вправили кость и сдѣлали гипсовую перевязку. Черезъ день графа перевезли въ отрядъ, но оставили на этой сторонѣ Сыръ-Дарьи, такъ какъ тутъ воздвигалась новая крѣпость. Я по обязанности жилъ на той сторонѣ съ генераломъ.

Въ это время число лазутчиковъ увеличилось, и они сообщали все невѣроятно-грозныя извѣстія. Появились шайки и на нашей сторонѣ Сыръ-Дарьи около Креучи́, которыя волновали народъ чанычкулынскій и требовали отъ него, чтобы онъ возсталъ. Бій чанычкулынскаго рода, Мулла Сафаръ, жилъ у насъ въ отрядѣ въ качествѣ вожака; онъ же водилъ отрядъ и въ баранье дѣло, за что получилъ отъ генерала халатъ и сотню барановъ. Слѣдствіемъ бараньяго дѣла было сожженіе Сыдыкъ турею саксаула, заготовленнаго для нашихъ пароходовъ, нападеніе на пароходы и волненіе чанычкулынскаго рода. Несчастные чанычкулинцы *должны были* возстать, потому что извѣстна пословица про чанычкулинцевъ, что они служатъ ста государямъ. Казаки, ѣхавшіе съ транспортомъ, услыхали стонъ въ кустахъ около дороги, заглянули туда и наткнулись на пятерыхъ-шестерыхъ киргизъ, грабившихъ нашего джигита. Они поймали двоихъ киргизъ и притащили ихъ въ лагерь, одного всего израненнаго, другаго цѣлаго и невредимаго; раненаго положили въ госпиталь, здороваго сдали ротѣ. Онъ не прошелъ однако мимо меня, — я отбиралъ у него показанія, которыя вовсе не интересны. Нашъ же джигитъ былъ такъ сильно хваченъ по головѣ, что ополоумѣвшій былъ также отданъ на попеченіе врачей. Израненнаго киргиза, по приказанію генерала, повѣсили въ базарный день въ Чиназѣ.

Я каждый день ѣздилъ на ту сторону къ графу. Разъ какъ-то я пріѣхалъ и нашелъ тамъ бухарскихъ пословъ отъ эмира. Я спросилъ у нихъ пи́сьма, но они отказались мнѣ дать ихъ, такъ какъ обязаны были вручить ихъ лично генералу. Генералъ приказалъ поставить для нихъ палатку около парохода и вечеромъ, когда стемнѣетъ, просить посланника къ нему. Я въ шлюпкѣ переѣхалъ на другую сторону и сдѣлалъ распоряженіе согласно съ наставленіемъ генерала.

Съ послами пріѣхалъ, какъ оказалось, возившій наше письмо къ эмиру. Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Вступивъ по волѣ моего Государя въ исправленіе должности военнаго губернатора Туркестанской области и командующаго въ ней войсками, на мѣсто генерала Черняева, вызываемаго по дѣламъ службы въ С.-Петербургъ, считаю долгомъ васъ о томъ увѣдомить.

«Назначеніе это даетъ вашему высокостепенству полную возможность показать, какими соображеніями руководствуетесь вы въ дѣйствіяхъ вашихъ по отношенію къ Россіи, т. е. имѣете ли вы намѣреніе вести съ нами войну, или дѣйствія ваши происходятъ вслѣдствіе недоразумѣній вашихъ лично съ генераломъ Черняевымъ.

«Если вы желаете войны, то и переговариваться конечно нечего,—дѣлайте, что знаете,—я же буду поступать согласно долгу, на военномъ начальникѣ лежащему, т. е. такъ же, какъ уже вынужденъ былъ на дняхъ поступить съ вашею конницею,

позволившею уже при мнѣ сдѣлать нападеніе на войска моего Государя и производящею возмущеніе и безпокойство въ краѣ, находящемся подъ Высочайшимъ покровительствомъ Бѣлаго Царя.

«Обратите при этомъ вниманіе, что, не дозволяя возвратиться чиновникамъ, посланнымъ къ вамъ генераломъ Черняевымъ, вы наносите тѣмъ оскорбленіе всѣмъ русскимъ.»

Но вотъ заревая ракета пушечная,—значитъ мнѣ было время ѣхать съ посломъ къ генералу. Я велѣлъ подвести шлюпку къ пароходу и пригласилъ посланника сѣсть на нее. Перебравшись на другую сторону, мы отправились къ генералу, у котораго уже стояли на столѣ азіятскія угощенія, и который прогуливался по бесѣдкѣ, ожидая насъ. Я ввелъ посла; генералъ подалъ ему руку и просилъ садиться. Посолъ сѣлъ и совершилъ по мусульманскому обряду молитву, потомъ подалъ письмо, которое генералъ отдалъ мнѣ, и начались разговоры. Какого они были содержанія, я не помню, только далеко не политическаго. Помню только, какъ-то разъ бухарскій посланникъ намекнулъ генералу, что онъ имѣетъ полномочіе выслушать отъ него всѣ его желанія, чтобы передать ихъ эмиру, и что объ этомъ упомянуто даже въ письмѣ: «Посмотри-ка, прочитай», сказалъ мнѣ посланникъ. Я развернулъ и началъ читать письмо; вдругъ генералъ прихлопнулъ это письмо рукою, покачалъ головой и сказалъ:

— «Какой же вы плохой дипломатъ; вы должны оказать полное пренебреженіе къ письму эмира, а вы его теперь же читаете.» Я, конечно, оставилъ чтеніе письма, не дожидаясь дальнѣйшей вспышки генерала. Посланникъ былъ отпущенъ; онъ зашагалъ безъ церемоніи по сидѣнью, сдѣланному изъ дёрна и накрытому коврами. У переправы я сдалъ его переводчику Боукаеву. На другой день генералъ принималъ бывшаго нашего посланнаго къ эмиру; благодарилъ, обласкалъ его и наградилъ ста цѣлковыми и халатомъ. Послы провели у насъ недѣли двѣ; днемъ я находился при нихъ, а по ночамъ Боукаевъ. Черезъ нѣсколько дней они начали меня бить по спинѣ и трепать по плечу, замѣчая, что мы ихъ хотимъ задержать такъ же, какъ наши посланники задержаны у эмира. Я увѣрялъ ихъ, что все это вздоръ, что они говорятъ, что мы въ нихъ не нуждаемся, что это только ихъ нелюбезный владыка могъ сдѣлать съ послами. Каждый вечеръ, когда я являлся къ генералу, онъ спрашивалъ меня, что дѣлаютъ мои паціенты; я ему отвѣчалъ, что они просятся ѣхать домой. Письмо къ эмиру было давно написано, переведено и запечатано. Генералъ спрашивалъ: «что же вы имъ отвѣчали?» Я отвѣчалъ, что вы не можете принять ихъ потому, что письмо пишете въ Петербургъ, что вы заняты очень.

Караулъ бекъ—такъ звали главнаго посланника—былъ человѣкъ лѣтъ восьмидесяти, но недавно женившійся и скучавшій по своей молодой женѣ. Второй былъ Мулла Ирза бекъ, молодой парень, большой фанатикъ и патріотъ эмировскій; третій былъ ходжендецъ Наджмеддинъ ходжа, который, вѣроятно, былъ приставленъ къ посольству въ качествѣ соглядатая. При нихъ было два человѣка прислуги: одинъ—бадахшанецъ, невольникъ, а другой—сынъ персіянина, невольника. Двое послѣднихъ не очень-то хвалили правленіе эмира и были бы готовы остаться у насъ, если-бы получили на это наше согласіе. Палатка была разбита близь самаго берега Сыръ-Дарьи, такъ-что справа находилась

пристань парохода «Сыръ-Дарья», а слѣва — парохода «Перовскій». Бухарцы ходили совершать омовеніе на Сыръ-Дарью, и имъ чрезвычайно хотѣлось увидать, какъ бѣгаютъ пароходы. Нерѣдко они подолгу стояли на берегу, вглядываясь въ устройство невѣдомой для нихъ силы, но ничего не могли ни сообразить, ни понять; нерѣдко и я подходилъ къ нимъ и заставалъ ихъ, сидѣвшими на корточкахъ, въ этомъ глубочайшемъ умосозерцаніи.

— *Инъ-атешъ-кюмэ-эстъ?* (это пароходъ?) спрашивали они меня.

— Да, пароходъ; а вонъ тамъ другой, — отвѣчалъ я имъ, указывая на лѣво.

— *Аджаибъ* (удивительно), продолжали они. Правда-ли, туря, мы слыхали, будто бы такой пароходъ бѣжитъ въ часъ 100 верстъ?

— А вамъ хотѣлось бы видѣть, какъ онъ бѣгаетъ? — Я спрошу генерала, можетъ быть, онъ позволитъ вамъ показать.

— Спроси, пожалуйста; это чрезвычайно интересно, — закричали послы и начали между собою разговаривать о томъ, позволитъ онъ имъ прокатиться, или нѣтъ.

Я сказалъ объ этомъ генералу, и онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пароходъ «Перовскій», снабженный музыкантами, пѣсенниками и разными лакомствами азіятскими, на другой день развелъ пары и прокатилъ посланниковъ. На другой день я объявилъ это посламъ; тѣ остались чрезвычайно довольны такимъ предложеніемъ. Мы вошли на пароходъ «Перовскій», гдѣ было очень много офицеровъ. Посланники поздоровались со всѣми офицерами и взошли на трапъ. Пароходъ тронулся; быстро мы ѣхали внизъ по Сыръ-Дарьѣ. Погода стояла чудесная, музыка гремѣла; когда переставала музыка, пѣсенники орали во все горло. Вдругъ тревога, и изъ люка выскакиваетъ цѣлая рота солдатъ.

— Это что такое, откуда это они?—закричали бухарцы.

Началась стрѣльба изъ ружей, изъ пушекъ; конечно, все было произведено холостыми зарядами. Потомъ мы спускались внизъ разсматривать машину. Бухарцы были поражены— они никогда не видали такого дива; что мудренаго, когда переводчикъ оренбургскаго генералъ-губернатора увидалъ пароходъ въ первый разъ въ фортѣ № 1-й на Сыръ-Дарьѣ и бѣгалъ тихонько осматривать его, чтобы штабные офицеры не узнали объ этомъ и не подняли его на смѣхъ. Мы показывали посламъ, какъ пароходъ свиститъ; они спрашивали, отчего этотъ свистъ происходитъ. «Шайтанъ», говорили они.

— Вотъ этой ручкой—говорю я—нажмутъ черту хвостъ,— онъ и свиститъ.

Они хохотали наивнымъ ребяческимъ хохотомъ. Пора было возвращаться домой. Пароходъ вверхъ по Сыръ-Дарьѣ шелъ гораздо тише; слѣдовало бухарцевъ упрятать въ каюту, и я пригласилъ ихъ туда, предложилъ чаю и разныхъ сластей.

— А кто это изобрѣлъ пароходъ?— спросилъ меня посланникъ.

— Одинъ мужичекъ,—отвѣчалъ я,— котораго звали Фультономъ.

— Какъ?—заоралъ посолъ.

— Фультонъ,— крикнулъ я громче прежняго.

— Э, нѣтъ, ты ничего не знаешь,— сказалъ, съ упрекомъ качая головой, посланникъ — Это *Афлатýнъ* (Платонъ), греческій мудрецъ, выдумалъ его.

— Какой греческій мудрецъ?! Фультонъ,—говорилъ я, стараясь разубѣдить его въ этой догадкѣ.

— Афлату́нъ, Афлату́нъ,—кричалъ посланникъ.

Потомъ начальникъ парохода предложилъ намъ свой стереоскопъ; я вставлялъ картины и объяснялъ посланнику.

— Это Истамбулъ,—говорилъ я, показывая ему видъ Константинополя.

— А гдѣ Ая Софія?—спрашивалъ онъ меня.

— Вотъ это, — сказалъ я, указывая на первую попавшуюся па глаза мечеть. Стереоскопъ былъ чрезвычайно богатъ видами городовъ. Когда всѣ города были ими разсмотрѣны, я вставилъ въ стереоскопъ раздѣтую женщину въ соблазнительной позѣ.

— Вотъ это городъ,— началъ я говорить, — имя котораго я забылъ.—Посланникъ сталъ всматриваться и улыбаться.

— Ты говоришь городъ, — обратился онъ ко мнѣ, заглядывая за стереоскопъ, не спряталась ли тамъ женщина.

— Да, городъ, — отвѣчалъ я. Картина была прозрачная, такъ что тѣло женщины имѣло натуральный цвѣтъ.

— *Бибинъ чечизъ эстъ? Шайтанійетъ* (посмотри, что это такое? Навожденіе дьявольское),—сказалъ онъ, передавая стереоскопъ первому послѣ себя.

— Ха ха ха, да это голая женщина,—сказалъ тотъ, передавая стереоскопъ послу. — Скажи пожалуйста, Фитри Иванычъ, развѣ у васъ позволяютъ хорошія женщины срисовывать себя въ голомъ тѣлѣ и въ такомъ видѣ?

— Нѣтъ, порядочныя женщины не позволяютъ этого съ собою дѣлать.

— Какже, вотъ эта женщина мнѣ кажется очень хорошей; — развѣ она развратна?

— Конечно, — отвѣчалъ я.

Осмотръ стереоскопа продолжался почти вплоть до пристани. Были забыты и, чай и сладости. Потомъ я повелъ ихъ на палубу, куда перенесли и угощеніе, чтобы они послушали пѣсенниковъ и музыкантовъ. Прислуга посольства, остававшаяся все время на верху, такъ подружилась съ музыкантами, что перещупала всѣ ихъ трубы и рожки. Когда мы поднялись на верхъ, прислуга объявила намъ, что она любовалась берегами, покрытыми сбѣжавшимися туда киргизами.

— Что, музыка хороша?—спрашивалъ я у посланника.

— Лучше не надо,—отвѣчалъ онъ съ задушевнымъ самодовольствомъ.

Кой чертъ, подумалъ я, не надо; здѣсь еще нѣтъ полковой музыки, а только сигнальные рожки и множество барабановъ. Я подвелъ бухарцевъ къ пѣсенникамъ и спросилъ ихъ, хороши ли пѣсенники?

— Очень хороши,—отвѣчали они.

— Скажите, — спросилъ я ихъ, — что еслибы эмиръ увидалъ наши пароходы, вѣдь онъ вернулъ бы черняевскихъ посланниковъ и пересталъ бы думать о войнѣ съ нами?

Посланникъ самъ молчалъ, а другіе отвѣчали: «бяли, бяли» (да, да). Наконецъ мы подъѣхали къ пристани. Когда посланникъ выходилъ съ парохода и прощался съ командиромъ, то сказалъ только: «хэйли разы́ э́стемъ» (чрезвычайно доволенъ)!

На слѣдующій день предстояло освященіе новой крѣпости, названной генераломъ «Новый Чиназъ», и бухарцы присутствовали при обходѣ священника и генерала вдоль крѣпостныхъ стѣнъ съ водосвятіемъ. Изъ пушекъ съ новой крѣпости, въ отрядѣ

и съ пароходовъ было произведено болѣе двухъ сотъ выстрѣловъ. Бухарцы все это видѣли и слышали, но имъ не вѣрилось, чтобы эти выстрѣлы раздавались въ отрядѣ по случаю освященія крѣпости; они подозрѣвали, не бухарцы ли тамъ бушуютъ. Я имъ замѣтилъ на это, что если эмиръ не возвратитъ чиновниковъ, то мы угостимъ его хорошимъ свинцовымъ пловомъ. Показывалъ имъ свой револьверъ; «подари», запросили всѣ у меня, но я не могъ подарить этого револьвера, такъ какъ непріятелю оружія не дарится.

Не знаю, какія высшія соображенія заставляли генерала удерживать бухарцевъ; ихъ слѣдовало бы всѣхъ давно отпустить, а они прожили у насъ до 2-го мая. Поджидалъ ли генералъ подкрѣпленій, или что-нибудь другое заставляло его ихъ держать при себѣ и спрашивать меня каждое утро: «что мои паціенты подѣлываютъ?» Онъ велѣлъ имъ отвѣчать, если бухарцы еще меня спросятъ, когда ихъ отпустятъ, что не переведено еще письмо къ эмиру, и что этою ночью я буду его переводить.

Мнѣ ничего не значило соврать бухарцамъ такъ, какъ приказывалъ генералъ. Они расхохотались, и посланникъ, потрепавши меня по спинѣ, сказалъ мнѣ:

— Ты, душа моя, постарайся пожалуйста ночью-то перевести письмо.

— Ладно, ладно,—отвѣчалъ я,—только съ условіемъ, чтобы вы свезли отъ меня къ нашимъ посламъ письмо.

— Хорошо, хорошо, свеземъ; что мы обѣщали, то сдѣлаемъ, — только пиши по персидски и дай намъ незапечатанное.

Я имъ обѣщалъ написать письмо и отдать имъ на этихъ условіяхъ, но генералъ не согласился почему-то. Я хотѣлъ написать въ такомъ родѣ: «Любезному моему другу NN много поклоновъ посылаю. Матушка ваша вамъ кланяется, и сестры вамъ кланяются. *Химическія* вамъ кланяются, *чернила* вамъ кланяются, *нагрѣйте* вамъ кланяются, *на свѣчкѣ* вамъ кланяются и т. д.» А между строкъ думалъ написать имъ о моемъ горячемъ сочувствіи, о пріѣздѣ сюда новаго генерала и о мѣрахъ, которыя принимаются къ скорѣйшему ихъ освобожденію. Почему было не отправить такого письма, я не знаю; былъ ли это капризъ генерала, или непозволеніе, на чемъ-нибудь основанное.

Наконецъ наступилъ день пріема. Я бухарцевъ утѣшилъ, что они завтра утромъ уѣдутъ.

Они, признаться, почему-то плохо вѣрили.

Къ вечеру, когда генералъ окончилъ свои занятія, онъ попросилъ меня привести къ себѣ пословъ.

Я вышелъ изъ палатки и отправился къ посламъ. Темнота была ужасная; зги не было видно, какъ вообще бываетъ въ южныхъ краяхъ ночью. Спотыкаясь, я добрелъ до палатки посланниковъ, которые потеряли уже надежду, что будутъ сегодня приняты.

— Пойдемте поскорѣе: генералъ васъ ждетъ,—сказалъ я.

Самъ посланникъ располагалъ было уже на боковую и снялъ поэтому сапоги. Въ палаткѣ началась возня, хлопоты, сборы.

— Господи, ночью зовутъ,—говорилъ посланникъ,—ка́къ бы не было чего худаго! развѣ время звать посла ночью? Пойдемъ, я отдаюсь подъ твою защиту; пока ты живъ, *инша-алла́* (если Богу угодно), и я буду живъ.

Я повелъ ихъ всѣхъ, числомъ пять человѣкъ, къ генералу. Они спотыкались на каждомъ шагу, такъ какъ тутъ, по случаю постройки крѣпости, были многія неровныя мѣста. Наконецъ мы пришли къ генералу; три чиновника бухарскихъ сѣли на стулья, а два человѣка ихъ расположились на полу; подали чай, и началась бесѣда.

Потомъ были розданы подарки посланникамъ, и они были отпущены на покой съ обѣщаніемъ дать имъ возможность уѣхать къ эмиру завтра.

На другой день чуть свѣтъ меня разбудили, подавая мнѣ письмо къ эмиру. Я переправился на лодкѣ на другую сторону и засталъ пословъ уже готовыми къ отправленію.

Я посадилъ ихъ въ шлюпку и перевезъ на ту сторону, гдѣ мы ждали долго на берегу, пока перевозили ихъ лошадей на паромѣ.

Имъ всѣмъ завязали глаза, посадили ихъ верхомъ на лошадей и отправили мѣрнымъ шагомъ подъ казачьимъ конвоемъ, подъ начальствомъ графа Т — аго. На полдорогѣ у секретаря посланника повязка спадывала съ глазъ; онъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «ой, спадетъ, спадетъ повязка!» Ему ее снова перевязали.

Нужно замѣтить, что я напугалъ бухарцевъ, сказавши имъ, что они проѣдутъ черезъ отрядъ съ завязанными глазами, но что если у кого-нибудь повязка спадетъ, то легко можетъ случиться, что его убьютъ.

Дозволено Цензурою.

Съ натуры рисов. Д. Вележевъ.

Литогр. Беккера и К°.

ШЕРАПХАНЪ

Станція между Чимкендомъ и Ташкендомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ТАШКЕНДЪ.

огда бухарцевъ проводили, я свалился въ постель и захворалъ. Докторъ Покрышкинъ нашелъ у меня разстройство нервовъ. На другой день послѣ полудня переѣхалъ на нашу сторону генералъ и зашелъ ко мнѣ со всѣмъ штабомъ; поздоровался со мною, пожалѣлъ о моей болѣзни и предложилъ мнѣ, не хочу ли я ѣхать въ Ташкендъ отдохнуть, такъ какъ посольства больше не ожидается.

— Вы тамъ займетесь разведеніемъ цвѣтника,—говорилъ онъ, — и отдохнете; вамъ отдыхъ необходимъ.

Я обрадовался такому предложенію и на другой день утромъ устроилъ свой отъѣздъ. До другаго утра приходилось ждать, пока подставныя артиллерійскія лошади приведутся въ Кавунчй. Я взялъ у графа Т—аго телѣгу и переправился съ ней на тотъ берегъ, чтобы тамъ переночевать. Это происходило въ сумерки. Входя въ Новый Чиназъ, я встрѣтилъ на дорогѣ Романовскаго съ К—нымъ.

— Это вы? — окликнулъ меня генералъ.

— Это я — отвѣчалъ я и пошелъ къ графу. У него были посѣтители, и мнѣ не привелось съ нимъ поговорить. Въ это время явился человѣкъ отъ генерала и сказалъ мнѣ, что если я желаю видѣть его, то онъ находится въ столовой палаткѣ. Это была не палатка, а довольно большаго объема шалашъ, сложенный изъ камышей, съ окошками. Я отправился къ генералу. Генералъ сидѣлъ съ адъютантомъ оренбургскаго генералъ-губернатора, К—нымъ, и пилъ чай.

— Не хотите ли чайку напиться съ нами?—сказалъ онъ.

Я поблагодарилъ его за такое предложеніе.

Онъ мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ Ташкендъ, говоря, что мое присутствіе тамъ необходимо для разведенія цвѣтника, и что онъ разведеніе цвѣтовъ не почитаетъ дѣломъ забавы, а дѣломъ весьма важнымъ для благоустройства края.

Я вышелъ отъ генерала и отправился къ Покрышкину ночевать. Тамъ еще было убито много времени на разговоры; такъ что я заснулъ не раньше часа.

На зарѣ меня подняли, и я, напившись чаю и захвативши съ собою персіянина, бѣжавшаго изъ Бухары, отправился въ Кавунчи. Пробывши недолго въ Кавунчи, мы отправились дальше въ Ташкендъ и пріѣхали туда часа въ два дня. Остановиться было негдѣ, такъ какъ квартира Краевскаго была занята вновь пріѣхавшими офицерами. Мнѣ отвели новую квартиру противъ дома Краевскаго, гдѣ были ханскія бани. Обстановить эту квартиру я долго не могъ, потому что здѣсь приходилось все вновь заказывать солдатамъ; а они работаютъ не скоро.

На другой день раннимъ утромъ пришли ко мнѣ кашмирцы поздравить, какъ они говорили, съ пріѣздомъ и побесѣдовать, такъ какъ ихъ тутъ мало-кто понимаетъ. Потомъ они начали ходить ко мнѣ каждое утро. Въ это время, пользуясь ихъ велерѣчіемъ, я записалъ ихъ разсказы объ ихъ родинѣ. Эти разсказы были помѣщены въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества» за 1867 годъ, № 6. Разговоръ ихъ былъ полу-персидскій, полу-индійскій, хотя они и считали себя суннитами. Они вообще не сходились съ здѣшними ташкендцами, бранили ихъ очень за ихъ характеръ, за ихъ склонность ко лжи и за ихъ лицемѣріе. У нихъ почти никого не было знакомыхъ въ Ташкендѣ, и они проводили дни или у себя въ палаткѣ, или въ караванъ—сараѣ индусовъ. Они были увѣрены въ нашей побѣдѣ, хотя нѣкоторые ташкендцы и говорили, что бухарцы насъ расколотятъ,—имъ какъ-то не вѣрилось въ это. Скоро я сдѣлался въ Ташкендѣ домовладѣльцемъ: я купилъ домъ у аудитора за триста рублей серебромъ; домъ замѣчательный: въ немъ жилъ Алимкулъ, извѣстный кокандскій герой. Онъ состоялъ собственно изъ трехъ комнатъ, считая въ томъ числѣ и переднюю. Рядомъ протекалъ арыкъ, въ который всѣ ходили купаться, такъ какъ тутъ была придѣлана лѣстница; а въ другихъ мѣстахъ ничего не было. Небольшой дворикъ съ четырьмя огромнѣйшими тополями составлялъ все хозяйство. За арыкомъ находилась кухня и конюшня на два стойла; къ нимъ велъ мостикъ, перекинутый черезъ арыкъ. Замѣчательно, что въ этой же квартирѣ Алимкула обмывали мертваго, и женщины проливали слезы сожалѣнія. Здѣсь жилъ новый Александръ Македонскій, или желавшій сдѣлаться имъ; онъ думалъ или пасть въ бою, или завоевать полсвѣта; случилось первое, чего можно было ожидать при кокандскомъ недисциплированномъ войскѣ.

Между тѣмъ разнесся слухъ, что поймали лазутчика съ воззваніемъ эмира. Сѣровъ, у котораго я обѣдалъ каждый день, подтвердилъ это и показалъ мнѣ самое письмо эмира, прося перевести его, такъ какъ оно было написано поперсидски, и я перевелъ. Эмиръ писалъ слѣдующее:

«Онъ (т. е. Богъ), вѣчноживущій.

«Да будетъ извѣстно всѣмъ сеидамъ, сановникамъ, военнымъ и преданнымъ намъ потомкамъ пророка; ученымъ, начальникамъ частей, аксакаламъ и другимъ большимъ и

малымъ чинамъ четырехъ частей Ташкенда, слѣдующее мое милостивое царское слово: я приказалъ идти въ Ташкендъ по пути побѣды моимъ командирамъ: Абдуль Гаффаръ бекъ бію диванъ беги, Ходжа Назаръ бію, Мухаммедъ Гуссейнъ бію, Абдуль Халикъ хану, Худай Бирды минъ ага-башію, Абдуль Вагабъ беку минъ ага-башію, Умаръ беку минъ ага-башію, Миръ Бабѣ минъ ага-башію, Туксабѣ Мулла Гедаю, Туксабѣ Мирзѣ Абдуллѣ и Туксабѣ Курбану. Вы же, въ сердцахъ вашихъ, не сходя съ пути вѣрности къ вѣрѣ и къ единовѣрцамъ, разомъ (неожиданно) казните людей, преданныхъ невѣрнымъ, впустите въ Ташкендъ моихъ командировъ и составьте единое тѣло. Не сомнѣвайтесь и, не теряя времени, впустите ихъ; если же найдете къ этому какія-нибудь препятствія, то немедленно напишите мнѣ. 1282 года. На печати изображено: Эмиръ Сеидъ Музаффаръ.»

Этотъ переводъ былъ сдѣланъ мною 12-го мая и отправленъ къ генералу. Лазутчикъ сидѣлъ запертымъ въ амбарѣ. Сколько ни стращалъ его начальникъ населенія, однако не могъ ничего выпытать больше, кромѣ того, что онъ былъ присланъ отъ Рустемъ бека въ городъ, чтобы показать это письмо жителямъ; а кому именно, не было сказано, и что, какъ онъ пришелъ въ городъ, такъ и попался въ наши руки. Потомъ былъ заарестованъ еще другой лазутчикъ, который разсказывалъ на базарѣ, будто эмиръ успѣлъ овладѣть Туркестаномъ, приговаривая при этомъ: «*альхамду лилляги* (слава Богу): теперь останки покойнаго святителя въ рукахъ правовѣрныхъ.» Этого лазутчика приводили ко мнѣ на допросъ, и сколько я его ни допрашивалъ, онъ мнѣ больше ничего не говорилъ; просилъ только послѣ каждаго допроса поѣсть хлѣба, что ему на гауптвахтѣ не даютъ, и пожиралъ его съ аппетитомъ.

На основаніи такихъ и тому подобныхъ слуховъ въ Ташкендъ было рѣшено никого не впускать и изъ города въ цитадель также; солдатамъ не позволялось ходить въ городъ пить бузу, приказано было отправляться за покупками вооруженными партіями.

Въ Ташкендѣ находилось больныхъ солдатъ 170 человѣкъ, да работало въ мастерскихъ человѣкъ сто, въ деньщикахъ было человѣкъ до пятидесяти, а всего гарнизона считалось вмѣстѣ съ вышеприведенными до 500 человѣкъ. Комендантъ ташкендскій Жемчужниковъ жилъ въ русской крѣпости, пріѣзжалъ по временамъ Г—кинъ изъ своего летучаго отряда и разсказывалъ, какъ онъ наткнулся на Ишбуту́ и какъ Ишбута̀ былъ близокъ отъ его отряда и какъ онъ приказалъ сдѣлать залпъ своей командѣ; команда слѣзла съ лошадей, сдѣлала первый залпъ,—мимо, второй—тоже мимо; и пока заряжали ружья въ третій разъ, Ишбута̀ успѣлъ скрыться, а сначала онъ былъ виденъ въ 70-ти верстахъ отъ отряда Г—кина.

— Ну, да кому быть повѣшену,—утѣшалъ себя Г—кинъ,—тотъ не можетъ быть убитъ изъ ружья.

Носились слухи, что Креучи́ была окружена десяти-тысячнымъ отрядомъ Рустемъ бека и что ихъ оттуда подчивали боевыми гранатами, которыя, падая на землю, не сразу лопались и не производили такимъ образомъ страха и бухарцы не отъѣзжали далеко отъ гранаты; но потомъ, когда она лопалась, бухарцы удирали, кто успѣвалъ, какъ можно подальше. У бухарцевъ былъ пущенъ слухъ, что мы надъ Креучи́ построили желѣзную крышу, чтобы не быть намъ самимъ въ опасности. Исторію о

желѣзной крышѣ и о лопаньи гранатъ среди бухарцевъ разсказывалъ пріѣзжій оттуда докторъ.

Въ это время ташкендскіе офицеры продолжали играть, по обыкновенію, въ карты, не обращая вниманія на то, что городъ бунтуетъ страшнымъ образомъ и что они находятся въ виду у бухарцевъ.

Дамы даже ничего и не знали; вдругъ прошла молва по Ташкенду, что была, дескать, стычка русскихъ съ бухарцами, и бухарцы бѣжали. Мы не смѣли повѣрить этому, такъ какъ изъ отряда не было никакихъ извѣстій. Но окрестности города очистились отъ шаекъ, и прискакалъ киргизъ съ приказомъ отъ генерала, что Господь благословилъ его побѣдою надъ эмиромъ бухарскимъ. Началась съ утра пушечная пальба съ крѣпости; молебна некому было служить, такъ какъ священникъ находился въ походѣ. Во время перваго выстрѣла многія дамы перепугались, полагая, что бухарцы напали на крѣпость.

Дѣло происходило 8-го мая, а извѣстіе пришло къ намъ чуть ли не 15-го. Вскорѣ пріѣхалъ и К—нъ, который отправлялся съ реляціею къ Государю Императору объ *Игриджарской побѣдѣ.* Въ отрядѣ бухарскомъ оказывалось до 1000 чел. пѣхоты, по большей части состоящей изъ плѣнныхъ персіянъ; нѣсколько орудій съ артиллеристами, находившимися подъ начальствомъ индѣйца Матра, командовавшаго прежде и кокандскою артиллеріею. Разговоры про побѣду поглощали все время. Дѣло происходило, по словамъ К—на, слѣдующимъ образомъ: бухарцы возвели укрѣпленіе угломъ внутрь, желая загнать насъ подъ свой артиллерійскій огонь и потопить всѣхъ въ Сыръ-Дарьѣ. Впереди шла колонна Абрамова, а кавалерія трогалась вправо, но когда кавалерія бросилась въ атаку, ошеломленные бухарцы проскакивали между нашей кавалеріей и пѣхотой взадъ и впередъ. Обозъ находился далеко отъ главнаго отряда; на него особенно напирали бухарцы,—но были отогнаны картечнымъ огнемъ артиллеріи. Пушки—говорилъ онъ—взяты громаднѣйшаго калибра съ надписями на нихъ. Онѣ были отправлены на пароходѣ вмѣстѣ съ палаткою эмира и вмѣстѣ съ другими трофеями побѣды въ Чиназъ; тамъ находился больной графъ. Мнѣ хотѣлось увидѣть и графа, и пушки, и—я въ компаніи доктора Суворова отправился къ графу. На этотъ разъ мы уже не мѣняли въ Кавунчи́ лошадей, а кормили прежнихъ и проѣхали всю дорогу великолѣпно. Цитадель Стараго Чиназа стояла нетронутою, съ висѣлицею на барбетѣ, обращенною къ базару; на этой висѣлицѣ погибъ киргизъ, повѣшенный по конфирмаціи генерала. Графъ былъ, повидимому, доволенъ нашимъ пріѣздомъ. Мы уговаривали его отправиться съ нами въ Ташкендъ; онъ согласился, и на другой же день уѣхалъ изъ Чиназа.

Я осматривалъ пушки, привезенныя съ Игриджара; одна пушка была вылита изъ красной мѣди, непомѣрной длины и толщины; называлась она *туби дуръ андазъ*, что обозначало «пушка далеко стрѣляющая.» Когда я прочиталъ это названіе и объяснилъ его, солдаты начали называть пушку *дурандасомъ.* Тутъ же была другая пушка средней величины, литая изъ желтой мѣди. Всѣ эти пушки кокандскаго происхожденія и вылиты при Малля ханѣ. Палатки лежали свернутыми; я хотѣлъ одной воспользоваться, но нельзя было, потому что онѣ всѣ были въ счету и куда-то предназначались. За три рубля я пріобрѣлъ маленькую палатку отъ отца Побѣдоносцева, который жилъ въ это время въ Чиназѣ на берегу Сыръ-Дарьи подъ палаткою съ офицерами

стоявшей тутъ флотиліи. Я соблазнилъ и батюшку ѣхать съ нами. На слѣдующій день мы выѣхали рано и пріѣхали въ Ташкендъ къ обѣду. За нами же была привезена и палатка эмира. Потомъ дня черезъ два комендантъ попросилъ меня въ крѣпость на гауптвахту осмотрѣть плѣнныхъ и указать ему, которые изъ нихъ были персіяне, чтобы выпустить ихъ на свободу. Всѣ плѣнные оказались персіянами, кромѣ одного, именовавшаго себя Матрою и индѣйцемъ; Матра также былъ освобожденъ, какъ и всѣ персіяне,. и сдѣлался моимъ всегдашнимъ собесѣдникомъ. Я спрашивалъ персіянъ, кто ими начальствовалъ; они отвѣчали, что предводительствовалъ ими Аллаяръ ханъ. Генералъ въ своемъ донесеніи писалъ, что будто бы было найдено письмо Аллаяръ хана къ эмиру, въ которомъ первый увѣдомляетъ эмира, что онъ окружилъ русскихъ и что, хотя потеря его велика, потопитъ ихъ всѣхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ присылки мнѣ бумагъ, захваченныхъ у эмира, разсчитывая найти въ нихъ много интереснаго.

Разнесся слухъ, что Герасимовъ уже въ отрядѣ, и что послы наши уже пріѣхали въ Чиназъ. Разъ какъ то къ вечеру я встрѣтилъ у графа одного господина, вернувшагося изъ Бухары, именно Глуховскаго, который раньше другихъ пріѣхалъ сюда; онъ разсказывалъ о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ. На другой день рано утромъ мнѣ сказали, что пріѣхали и остальные. Я наскоро одѣлся и пошелъ въ домъ К. В. С—ве. Мы съ нимъ облобызались; онъ меня познакомилъ съ остановившимся у него полковникомъ Татариновымъ. Начались распросы съ обѣихъ сторонъ. Посланники вернулись въ сопровожденіи бухарскаго посольства, которое было помѣщено въ городѣ въ приличномъ домѣ на Ордынской улицѣ недалеко отъ цитадели.

Наконецъ и Ходжендъ былъ взятъ, и приходилось ожидать возвращенія генерала. Носились слухи, что онъ ѣдетъ съ другимъ посломъ эмира, присланнымъ къ нему еще до занятія Ходженда. Говорили, будто бы посолъ выбѣгалъ изъ палатки во время штурма Ходженда и кричалъ неистовымъ голосомъ: зачѣмъ мы штурмуемъ городъ, вѣдь послы возвращены уже, что по его понятіямъ обозначало конецъ войны.

Разнесся слухъ, что генералъ ѣдетъ. Назначенъ былъ почетный караулъ для его п—ства; сарты выѣхали за городъ встрѣчать его. День былъ жаркій, знойный; офицеры парились на солнцѣ въ своихъ мундирахъ и часто вытирали лбы, по которымъ текъ потъ.

Ѣдетъ, ѣдетъ, раздалось въ толпѣ. Толпа зашевелилась, но сперва проѣхало бухарское посольство и направилось прямо на второй дворъ генерала. Я узналъ въ посланникѣ бывшаго секретаря посольства, но не останавливалъ его, потому что слѣдовало дождаться генерала. Наконецъ пріѣхалъ и онъ, запыленный до невѣроятной степени. Офицеры разошлись, только остался комендантъ и начальникъ населенія, который жилъ тутъ же, въ губернаторскомъ домѣ. Коменданту были отданы какія-то приказанія на завтрашній день, и онъ удалился.

На другой день совершалась обѣдня съ благодарственнымъ молебномъ; послѣ молебна былъ небольшой смотръ.

Потомъ генералъ вернулся къ себѣ, позавтракалъ, сѣлъ на лошадь и отправился въ городъ, взявши въ числѣ свиты и Глуховскаго, который былъ боленъ и не могъ ѣздить верхомъ; онъ тащился въ тарантасѣ, запряженномъ тройкою маіора Чернова. Не успѣли мы выѣхать изъ цитадели, какъ трубы оглушили насъ совсѣмъ; это была кокандская

музыка, расположенная на площадкѣ передъ цитаделью. Изъ толпы выдѣлились два верховые пѣвца, которые поѣхали впередъ и начали орать пѣсни о любви къ вину и дѣвамъ. По улицамъ толпилась масса народа, выгнанная изъ домовъ, вѣроятно, по приказанію начальника населенія, которая поздравляла съ побѣдой, произнося медленно и глухо: «*мубарѣкъ башѣтъ* (да будетъ благословенна)!» Пѣсенники кричали во всю мочь; я ѣхалъ возлѣ нихъ, прислушиваясь къ ихъ оранью, и на замѣчаніе генерала, почему я ѣду впереди его, я отвѣчалъ, что слушаю пѣсенниковъ,—ужъ очень хорошо поютъ. Генералъ кидалъ цѣлковики, такъ что и старый и малый бросались на добычу: давка возлѣ генерала происходила ужасная. Звонъ бубенчиковъ, трескотня тарантаса и фырканье лошадей производили весьма непріятное впечатлѣніе, а пыль столбомъ увеличивала желаніе ѣхать подальше. Вдругъ раздалась музыка надъ самымъ моимъ ухомъ: огромнѣйшія трубы трубили: «гу-гу, гу-гу» или нѣчто въ родѣ этого; маленькіе барабанчики и сопѣлки выдѣлывали трели, не подходившія совсѣмъ къ первымъ.

— Скажите, пожалуйста, при ханѣ у васъ дѣлались такія вещи? — спросилъ я, обращаясь къ брату Сеидъ Азима, ѣхавшему возлѣ меня.

— *Гамишà* (постоянно), – отвѣчалъ онъ мнѣ

— А при генералѣ Черняевѣ бывали такія процессіи?

— Нѣтъ, при немъ не было такихъ шествій, отвѣчалъ мнѣ тотъ же Сеидъ Касымъ.

Повидимому, слѣдовало бы такія процессіи, которыя происходили при ханахъ, уничтожать совсѣмъ, чтобы въ памяти народной не оставалось о нихъ и воспоминанія.

Вотъ мы ужъ близко отъ Сеидъ-азимова переулочка. Народъ остановился на поворотѣ въ переулокъ и ждетъ генерала, который старается пробраться чрезъ толпу, бросавшуюся за цѣлковыми. Генералъ проѣхалъ прямо къ калиткѣ Сеидъ-Азима; я отправился за нимъ же. Больной Сеидъ-Азимъ суетился, хлопоталъ у себя дома въ свѣтло-сиреневомъ архалыкѣ. Когда мы вошли, онъ подалъ намъ руки и просилъ въ комнату; прихрамывая больной ногой, онъ вошелъ самъ въ свой покой; мы послѣдовали за нимъ. Свита была такъ велика, что не могла усѣсться вокругъ стола, заставленнаго угощеніями; многіе довольствовались только кумысомъ, который постоянно разносился въ полоскательныхъ чашкахъ. На столѣ ничего не было необыкновеннаго. Мы посидѣли у Сеидъ Азима и простились съ нимъ; онъ извинялся, что не можетъ насъ проводить до Шерафія, потому что его мучаетъ бухарскій *риштэ* †). Мы посмѣялись надъ нимъ и сказали, что эмиръ разбитъ и у Сеидъ Азима риштэ долженъ кончиться; онъ засмѣялся и сказалъ: «Божье дѣло,—не знаю отчего не кончается, когда эмиръ разбитъ!»

Процессія тронулась снова; пѣсенники заорали, музыка загремѣла, трубы, сопѣлки и маленькіе барабанчики загудѣли. Подъѣзжая къ базару, мы увидѣли огромнѣйшій оркестръ кокандскихъ музыкантовъ на крышѣ караванъ—сарая; этотъ оркестръ, увидавши насъ, поднялъ такое гугуканье и такой трескъ, какого мы еще прежде не слыхали.

---

†) Появленіе риштэ у Сеидъ Азима произошло черезъ годъ послѣ пребыванія его въ Бухарѣ отъ зерафшанской воды. Эта странная болѣзнь еще никѣмъ не изслѣдована; она состоитъ въ томъ, что въ тѣлѣ появляются черви довольно длинные. Въ Бухарѣ рѣдкій не испытываетъ этой болѣзни, кто тамъ побываетъ лѣтомъ.

Должно быть, онъ, будучи послѣднимъ изъ оркестровъ, хотѣлъ поразить насъ своей численностью. На базарной площади генералу угодно было кидать цѣлковики; поднялась страшная давка. Два музыканта—мы замѣтили это—слѣзли съ крыши караванъ—сарая и бросились къ рублямъ; давка, крикъ, плачъ, ревъ, шумъ задержали генерала на довольно продолжительное время въ этой—суматохѣ: нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать по людскимъ спинамъ и головамъ. На базарѣ всѣ лавки были отперты, возлѣ нихъ стояли хозяева ихъ, которые кланялись и глухо произносили: «мубарекъ башетъ»; только одинъ состарѣвшійся въ плѣну полякъ со вздернутыми на носу очками поднялъ руку къ фескѣ и закричалъ: «Здравія желаю, съ побѣдой поздравляю!» Онъ занимается здѣсь какимъ-то мастерствомъ и имѣетъ свою лавку. Въ мясныхъ рядахъ чрезвычайно дурно пахло. Мы поворотили направо, проѣхали мимо торговыхъ бань и завернули въ переулокъ, ведшій къ дому Шерафія. У этого татарина также не было ничего приготовлено особеннаго; но онъ потѣшалъ насъ бесѣдою. Онъ ѣздилъ въ Чиназъ, видѣлъ тамъ наши пароходы; ему ихъ показывали во всѣхъ подробностяхъ, и онъ былъ до того пораженъ ихъ конструкціею, что ахалъ и охалъ, и говорилъ, что, еслибы эмиръ видѣлъ эти пароходы, то заключилъ бы миръ съ Россіею на долгое время; что это не машинная дѣвка †), которую эмиръ дерзаетъ просить у генерала,—это дѣло смертельное, потому что тутъ есть около шести пушекъ на одномъ пароходѣ, да на другомъ пушка, которая поворачивается направо и налѣво. Потомъ Шерафій говорилъ, что въ день битвы игриджарской была въ Ташкендѣ сильнѣйшая буря.

— Я и тогда замѣтилъ,—говорилъ онъ,—что, вѣроятно, происходитъ дѣло, и что бухарцы, навѣрно, бѣгутъ, такъ какъ вѣтеръ былъ отъ Ташкенда къ Самарканду; — вотъ, оно такъ и случилось: эмиръ грязи наѣлся, впередъ не сунется.

До того толстякъ нашъ расходился, что эмира называетъ уже не «падишахомъ», какъ привыкли называть его въ Ташкендѣ, а просто эмиромъ.

Мы пробыли также недолго у Шерафія, какъ и у Сеидъ Азима и поѣхали домой; таже музыка вмѣстѣ съ пѣсенниками сопровождала насъ до цитадели, только мы ѣхали скорѣе и генералъ не бросалъ уже денегъ. Народа уже не было на улицахъ и на базарѣ такъ много, какъ было въ первый разъ. Дома насъ ожидалъ еще обѣдъ; понятно, что никто ни до чего не прикасался, хотя обѣдъ былъ приготовленъ лучше обыкновеннаго. На другой день готовился обѣдъ въ такъ называемой эмировской палаткѣ и гулянье на Минурюкѣ; гулянье это устраивалось по подпискѣ въ честь вернувшихся изъ Бухары нашихъ офицеровъ.

Разъ утромъ Боукаевъ принесъ мнѣ разныя бухарскія грамоты. На поляхъ одной изъ нихъ былъ написанъ по русски переводъ, что Аллаяръ ханъ увѣдомляетъ эмира о томъ, что русскіе будутъ разбиты, если будетъ на то воля Божія.

---

†) Эмиръ, наслышавшись отъ своихъ приближенныхъ, будто въ отрядѣ нѣтъ ни одной женщины, и будто русскіе генералы имѣютъ обыкновеніе возить съ собою во время походовъ какую-то механически устроенную женщину, приказалъ своему послу, привезшему къ намъ нашихъ чиновниковъ и подарки генералу—персидскій халатъ съ русскимъ таможеннымъ клеймомъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на спинѣ и небольшую соболью шапку съ золотымъ верхомъ, просить у генерала, чтобы онъ отдарилъ его такою женщиною, какая съ нимъ была въ походѣ.

— Гдѣ же эта записка Аллаяра, съ которой вы переводили?—спросилъ я.

— Да вотъ, это она и есть,—отвѣчалъ Боукаевъ, не знавшій ни слова поперсидски.

— Помилуйте,—это ни болѣе ни менѣе, какъ бланкъ;—видите пробѣлъ для вставки имени и не приложено никакой печати;—это просто бланкъ,—говорилъ я,—все болѣе и болѣе удивляясь. Кто же это переводилъ вамъ? — спросилъ я.

Боукаевъ, пораженный новизною такого открытія, отвѣчалъ, что переводилъ плѣнный персіянинъ. Позвали этого плѣннаго персіянина.

— Что же ты навралъ, братецъ? обратился я къ нему.—Посмотри, прочитай, ты бланкъ перевелъ запискою Аллаяръ хана къ эмиру; читать умѣешь?

Онъ принялся по складамъ разбирать бумагу и оказался почти совсѣмъ безграмотнымъ.

— Какъ же ты смѣлъ переводить?!

— Что же мнѣ было дѣлать, когда мнѣ приказали перевести?—я и перевелъ. Скажи, пожалуйста, туря,—наши отправляются на родину,—не могу ли и я ѣхать?

— Можешь, можешь, братецъ,—отвѣчалъ я.

— Вотъ что, туря: мое оружіе у генерала; нельзя ли его получить?

— Какое твое оружіе?

— Англійское ружье,—отвѣчалъ онъ,—и кинжалъ.

— Откуда у тебя явилось это ружье?

— Я, туря, взятъ въ плѣнъ туркменами вмѣстѣ съ арміею Гамза́-мирзы. Я былъ деньщикомъ у одного френги,—Блоквиль, звали его, —на мнѣ было его ружье; меня потащили въ одно мѣсто, а его въ другое. Ты не повѣришь, туря, какихъ хлопотъ стоило мнѣ сохранить это ружье при себѣ... и онъ расплакался.

— Хорошо, я доложу генералу.

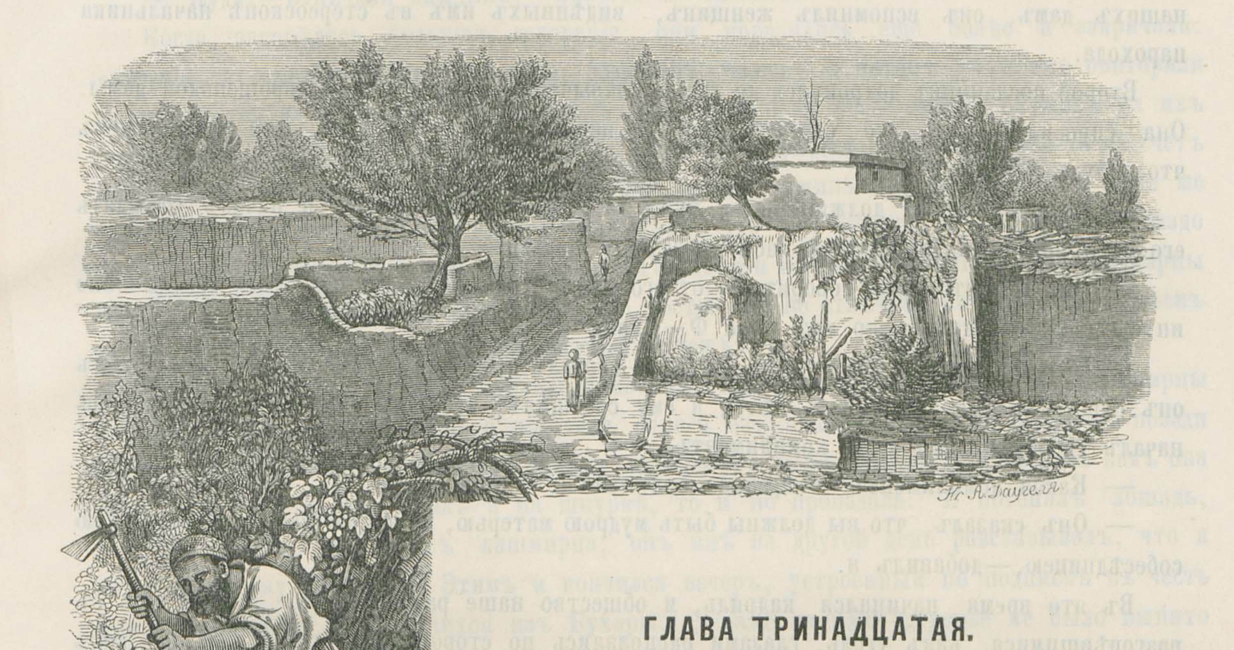

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

Ордынская улица.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ТАШКЕНДЪ.

лопоты по устройству минурюкскаго вечера взялъ на себя Г—ской; много трудовъ стоило ему преобразовать Минурюкъ въ нѣчто похожее на паркъ; устроить возвышеніе для зала значило еще немного, но вырыть прудъ среди Минурюка и наполнить его водою стоило большихъ трудовъ, и нужно отдать ему особенную благодарность за его заботы. Иллюминація и фейерверкъ приготовлялись г. М—чемъ и почти ничѣмъ не уступали петербургскимъ фейерверкамъ. Съ утра еще тянулся туда народъ; я пріѣхалъ туда передъ закатомъ солнца. Толпы сартовъ сидѣли около деревьевъ;— ихъ не пускала дальше линія дежурныхъ солдатъ. Когда смерклось, тогда тарантасъ г. Ч—ова сдѣлалъ нѣсколько туровъ въ городъ, который находился отъ Минурюка въ полуторыхъ верстахъ, и привезъ къ намъ дамъ, по обыкновенію, изящно одѣтыхъ. Два бухарскихъ посланника, кокандскій посолъ и два кашмирца находились тутъ же въ числѣ гостей; я занималъ ихъ разговоромъ. Но вотъ пріѣхалъ генералъ; импровизированныя люстры были зажжены, и начался балъ. Сперва разносили чай, и азіятцы съ удовольствіемъ хлебнули этого, знакомаго имъ напитка. кажется, чашки по три—по четыре. Желая ли сблизить азіятцевъ съ русскимъ обществомъ, или просто намѣреваясь дать обществу возможность поговорить съ посланниками, генералъ усадилъ у одного столика нѣсколько ташкендскихъ дамъ и подвелъ къ нимъ пословъ. Тѣ, ничего, сѣли-себѣ и молчатъ, осматривая декольтированныхъ дамъ. Вдругъ бухарскій посланникъ, бывшій секретаремъ бухарскаго посольства, катавшагося на пароходѣ, закричалъ мнѣ: «Фитри Ивановичъ, помнишь пароходъ,—помнишь, тамъ было того?»

— Помню, помню, — отвѣчалъ я, сообразивши, что, глядя на голыя плеча

нашихъ дамъ, онъ вспомнилъ женщинъ, видѣнныхъ имъ въ стереоскопѣ начальника парохода.

Второй посланникъ дотронулся до тюля, покрывавшаго плечи одной хорошенькой дамы. Она спросила, чего это онъ хочетъ? Я перевелъ ему, полагая, что онъ скажетъ что-нибудь дѣльное.

— Скажи ей, что, должно быть, мужъ ея очень доволенъ ею.—Я началъ убѣждать его, что подобныя глупости у насъ передавать нельзя.

— Что же, что онъ говоритъ?—отчего вы не переводите намъ? это чрезвычайно интересно,—обратилась ко мнѣ г-жа Ф—цкая.

— Онъ спрашивалъ за мужемъ ли вы,—сказалъ я;—я ему отвѣчалъ, что да. Потомъ онъ спросилъ, есть ли у васъ дѣти; я ему сообщилъ, что есть дѣти. Затѣмъ уже онъ началъ говорить вамъ свой комплиментъ...

— Какой комплиментъ?—перебила она меня.

— Онъ сказалъ, что вы должны быть мудрою матерью, пріятною женою и прелестною собесѣдницею,—добавилъ я.

Въ это время начинался кадриль, и общество наше разстроилось. Азіяты мои съ разгорѣвшимися, какъ уголь, глазами расползлись по сторонамъ и стали глазѣть, какъ танцовалъ генералъ.

— Смотри-ка, смотри-ка, — говорилъ одинъ азіятецъ другому.—Онъ и сражаться и, плясать мастеръ. Ахъ, аллахъ, что мы видимъ?! онъ съ двумя женщинами подъ ручку бѣгаетъ. Вотъ, смотри: тотъ джигитъ взялъ у него свою-то дѣвку и ушелъ съ ней разговаривать...

— Смотри, смотри, какъ обнялись, кричали другіе. Ухъ, чертъ побери; вѣдь у нихъ груди-то голыя, а такъ и прижались... вонъ запрыгали... Дьявольское навожденіе!..

— Подождите, братцы,—сказалъ я;—дьявольское-то навожденіе еще будетъ.

Въ это время подавали лимонадъ и оршатъ; я приказалъ поднести азіятамъ. Тѣ спросили меня сперва, что это такое, и взяли себѣ по стакану оршата, выпили и начали облизываться.

— *Хубъ эстъ* (хорошо),—сказалъ кто-то изъ группы.

— *Ширинъ* (сладко),—отвѣчалъ кто-то другой,—сахару подложили.

Къ азіятцамъ довольно часто подходили офицеры, чтобы поговорить съ ними; тогда они всѣ почтительно вставали, и отвѣчалъ кто-нибудь изъ нихъ одинъ. Не могу забыть, какъ они съ особеннымъ уваженіемъ поднимались всѣ передъ нашимъ дипломатомъ, просидѣвшимъ въ Бухарѣ семь мѣсяцевъ, когда онъ мимо нихъ полькировалъ.

Подавали мороженое; прежде чѣмъ взять, они спрашивали меня, что это такое; я имъ объяснилъ. Они его съѣли, облизываясь. Потомъ попросили позволенія совершить ночную молитву и отправились къ ручейку обмываться и совершить намазъ.

Передъ фейерверкомъ публика, имѣя впереди себя музыкантовъ, отправилась сдѣлать небольшой туръ по минурюкскому парку; потомъ она остановилась передъ фейерверкомъ. Когда ракеты, бураки и римскія свѣчи зашумѣли, растрескались и залетали по воздуху, бухарцы заохали и произносили только: «*таубя, таубя*» (каюсь, каюсь); больше они не нашлись, что произнести. Я спросилъ ихъ, бываютъ ли у эмира такія празднества.

— Куда, — отвѣчали они мнѣ, — никогда не бываютъ.

Когда загорѣлась большая декорація, они поразились еще болѣе и закричали: *«таубя, я алла таубя»* (каюсь, о, боже мой, каюсь) и потомъ до конца повторяли все свое «таубя» Должно быть, одинъ изъ бухарцевъ когда-нибудь служилъ на ихъ пороховомъ заводѣ, потому что до самаго ужина онъ разсказывалъ имъ что-то на счетъ пусканья ракетъ и т. п. Потомъ бухарцевъ повели ужинать, и мы сѣли съ ними же вмѣстѣ. Они отличались отъ насъ только тѣмъ, что ѣли руками, но зато ѣли гораздо больше насъ. Начались тосты за здоровье Государя и всего Августѣйшаго дома; бухарцы пригубились къ стаканамъ, а на остальные тосты они не отвѣчали ничѣмъ. На третьемъ отъ насъ столѣ происходилъ аккуратный кутежъ.

Вечеръ кончался; бухарцы садились на своихъ коней, кокандцы тоже, а бѣдные кашмирцы хотѣли пѣшкомъ идти домой; я посадилъ одного изъ нихъ сзади себя, а другаго позади моего человѣка, и мы помчались; шляпу сдувало съ меня ежеминутно, но такъ какъ она была пристегнута къ пуговкѣ и на шнуркѣ, то и не пропадала. Я погонялъ лошадь, ударяя кнутомъ по ногамъ кашмирца; онъ мнѣ на другой день разсказывалъ, что я отхлесталъ ему всю ногу. Этимъ и кончился вечеръ, устроенный по подпискѣ въ честь нашихъ пословъ, вернувшихся изъ Бухары..., даже за ихъ здоровье не было выпито и вина.

У меня былъ сдѣланъ обѣдъ въ честь вернувшихся изъ Бухары пословъ гораздо раньше минурюкской ассамблеи. Послѣ этого обѣда я свалился въ арыкъ, что произвело всеобщій хохотъ; но какой-то солдатъ, взбѣжавъ на мостикъ, помогъ мнѣ вылѣзть оттуда. Спасителя моей христіанской души я и не разглядѣлъ хорошенько; кажется, это было одинъ изъ солдатъ, вернувшихся изъ бухарскаго плѣна съ нашими послами. Всѣ гости вмѣстѣ съ наплывшимъ къ вечеру офицерствомъ просидѣли у меня за полночь въ саду.

Пѣли, смѣялись, кричали и играли въ карты.

Этимъ заканчиваю описаніе моего пребыванія въ Ташкендѣ. Разскажу развѣ только о томъ, какъ у меня проводились дни и какимъ образомъ я собиралъ свѣдѣнія.

Раннимъ утромъ у меня уже кипѣлъ на полу самоваръ, и приходили ко мнѣ знакомые со мною сарты. Первый самоваръ выпивался ими безъ моего участія, ко второму я уже просыпался; начинались разговоры и шутки, и безконечныя чаепитія. Нерѣдко среди бесѣды вваливалъ въ комнату какой-нибудь сартъ съ *пешкешемъ* (съ подаркомъ), состоявшимъ изъ фруктовъ, или чего-нибудь подобнаго и съ четырьмя— пятью человѣками своихъ пріятелей, которыхъ онъ и представлялъ мнѣ за желавшихъ со мною познакомиться.

Самоваръ смѣнялся новымъ самоваромъ, и бесѣда принимала новый характеръ. Кромѣ прибаутокъ, поговорокъ и пословицъ, трудно было вынести что-нибудь изъ ихъ болтовни. Если, напримѣръ, я спрашивалъ, какія подати собирались съ нихъ при ханахъ, то получалъ обратный вопросъ, — какія подати собираются у насъ въ Россіи, и вынужденнымъ находился познакомить ихъ съ нашими податями, налогами и повинностями, прежде нежели добивался отъ нихъ положительнаго отвѣта о системѣ ханскихъ сборовъ; и тутъ еще во время разсказа какой-нибудь *тамръ* (пріятель) прерывалъ бесѣду

вопросомъ: «А что, туря́, будутъ ли съ насъ взимать за этотъ годъ *танапную* †) подать?» или когда разговоръ шелъ о повинностяхъ, касающихся военной службы, онъ прерывался такимъ замѣчаніемъ: «Съ насъ, слава богу, туря, русскіе не будутъ брать рекрутовъ.»

Когда рѣчь заходитъ о важности судоходства по Аму-Дарьѣ, меня спрашиваютъ, судоходны ли у насъ всѣ рѣки, какъ рѣка *Итилъ* (Волга), и я имъ разсказываю о множествѣ нашихъ судоходныхъ рѣкъ. Чтобы добиться отъ нихъ отвѣта, что Аму-Дарья едва-ли судоходная рѣка и что наши пароходы едва-ли могутъ пройти по ней порядочное пространство отъ Аральскаго моря.

Посѣщалъ меня также иногда *мутевалли* ††) Ярашевъ; онъ сообщалъ мнѣ свѣдѣнія историческія о Ташкендѣ. Къ несчастью, я ихъ не могу внести въ книгу, потому что они безсвязны и не имѣютъ особеннаго значенія. Онъ обѣщалъ написать для меня исторію Ташкенда по мусульманскимъ источникамъ и по разсказамъ о позднѣйшихъ временахъ съ прибавленіемъ, имѣющимъ состоять изъ описанія достопримѣчательностей Ташкенда и его окрестностей, требуя отъ меня за это 400 рублей. Эти деньги обѣщалъ выдать ему графъ В—ъ Д—ъ, но это дѣло не состоялось за выѣздомъ моимъ изъ Ташкенда. Онъ мнѣ сообщилъ между прочимъ, что я живу въ домѣ Алимкула, только передѣланномъ на европейскій образецъ. Что Ташкендъ—старинный городъ, я зналъ и безъ него; но онъ говорилъ, будто встарину Ташкендъ назывался Шашемъ и былъ столицею Афрасіяба. Этого я не зналъ. Онъ хотѣлъ мнѣ показать развалины трона Афрасіяба и показать остатки помѣщенія дочери его. Къ несчастью, день, 24 іюня, назначенный для этого осмотра, былъ днемъ моего внезапнаго выѣзда изъ Ташкенда.

Такое кратковременное пребываніе мое въ Ташкендѣ, конечно, не дало мнѣ возможности получше ознакомиться съ бытомъ сартовъ, но все-таки въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь высказать, что́ успѣлъ узнать про нихъ отъ моихъ пріятелей.

Бесѣды мои съ приходившими тамрами при разливномъ морѣ чая были, какъ оказывается, вовсе не лишними. Мои поѣздки въ городъ знакомили меня больше съ внѣшней стороной сартянскаго быта, но почти полугодовое пребываніе мое въ Персіи и знакомство съ бытомъ татаръ казанскихъ помогали мнѣ угадывать и ихъ внутреннюю житейскую обстановку. Притомъ сарты, какъ мусульмане сунитскаго толка, должны были въ извѣстныхъ отношеніяхъ оставаться настоящими поклонниками пророка и исполнителями его предписаній.

На сколько я былъ знакомъ съ киргизскимъ бытомъ, на столько и подѣлился съ читателемъ моими наблюденіями, сдѣланными надъ этимъ народомъ. Здѣшніе киргизы немногимъ отличаются отъ киргизъ степныхъ; чанычкулинцы, кочующіе вдоль р. Чирчика, имѣютъ, повидимому, особенную конструкцію черепа, величаютъ себя узбеками, какъ и вся степь, и склонны къ волненіямъ. Географическое положеніе, которое они занимаютъ, въ былое время заставляло ихъ играть весьма двусмысленную роль: то

†) *Танапъ* или *танафъ* собственно значитъ веревка. Здѣсь же танапъ обозначаетъ кусокъ земли, соотвѣтствующій $^2/_3$ нашей десятинѣ

††) *Мутевалли*—лицо, завѣдывающее сборомъ доходовъ въ какой-нибудь медресе

они осаждали Ташкендъ, то подчинялись ему. Не даромъ сложилась у ихъ заклятыхъ враговъ биштамгалинцевъ поговорка, что они служатъ сотнѣ побѣдителей †).

Немного южнѣе чанычкулинцевъ кочуетъ киргизскій родъ Курама́. Родъ этотъ, сложившійся не очень давно изъ разныхъ побродягъ, почему и носитъ такое названіе—курама́ значитъ заплата. Эти киргизы величаютъ также себя узбеками; они кочуютъ южнѣе Туй-тепе вдоль кряжа, составляющаго нашу границу съ Кокандомъ.

Вамбери, путешествовавшій по Бухарѣ, находитъ тамъ узбековъ и киргизъ. Тѣ же самыя достоинства, которыя онъ приписываетъ узбекамъ, я нашелъ и въ здѣшнихъ киргизахъ; узбековъ же я окончательно не видалъ, и рискую предполагать ошибку въ описаніяхъ этого извѣстнаго ученаго. Кстати сообщить здѣсь о томъ, что я слышалъ объ этомъ путешественникѣ отъ видавшихъ его людей. Одинъ казанскій татаринъ, бывшій въ Самаркандѣ во время пребыванія тамъ Вамбери, разсказывалъ мнѣ, будто этотъ ученый не былъ тамъ дервишемъ, а выдавалъ себя за посланнаго отъ султана чиновника, привезшаго ханамъ инвеституры, и при представленіи эмиру, будто бы разговаривалъ съ нимъ о прекращеніи торговли невольниками, такъ какъ этого желаютъ султанъ, шахъ персидскій и англійское правительство; будто эмиръ чрезвычайно оскорбился такимъ предложеніемъ и велѣлъ ему убираться вонъ изъ Самарканда, такъ что Вамбери, при истинномъ желаніи посѣтить Кокандъ и Ташкендъ, долженъ былъ ретироваться на югъ.

Я зналъ одного афганца, который былъ очень хорошо знакомъ съ Конолли. Онъ разсказывалъ мнѣ про него съ особенною любовью къ нему, что́ было замѣтно по выраженію его лица и по словамъ, которыя онъ говорилъ. Конолли былъ въ Ташкендѣ, носилъ мусульманскій костюмъ, былъ чрезвычайно красивъ въ немъ и великолѣпно говорилъ по-персидски. Когда онъ хотѣлъ отправиться въ Бухару, то многіе не совѣтовали ему этого дѣлать, предсказывая неизбѣжную погибель. Конолли отвѣчалъ на подобное возраженіе тѣмъ, что правительство приказало ему побывать въ Бухарѣ, и если онъ этого не сдѣлаетъ, то не выполнитъ важнѣйшихъ порученій, возложенныхъ на него начальствомъ, а для него важно исполненіе приказаній своего начальства.

— Не знаете ли вы, не было ли здѣсь еще инглисовъ (англичанъ) послѣ Конолли?—спрашивалъ я стараго афганца.

— Нѣтъ, не было,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—а вотъ урусовъ (русскихъ), такъ было много, но тѣ были все простаго званія, принимали скоро исламъ, женились и обзаводились домомъ, или поступали на службу къ ханамъ въ сарбазы ††); вонъ тамъ на базарѣ сидитъ одинъ—съ тѣмъ много возни было, чтобы обратить его въ исламъ: и пороли-то его, и мучили всячески; только тогда кяфиръ принялъ исламъ, когда его подвели къ висѣлицѣ. Такой былъ упорный, право.

Я зналъ этого упорнаго кяфира. Онъ имѣлъ небольшую лавочку на базарѣ и сидѣлъ въ ней съ утра до вечера въ очкахъ. Только когда мы проѣзжали мимо его

---

†) Чанычкулы́ юзъ падшаны́нъ кулы́.

††) Сарбазъ—пѣхотинецъ.

лавочки, онъ выскакивалъ изъ нея, чтобы крикнуть намъ: «здравія желаю». Онъ былъ сосланъ въ солдаты за польское возстаніе 31-го года и украденъ ташкендцами.

Я кончаю этимъ настоящую главу, такъ какъ почти ничего не остается разсказывать о моемъ житьѣ-бытьѣ въ Ташкендѣ.

24 іюня 1866 года, рано утромъ я оставилъ Ташкендъ, не повидавши даже вновь завоеваннаго Ходженда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

НАТУРАЛЬНЫЯ БОГАТСТВА СТРАНЫ.

ъ форта № 1 начинается длинная хлѣбородная полоса земли, тянущаяся, быть можетъ, до верховьевъ Сыръ-Дарьи, орошаемая ея водами. По рѣкамъ Арысу, Бугуни, Келесу и Чирчику во время разливовъ земля снабжается иломъ, отъ чего хлѣбородіе проявляется гораздо богаче въ Туркестанскомъ краѣ въ этихъ мѣстахъ, нежели въ сторонѣ отъ рѣкъ. За Чирчикомъ вдоль рѣки Ангренъ находятся даже, какъ мнѣ говорили, рисовыя поля. Небольшое пространство между Чимкендомъ и Ташкендомъ, занятое горными возвышенностями, лишено всякой растительности и не годно къ обработкѣ. По ту сторону Сыръ-Дарьи, почти вплоть до самаго Ходженда, идутъ мѣстности незаселенныя, пустынныя, но нелишенныя возможности быть воздѣланными.

Климатъ на всемъ протяженіи отъ Туркестана до Ташкенда мало разнится: самый сильный жаръ доходитъ, примѣрно, до 35° по Реомюру, морозъ—до 15° †).

Южные и западные вѣтры увеличиваютъ жаркую температуру лѣтомъ и умѣряютъ холодъ зимою; сѣверные же, а въ особенности восточные, дующіе изъ ущелій горъ, производятъ противоположное дѣйствіе.

Вслѣдствіе этого, отроги горъ, смотрящіе на югъ и западъ, менѣе покрыты

---

†) Средняя температура г. Ташкенда должна быть выше оренбургской, но жары оренбургскіе доходятъ до болѣе высокаго градуса, равно и во время морозовъ термометръ падаетъ ниже.

Свѣдѣнія, получаемыя до сихъ поръ о ташкендскихъ жарахъ, были постоянно ошибочны, ибо сообщались лицами, не соблюдавшими при наблюденіяхъ необходимыхъ условій. Термометры металлическіе вѣшаются на грязную сѣрую стѣну на солнечной сторонѣ; при такихъ условіяхъ, понятно, температура будетъ доходить до баснословныхъ 50°—60°.

растительностью, нежели обращенные на востокъ. Относительно городовъ,—въ Туркестанѣ лѣто бываетъ гораздо жарче, нежели въ Чимкендѣ и Ташкендѣ, потому что первый стоитъ на открытой низменной равнинѣ, далеко отъ рѣки и не имѣетъ садовъ; послѣдніе же два окружены садами и стоятъ гораздо выше и ближе къ горамъ.

Въ теченіе цѣлаго лѣта здѣсь не бываетъ дождей,—начинаются они въ октябрѣ осенью и въ мартѣ весною. Зимою снѣгъ лежитъ на низменныхъ мѣстахъ около мѣсяца; на мѣстахъ же возвышенныхъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ.

По моимъ наблюденіямъ и по разсказамъ туземцевъ, климатъ здѣшній, хотя и сухой, но довольно здоровый и не производитъ болѣзней. Здѣсь вы не встрѣтите пораженныхъ евангельскою проказою, какъ въ Афганистанѣ и въ южныхъ городахъ Бухарскаго ханства, ни зоба, свирѣпствующаго въ Кокандѣ, и ни алеппскаго прыща †). Болѣзни, существующія между туземцами, происходятъ, по преимуществу, или отъ неопрятности (накожныя), или отъ укушенія скорпіоновъ, фалангъ и другихъ гадовъ, или же отъ засоренія желудка преждевременнымъ и излишнимъ употребленіемъ фруктовъ. Замѣчательно, впрочемъ, что здѣсь никто не запомнитъ, къ кому только я ни обращался, чтобъ когда-нибудь въ этомъ краѣ свирѣпствовала холера.

Однако же, здоровый для туземцевъ, климатъ весьма невыгодно отзывается на нашихъ солдатахъ. Въ мое время между ними свирѣпствовали слѣдующія болѣзни: возвратная горячка, тифъ, лихорадка, цынга и солнечный ударъ.

Выгодный въ гигіеническомъ отношеніи, климатъ весьма изнурителенъ для почвы и представляетъ человѣку множество препонъ во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. При отсутствіи дождей хлѣбопашцы должны прибѣгать къ искусственному орошенію полей, садовъ и огородовъ. Гдѣ нѣтъ искусственнаго орошенія и не протекаетъ какая-нибудь рѣчка, тамъ нѣтъ и растительности. Каждое дерево и каждая травка требуютъ попеченія со стороны человѣка. Понятно поэтому отсутствіе здѣсь натуральной растительности. Про лѣсъ нечего и говорить. По словамъ туземцевъ, лѣсъ можно встрѣтить только на верховьяхъ Чирчика, и то мѣстами, и не въ большомъ количествѣ. Проходившіе туда русскіе отряды находили по берегамъ этой рѣки срубленныя, правильно сложенныя и какъ-бы приготовленныя къ сплаву деревья. Говорятъ, что сплавомъ этого лѣса въ недавнія времена кокандскаго владычества занимался одинъ, бѣжавшій изъ Россіи, татаринъ.

Дороговизна лѣса заставляла жителей заняться искусственнымъ разведеніемъ деревьевъ. Я видѣлъ подъ Ташкендомъ большія пространства, обведенныя стѣною и прорытыя канавками, гдѣ устроены питомники для различныхъ сортовъ лѣса.

Туземцы употребляютъ для приготовленія кушаній ††) кизякъ, колючку и саксаулъ. Послѣдній по правому берегу Сыра растетъ только до Джулека; по лѣвому-же достигаетъ до Мурза-рабата ††).

†) Я видѣлъ только единственнаго человѣка, имѣвшаго алеппскій прыщикъ г. Ю—а. Г. Г.—ской выѣхалъ изъ Бухары также съ алеппскимъ прыщикомъ; тамъ эта болѣзнь весьма обыкновенна

††) Домовъ не отопляютъ, а грѣются около мангаловъ

†††) Станція по дорогѣ къ Дизаку, по которой шелъ генералъ—маіоръ Черняевъ.

Дозволено Цензурою.

Съ натуры рисов. Д. Вележевъ

Литогр. Беккера и К°.

ТАШКЕНДЪ

Улица близъ цитадели

Боясь впасть въ ошибку, я не смѣю пересчитывать всѣхъ деревьевъ. Могу только указать на тутовое дерево, орѣховое и урюковое (лѣсной абрикосъ), чинаръ, тополь, тальникъ, буковое дерево, кленъ, яблоню, грушу, ольху, джиду и др.

Переходя къ земледѣльческой промышленности, я прежде всего долженъ обратить вниманіе на тѣ препятствія, съ которыми борется туземецъ. Выше уже мною было замѣчено, что бездождье, отсутствіе воды и южные вѣтры сильно изсушаютъ почву и безъ того не очень благодарную.

Чтобы устранить эти невыгоды, туземцы прибѣгаютъ къ орошенію искусственному, заведенному здѣсь съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемому до сихъ поръ съ особеннымъ стараніемъ. Не говоря уже про рѣки, служащія неистощимымъ резервуаромъ для поливки полей, нѣтъ ни одного озера, горнаго источника и колодца, которымъ не воспользовался бы туземецъ для проведенія воды на свое поле. Я не буду описывать устройства водопроводныхъ канавъ, потому что оно ничѣмъ не отличается отъ водопроводовъ персидскихъ и встрѣчающихся за Кавказомъ и было уже нѣсколько разъ описано многими путешественниками. О сыръ-дарьинскихъ же водопроводахъ подробно говоритъ Левшинъ. Въ настоящее время часть этихъ водопроводныхъ канавъ засорена, поля заброшены хозяевами, бѣжавшими отъ прихода русскихъ въ этотъ край.

Главныя водохранилища, не исключая и рѣкъ, во времена кокандскаго владычества составляли доходную статью для казны хановъ; а забота о сборѣ денегъ, направленіи воды и расчищеніи канавъ лежала на особомъ чиновникѣ, именовавшемся мирабомъ.

Обезпеченные по части орошенія, туземцы не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаково заботятся объ удобреніи самой почвы †). Орудія обработки самыя простыя, патріархальныя: соха, при дороговизнѣ желѣза, нерѣдко не имѣетъ на концѣ металлическаго зуба, борону замѣняетъ нѣчто въ родѣ массивной метлы.

Хлѣбопашествомъ занимаются по преимуществу киргизы. Ихъ вниманіе обращено не столько на обработку поля, сколько на поливку его и на то, чтобы не дать выгорѣть хлѣбамъ. Для этого они остаются на полѣ до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ хлѣбъ; а затѣмъ, снявши его и положивши въ молы (земляныя житницы), для отдыха предаются своей кочевой жизни.

Болѣе зажиточные оставляютъ засѣянное поле на попеченіе игунчей, которымъ платятъ за уходъ отъ 2-хъ до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ, а на пропитаніе оставляютъ просо и дойную корову. Сарты старательно ухаживаютъ за своимъ полемъ; нѣкоторые прибѣгаютъ къ удобренію и стараются снять въ теченіе одного лѣта по два урожая. Для обработки полей они употребляютъ тѣхъ же киргизъ или наемныхъ, или кабальныхъ, ††) но присматриваютъ за ними сами. Такой терпѣливый уходъ за полемъ, не смотря на глинистую почву и климатическія невыгоды, вознаграждается здѣсь весьма щедро невѣроятными урожаями. Яровая рожь, ячмень и пшеница доходятъ до

---

†) «Зачѣмъ здѣсь навозъ?—говорятъ наши солдаты,—здѣсь вода хлѣбушку родитъ».

††) Кабальными называются запродавшіе по разнымъ обстоятельствамъ трудъ свой и свободу на нѣсколько лѣтъ впередъ. Кабала- слово арабское, и означаетъ согласіе на все.

самъ 55 †), бухарская пшеница, джугара, съ нѣсколькими стеблями на одномъ колосѣ—до самъ 100, а просо—до самъ 200 ††).

Кромѣ различныхъ хлѣбныхъ растеній, туземцы сѣютъ еще траву, называющуюся *джюнурчка*—люцерна, которую жнутъ раза три въ лѣто. Овса здѣсь вовсе не разводятъ, но, кажется, онъ здѣсь далъ бы хорошіе результаты, ибо въ дикомъ состояніи на склонахъ каратаускихъ родится цѣлыми полосами.

Разведеніемъ хлопка занимаются только въ окрестностяхъ Чимкенда и Ташкенда, хотя вся сыръ-дарьинская равнина способна производить хлопокъ †††). Здѣшній хлопокъ хуже персидскаго и даже во многомъ уступаетъ бухарскому. Это происходитъ отчасти потому, что уходъ за нимъ поручается киргизамъ, а очищеніе производится небрежно.

Въ почвѣ хлопокъ не очень разборчивъ, однако предпочитаетъ такія мѣстности, которыя открыты горячимъ вѣтрамъ. Слѣдовательно, удачнѣе родится на южныхъ и западныхъ отрогахъ горъ, чѣмъ на сѣверныхъ и восточныхъ.

Въ нынѣшнемъ году пробовали сѣять американскій хлопокъ, но онъ положительно не принялся, и, по моему мнѣнію, это произошло не столько отъ порчи сѣмянъ—си-эйляндъ (Sea-Island), привезенныхъ по зимнему пути, и нерадѣнія въ уходѣ, сколько отъ того, что американскому островному хлопку трудно привиться на континентальной почвѣ. Не лучше ли было бы произвести опытъ надъ африканскими сѣмянами.

Тутовое дерево даетъ возможность туземцамъ заняться шелководствомъ, и я встрѣчалъ нѣсколько сартовъ, съ любовью ухаживающихъ за своими гусеницами. Къ несчастію, шелководство здѣсь не развито въ такой мѣрѣ, чтобы могло составлять особенное хозяйство, и имъ занимаются только охотники. Это, впрочемъ, не значитъ, что здѣсь нельзя было бы увеличить шелководства, но до сихъ поръ оно было лишнимъ. Трудъ былъ посвященъ хлѣбопашеству, а шелкъ вымѣнивался на земледѣльческіе продукты у сосѣдственнаго Коканда.

Въ ряду земледѣльческой промышленности послѣ хлѣбопашества первое мѣсто занимаетъ садоводство; эти двѣ отрасли промышленности находятся въ рукахъ сартовъ и существуютъ вблизи городовъ и селеній. Садовнику и огороднику предстоитъ здѣсь такая же борьба съ климатическими и почвенными явленіями, какъ и хлѣбопашцу. Каждое дерево и каждый кустъ обводится канавкою, по которой въ извѣстное время дня пропускается вода. Такое орошеніе для нѣкоторыхъ родовъ растеній здѣсь почитается не вполнѣ еще достаточнымъ, поэтому каждый садъ снабженъ хаузомъ (бассейномъ), изъ котораго берется вода для ручной поливки.

Въ огородахъ ручьи текутъ между грядами, которыя здѣсь дѣлаются до того плоскими, что весьма удобно можно во всякое время направить воду и на самую гряду.

†) Пшеница даетъ два урожая, что и ввело въ ошибку показывавшихъ, что она даетъ до самъ 150.

††) Въ послѣднее время русскимъ начальствомъ признана возможность заготовлять провіантъ на мѣстѣ и уже состоялись подряды въ Туркестанскомъ Интендантствѣ. По моему мнѣнію, Туркестанская область можетъ продовольствовать мѣстными средствами безъ всякаго отягощенія до пятидесяти тысячъ войска по весьма невысокимъ цѣнамъ, если дѣло будетъ ведено добросовѣстно.

†††) Я видѣлъ въ фортѣ № 1 опытъ, произведенный г. Юній, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ.

Мнѣ думается, что въ былое время обѣ эти промышленности были развиты по всей Сыръ-Дарьѣ и могли-бы существовать и въ настоящее время, если бы былъ принятъ способъ сартянскаго ухода за садами и огородами. Опыты, произведенные комендантомъ форта № 1, были весьма удачны. Онъ имѣетъ ежегодно свой виноградъ и овощи, не уступающіе во вкусѣ ташкендскимъ. Фортъ Перовскій въ этомъ отношеніи перещеголялъ фортъ № 1, тамъ есть богатые виноградники у начальника праваго фланга и большой общественный садъ, гдѣ поспѣваютъ фрукты подъ открытымъ небомъ. Я не могъ испробовать всѣхъ произведеній тамошняго садоводства. По отзывамъ лицъ, бывшихъ въ Ходжендѣ, и по словамъ самихъ туземцевъ, ходжендскіе фрукты гораздо нѣжнѣе и вкуснѣе ташкендскихъ, а въ Чимкендѣ и Туркестанѣ они грубѣе и тамъ ихъ очень мало. Черешня, напримѣръ, вовсе не родится, вишня мелкая и невѣроятно кислая, абрикосъ родится только лѣсной, который здѣсь называется урюкомъ, въ отличіе отъ садоваго (зердалу).

Кромѣ помянутыхъ фруктовъ, которые я самъ видѣлъ, здѣсь родится въ изобиліи яблоко, айва и граната, мѣстами персикъ, слива и тутовая ягода бѣлая и красная. Лимоновъ и померанцевъ нѣтъ. Фиговое дерево я встрѣтилъ садахъ въ двухъ-трехъ въ видѣ роскоши; фига здѣсь созрѣваетъ, но мало распространена.

Главный же доходъ, получаемый съ садоводства, даетъ виноградъ и урюкъ, которые въ вяленомъ видѣ вывозятся въ Россію.

На зиму сохранять здѣсь фруктовъ не умѣютъ.

Дыни и арбузы я отношу къ огородничеству, потому что они садятся на поляхъ вмѣстѣ съ остальными овощами: тыквою, огурцами, лукомъ, морковью, брюквою, горохомъ чечевицею, бадьянкой и др. Здѣшніе арбузы и дыни крайне сахаристы и вкусны. Огурцы самаго обыкновеннаго сорта. Лукъ не имѣетъ приличной ему остроты, — напротивъ сладокъ. Морковь родится только желтая и несладкая. Брюква груба и заключаетъ много древесины. Не знаю, разводится ли здѣсь свекловица, но понятіе о ней имѣютъ, и названіе ея существуетъ †). Картофель здѣсь почти не извѣстенъ и разводится только бѣглыми татарами въ Ногай-курганѣ.

Такъ какъ главную пищу туземцевъ составляютъ баранина и рисъ, то на зиму запасовъ овощей никто не дѣлаетъ, хотя лѣтомъ каждый употребляетъ ихъ весьма охотно, какъ легкую пищу.

Заканчивая отдѣлъ царства растительнаго, мнѣ бы слѣдовало сказать о находящихся здѣсь травахъ и растеніяхъ лекарственныхъ и красильныхъ, но я не успѣлъ обратить на нихъ должнаго вниманія. Если не ошибаюсь, въ ташкендскомъ раіонѣ удобно разведеніе индиго и марены, которыя находятся здѣсь мѣстами въ дикомъ состояніи; изъ лекарственныхъ же растеній степь богата солодковымъ корнемъ, ромашкою, цытварнымъ сѣменемъ и ревенемъ.

---

†) Я уѣхалъ раньше, нежели поспѣли всѣ эти овощи и фрукты, потому не могу болѣе распространяться о нихъ. Свеклы, напримѣръ, я не видалъ вовсе. Свекловичный уксусъ для походныхъ аптекъ выписывали изъ Россіи.

Магистръ Н. А. Сѣверцовъ напалъ на растеніе, отзывающееся сильно ассафетидой.

Не могу также ничего сказать о разведеніи конопли и льна. Кажется, зерновой хлѣбъ занялъ всѣ руки въ ташкендскомъ раіонѣ, а хлопокъ и шелководство въ Кокандѣ, такъ что на коноплю и ленъ никто не успѣлъ еще обратить вниманіе, хотя оба растенія встрѣчаются въ дикомъ состояніи. По словамъ коменданта форта № 2, Е. М. Косарева, киргизы изъ дикаго льна вьютъ дратву для шитья сапоговъ и другаго употребленія.

Говоря о богатствѣ туркестанской природы, нельзя обойти молчаніемъ богатства царства ископаемаго. Правительство наше, кажется, полагаетъ здѣсь найти большія богатства. Нужно желать, чтобы въ этомъ случаѣ какъ можно меньше ошиблись. Однако развѣдки, произведенныя до сихъ поръ учеными спеціалистами и золотопромышленниками, не подкрѣпляютъ этихъ надеждъ, основанныхъ преимущественно на показаніяхъ прежнихъ русскихъ путешественниковъ. Вотъ въ краткихъ словахъ результаты разысканій послѣднихъ годовъ. Полковникъ горныхъ инженеровъ, А. С. Татариновъ, спеціальнымъ назначеніемъ котораго было разысканіе мѣсторожденій каменнаго угля, открылъ на верховьяхъ р. Бугуни пластъ угля въ 9 вершковъ толщины, но весьма глубоко лежащій, такъ что разработка его едва ли будетъ стоить труда; потомъ на р. Карачикъ, въ 10 верстахъ отъ Туркестана и 30 отъ Сыръ Дарьи, другой пластъ, который еще имъ не развѣданъ.

Александровскій почетный гражданинъ, И. И. П—шинъ, заявилъ богатыя свинцовыя руды на верховьяхъ Турланъ-Асу, по дорогѣ изъ Туркестана въ Чулакъ-Курганъ, и каменноугольный пластъ по Изенды-Булаку.

Не знаю, какъ богатъ пластъ каменнаго угля, но свинцовая руда заслуживаетъ обработки; она содержитъ 70% въ штуфѣ и содержитъ отъ 6 до 12 долей серебра въ одномъ пудѣ свинца †).

Разысканіемъ золотыхъ розсыпей занимались въ настоящемъ году отставной горный инженеръ Кулибинъ, И. И. Первушинъ, партія купца А. П. К—ва, ташкендецъ Сеидъ-Азимъ Карабековъ и др. Первые двое не заявили ни одной розсыпи. Результатъ изысканій Карабекова мнѣ не извѣстенъ; что же касается до г. К—ва, то онъ заявилъ 10 площадей по верхнему теченію Чирчика и по Чаткалу ††).

Богатства, заявленныхъ г. К—вымъ, розсыпей не извѣстны даже ему самому; трудность же разработки легко можетъ остановить предпринимателей, такъ какъ золотоносные пески покрыты толстымъ слоемъ турфа (отъ 9 до 12 саженъ). Проѣздомъ чрезъ Оренбургъ г. К—въ былъ у меня и не выразилъ большихъ надеждъ на возможность разработки открытыхъ пріисковъ. Мнѣ кажется, что главною причиною, побудившею горнаго инженера Кулибина вернуться безъ ничего изъ Туркестанской области, была трудность разработки. Заявленіе же столькихъ площадей золотаго песка со стороны г. К—ва объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ѣздилъ въ Туркестанскую област

---

†) Говорятъ, будто эта руда принадлежитъ какому-то киргизскому бію, который разработывалъ ее и при кокандскомъ владычествѣ да и теперь не желаетъ отъ нея отказаться.

††) Чаткалъ — горная рѣчка — въ 70 верстахъ отъ Ташкенда у деревни Буручь-Мулла мѣняющая свое названіе на Чирчикъ, который составляетъ продолженіе р. Чаткала.

отъ какой-то компаніи на ея счетъ и желалъ, возвратившись, чѣмъ-нибудь доказать ей свое стараніе тщательно выполнить, возложенное на него, порученіе.

Этимъ оканчиваются покуда разысканія, и я, кажется, не упустилъ ничего, развѣ въ послѣдніе мѣсяцы кому-нибудь посчастливилось открыть что-нибудь новое.

О золотомъ днѣ р. Сыръ-Дарьи съ ея притоками давно разсказывались заманчивыя сказки, основанныя на самохвальной болтовнѣ азіятцевъ о богатствѣ своего края.

Если не ошибаюсь, первое свѣдѣніе объ этомъ занесъ петровскій посолъ Флоріо Беневени.

Ближайшія къ нашему времени легенды толкуютъ, будто промытое изъ песка золото продавалось на ташкендскомъ базарѣ по семи рублей за золотникъ, а съ тѣхъ поръ, какъ стали вывозить туда изъ Россіи краденое золото, оно упало до 4 рублей. Послѣднее заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія, такъ какъ и въ настоящее время на нѣкоторыхъ, заявленныхъ К—вымъ, площадяхъ есть слѣды опытовъ добыванія золота, именно, мѣстами подъ турфомъ встрѣчаются въ пескахъ пещеры, углубляющіяся на сажень и на двѣ, въ видѣ корридора, изъ которыхъ, по разсказамъ обывателей, выгребался песокъ украдкою отъ правительства.

Песокъ этотъ промывался, по ихъ словамъ, на шерстяной туземной армячинѣ и отвозился на базары, гдѣ подъ секретомъ и продавался. Подобные разсказы вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе о нахожденіи золота въ этой мѣстности, и теперь только дѣло стоитъ въ трудности разработки. Но еще не изслѣдованы до сихъ поръ, по военнымъ обстоятельствамъ, верховья р. Ангрена и другіе горные протоки, которымъ ничто не мѣшаетъ соперничать съ богатствами Чирчика, и выгоды, которыя предстоятъ Россіи отъ нахожденія здѣсь благородныхъ металловъ, должны ожидать оцѣнки въ будущемъ.

О серебрѣ, сколько помнится, я ничего не слыхалъ. Изъ неблагородныхъ металловъ Туркестанская область богата желѣзомъ, которое всегда находится по близости мѣсторожденія каменнаго угля. Мѣдь встрѣчается кусками по р. Келесу; кромѣ того, видѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣвому флангу признаки мѣсторожденій мѣдной руды.

Что касается до драгоцѣнныхъ камней, то они показываются на базарѣ рѣдко и въ небольшомъ количествѣ. По разспросамъ, всѣ эти камни нетуземнаго происхожденія, а привозные; — изумрудъ, рубинъ и бирюза изъ Персіи, кораллы и мелкій жемчугъ изъ Индіи, аметисты, горный хрусталь, сердолики и яшма изъ Сибири.

Вообще нужно замѣтить, что у туземцевъ не было и нѣтъ особеннаго желанія заняться разработкою богатствъ ископаемаго царства, да и не было къ тому средствъ.

Если и налагали на это дѣло руку, то по вызову со стороны правительства; именно, добывали селитру, необходимую при производствѣ пороха †), и потомъ еще соль, какъ насущную потребность для каждаго. Около Чимкенда (40 в.) въ горѣ Казы-Куртъ заявлены г. Ѳедоровымъ богатыя селитряныя копи.

---

†) Сѣра получалась и теперь получается преимущественно изъ Гузара, соперничающаго богатствомъ сѣры съ Демавендомъ и снабжающаго вмѣстѣ съ послѣднимъ всю центральную Азію этимъ продуктомъ.

Соль употребляется самосадочная, получаемая изъ многихъ озеръ, и каменная, добывающаяся въ горахъ между Пишпекомъ и Токмакомъ.

Всѣ роды скотоводства находятся исключительно въ рукахъ кочеваго населенія. Въ городахъ и селеніяхъ встрѣчаются только малыя хозяйства.

Овцеводство, по выгодамъ отъ него получаемымъ, должно занять, конечно, первое мѣсто. Нѣтъ ни одного киргизскаго семейства, которое не имѣло бы нѣсколько десятковъ овецъ. У зажиточныхъ онѣ считаются сотнями, а у богатыхъ тысячами. Здѣшнія овцы съ длинною шерстью, большею частью свѣтло-коричневаго цвѣта, и курдюкомъ, доходящимъ иногда до невѣроятной величины †). Содержаніе стада овецъ, какъ бы оно не было многочисленно, киргизу ничего не стоитъ ни зимою, ни лѣтомъ, потому что круглый годъ находится на подножномъ корму. Разжирѣвшій, въ теченіе лѣта, баранъ къ веснѣ худѣетъ отъ непогодъ и дурной пищи, которую ему приводится съ трудомъ доставать изъ-подъ снѣга, оттаивая послѣдній собственнымъ дыханіемъ ††). Стадами барановъ всегда предводительствуетъ нѣсколько козловъ, которые почитаются здѣсь лучшими мастерами къ отысканію кормовыхъ мѣстъ и только для этого содержатся †††).

Постараюсь перечислить выгоды, доставляемыя этимъ животнымъ своимъ владѣльцамъ. Пускаемый въ продажу, баранъ даетъ хозяину до 8 р. с.; это, впрочемъ, бываетъ передъ праздникомъ Курбанъ-байрамъ (жертвоприношеніе Исаака); остальное время года цѣны колеблются отъ 8 до $2^1/_2$ р. Послѣдняя цѣна стоитъ въ весеннее время, когда скотина отощаетъ и волосъ съ нея бываетъ снятъ. Покупателей на барановъ всегда много, такъ какъ это почти единственное мясо, которое здѣсь употребляютъ въ пищу.

Вкусъ мяса здѣшняго барана вовсе не тотъ, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ, оно гораздо нѣжнѣе, не имѣетъ никакого запаха и удобоваримѣе въ желудкѣ. При бѣдной изобрѣтательности средне-азіятской кухни, баранина является ежедневно на обѣдѣ каждаго сарта подъ разными приправами. Киргизы питаются также по большей части бараниною, но по свойственной этому народу экономіи, доходящей нерѣдко до скупости, они готовы морить себя цѣлую недѣлю на одномъ просѣ, прежде нежели рѣшатся уменьшить свое стадо на одну голову ††††).

Кромѣ мяса, остается еще шкурка и сало. Первая продается на базарѣ невыдѣланная отъ 30 до 50 к. с., или же употребляется на изготовленіе турсуковъ, если баранъ зарѣзанъ вскорѣ послѣ стрижки, а сальные скопы, негодные, вслѣдствіе долгаго сбереженія, для пищи, идутъ на салотопенные заводы. Самый же главный продуктъ, не убавляющій численности стада, есть шерсть, которая или везется на базаръ въ сыромъ видѣ, или идетъ на домашнюю фабрикацію изъ нея войлоковъ, валяныхъ шляпъ и армячины. Въ

---

†) Больше $1^1/_2$ пуда.

††) Стада барановъ пускаются зимою за конскими табунами, гдѣ находятъ уже расчищенныя конскими копытами отъ снѣга мѣста, и довольствуются корешками травы, оставшимися отъ стебельковъ, поѣденныхъ лошадьми.

†††) Сарты держатъ иногда по многу козъ, ибо выдѣланный козелъ стоитъ впятеро дороже бараньей шкуры.

††††) Столъ киргиза разнообразится лѣтомъ кумысомъ и овечьимъ молокомъ, а зимою мясомъ стараго верблюда или лошади.

здѣшнихъ мѣстахъ весьма рѣдко встрѣчаютъ извѣстную породу *каракуль* съ мелкою курчавою шерстью, шкурки которой идутъ преимущественно на мѣха.

Послѣ овецъ, самымъ выгоднымъ почитается разведеніе лошадей, но такъ какъ эта отрасль хозяйства требуетъ нѣкотораго капитала, то доступна только лицамъ зажиточнымъ. Есть киргизы, владѣющіе косяками лошадей, состоящими изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ, но есть за то и бѣдняки, не имѣющіе ни одной лошади.

Выгоды отъ заведенія табуновъ такъ привлекательны, что имъ занимаются и нѣкоторые сарты, имѣя у себя главнымъ табунщикомъ, конечно, киргиза. Здѣшнія лошади небольшаго роста, но очень сильны и горячи †).

Цвѣта́ преобладаютъ свѣтлые. Сюда уже вмѣшалась сама природа, ибо вороная лошадь не живетъ долго подъ палящимъ солнцемъ: или шерсть ея выгораетъ и мѣняетъ цвѣтъ, или же лошадь падаетъ отъ солнечнаго удара ††).

Цѣны на киргизскую лошадь колеблются между 10 и 50 руб.; только единственная порода карабаиръ доходитъ до 100 р.. Аргамаковъ здѣсь вовсе нѣтъ; ихъ приводятъ изъ Бухары и Хивы. Родившіеся здѣсь аргамаки очень мѣняются къ худшему и мельчаютъ.

Я не успѣлъ изучить хорошо породу карабаировъ и собрать свѣдѣнія о ея происхожденіи, но едва ли ошибусь, если отнесу ее къ горскимъ породамъ, отличительныя свойства которыхъ состоятъ въ небольшомъ, но стройномъ туловищѣ, держащемся на тонкихъ, изящныхъ и крѣпкихъ ногахъ, красивой головкѣ и правильно выгнутой шеѣ. Признаться, еслибы одинъ сартъ не сказалъ мнѣ, что эта порода выведена изъ Бадахшана, я бы отнесъ ее къ нашимъ карабагскимъ лошадямъ и въ названіи карабаиръ видѣлъ бы искаженіе слова карабагі́, т. е. карабагская.

Выгоды, получаемыя отъ табуновъ, кромѣ употребленія лошади въ пищу, при чемъ шкура идетъ на базаръ, состоятъ въ продажѣ †††).

Мнѣ не случалось слышать, чтобы здѣсь лошадь служила подъ вьючную перевозку тяжестей ††††); ихъ запрягаютъ здѣсь въ двухколесныя арбы съ древнихъ временъ.

Разведеніе верблюдовъ, въ смыслѣ отдѣльнаго хозяйства, опять-таки находится въ рукахъ киргизъ, и положительно нѣтъ ни одной кибитки, которая не имѣла бы хоть пары верблюдовъ — самца и самку.

Здѣсь существуютъ двѣ породы верблюдовъ: двугорбые *айры-тюя* и одногорбые *наръ-тюя*. Послѣдняя порода здѣсь покуда мало распространена, и одногорбые верблюды, встрѣченные мною, по большей части были уроженцами Бухары. Они сильнѣе двугорбыхъ, но за то гораздо капризнѣе ихъ и злѣе.

---

†) Для пополненія нашей артиллеріи предполагалось покупать лошадей или въ укрѣпленіи Вѣрномъ отъ сибирскихъ киргизъ, или въ фортѣ № 1 отъ киргизъ, кобылицы которыхъ скрещиваются съ хивинскими аргамаками.

††) Лѣтомъ отъ овода и солнца лошадей одѣваютъ въ чахлы, смоченные водою.

†††) Въ настоящее время лошади употребляются на почтовую гоньбу, но въ этомъ киргизы видятъ мало для себя выгоды.

††††) Арбы существуютъ только въ Кокандскомъ ханствѣ. Въ Бухарѣ эти арбы называютъ арабаи-коканди, т. е. кокандская арба.

Верблюдъ еще менѣе взыскателенъ на пищу, чѣмъ лошадь и овца; онъ можетъ питаться колючкою, которую даже очень любитъ.

Уходъ за верблюдомъ зимою гораздо труднѣе, нежели за остальными животными. Лошадь и овца во время степныхъ бурановъ прячутся за какое нибудь небольшое возвышеніе, не боятся морозовъ и вообще переносливѣе, верблюдъ же боится холода и бурана, и потому цѣлую зиму ходитъ въ войлочномъ чахлѣ.

Кромѣ шерсти, кожи и мяса, употребляемаго въ пищу, верблюды доставляютъ хозяину большой доходъ при перевозкѣ каравановъ. Мнѣ разсказывали, что порядочный верблюдъ, поднимающій на себѣ отъ 18 до 20 пуд, легко можетъ заработать 100 р. въ годъ. Не смотря на такія важныя выгоды отъ верблюдовъ, они продаются отъ 40 до 150 р. за голову. Маленькаго можно купить за 10 р. с. †).

Нелишнимъ считаю сказать здѣсь о варварскомъ обращеніи киргиза съ этимъ полезнымъ животнымъ. Годовалому верблюду прорѣзывается отверстіе въ перегородочномъ носовомъ хрящѣ и туда вставляется палка съ крючкомъ или кость, а къ ней привязывается веревка, замѣняющая узду. Когда верблюдъ заупрямится и не слушаетъ своего хозяина, не хочетъ лечь или идти впередъ, то его понуждаютъ къ тому частымъ и сильнымъ подергиваніемъ за узду, сопровождающимся появленіемъ крови и нерѣдко полнымъ разрывомъ ноздри. Подобное несчастіе случается съ верблюдами и во время караваннаго шествія, когда они привязаны одинъ къ другому уздою. Прорѣзываніе ноздри завелось только у киргизъ, кочующихъ въ Туркестанской области; въ Бухарѣ это запрещается строго; въ Персіи верблюды также имѣютъ обыкновенную узду. Говорятъ, что и здѣсь нѣкоторые кокандскіе ханы запрещали такое варварское обращеніе съ этимъ животнымъ, но ихъ приказаній не слушались.

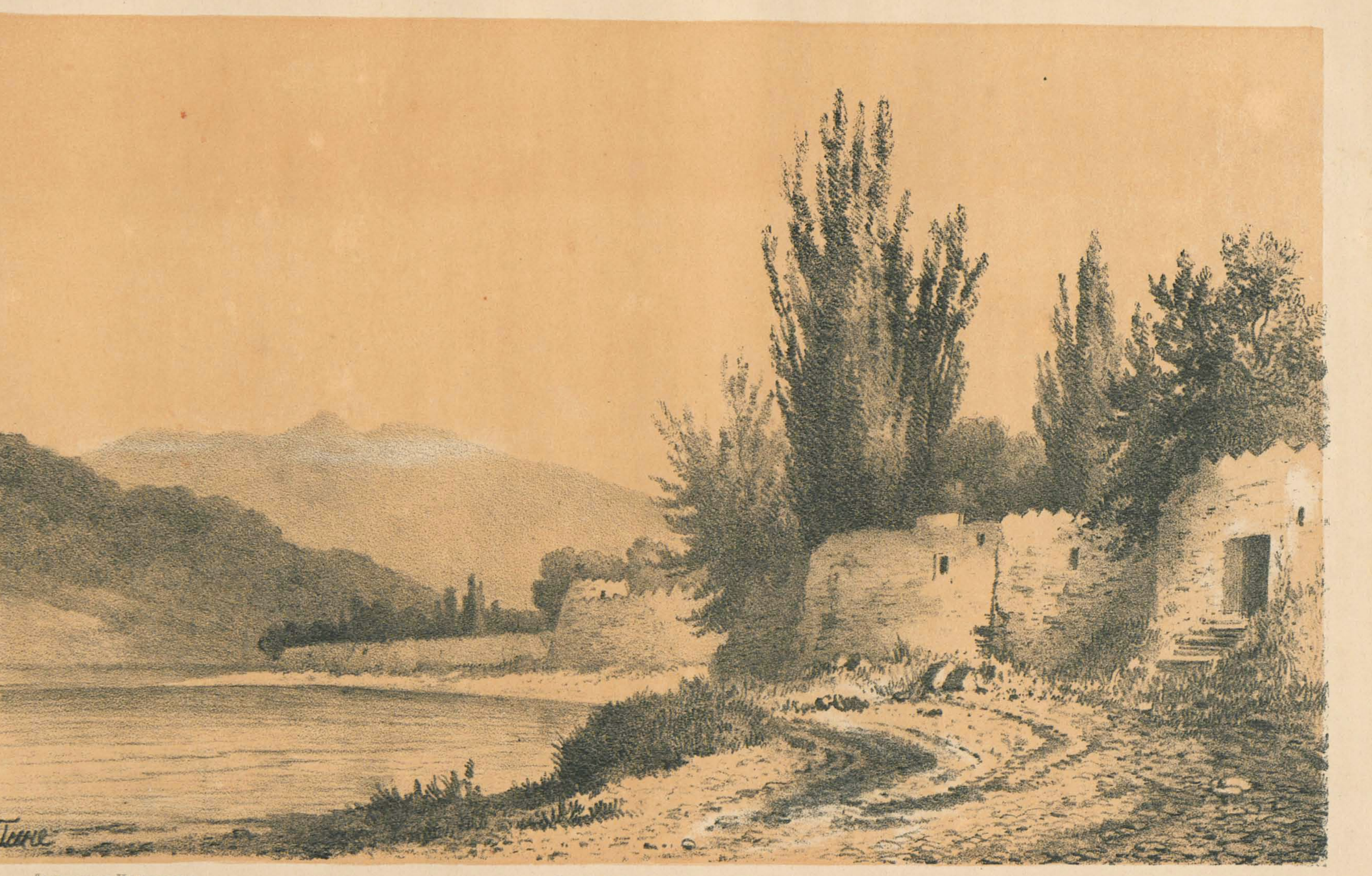
Рогатый скотъ можно встрѣтить у осѣдлаго населенія края и у киргизъ-хлѣбопашцевъ, которые содержатъ по преимуществу быковъ для обработки полей. Большинство пашетъ, впрочемъ, верблюдами. Сарты же, кромѣ этого, уважаютъ корову, какъ домашнюю скотину, доставляющую имъ молочные скопы.

Рогатый скотъ здѣсь не породистъ, по причинѣ плохаго ухода за нимъ, мелокъ и слабосиленъ, но даетъ много молока. Мясо его рѣдко употребляется въ пищу и то бѣднымъ населеніемъ, такъ какъ говядина продается гораздо дешевле баранины. Изъ молока приготовляется коровье масло — *катыкъ* (родъ кислаго молока), употребляемое въ приправу кушаній, и творогъ, изъ котораго дѣлаютъ особаго рода сыръ (эремчикъ). Убитая скотина даетъ шкуру. Главная же польза отъ рогатаго скота заключается въ обработкѣ поля и молотьбѣ. Разведеніе рогатаго скота здѣсь не составляетъ отдѣльнаго хозяйства.

Вотъ всѣ отрасли скотоводства, существующія въ Туркестанской области. Остается упомянуть о томъ, что сарты держатъ у себя, смотря по достатку, разную домашнюю птицу: куръ, гусей, индѣекъ и утокъ. Киргизъ лишенъ этого удовольствія, такъ какъ при кочевой жизни разведеніе птицъ положительно не возможно и не практично.

---

†) Въ Средней Ордѣ верблюды цѣнятся гораздо дешевле.

Дозволено Цензурою   Съ натуры рисов. Д. Вележевъ.   Литогр. Беккера и К°

ХОДЖЕНДЪ

Городская стѣна.

Имѣющійся у него скотъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ его потребностямъ: кормитъ, одѣваетъ, обработываетъ поле и еще служитъ при перекочевкѣ. Интересно видѣть картину перекочевки бѣднаго киргизскаго семейства. У него не только лошадь, верблюдъ и оселъ навьючены юртою, утварью и дѣтьми, но и корова съ теленкомъ, и баранъ съ козою несутъ на своихъ хребтахъ кто котелки, кто лохань, кто вязанку дровъ, кто коверъ и войлокъ.

Богатому бію, живущему доходами съ своего рода и своихъ табуновъ, проводящему почти всю свою жизнь въ лежаніи, ѣдѣ и удовольствіяхъ полигаміи, нужно же по временамъ какое-нибудь развлеченіе и моціонъ. Это развлеченіе онъ находитъ въ соколиной, ястребиной охотѣ, или охотѣ съ беркутомъ на мелкаго пушнаго звѣря.

Коснувшись этого предмета, я не смѣю не сказать нѣсколько словъ вообще о положеніи звѣроловства въ Туркестанской области. Природа наградила богато этотъ край всякимъ звѣремъ, особливо лѣвый флангъ, который славится самыми разнообразными породами, начиная отъ медвѣдя, марала и дикихъ козъ и доходя до куницы, хорька и тушканчика. Словомъ, звѣроловство вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру туземнаго звѣринаго промысла, потому что здѣсь звѣрей не стрѣляютъ и не бьютъ, а ловятъ, прибѣгая къ различнымъ хитростямъ. Крупнаго звѣря, какъ тигръ, олень и дикая коза, сперва выслѣживаютъ, дѣлаютъ облаву и потомъ загоняютъ или въ нарочно строенный частоколъ, или въ яму съ торчащими острыми кольями. Мелкій пушной звѣрь промышленниками ловится капканами, силками, петлями и различнаго устройства ловушками.

Мнѣ кажется, что тѣ, которые полагаютъ, что звѣроловство въ степи не существуетъ въ видѣ особаго промысла, а развито въ малыхъ размѣрахъ, много ошибаются. Судя по наплыву на ташкендскій рынокъ массы пушнаго товара, продающагося и въ разноску, и большими партіями, нужно полагать, что, напротивъ, звѣроловство тамъ составляетъ одинъ изъ значительныхъ промысловъ кочеваго населенія, потому что, по словамъ туземцевъ, сюда попадаетъ самая незначительная часть этого товара; большая же часть увозится на линію оренбургскую, или скупается, проходящими чрезъ степь, караванами.

Отъ звѣроловства въ торговлю поступаютъ слѣдующіе предметы: мѣха—лисьи, куньи, песцовые, хорьковые, сурковые и горностаевые, шкуры - тигровыя, рысьи, сайгачьи, волчьи и оленьи. Кости нѣкоторыхъ звѣрей употребляются на выдѣлку изъ нихъ черенковъ для ножей и рукоятокъ для сабель. Оленьи рога цѣнятся весьма дорого, такъ какъ изъ нихъ выдѣлываются остовы для сѣделъ. Пара такихъ роговъ цѣнится отъ 6 до 10 рублей.

Слѣдуя принятой мною системѣ, я долженъ въ настоящую главу внести отдѣлъ о рыболовствѣ. Вмѣсто того, чтобы говорить о богатствѣ рыбою р. Сыръ-Дарьи и ея притоковъ, я долженъ сказать, что въ настоящее время рыболовства здѣсь вовсе не существуетъ; и ни у сартовъ, ни у киргизъ не замѣчено мною особенной охоты къ этому промыслу, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно когда-то здѣсь существовало. Доказательствомъ тому служитъ во первыхъ знакомство жителей съ рыбьимъ клеемъ, существованіе на ихъ языкѣ названій различныхъ предметовъ, употребляющихся при рыболовствѣ, и одна небольшая легенда, а именно: недалеко отъ того мѣста, гдѣ построенъ

фортъ № 2, находится могила киргизскаго святаго, слывущаго подъ именемъ Кармакчи †), т. е. удильщикъ, которому дано это имя вслѣдствіе того, что онъ цѣлую жизнь питался единственно рыбою ††). Кромѣ этой легенды, мнѣ доводилось слышать разсказы, какъ въ голодные годы киргизы прибѣгали къ рыбѣ, какъ послѣднему средству поддержать свое существованіе. Тогда уже рыбный промыселъ появлялся не только на Сыръ Дарьѣ, но и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ и озеркамъ.

Однако, изъ немаловажныхъ причинъ, препятствующихъ распространенію этого промысла и потребленія рыбы въ пищу, можно счесть вліяніе мусульманскаго духовенства, трактующаго о томъ, что извѣстную породу можно употреблять въ пищу, а другую грѣшно, и, чтобы не совершать грѣха, даже по невѣдѣнію, неумышленно, лучше вовсе отказаться отъ такой пищи, если въ ней не чувствуется насущной потребности.

Впрочемъ, стоитъ только наглядны мъ образомъ показать киргизу выгоды, доставляемыя рыболовствомъ, онъ непремѣнно съ жадностью бросится на этотъ промыселъ. Я видѣлъ даже примѣръ этому. Въ то время, когда отрядъ нашъ стоялъ еще на Сыръ Дарьѣ, киргизы чанычкулинскаго рода услыхали отъ уральскихъ казаковъ, что послѣдніе получаютъ за пойманнаго осетра или шипа отъ 5 до 10 р., завели у себя багры, сочинили самодѣльный неводъ и стали приносить на правый берегъ (такъ какъ на лѣвый, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, ихъ не пускали) для продажи такихъ же большихъ осетровъ и шиповъ.

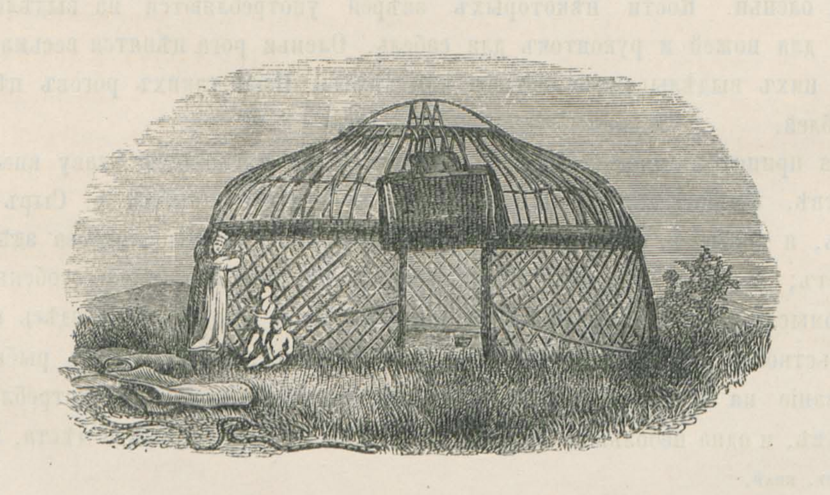
Нужно надѣяться, что, при колонизаціи края и при увеличеніи здѣсь русскаго населенія, рыбные промыслы будутъ составлять выгодную статью для дохода.

Колонисты для сыръ-дарьинской линіи должны быть избираемы непремѣнно изъ поселянъ волжскихъ, днѣпровскихъ и другихъ губерній, гдѣ къ рыболовству и умѣнью владѣть весломъ каждый привыкаетъ съ ранняго дѣтства.

---

†) Фортъ № 2 извѣстенъ у туземцевъ подъ именемъ *Кармакчи* Кармакъ значитъ удочка.

††) Братъ его—также святой—называется Джапракчи, т. е. собиратель листьевъ. Джапракъ значитъ листъ. Джапракчи, по народному преданію, питался исключительно растеніями.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

МАНУФАКТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Для читателя, никогда не бывавшаго въ Туркестанскомъ краѣ, я долженъ замѣтить, что здѣсь отсутствуетъ всякое фабричное производство. Причинъ этому весьма много: во первыхъ — недостатокъ осѣдлаго населенія, во вторыхъ — сельско-хозяйственный характеръ его дѣятельности, и въ третьихъ — трудность полученія здѣсь фабричныхъ механизмовъ.

На базарахъ изрѣдка только можно встрѣтить издѣлія мѣстныхъ обывателей, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ и самаго низшаго достоинства сравнительно съ ханствами.

Единственное мѣсто, которое могло бы еще соперничать съ Бухарой и Кокандомъ,— это Ходжендъ, гдѣ производство бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій почитается непослѣднимъ средствомъ къ поддержанію народнаго благосостоянія. Но и здѣсь недостатокъ капиталовъ, отсутствіе техническихъ свѣдѣній и чрезвычайная трудность добыть, нужные для болѣе обширнаго производства, рабочіе матеріалы и топливо препятствуютъ устройству фабрики, хоть бы въ видѣ ассоціаціи. Не имѣя правильной организаціи, улучшенныхъ способовъ обработки, мануфактурная промышленность, однако же, занимаетъ извѣстную часть населенія каждаго города, каждаго мѣстечка; даже, можно сказать, каждая киргизская джуламюйка †) — фабрика, гдѣ валяются шляпы, ткется армячина, или чинится какое-нибудь подобное производство, какъ и у насъ въ Россіи между сельскимъ населеніемъ. Но дальше уже здѣшняя обработывающая дѣятельность почти нейдетъ. Единственный шагъ, который она сдѣлала на этомъ поприщѣ,—это устройство такъ называемой *кустарной* промышленности, которая состоитъ въ томъ, что, напримѣръ, при бумажномъ производствѣ, одинъ капиталистъ раздаетъ извѣстнымъ ему семействамъ очистку хлопка, другимъ—пряденіе, третьимъ— ткачество, четвертымъ — окраску и т. д., что не обязываетъ его ни къ устройству помѣщенія для мастеровыхъ, ни къ покупкѣ станковъ, ни къ платѣ за то время,

†) Войлочная палатка.

которое рабочіе сидѣли бы безъ работы. Вотъ, именно, таковъ характеръ этой промышленности въ Туркестанской области, и при этомъ здѣсь, какъ и у насъ въ Россіи, большая доля труда падаетъ на женщинъ и подростковъ, которые занимаются очисткою хлопка, пряжею, наматываніемъ нитки на цѣвки и пр.

Выдѣлка бумажныхъ издѣлій требуетъ много условій, чтобы быть совершенною, тѣмъ болѣе при ручной работѣ. Не говоря уже про самое достоинство хлопка, очистка его здѣсь производится женщинами и, нужно отдать справедливость, весьма небрежно, что конечно имѣетъ не мало вліянія и на пряжу, ибо хлопчатая куделя, полная шелухи, даетъ нитку неровную, которая не только въ станкѣ, но и во время самаго процесса пряденія часто рвется, а это уже прямо вліяетъ на чистоту матеріи. Ткачествомъ же занимаются по преимуществу мужчины, и дѣло свое дѣлаютъ исправно. Слѣдующій за тѣмъ процессъ окрашиванія, набивка, здѣсь ниже не только нашего русскаго, но и бухарскаго; за то матерія, сотканная изъ окрашенной нитки, выходитъ удачнѣе и отличается своею нелинючестью.

Изъ одной бумаги здѣсь выдѣлываются слѣдующія матеріи:

Бязь или *Кербазъ*, обыкновенная бумажная некрашеная матерія, продающаяся на мѣстѣ отъ 4 до 6 коп. аршинъ. Низшій сортъ бязи называется *астáръ*, идетъ на подкладку, ткется такъ рѣдко, какъ рѣшето, но продается не дешевле кербаза.

Басмà—выбойка. Та же бязь, только набивная, по преимуществу красная. Продается отъ 5 до 6 коп. аршинъ.

Алачà — бумажная матерія изъ крашеной нитки, полосатая съ преобладающимъ синимъ цвѣтомъ; идетъ на халаты; цѣною отъ 10 до 15 коп. аршинъ.

Полубумажныя матеріи съ шелковой разныхъ цвѣтовъ ниткой извѣстны подъ слѣдующими названіями:

Бикасабъ,—основа бумажная, полосатый разныхъ рисунковъ.

Адрасъ — тоже самое, что и бикасабъ; отличается отъ него только стрѣльчатымъ рисункомъ.

Дуруй — двухлицевой адрасъ; приготовляется только въ Ходжендѣ и во многомъ уступаетъ кокандскому и мариглянскому.

Бенарясъ, — отличается отъ бикасаба цвѣтомъ, именно бываетъ бѣлаго цвѣта съ частою темною полосою.

Всѣ полушелковыя матеріи почти исключительно изготовляются въ Ходжендѣ; бумажныя же—во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ Туркестанской области.

Кромѣ означенныхъ матерій, есть еще и другія названія, но я ихъ не пересчитываю, ибо, при множествѣ наименованій, разница въ матеріяхъ самая ничтожная и состоитъ въ различіи рисунковъ. Если бы такимъ образомъ описывать наше или европейское производство, то набралось бы до нѣсколькихъ тысячъ сортовъ.

Въ Туркестанской области тряпье не идетъ въ дѣло, а бумага азіятская выдѣлывается изъ сырого хлопка и потомъ лощится, для удобства хожденія по немъ каляма (тростниковаго пера), кускомъ толстаго стекла или какого-нибудь минерала, или же шлифованною костью. Впрочемъ, мнѣ кто-то говорилъ, будто оберточная бумага, продающаяся на ташкендскомъ базарѣ,—туземнаго производства и приготовляется изъ тряпья однимъ

ногайцемъ; но, хотя и правдоподобно, что могъ найтись въ средѣ бѣглыхъ татаръ одинъ, знакомый съ производствомъ бумаги, однако мнѣ не вѣрится, потому что даже азіятская бумага привозится изъ Коканда, а если бы было производство оберточной бумаги, тогда при немъ, конечно, существовало бы отдѣленіе для приготовленія и лучшаго сорта.

У горцевъ, кочующихъ между Дизакомъ и Пенджкендомъ, тряпка идетъ на приготовленіе подошвы для башмаковъ, приспособленныхъ къ хожденію по горамъ и называющихся *гивэ*. Для этого тряпка мочится весьма долгое время, потомъ пропитывается животнымъ клеемъ и сбивается въ толстую прочную массу, а у носковъ и пятки этихъ гивэ вдѣлывается кусокъ расплюснутаго коровьяго рога для того, чтобы эти части башмаковъ меньше терпѣли отъ ходьбы по камню, а потомъ для того, чтобы удобнѣе было спускаться и подниматься по склонамъ, состоящимъ изъ мелкаго камня.

Въ Ташкендѣ изъ хлопка вьютъ веревки и толстыя, и тонкія и приготовляютъ нитки.

Послѣ хлопка всѣ остальные продукты царства растительнаго играютъ уже самую незначительную роль въ промышленности обработывающей.

Изъ маслянистыхъ растеній—мака, миндаля, кунжута жмутъ масло по большей части въ такой мѣрѣ, сколько нужно для дома. Продавцы масла бываютъ сами же и его производители.

Красильныя растенія не приносятъ никакой пользы, потому что здѣсь не умѣютъ приготовлять краски. Вся краска везется изъ Россіи или Бухары †), кромѣ приготовляемой изъ марены, ибо добываніе краски изъ марены уже весьма просто. Стебли и корни травы, опущенные въ воду, даютъ красную краску; если же эту красную краску поставить въ теплое мѣсто и заставить ее бродить, что дѣлается подливаніемъ дрожжей или бросаніемъ въ нее листьевъ, производящихъ броженіе, то она превращается въ желтую. Изъ нея получаютъ и красную краску, которую и употребляютъ по преимуществу на окрашиваніе туземной замши и бараньихъ шубъ.

Ниль (индиго), растущій здѣсь въ дикомъ состояніи, не обратилъ до сихъ поръ на себя вниманія туземцевъ.

Не безъинтереснымъ почитаю упомянуть здѣсь объ употребленіи крашенаго бересты для обивки сундуковъ и шкатулокъ, обшивки сѣделъ и для оклейки комнатъ въ видѣ бордюровъ у потолковъ вдоль стѣнъ. Свертокъ крашенаго береста, составляющій, примѣрно, одинъ аршинъ нашихъ обоевъ, продается въ мелочной торговлѣ отъ 8—10 коп. сер., т. е. равняется стоимостью хорошимъ сортамъ нашихъ обоевъ. Самымъ дорогимъ сортомъ почитается бересто, окрашенное въ бѣлую краску съ черными или красными кружками и крестами; съ бѣлыми кружками же по темно-зеленому, черному или красному фону почитается болѣе дешевымъ. Бересто привозится сюда съ лѣваго фланга и, можетъ быть, изъ Сибири.

Сарты очень благоговѣютъ передъ шелковичными червями; они почитаютъ это насѣкомое высочайшею милостью, ниспосылаемою Господомъ Богомъ.

---

†) Бухара большую часть красокъ получаетъ также изъ Россіи, хотя тамъ получается краска и чрезъ южныя границы.

— Для мусульманъ,—говорятъ они,—Богъ проявилъ такое чудо: у васъ, у русскихъ нѣтъ шелководства, во Франгистанѣ также нѣтъ шелководства, у инглисовъ также его нѣтъ; а мы мусульмане — вотъ за это насъ Господь и благословилъ такою чудесною тварью.

Спорить съ ними не стоило, потому что они не знаютъ о существованіи въ Италіи и южной Франціи шелководства. Они хлопочутъ о шелковичномъ червякѣ, какъ нельзя болѣе. Передъ появленіемъ почекъ у тутовыхъ деревьевъ, часть населенія подъ мышками, а женщины подъ грудью навязываютъ себѣ мѣшочки съ сѣменемъ шелковичнаго червя.

— Если хорошій и честный человѣкъ выводитъ червяковъ, то они не будутъ хворать, не погибнутъ, говорятъ они, а подвернись какой-нибудь развращенный и больной какою-нибудь зазорною болѣзнью — у него сейчасъ всѣ черви перемрутъ.—Вотъ вамъ теорія о болѣзняхъ здѣшнихъ червей.

Производство самаго шелка червяками устраивается самымъ обыкновеннымъ образомъ, т. е. они пожираютъ чрезвычайно много тутовыхъ листьевъ и свертываются въ нихъ въ коконъ. Морятъ ихъ на солнцѣ; потомъ коконы разматываются самымъ первобытнымъ способомъ мимо всякой теоріи, отъ чего происходитъ шелковая нитка чрезвычайно неровная, препятствующая правильному развитію шелковаго дѣла.

Производство чисто шелковыхъ матерій здѣсь весьма ничтожно и стоитъ очень низко— ниже гораздо сосѣднихъ ханствъ.

Причина малаго приготовленія чисто шелковыхъ тканей заключается въ ограниченномъ числѣ потребителей. Мусульманская религія (сунитскаго толка) возбраняетъ правовѣрнымъ вообще излишнюю роскошь, особливо же ношеніе шелковой одежды мужчинамъ, поэтому полушелковыя матеріи здѣсь въ большомъ ходу; шелковыя же потребляются единственно женскимъ населеніемъ †). Спросъ на шелковыя ткани мѣстнаго (преимущественно ходжендскаго) приготовленія самый ничтожный, ибо на здѣшнихъ базарахъ съ нимъ конкурируютъ матеріи Бухары, Коканда и Маргиляна, гдѣ онѣ выдѣлываются много изящнѣе, и цѣнятся весьма дорого. На вывозъ же въ Россію здѣсь вовсе не готовятъ шелковыхъ матерій; доказательствомъ тому служитъ размѣръ куска здѣшнихъ матерій: онѣ приготовляются отъ 7 до 11½ аршинъ, между тѣмъ какъ для Россіи въ Бухарѣ канаусы приготовляются въ кускахъ отъ 18 до 20 аршинъ.

Я упомяну, однако, два сорта матерій, которыя выходятъ, хотя въ самомъ ничтожномъ количествѣ, съ ташкендскихъ станковъ. Это *шагй* и *шагй-ипэкъ-аркакъ*. На базарахъ обѣ эти матеріи ташкендскаго производства трудно встрѣтить, потому что онѣ не въ состояніи соперничать съ тѣми же матеріями, но лучшаго бухарскаго производства. Ихъ можно заказать выткать, или случайно купить, ибо если и заготовляются эти матеріи, то только для домашней потребности.

Шаги — это канаусъ одноцвѣтный или стрѣльчатый, ткется концами въ 7 или больше аршинъ, и въ продажѣ обходится отъ 75 до 90 к. сер. за аршинъ.

---

†) Я знаю случай, какъ одинъ ревностный мусульманинъ, получившій отъ генералъ-маіора Черняева почетный дорогой бархатный халатъ на шелковой подкладкѣ, отпоролъ эту подкладку и подложилъ вмѣсто нея ситецъ, дабы быть все-таки въ полушелковой, а не чисто шелковой одеждѣ.

Шаги-ипэкъ-аркакъ — родъ атласа; въ покупкѣ аршинъ обходится также отъ 75 — 90 коп. сер.

При самой грубой отдѣлкѣ и при такой высокой цѣнѣ и эти единственныя шелковыя мѣстнаго производства матеріи непремѣнно не нашли бы покупателей, если бы здѣсь явились шелковыя произведенія, хотя бы русской фабрикаціи, такъ какъ онѣ не могутъ выдержать конкуренціи Маргиляна и Бухары. Такая участь ихъ со временемъ и ожидаетъ. Примѣры видимъ на Персіи, гдѣ, съ появленіемъ на рынкахъ шелковыхъ европейскихъ тканей и нашего шемахинскаго канауса, матеріи мѣстнаго производства разомъ пали невѣроятно въ цѣнѣ. Такъ въ 1862 г. въ г. Сары въ Мазандеранѣ я купилъ кусокъ полосатаго канауса по $52^1/_2$ коп. за персидскій аршинъ, равняющійся $1^1/_2$ русскимъ аршинамъ. Это не удивительно и весьма правдоподобно, если принять во вниманіе, что тамъ всѣ крестьяне начали ходить въ шелковыхъ рубахахъ и шараварахъ.

Производство издѣлій изъ шерсти носитъ совершенно другой характеръ и дошло до возможной степени совершенства, если принять во вниманіе отсутствіе здѣсь славящихся своею шерстью породъ овецъ и незатѣйливость издѣлій, на которыя она идетъ.

Шерстяное производство, какъ и всякое другое, кромѣ прочихъ условій, много зависитъ отъ приготовительныхъ работъ: стрижки, сортированія, промывки и окрашиванія волоса. Все это здѣсь находится въ крайнемъ пренебреженіи. Предъ стрижкою стадо вгоняютъ въ воду — это правда, но неглубокіе горные потоки не могутъ покрыть спины овцы, и, кромѣ того, стадо такъ намутитъ воду, что вмѣсто промыванія еще болѣе загрязнится; промываніе же въ стоячей водѣ еще менѣе отвѣчаетъ цѣли. При стрижкѣ всю шерсть съ живой и мертвой овцы кладутъ вмѣстѣ; нечего уже, слѣдовательно, и говорить, что здѣсь не сортируется волосъ нисколько, и шерсть, снятая со спины и лопатокъ, смѣшивается со снятою съ брюха и ногъ. Понятно, что при такомъ обхожденіи съ шерстью ничего не можетъ выйти путнаго. Но здѣшніе мануфактуристы — кочевники и не пускаются производить изъ шерсти что-нибудь тонкое, изящное. Снятая шерсть съ овцы, верблюда, козы идетъ на приготовленіе войлоковъ, валяныхъ шляпъ, арканов и толстой матеріи на шитье чуваловъ (мѣшковъ). Я говорилъ въ предъидущей главѣ, что все скотоводство почти исключительно находится въ рукахъ кочующаго населенія. Это же самое населеніе занимается выдѣлкою изъ шерсти всѣхъ вышеупомянутыхъ издѣлій по самымъ первобытнымъ способамъ обработки. Доброкачественность и вкусъ, въ приготовленныхъ въ Туркестанской области, шляпахъ, узорныхъ войлокахъ и полосатыхъ чувалахъ признана за ними во всей средней Азіи, и предметы эти вывозятся въ большомъ количествѣ въ Кокандъ, Россію, особливо же въ Бухару.

Къ роду болѣе деликатныхъ издѣлій изъ шерсти можно отнести армячину и тѣ ткани, куда шерсть идетъ пополамъ съ шелкомъ. Армячина эта по дешевизнѣ своей и по нѣжности цвѣтовъ тѣлеснаго и свѣтло-коричневаго нашла много потребителей и между русскимъ населеніемъ. Бѣлую армячину офицеры и писаря весьма охотно употребляютъ на пальто; свѣтло-коричневая же, замѣняя здѣсь бараканъ, идетъ на обивку мебели и драпировку комнатъ.

Изъ шерсти съ шелковою ниткой ткутся два сорта матерій, отличающіеся одинъ отъ другаго только цвѣтомъ: *Перипаша* — синяя съ бѣлыми полосками и *Бенарясъ* — бѣлая съ темными полосками.

Обѣ эти матеріи, цѣною отъ 50 до 80 к. за аршинъ, употребляются на дорожные верхніе чекмени болѣе зажиточными. Побѣднѣе носятъ въ дорогѣ чекмени изъ армячины.

Шерстяное производство, заключающееся преимущественно въ выдѣлкѣ грубыхъ издѣлій, не имѣетъ даже характера кустарнаго; и здѣсь владѣлецъ сыраго матеріала самъ же становится и производителемъ, и, пожалуй, главнымъ потребителемъ. Нужно много навалять войлоковъ для однихъ только кибитокъ кочеваго населенія, раскинувшагося отъ оренбургской губерніи и до китайской границы. Не имѣя рѣшительно ни одной цифры, отъ которой бы можно было идти къ вычисленію количества войлока, потребляемаго на кибитки, я ограничусь только показаніемъ, что большая хорошая кибитка съ деревяннымъ остовомъ, сажени двѣ въ діаметрѣ, обходилась казнѣ отъ 45 до 55 р., а частному лицу стоила не дороже 30 р. серебромъ. Эта цифра показываетъ, что матеріалъ, потребляемый на нее здѣсь не высоко цѣнится. Самый большой войлокъ, сажени двѣ длины и $2^1/_2$ арш. ширины, продается въ отдѣльной продажѣ не выше 4 рублей, а самая цѣнная часть киргизской юрты состоитъ въ остовѣ.

Валяніе шляпъ должно также доходить до громадныхъ размѣровъ, такъ-какъ не только всѣ кочевники, но и сарты на случай путешествій имѣютъ по крайней мѣрѣ по одной войлочной шляпѣ, и, кромѣ того, такими шляпами, приготовленными въ Туркестанской области, завалены базары ханствъ, гдѣ ими запасаются не только иляты аму-дарьинской долины, но и иляты сѣверныхъ частей Афганистана и ближайшихъ провинцій Персіи. Такая шляпа въ отдѣльной продажѣ обходится отъ 20 до 60 к. с., смотря по наружной отдѣлкѣ, состоящей изъ обшивки чернымъ плисомъ по краямъ и изъ отворотовъ, подбитыхъ яркими ситцами.

Кромѣ того, шерсть даетъ весьма важный матеріалъ, необходимый для караванной торговли, именно: изъ нея ткется матерія для чуваловъ (шерстяныхъ мѣшковъ), въ которые укладывается всякій товаръ, не боящійся ломки, и арканы, т. е. шерстяныя веревки. Арканы продаются концами, и конецъ, аршинъ въ 15, въ отдѣльной продажѣ обходится отъ 15 до 20 к. с. Оба эти продукта составляютъ предметъ вывоза въ ханства. Конскіе хвосты идутъ на приготовленіе ткани, служащей покрываломъ для лица сартянокъ, при выходѣ ихъ изъ дома, и на приготовленіе ситъ.

Кожевенное производство въ Туркестанской области, какъ и всѣ прочія производства, не смотря на изобиліе сыраго матеріала, составляющаго предметъ вывоза, мало развито и находится на самой низкой степени. О кожевенныхъ заводахъ и говорить нечего — ихъ не существуетъ. Каждый шорникъ, сапожникъ и мѣховщикъ самъ выдѣлываетъ нужные для своего производства матеріалы, или покупаетъ приготовленные въ чужихъ краяхъ. Такъ о дубленіи здѣсь не имѣютъ понятія и юфть, сафьянъ и лосину получаютъ изъ Россіи, *сауровую* кожу †) и низшіе сорты *чàрма* изъ Бухары и Персіи ††).

Въ самой же области выдѣлывается родъ замши изъ козла и барана и приготовляются нагольныя шубы изъ мелкаго пушнаго звѣря. Для этого сырая шкура кладется въ яму,

---

†) Сауръ выдѣлывается изъ ослиной шкуры въ Бухарскомъ ханствѣ и называется гумухтъ. Славятся самаркандскіе сауры.

††) Такъ называется всякая выдѣланная кожа—яловая, опойковая и проч. Здѣсь славится хамаданскій армъ.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

Часть старой цитадели.

пересыпанная смѣсью соли, золы и ячменной муки и, вымоченная такимъ образомъ въ теченіе извѣстнаго времени, шкура очищается отъ нечистотъ, натирается мѣломъ и потомъ способна принимать какія угодно краски. Изъ приготовленныхъ такимъ образомъ кожъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два рода: козловая и баранья; послѣдняя во многомъ уступаетъ первой и потому цѣнится гораздо дешевле. *Миши*, родъ замши изъ бараньей шкуры, покупается въ поштучной продажѣ по 30 к. с. *Пусти-бузъ*, тоже родъ замши изъ козловой шкуры, стоитъ 1 р. 50 к. и дороже одна штука. Обѣ окрашиваются въ оранжевый или малиновый цвѣтъ. Желтая краска, употребляемая для этого, называется *зерчуба* и добывается изъ кореньевъ ревеня †), а красная изъ марены. Выдѣланныя такимъ образомъ, шкуры идутъ по преимуществу на шаравары. Бараньи готовые шаравары, боящіеся мокроты, продаются не ниже 1 р. 50 к. с., козловые же отъ 15 до 25 р., смотря по количеству и изяществу шелковыхъ узоровъ, вышивкою которыхъ занимаются женщины. Кромѣ шараваръ, эта замша можетъ идти на всевозможныя употребленія. Наши солдаты понашили себѣ изъ нея не только панталоны, но и жилетки, фуфайки, кисеты и нагрудники ††).

Чтобы получить хорошо выдѣланныя шкурки, нужно заказать ихъ; на базарѣ достать трудно — и то самаго низкаго достоинства. Здѣсь появляется эта замша только въ издѣліяхъ: шараварахъ, потникахъ, сумкахъ, сбруѣ и т. п. Я, заказывая себѣ, спрашивалъ, нельзя ли окрасить въ какой-нибудь другой цвѣтъ, кромѣ малиноваго и желтаго; оказалось, что можно еще придавать этой замшѣ цвѣта черный и синевато-сѣрый.

Говоря о кожевенномъ производствѣ, нельзя не упомянуть о приготовленіи турсуковъ изъ бараньей шкуры для храненія кумыса и воды †††) и о сыромятныхъ ремняхъ изъ верблюжьей шкуры.

Мыловаренное производство я не наблюдалъ и о немъ ничего не знаю. Мыло, встрѣчаемое на базарѣ, по преимуществу русскаго приготовленія; туземное же мыло— самаго низкаго сорта сѣровато-черное со множествомъ золы и песка; въ продажу идетъ что-то очень дешево.

†) Туркестанская область весьма богата растительными веществами: тамъ можно найти корешковый ревень, лукъ, марену, индиго, дикій инбирь и другія растенія, дающія краски всевозможныхъ цвѣтовъ. Я хотѣлъ обратить особенное вниманіе на туземные способы добыванія красокъ, но кратковременное мое пребываніе въ Ташкендѣ и постоянныя служебныя обязанности при господинѣ Романовскомъ помѣшали мнѣ въ этомъ. Тамъ употребляются какъ красильныя вещества: ревень, марена, букъ, луковая шелуха и чай. Но это не мѣшаетъ имъ вывозить изъ Россіи всевозможныя краски, между тѣмъ какъ край этотъ, при малѣйшемъ знакомствѣ съ химическими пріемами, могъ бы легко и весьма дешево изъ одной только марены получать красную, желтую, голубую съ составными зеленою и фіолетовою красками.

††) Я слышалъ, будто составленъ проэктъ обмундированія войскъ, стоящихъ въ Туркестанской области, которымъ положено ввести для нижнихъ чиновъ шаравары изъ такой кожи туземной выдѣлки. Доказательствомъ, что введеніе было бы практично, служитъ то, что солдаты сами почти всѣ до одного завели себѣ кожаные шаравары. Хорошіе козловые шаравары, по словамъ туземцевъ, безъ починки могутъ служить до 3-хъ лѣтъ смѣло, а съ заплатами, пожалуй, и до 10.

†††) На Кавказѣ турсуки называются бурдюками, и въ нихъ сохраняютъ тамъ и вино. Самое лучшее кахетинское вино отзывается бурдюкомъ.

Салотопенное производство процвѣтаетъ, и въ послѣдніе годы выписаны даже формы, такъ что появились въ продажѣ и литыя свѣчи †). Производствомъ свѣчъ занимаются свѣчные торговцы. У нихъ гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ вдѣлано въ глину три-четыре котла для топленія сала. Семья занята приготовленіемъ фитиля и продѣваніемъ его въ жестяныя формы. Вотъ и все производство. Ни объ улучшеніи, ни объ устройствѣ этого производства въ болѣе обширномъ размѣрѣ здѣсь не задумывались, и если нужно получить разомъ количество свѣчъ въ нѣсколько пудовъ, то приходится или заказывать, или обращаться въ нѣсколько лавокъ.

Приготовленіе сыровъ здѣсь не развито въ такой степени, какъ въ остальной центральной Азіи и особливо въ Персіи. Въ продажѣ сыръ — рѣдкость; его можно встрѣтить только у кочевниковъ, которые приготовляютъ сыръ изъ овечьяго молока, въ свѣжемъ состояніи напоминающій французскій *бри*.

Производство металлическихъ издѣлій въ здѣшнемъ краѣ находится въ самомъ плохомъ состояніи и не ушло дальше кузнечнаго ремесла. Развитію этого производства мѣшали и незнакомство съ дѣломъ, и недостатокъ горючаго матеріала, и дороговизна самаго металла.

Желѣзо получалось здѣсь изъ Россіи двумя путями: чрезъ степь и чрезъ Персію. Получавшееся послѣднимъ путемъ, хотя и обходилось *немного* дороже, но за то было лучшаго достоинства. Дѣло въ томъ, что Закаспійское Торговое Товарищество имѣло привиллегію ежегодно вывозить въ Персію извѣстное количество лучшаго демидовскаго желѣза, которое отпускалось ему по казенной цѣнѣ. Привезенное на мазандеранскій берегъ, желѣзо весьма быстро вымѣнивалось агентами Товарищества на сырецъ и хлопокъ и расходилось по всей Азіи, особливо по Хорасану, извѣстному своими клинками; оттуда достигало и бухарскихъ, и ташкендскихъ предѣловъ, благодаря азіятскимъ правительствамъ, которыя ввозъ металловъ освобождали отъ пошлины ††). Такое желѣзо, послѣ долгаго странствованія, продавалось отъ 5 до 6 р. за пудъ, между тѣмъ какъ желѣзо, привезенное съ линіи, не доходило выше 3 р. 50—4 р. с. за пудъ. Впрочемъ, большая доля вывезеннаго изъ Россіи желѣза доставалась уже на издѣлія готовыя: гвозди, замки, петли, шарниры, фонари, терки, ножницы, ножи, вилки, шила и т. п. Здѣсь же выдѣлывались только подковы, кирки, особаго устройства топоры, зубья для сохъ и т. д. Ружейнымъ дѣломъ и каленіемъ клинковъ отличается Наманганъ, который стволы до сихъ поръ получалъ изъ Россіи.

Фальконетъ $^1/_2$ вершка въ діаметрѣ, конечно фитильный, совершенно новый мнѣ продавали за 60 р. с. по случаю крайности. Здѣсь однако гораздо выше цѣнятся старинные фальконеты на томъ основаніи, будто они крѣпче и выдерживаютъ нетолько

---

†) При дороговизнѣ стеариновыхъ свѣчъ, доходящихъ до 80 к. с. за фунтъ, большинство русскихъ обходится сальными, стоящими не выше 18 к. с. за фунтъ. Маканыя продаются отъ 6 — 8 к. за фунтъ. Бѣдный классъ народа освѣщаетъ свои хижины плошкою, наполненною саломъ, съ фитилемъ изъ хлопка по срединѣ. Такимъ же способомъ освѣщаются ночью базары.

††) Въ то же время ханы дозволяли себѣ брать отъ купца, привезшаго металлъ, сколько имъ было нужно или сколько имъ вздумается по произвольной цѣнѣ.

двойной, но и тройной зарядъ и бьютъ гораздо дальше. Что касается до холоднаго оружія, то хотя оно и приготовлялось здѣсь въ большомъ количествѣ, но было всегда самаго низкаго достоинства, не смотря на то, что на него наводилась дамасская струя. Лучшіе клинки получались изъ Хорасана. Всѣ почти издѣлія изъ желѣза выходили здѣсь преимущественно изъ рукъ наманганцевъ, и теперь лучшими ножами, долотами и другими столярными инструментами весь край снабжается оттуда же, или изъ Бухары.

Говорятъ, что при занятіи Ташкенда въ тамошней цитадели нашли литейное заведеніе, въ которомъ Алимъ-Кулъ лилъ пушки. Я не нашелъ и слѣдовъ этого заведенія, поэтому не могу ничего сказать о литейномъ дѣлѣ. Однако пушки, отбитыя у бухарцевъ при Игриджарѣ, всѣ кокандской работы времени царствованія Малля-хана. Наши артиллеристы говорили, что конструкція ихъ весьма правильна, кромѣ одной самой громаднѣйшей, носящей названіе *туби-дуръ-андазъ*, т. е. пушка, далеко стрѣляющая, изъ красной мѣди.

Я бы могъ собрать болѣе положительныя свѣдѣнія о достоинствахъ всякаго рода средне-азіятскаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, но этого не находилъ нужнымъ, такъ какъ выдѣлка его находится на самой низкой степени и не только непоучительна, но и безъинтересна.

Нужно замѣтить, что здѣсь и въ мелкихъ издѣліяхъ отдаютъ преимущество красной мѣди. Зависитъ ли это отъ вкуса, или отъ чего другаго, сказать не могу. Домашняя посуда, какъ напримѣръ чашки, тазы, умывальники (кумганы), дѣлается изъ красной мѣди съ фигурною рѣзьбою и полудою внутри и снаружи. Латунь идетъ на подсвѣчники, бляхи для украшенія сбруи, полоскательныя чашки и другія вещи †).

Латунныя издѣлія не столько отличаются изяществомъ отдѣлки, сколько тяжеловѣсностью. Мнѣ привелось купить въ Ташкендѣ два складныхъ подсвѣчника самой аляповатой формы за 5 р. с., и въ каждомъ было вѣсу по три фунта.

Латунная проволока идетъ на мозаическія украшенія окраинъ сѣдла, тамошней работы шкатулокъ, ящиковъ и т. п., ею же скрѣпляютъ каблуки у сауровыхъ кавалерійскихъ сапоговъ.

Изъ благородныхъ металловъ въ издѣліи болѣе всего встрѣчается серебро, которое идетъ на всѣ женскія украшенія: серьги, браслеты, брошки, запонки и др., потомъ идетъ также на украшеніе сбруи коня и вооруженіе всадника, т. е. на бляхи къ уздѣ, нагруднику, подхвостнику, на бляхи къ поясу, портупеѣ и на сабельныя ножны ††).

Не умѣя шлифовать металла и придавать ему изящной матовой простоты, здѣшніе ювелиры прибѣгаютъ къ другимъ мѣрамъ: они или покрываютъ свое издѣліе позолотою, или украшаютъ эмалировкою. Послѣдняя преимущественно бываетъ синяго цвѣта съ

---

†) Въ Бухарѣ въ послѣдніе годы, за недостаткомъ въ мелкой монетѣ, правительство выпустило большое количество денегъ изъ латуни цѣною въ $1^1/_2$ к. с. штука.

††) Эфесы сабель обыкновенно дѣлаются изъ кости, оленьяго рога, яшмы или изъ *сенги-ляджвѣрдъ* (лазореваго камня), привозимаго сюда изъ Бадахшана и продающагося отъ 60 до 80 к. за пудъ.

золотыми фигурами или змѣйками. Эмаль здѣсь называется *мина*, но изъ чего она дѣлается и какимъ образомъ наводится, я не успѣлъ узнать.

Украшенія изъ чистаго золота здѣсь вовсе не въ модѣ, и имъ предпочитаются кораллы, жемчугъ, позументъ, мишурныя кисточки и цвѣтные дешевые камни или просто стекла въ серебряной оправѣ. Вотъ и все ювелирное дѣло.

Теперь перейду къ болѣе обширному, даже, пожалуй, къ самому обширнѣйшему изъ производствъ Туркестанской области—къ гончарному дѣлу. Въ странѣ этой нѣтъ своей ни фарфоровой, ни фаянсовой, ни стеклянной посуды, которая при томъ, перевозясь изъ дальнихъ краевъ, отъ битья сильно поднимается въ цѣнѣ, здѣсь, при недостаткѣ лѣса для выдѣлки деревянной посуды и незнаніи къ тому же токарнаго искусства, въ домашнемъ обиходѣ на каждомъ шагу приходится наткнуться на глиняную посуду. Это мы видимъ и въ Сиріи, и въ Палестинѣ, и въ Персіи, и во всей остальной центральной Азіи. Гончарныя издѣлія во вновь завоеванномъ нами краѣ, относительно, еще менѣе распространены, чѣмъ въ остальной Азіи, ибо здѣсь больше воды, и они не идутъ на акведуки, а въ Персіи мѣстами десятки верстъ уложены водопроводными трубами, сдѣланными изъ жженой глины. То же самое можно встрѣтить и въ нашей эриванской губерніи.

Въ Туркестанской области наши бочки и кадки замѣняются высокими †) корчагами съ муравленою внутренностью, наши деревянныя русскія чашки, миски, блюда и кру́жки замѣняются муравленою туземнаго произведенія посудою. Нужно отдать справедливость, что здѣшнія тарелки и блюда внѣшнимъ видомъ нисколько не уступаютъ нашему обыкновенному базарному фаянсу; на нихъ наведена цвѣтная глазурь съ черными рисунками разныхъ фигуръ. Глазурь по большей части бываетъ зелено-травянаго весьма тонкаго и нѣжнаго цвѣта, но, къ несчастью, глазурь эта плохо держится и до того хрупка, что иногда крошится подъ ножемъ. О стоимости выдѣлки и базарной цѣнѣ этихъ издѣлій я ничего сказать не могу, но заказывая для генерала Романовскаго 200 горшковъ для цвѣтовъ величиною съ полведра каждый съ небольшими украшеніями, я платилъ за сотню по 5 р. с., а потомъ узналъ, что сдѣлали бы и за 3 р., если бы заказывалъ самъ, а не чрезъ полицію.

За сотню плошекъ безъ сала берутъ 40 к. с. Кирпичи жженые продаются тысяча отъ 14 до 18 р. с. Горючій матеріалъ, употребляемый для пережиганія, состоитъ изъ колючки, соломы и травъ, пересыхающихъ на поляхъ въ теченіе лѣта и собираемыхъ тамъ съ августа мѣсяца ребятишками.

Жаль, что здѣсь до сихъ поръ неизвѣстно производство стеколъ. Недостатокъ въ немъ особенно отзывается теперь съ приходомъ сюда русскихъ. Во время ханскаго владычества вставка стеколъ въ оконныя рамы почиталась запрещенною роскошью и во всѣхъ домахъ стекло замѣнялось бумагою. Провозъ туда стекла съ русскихъ стекольныхъ заводовъ не мыслимъ, потому что этотъ хрупкій товаръ отъ битья поднимается невѣроятно въ цѣнѣ. Между тѣмъ устройство здѣсь стекольнаго завода не сопряжено ни съ какими препятствіями и доставило бы предпринимателю большія выгоды, особливо съ развитіемъ

†) Аршина два слишкомъ въ вышину.

въ этомъ краѣ винодѣлія †). Стеколъ въ мое время вовсе не было на базарѣ, а бутылка, обыкновенный стаканъ и рюмка ††) стоили баснословно дорого.

Изъ развившихся здѣсь ремеслъ непремѣнно должны обратить на себя вниманіе даже самаго разсѣяннаго путешественника шорное, сѣдельное и малярное мастерства. На базарахъ почти черезъ лавку можно встрѣтить шорника (онъ же и сѣдельникъ), сидящаго въ своемъ магазинѣ, за болѣе тонкою работою, состоящею въ вышиваніи тамбуромъ чапраковъ изъ яркаго сукна или такихъ же потниковъ и заваленнаго готовымъ товаромъ, Внутренность школъ, мечетей и покоевъ мало-мальски зажиточнаго сарта обратитъ невольно на себя вниманіе. Сколько старанія и кропотливой работы употреблено маляромъ на украшеніе стѣнъ мелкими, одна другую тѣснящими геометрическими фигурами, листиками, цвѣточками, и чего стоитъ отдѣлка стѣнъ помѣщеній генерала Черняева! Тамъ каждая комната, каждый простѣнокъ представляетъ особенный калейдоскопъ. Для составленія этого калейдоскопа употребляются не только всевозможные цвѣта, но и сусальное золото †††). Я не могу осязательно показать, до какой степени дошли помянутыя здѣсь мастерства; натурально, что первыя два развиты здѣсь болѣе, ибо сѣдло и хоть какая-нибудь сбруя нужна здѣсь всякому, а украшеніе комнаты составляетъ уже предметъ роскоши.

На сбрую идутъ или русскія, или персидскія кожи, извѣстныя здѣсь подъ именемъ хамаданскихъ. Изъ той же кожи и тѣ же самые шорники приготовляютъ киргизскіе пояса съ ихъ принадлежностями: калта́ми, киса́ми, сумочками для писемъ, для трута, пороховницами, огнивомъ въ кожѣ и проч.

Полная сбруя безъ сѣдла обходится здѣсь отъ 4 р. до нѣсколькихъ сотъ рублей, смотря по цѣнности украшенія.

Сѣдельное дѣло здѣсь требуетъ большаго искусства и снаровки, по словамъ знатоковъ. Орча́къ или остовъ сѣдла приготовляется изъ маральяго рога. Для этого выпиливаются изъ рога два дугообразныхъ конца, до подробностей одинаковыхъ, и эти концы, поставленные одинъ къ другому въ наклонномъ положеніи и скрѣпленные съ обоихъ краевъ, составляютъ орчакъ сѣдла. Чѣмъ ровнѣе будутъ оба конца, тѣмъ лучше сѣдло, но такъ какъ въ мірѣ нѣтъ, какъ говорятъ, даже двухъ капель сходныхъ между собою, то понятно, сколько нужно перебрать роговъ, чтобы въ ихъ неправильныхъ извилинахъ отыскать одномѣрные и однообразные изгибы, годные для орчака. Вслѣдствіе этого, рога здѣсь дорого цѣнятся и продаются не дешевле 6 р., а хорошіе доходятъ и до 10 р с. Изъ пары хорошихъ роговъ по меньшей мѣрѣ выйдетъ 4 орчака и еще останется богатый матеріалъ изъ отростковъ для рукоятокъ сабель, ножей и для другаго дѣла.

---

†) При винодѣліи большое препятствіе къ сохраненію вина встрѣтится, между прочимъ, въ недостаткѣ пробокъ.

††) Бутылка—30 к. с., стаканъ и рюмка—по 50, а потомъ дошли до 1 р. за штуку.

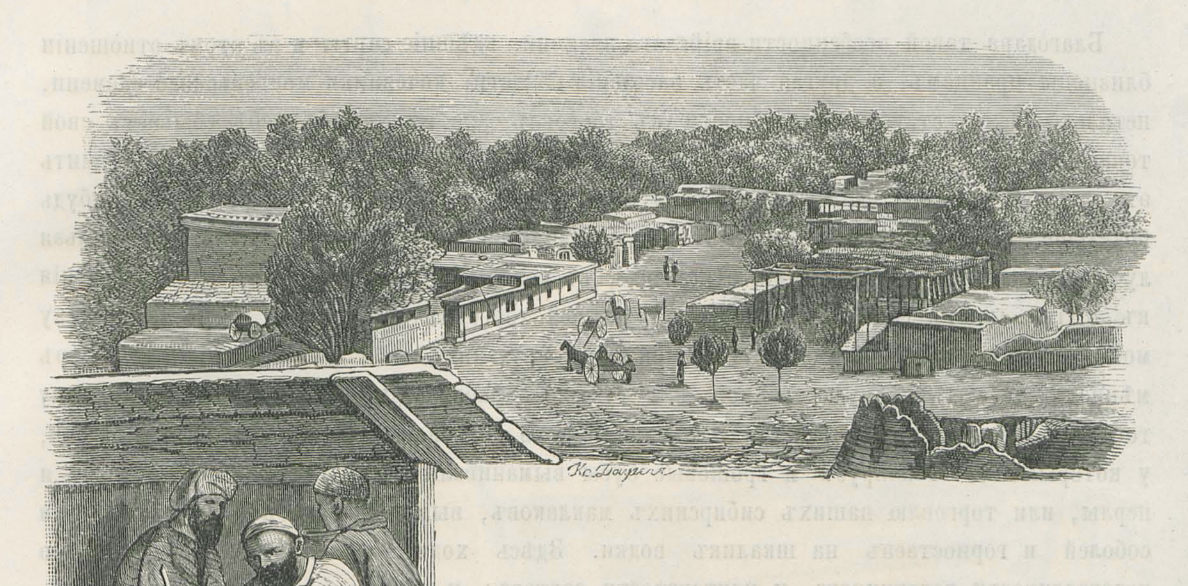
†††) Не лишнее бы было нашимъ фабрикантамъ ситцевъ запастись рисунками здѣшнихъ обоевъ и по образцу ихъ набивать ситецъ, назначаемый для Азіи, какъ это дѣлаютъ англичане относительно Персіи и Афганистана. Я зналъ одного англичанина, который былъ нарочно посланъ для снимки рисунковъ съ ковровъ, шалей, посуды, стѣнъ, персидскихъ переплетовъ и украшеній, помѣщаемыхъ на первыхъ страницахъ каждаго сочиненія.

Вчернѣ сдѣланное сѣдло идетъ къ маляру, который верхнюю часть обрисовываетъ всякою пестротою и золотомъ, нижнюю оклеиваетъ крашенымъ берестомъ, а окраины и переднюю луку́ обиваетъ мозаикою изъ латунной проволоки, дерева и кости. Судя по изяществу отдѣлки и правильности орчака, сѣдла продаются отъ 5 р. до 30 р. с. и дороже.

Я знаю, что подобный обзоръ мануфактурной промышленности покажется весьма недостаточнымъ для специалистовъ, но когда я писалъ его, то преимущественно заботился удовлетворить любознательности каждаго читателя.

Правда, свѣдѣній мало, но что же могъ я узнать въ двухмѣсячное пребываніе въ краѣ, половина котораго была убита въ отрядѣ?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТОРГОВЛЯ.

юди хорошо знакомые съ торговлей этого края найдутъ мало для себя поучительнаго въ настоящей главѣ. Я рѣшаюсь, впрочемъ, помѣстить ее въ тѣхъ видахъ, что большинство имѣетъ только туманныя понятія о здѣшней торговлѣ, съ которой я могъ познакомиться только частью по наблюденіямъ, частью по распросамъ, такъ 1866 году здѣсь чувствовался полнѣйшій застой въ какъ въ торговыхъ дѣлахъ.

Начну съ внутренней торговли. Обороты ея должны доходить до громадныхъ размѣровъ, при склонности сартовъ къ барышничеству и торгашеству. По большей части здѣсь играетъ роль мѣна, при чемъ многіе предметы переходятъ изъ рукъ въ руки, не принося большаго процента. Это служитъ поводомъ къ хлопотамъ и суетливому препровожденію времени, чтó здѣсь также дорого цѣнится. Одинъ мой знакомый возненавидѣлъ ташкендскихъ лавочниковъ за то, что они ни въ грошъ не цѣнятъ время. Онъ не могъ хладнокровно смотрѣть, какъ въ лавкѣ, въ которой всего-то товара какихъ-нибудь рублей на пять—на десять, лежатъ два парня цѣлые дни спиною къ солнцу. Но это бездѣлье легко объясняется дешевизною жизни, низкой задѣльной платой и невозможностью найти работы. Я видалъ въ Персіи здоровыхъ, плотныхъ, молодыхъ персіянъ, которые во все мое тамъ пребываніе ежедневно занимались продажею свѣжихъ или сушеныхъ фруктовъ у подъѣзда нашего посольства съ лотковъ, на которые едва ли укладывалось такого товара по тамошней цѣнѣ на пятьдесятъ копѣекъ. Это—свойство всей Азіи и происходитъ не отъ лѣни, а отъ обстоятельствъ и жизненной обстановки, потому что чуть явится человѣку проблескъ только, только тѣнь возможности нажить копѣйку, какъ онъ сейчасъ же изъ лѣниваго увальня превращается въ самаго поворотливаго и расторопнаго малаго и изъ-за пустяка суетится, хлопочетъ, выбивается изъ силъ.

Благодаря такой особенности арійскаго племени, здѣшніе сарты и въ этомъ отношеніи близнецы иранцамъ, а другая часть населенія области, кочевники монгольскаго племени, нетолько не чувствуетъ способности къ торговлѣ, но въ ущербъ себѣ сбываетъ свой товаръ, даже иногда и не при большой нуждѣ, за безцѣнокъ, лишь бы скорѣе кончить это, по ихъ мнѣнію, неблагородное дѣло и не таскаться съ своимъ товаромъ куда-нибудь подальше, хотя и навѣрное знаютъ, что получили бы вдвое дороже. Этимъ какъ нельзя лучше пользуются сарты. Такія отношенія, въ которыхъ находится одна часть населенія къ другой, даютъ особый характеръ внутренней торговлѣ этого края, и, по недостатку монеты, сдѣлки завершаются мѣною, при чемъ кочевникъ свой здоровый цѣнный товаръ мѣняетъ на издѣлія чужестранной или туземной фабрикаціи, стоящія развѣ половину того, что онъ за нихъ отдаетъ. Это напоминаетъ торговлю съ дикарями Тихаго океана, у которыхъ за стеклярусъ и грошовые бусы выманивали куски благороднаго металла и перлы, или торговлю нашихъ сибирскихъ маклаковъ, вымѣнивающихъ у Чукчей шкурки соболей и горностаевъ на шкаликъ водки. Здѣсь ходитъ множество анекдотовъ о недогадливости кочевниковъ и плутоватости сартовъ; и первые, слушая эти анекдоты, самодовольно улыбаются, что роль мошенниковъ въ подобныхъ исторіяхъ падаетъ всегда на долю ненавистныхъ имъ сартовъ. Очертивъ такимъ образомъ особенности внутренней торговли, свойственной этому краю, я долженъ указать и на то вліяніе, которое имѣетъ на нее мусульманская религія. Въ этомъ отношеніи, конечно, всѣ страны востока походятъ другъ на друга, кромѣ шіитской Персіи и хлебнувшихъ цивилизаціи нѣсколькихъ уголковъ Европейской Турціи. Въ числѣ запрещеній въ мусульманскомъ духовномъ кодексѣ находится «*исрафъ*», т. е. воздержаніе отъ роскоши и отъ излишняго употребленія даже дозволеннаго. Эта статья мусульманскими богословами до того старательно отдѣлана, что въ ней перечислены поименно всѣ предметы, вовсе запрещенные къ употребленію и допускаемые къ употребленію съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, а о невошедшихъ въ перечень сказано вообще, что все должно употреблять въ мѣру, и ищущій пути къ спасенію найдетъ его воздержаніемъ. Строгость предписаній переходитъ границы, и потому они не исполняются; однако же такія правила, какъ, напримѣръ, запрещеніе мущинамъ носить *чисто* шелковую одежду, украшенія изъ драгоцѣнностей и золота, въ средней Азіи въ полной силѣ, и нарушеніе этого въ ханствахъ преслѣдовалось и теперь преслѣдуется особо назначеннымъ лицомъ. Допускается только украшеніе оружія, какъ средства къ истребленію невѣрныхъ, и сбруи, какъ принадлежности коня, а не его хозяина †).

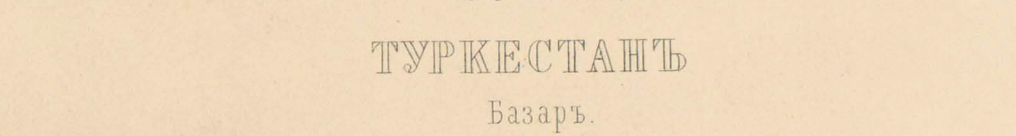
Благодаря тому же исрафу, здѣсь жизнь самаго знатнаго вельможи, даже самого хана, весьма мало разнится отъ жизни послѣдняго его подданнаго: тѣ же матеріи на платьѣ, тѣ же блюда на столѣ. Роскошь допускается только въ женахъ, прислугѣ и лошадяхъ.

Мусульманская религія повелѣваетъ каждому правовѣрному съ имущества своего платить *закятъ*, духовный и душеспасительный налогъ въ пользу бѣдныхъ и казны государя на войну противъ невѣрныхъ. Налогъ этотъ опредѣленъ до мелочей въ первомъ же вѣкѣ ислама, но можетъ быть увеличенъ во всякое время по мѣрѣ надобности. И на сколько

---

†) Въ шіитской Персіи дозволяется носить и шелковое одѣяніе, и камни равно и мущинамъ и женщинамъ.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°.

ТУРКЕСТАНЪ

Базаръ.

мусульмане одобряютъ опредѣленный закятъ, на столько боятся его увеличенія, зависящаго прямо отъ верховной власти. Это послѣднее обстоятельство имѣло, и имѣетъ еще до сихъ поръ, громадное вліяніе на застой въ развитіи производительныхъ силъ края, а слѣдовательно и торговли, ибо здѣсь рѣдко размѣръ закята спускался до закономъ опредѣленной цифры, а заявленіе большаго капитала и громаднаго имущества не рѣдко навлекало на такое лицо подозрѣніе правительства въ неблагонадежности и конфискацію всего имѣнія. Если же и не обрушалось на голову богатаго человѣка такое несчастіе, влекущее единовременное раззореніе, то оно приходило постепенно подъ разными благовидными предлогами: то мусульманнѣйшій владыка дѣлаетъ визитъ богачу, и это обходится амфитріону въ нѣсколько тысячъ, то во время войны ему предложатъ составить собственными средствами полкъ и идти на войну противъ внѣшняго или внутренняго непріятеля и т. п. Конечно здѣсь уже не столько виновата религія, сколько администрація, ею злоупотребляющая. Результатомъ всего этого бываетъ то, что здѣсь не было до сихъ поръ ни одного богача, ибо каждый старательно скрывалъ, что имѣлъ, не было оптовой торговли въ большихъ размѣрахъ, чтобы не навлечь на себя вниманіе властей, и если отправлялся большой караванъ, то онъ принадлежалъ всегда многимъ лицамъ, какому нибудь Махмуду съ братьями Хамидомъ и Ахмедомъ, племянникомъ Мухаммедомъ и зятемъ Аліемъ, хотя de facto все сполна было добро одного Махмуда, а остальные считались его прикащиками и нахлѣбниками. Богатство сохранялось непроизводительно въ капиталахъ, ибо такъ его удобнѣе было укрывать отъ соглядатаевъ ханскихъ. При такихъ обстоятельствахъ и при такой обстановкѣ торговля должна бы все больше и больше клониться къ упадку, и если она не упала, то этимъ обязана исключительно только страсти сартовъ къ торговымъ сдѣлкамъ и ихъ изворотливости и находчивости, которая помогала имъ въ ихъ постоянно натянутыхъ отношеніяхъ къ прежнимъ правительствамъ.

Внутренняя торговля, какъ я сказалъ, занимаетъ много капиталовъ. Это теперь становится еще болѣе правдоподобнымъ, когда я объяснилъ, что по причинѣ воздержанія отъ роскоши, всѣ почти потребные для обихода и обыденныхъ нуждъ предметы получаются изъ рукъ туземныхъ производителей. Кромѣ того, на внутреннихъ рынкахъ образуются скопы произведеній, назначаемыхъ для вывоза въ чужіе края.

Для болѣе удобнаго сношенія потребителя съ производителемъ въ каждомъ населенномъ пунктѣ устраиваются по разу и по два раза въ недѣлю базарные съѣзды. Центромъ крупныхъ сдѣлокъ почитается Ташкендъ, который посылаетъ отъ себя по другимъ базарамъ своихъ коммисіонеровъ для закупки нужныхъ предметовъ изъ первыхъ рукъ, для подрядовъ на поставку извѣстной статьи къ назначенному сроку и для заключенія контрактовъ. Въ послѣднемъ случаѣ маклерство (деллялъ) играетъ важную роль.

Я не буду пересчитывать здѣсь предметы внутренняго потребленія, потому что боюсь ошибиться въ показаніи цѣнъ; европейскія же издѣлія, т. е. по преимуществу русскія †),

†) Чтобы наши бумажныя произведенія могли соперничать съ туземными, необходимо ихъ сдѣлать болѣе дешевыми и болѣе подходящими подъ своеобразный вкусъ азіятцевъ. Лѣтъ пять тому назадъ въ Россіи появился ситецъ съ адрасовымъ стрѣльчатымъ рисункомъ; онъ сейчасъ же пошелъ по

играли до сихъ поръ не очень большую роль. До цифры, до которой доходитъ годовой оборотъ внутренней торговли, добраться весьма трудно, потому что торговля эта не ограничивается базарами и базарными съѣздами, а распространена по всей степи. Каждый караванъ, идущій въ Россію или возвращающійся изъ нея, непремѣнно имѣетъ при себѣ цѣлую мелочную лавку съ самыми разнохарактерными предметами, навьюченную на двухъ или трехъ годовалыхъ верблюдахъ, слѣдующихъ за своими матками и пріучающихся такимъ образомъ къ будущей своей служебной карьерѣ.

Въ фортахъ № 1 и Перовскомъ годовой оборотъ доходитъ до 100,000 руб., а на лѣвомъ флангѣ, по словамъ тамъ бывавшихъ офицеровъ, торговля гораздо оживленнѣе, и годовой оборотъ одного Ауліе-ата, по ихъ мнѣнію, долженъ превзойти обороты помянутыхъ двухъ фортовъ, вмѣстѣ взятые; чему же должны равняться обороты Туркестана, Чимкенда, Сайрама, Карнака †), Ходженда и Ташкенда? Это сказать пока невозможно для меня, хоть бы и приблизительно ††).

Мѣра и вѣсъ здѣсь до сихъ поръ еще не опредѣлились, какъ и во всей остальной Азіи. *Фарсахи* или *таши* считаются въ одной мѣстности 6, въ другой 7 и 8 верстъ, и называются отъ этого легкими и тяжелыми. *Танапъ* †††) также въ иныхъ мѣстахъ больше, въ иныхъ меньше; большею же частью равняется 60 кв. саженямъ.

Аршина и сажени нѣтъ, а есть ханскій кары, равняющійся 3 аршинамъ или двумъ ханскимъ *гязямъ*, и базарный *кары*, маховая сажень, $=2^1/_2$ аршинамъ или двумъ базарнымъ *гязямъ*. Матеріи продаются или на гязи или на кары, или кусками. Большой кусокъ (аршинъ въ 20 примѣрно) называется *тока*. Два куска аршинъ по 8, составляющіе матеріалъ на платье, называются *джюря*. Для вѣса употребляются камни и гальки. Общепринятое дѣленіе вѣса во всей среднеазіятской торговлѣ слѣдующее:

Харваръ	= 5 батманамъ (10 пудъ).
Батманъ	= 8 сирамъ (2 пуда).
Сиръ	= 2 черекамъ (10 фунт.).
Черекъ	= 2 нимъ-черекамъ (5 фунт.).
Нимъ-черекъ	= 2 нимъ-нимча ($1^1/_4$ ф.).

всему Поволжью и получилъ у татаръ названіе *новаго адраса*. Въ степь же онъ не можетъ проникнуть до сихъ поръ, ибо степные купцы наши желаютъ нажить здѣсь на 1 руб. по 2 руб. Такая же исторія съ сукномъ и вообще съ шерстяными матеріями и шалями.

†) Извѣстенъ своею пшеницею.

††) Недавно я получилъ списокъ ташкендскихъ караванъ-сараевъ съ указаніемъ, на сколько въ годъ въ каждомъ изъ нихъ перебываетъ товаровъ. Сообщаю его, не ручаясь за вѣрность цифръ.

1) Караванъ-сарай Сейдъ-Азима . .	400,000 р.	8) — Закятный . .	150,000 р.	15) — Наманганскій .	40,000 р.
2) — Шерафія. .	400,000 »	9) — Безыменный .	150,000 »	16) — Маизъ . . .	32,000 »
3) — Гыштыкъ. .	280,000 »	10) — Раиса 1-й. .	120,000 »	17) — Исмаилъ-джанъ бай . . .	28,000 »
4) — Иса-бекъ. .	200,000 »	11) — Раиса 2-й. .	80,000 »	18) — Юлбарсъ-ханъ.	5,000 »
5) — Дастарханчи. .	160,000 »	12) — Махрамъ-баши.	80,000 »		
6) — Иса-бекъ . .	160,000 »	13) — Маргилянскій .	80,000 »		
7) — Абдрасуль . .	160,000 »	14) — Мулла-Салиха.	60,000 » (выстроенъ въ 1866 г.).		

†††) Правильнѣе танафъ, значитъ веревка, ибо здѣсь десятина измѣряется веревкою.

Нимъ-нимча = 5 мискаламъ ($^5/_8$ ф.).

Мискалъ = $^1/_8$ нашего фунта.

Однако и эта мѣра, принятая въ междоусобной торговлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далеко отступаетъ отъ нормы. Въ одномъ городѣ, напримѣръ, харваръ равняется 11 пудамъ, а въ другихъ—батманъ вѣситъ гораздо менѣе, нежели слѣдуетъ †).

Монета, ходившая здѣсь до сихъ поръ, самая цѣнная золотая называется *тилля* и равняется 20 серебрянымъ *тенгамъ*.

Тенга = 64 мѣднымъ чохамъ ††).

Чоха = нашей копѣйкѣ ассигнац.

Курсъ монеты поднимается и падаетъ. Въ послѣднее время тилля стоилъ 3 р. 80 к. и 4 руб., а на одну тенгу давали до 73 чоховъ †††).

Въ мѣновой торговлѣ съ кочевниками 2-хъ лѣтній баранъ стоитъ въ продажѣ 1 тилля.

Внѣшняя торговля бывшаго кокандскаго ханства находилась въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, да покуда еще и не успѣла выдти изъ-подъ этихъ условій. Выгода эта состояла въ томъ, что туземцы были полными въ ней господами, никого не пускали къ себѣ, привозили что находили удобнымъ сбыть, сами назначали цѣны своимъ товарамъ и твердо стояли на нихъ, ибо не видѣли ни откуда конкуренціи, и вывозили свои товары туда, гдѣ находили болѣе выгоднымъ сбывать. Съ другой стороны, стоя на перекресткѣ торговыхъ путей, связывающихъ Сибирь и Китайскую Татарію съ среднеазіятскими ханствами, они много выигрывали отъ транзита, ибо держали его всецѣло въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, не будь такого выгоднаго положенія, то области не чѣмъ бы было самой торговать съ сосѣдями, ибо она, какъ страна чисто сельскохозяйственная, могла вывозить только сырыя произведенія, и у ней не хватило бы средствъ приплачивать за то, что приводилось бы ввозить для потребы обывателей изъ произведеній, обработанныхъ въ чужихъ краяхъ.

Предметы вывоза произведеній собственно нынѣшней Туркестанской области заключаются въ зерновомъ хлѣбѣ, скотѣ, сырыхъ шкурахъ, шерсти, войлокахъ, чувалахъ и валяныхъ шляпахъ. Едвали я что-нибудь упустилъ при этомъ перечнѣ. Все это идетъ преимущественно на югъ въ Бухару и Кокандъ. Ввозятся же оттуда обратно предметы первой необходимости: бязь, бухарскіе ситцы и всевозможныя полушелковыя матеріи. Оттуда же идетъ: краска, соль, сѣра, пряности, хлопокъ, шелкъ сырецъ, писчая бумага, а также индѣйская кисея и другія англійскія произведенія. Въ Россію туземцы вывозили не свои произведенія, а принятыя изъ другихъ рукъ. Своего было только пушной товаръ, цитварное сѣмя, марена и ревень. Между тѣмъ Россія снабжала ихъ посудою, самоварами, чугунными, желѣзными и стальными издѣліями, краскою, сукнами, токарными издѣліями, кожами и др. При этомъ въ торговлѣ съ Россіею балансъ былъ на сторонѣ

†) Тоже самое я встрѣтилъ и въ Персіи; тамъ существуютъ два батмана: одинъ, общепринятый, въ 8 ф., другой въ полпуда, почему послѣдній называется для отличія *батмани-табризи*, т. е. тавризскій. Почему то наши солдаты въ области легче заучили слово батманъ, чѣмъ харваръ, и сарты при продажѣ русскимъ, принаравливаясь къ ихъ пониманію, харваръ начали называть батманомъ.

††) Монгольскій чохосъ.

†††) Бухара въ послѣдніе годы до того обѣднѣла размѣнною монетою, что выпустила чохи, называемые тамъ по-персидски *пули-сіяхъ*, изъ латуни безъ всякой чеканки.

кокандскаго купечества, такъ какъ оно привозило къ намъ, во 1-хъ, продукты первой необходимости для всего мусульманскаго населенія, сгруппировавшагося какъ разъ на восточной окраинѣ, и, во 2-хъ, хлопокъ и шелкъ—матеріалы первой важности для нашего фабричнаго дѣла. Въ торговлѣ же съ ханствами, наоборотъ, балансъ приходится на долю послѣднихъ, ибо туда изъ области привозились сырые продукты, а получались болѣе цѣнныя, обработанныя произведенія, шедшія какъ для внутренняго сбыта, такъ и для вывоза въ Россію и Китайскую Татарію. Этотъ порядокъ вещей сохранился и до сихъ поръ, но онъ легко можетъ измѣниться при нашемъ управленіи, если принять во вниманіе, что какъ сарты, такъ и кочевники не прочь пощеголять при отсутствіи духовнаго надзора и готовы расширить кругъ своихъ потребностей, лишь бы были средства. Но, прежде нежели заботиться о вывозѣ туда нашихъ произведеній, нужно подумать дать средства странѣ покупать эти произведенія, а этого-то тамъ и не достаетъ. Для этого первымъ дѣломъ край нуждается въ спокойствіи и, если наши непріязненныя отношенія къ сосѣдямъ затянутся на долго, то нѣтъ ничего мудренаго, что область придетъ къ другой крайности—всеобщему обнищанію, ибо главный источникъ, торговля, вотъ уже третій годъ находится въ полномъ упадкѣ.

Закончу скудный свѣдѣніями очеркъ торговли перечисленіемъ главныхъ торговыхъ путей.

На сѣверъ лежитъ три пути: на оренбургскую линію въ г. Троицкъ, на сибирскую линію въ Петропавловскъ и въ Семипалатинскъ. Въ г. Троицкъ отправляются товары, назначаемые на нижегородскую ярмарку, въ Петропавловскъ — назначаемые на ирбитскую ярмарку, а въ Семипалатинскъ—назначаемые для сибирскихъ инородцевъ и для Кульджи съ Чугучакомъ. На сибирскую линію вообще идетъ гораздо болѣе каравановъ, чѣмъ на Троицкъ, во-первыхъ, потому, что тамъ нѣтъ бухарской конкуренціи, во-вторыхъ, путь безопасенъ †), а въ-третьихъ перевозка дешевле ††). Киргизы, кочующіе на пути отъ фортовъ къ Троицку, годъ отъ года повышаютъ цѣны, такъ что въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ онѣ почти удвоились, именно: прежде до Троицка брали съ верблюда 9 р., теперь же 18 р. с., такъ что съ пуда приходится по 1 р., сер. †††)

---

†) Въ настоящее время въ степи нѣтъ грабежей. Я слѣжу уже три года за событіями въ области и не могу припомнить ни одного случая. Это доказываетъ, что грабежи происходили не отъ наклонности къ нему кочевниковъ, а отъ внѣшнихъ причинъ.

††) Въ будущемъ Сыръ-Дарья должна играть весьма важную роль въ торговомъ сообщеніи этого края съ Россіею. По моему крайнему уразумѣнію (не знаю на сколько оно будетъ ошибочно) можно бы было, не безъ выгоды для правительства, теперь же устроить правильные и болѣе частые рейсы казенныхъ пароходовъ отъ форта № 1 до кр. Новый Чиназъ съ цѣлью перевозить не только казенные военные транспорты, но и товары. На сколько это было бы выгодно для торговли, опредѣлить нельзя. Во 1-хъ это увеличило бы подвозъ туда посуды и другаго хрупкаго товара, въ которомъ нуждаются и русскіе, и туземцы; во 2-хъ понизилась бы перевозная плата въ степи вслѣдствіе этой конкуренціи; въ 3-хъ это повело бы къ устройству извозничества между Орскомъ и фортомъ № 1 на телѣгахъ, и въ 4-хъ, что главнѣе всего, показало бы возможность заведенія здѣсь пароходства и водянаго транспортированія кладей частными компаніями. Наконецъ, если бы открылся когда-нибудь путь къ восточному берегу Каспійскаго моря, то продолженіе его на востокъ по Сыру неоцѣнимо

†††) Верблюдъ поднимаетъ отъ 16 до 18 пудъ.

Между тѣмъ до Петропавловска лѣтъ 10 тому назадъ брали отъ 14 до 16 рублей съ верблюда и теперь везутъ почти за ту же цѣну. Торговля съ Китаемъ ограничивалась вывозомъ оттуда преимущественно чаевъ, туши, кисеи и полушелковыхъ тканей.

На западъ, въ Бухару шли караваны и арбы съ сырыми произведеніями, съ войлочными и другими шерстяными издѣліями. Взамѣнъ получались произведенія по преимуществу обработанныя. Нерѣдко туркестанское купечество доѣзжаетъ и до Хивы для покупки ковровъ.

На югъ остается путь въ Кокандское ханство. Безъ продуктовъ, получаемыхъ изъ этого ханства, немыслима отпускная торговля области съ Россіею, потому что и шелкъ, и хлопокъ, вывозимый въ Россію, были получаемы изъ-за Сыръ-Дарьи и частью изъ Намангана. Съ другой стороны, чрезъ Кокандское ханство пролегаетъ дорога въ Кашгаръ и Яркендъ, куда жители области привыкли сбывать русскія издѣлія изъ хлопка, мишуры (позументъ, парча) и металла и получать оттуда высшіе сорты чаевъ, масляную краску и лакъ.

Я ничего не могу сказать о торговомъ пути изъ Коканда въ Бухару чрезъ Ходжендъ и Ура-тепе; пишутъ, что этотъ транзитъ обѣщаетъ намъ большія выгоды.

Добавлю еще нѣсколько строкъ о сношеніяхъ здѣшнихъ русскихъ съ туземцами, хотя эти сношенія и не имѣютъ особаго значенія для торговли, однако прокормленіе шести тысячъ человѣкъ, что нибудь да значитъ.

Хлѣбъ печеный на базарѣ продавался въ мое время по $1^1/_2$ и по 2 копѣйки. Я увѣренъ, что каждый читатель знаетъ, что тамъ употребляется хлѣбъ пшеничный, а ржанаго нѣтъ и въ поминѣ.

Баранина продавалась по $2—3^1/_2$ коп. за фунтъ и самый лучшій сортъ доходилъ до 5 коп.

Пара цыплятъ стоила 15 коп. Фазанъ—20 коп. Дикая коза—по 5 коп. за фунтъ. Десятокъ яицъ свѣжихъ—10 коп. Горшокъ молока—3 коп. Цѣну кумыса я не могу опредѣлить, такъ какъ онъ мнѣ доставлялся киргизами даромъ, а кумысомъ пользовались многіе.

Нужно принять въ расчетъ массу ячменя и клевера, выдававшагося ежедневно лошадямъ, то выйдетъ, пожалуй, довольно круглая годичная сумма.

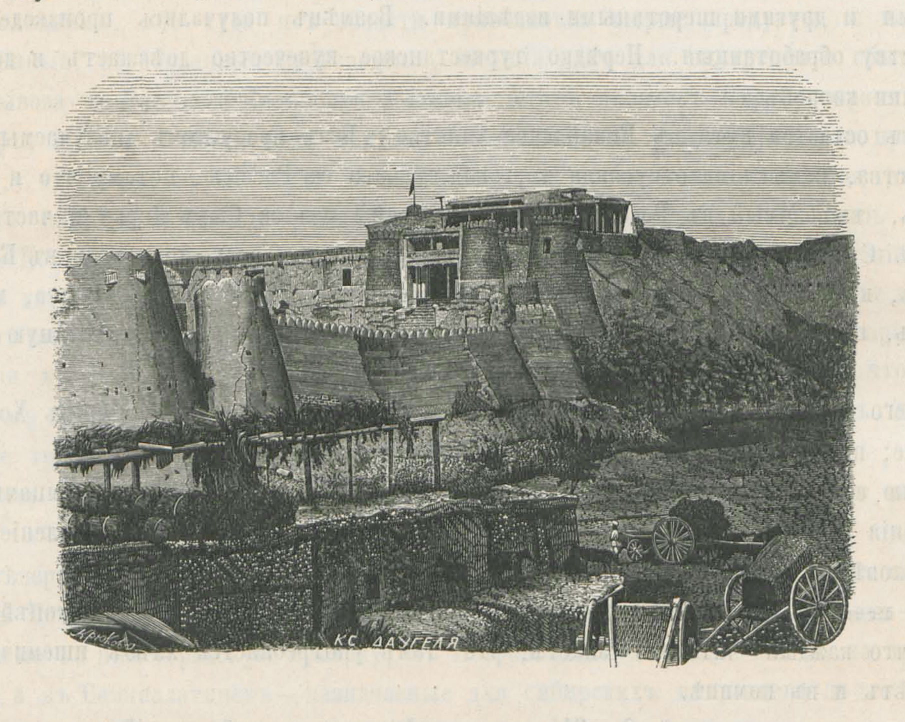
Кромѣ того многіе запасались капаусомъ и шараварами изъ козьей замши, дѣлали заказы вышивать шелками башлыки, туфли, скатерти, кружки подъ подсвѣчники и подушки, послѣднимъ дѣломъ занимались преимущественно дамы.

Фрукты и овощи приносили къ намъ продавать мальчишки, которые потомъ, послѣ обѣда, бѣгали подъ окнами офицеровъ, бросавшихъ имъ деньги. Эти мальчишки начинали не много говорить по русски и пріучались просить милотсыню

— Пожалуйста туря, кричали они протягивая руки, бѣжа въ слѣдъ за офицеромъ.— ей Богу *байгушъ*, (круглый сирота) Христа-ради сладкій туря!

Съ такими-же почти выраженіями мальчишки эти бѣгали и за дамами, называя ихъ *марджа*. Нѣкоторые шутники пріучили этихъ мальчиковъ обращаться къ дамамъ съ слѣдующими выраженіями: сладкій марджа, кислый марджа, горькій марджа, Христа-ради и такъ далѣе. Судя по физіономіи этихъ мальчишекъ засаленныхъ и не умытыхъ, ихъ

сестры должны быть большія красавицы. Особенно обращалъ вниманіе всѣхъ насъ одинъ пятилѣтній мальчуганъ, имѣвшій чрезвычайно красивое лицо и глубокіе черные глаза. Эти мальчики цѣлые дни проводили около квартиры одного артиллерійскаго полковника, откуда получалась ими довольно выгодная подачка.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ И ДУХОВЕНСТВО.

Безпечные къ пріобрѣтенію общечеловѣческихъ знаній, сарты до крайности заботятся о распространеніи грамотности между городскимъ сословіемъ; о киргизахъ они не заботятся.

Въ Ташкендѣ, гдѣ жителей считается не болѣе 50,000 †), говорятъ, находятся до трехъ сотъ *мектебовъ* (начальныхъ школъ) т. е. трехъ сотъ мечетей духовенство которыхъ обязано обучать дѣтей, и до пятнадцати *медресе* (высшихъ школъ). Такая громадная пропорція не заслуживаетъ особеннаго довѣрія, возьмемъ половинную пропорцію, т. е. полтораста начальныхъ, и восемь высшихъ школъ, и этого будетъ достаточно.

Каждый отецъ семейства *обязанъ* посылать въ школу своего сына, начиная съ десятилѣтняго возраста, и дочь свою направлять въ семейство имама, гдѣ жены его ежедневно учатъ чтенію и письму. Таковъ уставъ религіи мусульманской, обязывающій, кромѣ того, строить школы и давать на содержаніе ихъ извѣстный капиталъ богачей, желающихъ заслужить прощеніе грѣховъ и жизнь райскую. Этотъ уставъ, какъ видно, исполняется ташкендцами весьма старательно, впрочемъ, основаніе и содержаніе школы для вольноприходящихъ не должно превышать тридцати тиллей въ годъ. Платы учителю не полагается; только отцы мальчиковъ по временамъ присылаютъ подарки, смотря по средствамъ, начиная съ двухъ концовъ бязи и оканчивая суконнымъ халатомъ. Бываютъ, впрочемъ, и болѣе значительные подарки, смотря по приходу. Къ женамъ имама каждую пятницу, во время полуденной молитвы, собираются женщины со всего прихода, чтобы послушать ихъ проповѣдь, онѣ приносятъ съ собой кто десятокъ яицъ,

---

†) По послѣднимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ въ засѣданіи Географическаго Общества секретаремъ его, барономъ Ѳ. Р. Остенъ Сакеномъ, по переписи, произведенной въ 1866 году, въ этомъ городѣ оказалось болѣе 64,000, но нужно принять въ расчетъ, что массы, скрывшіяся изъ Ташкенда, послѣ занятія его нами, понемногу возвращались, торговля возрастала, слѣдовательно, и народа было больше

кто чашку муки или крупы, а кто и кусокъ бумажной или шелковой матеріи, смотря по достатку.

Съ ранняго утра начинается ученье въ подобныхъ мектебахъ. Сбѣгаются мальчики съ плошками сала зимою для освѣщенія школы и съ букварями подъ мышкою; тамъ дѣлятся на партіи читающихъ, знающихъ склады и учащихъ азбуку. Имамъ, съ розгою въ рукѣ, ждетъ ихъ тамъ, и начинается ученье всѣхъ разомъ, поднимается оглушительный пискъ ребятишекъ, продолжающійся часа два. Потомъ мальчики уходятъ и свободны до другаго утра. На лѣто преподаваніе въ нѣкоторыхъ мектебахъ прекращается, такъ какъ дѣти нужны для полевыхъ работъ, для охраненія садовъ отъ птицъ и тому подобнаго. Дѣвушки продолжаютъ свое ученье и лѣтомъ, такъ какъ ихъ срокъ ученья гораздо короче, нежели ихъ братьевъ, потому что онѣ рано выдаются за мужъ. Мальчики же продолжаютъ здѣсь учиться нѣкоторые до шестнадцати лѣтъ, а нѣкоторые кончаютъ и раньше, если родители желаютъ взять ихъ изъ школы; меньшинство же, жаждущее высшаго образованія или добивающееся духовной должности, переходитъ въ медресе. Курсъ мектеба вполнѣ зависитъ отъ образованности имама и желанія его передавать дѣтямъ ту науку которую онъ произошелъ въ теченіе многихъ лѣтъ обученія въ медресе. Жены его передаютъ дѣвушкамъ все то, что онѣ знаютъ изъ мусульманской исторіи и житія святыхъ. По большей части бываетъ такъ, что дѣвушки въ непродолжительное время узнаютъ больше, мальчиковъ. Дѣвушка, желающая выйти за имама за мужъ, спеціально приготовляется къ этому изученіемъ *Тефсири-Кебира* (комментарій на коранъ) и другихъ богословскихъ сочиненій. Изученіе персидскаго и арабскаго языковъ при этомъ необходимо.

Мальчикъ, почувствовавшій желаніе продолжать образованіе, переходитъ въ медресе, основанную также на капиталъ какого-нибудь состоятельнаго человѣка и поддерживаемую единовременными взносами и доходами съ дарованныхъ въ вѣчное пользованіе земель. Этими сборами завѣдываетъ особая личность, носящая имя *мутевалли*.

Ученику дается комната для помѣщенія въ медресе; руководства онъ долженъ переписывать для себя или покупать готовыя у бывшихъ учениковъ. Предметами преподаванія медресе довольно богата: тамъ преподаютъ богословіе, герменевтику и всѣ относящіяся до пониманія ислама науки, кромѣ того,—ариѳметику и домашнюю медицину по *Ибнъ али сине* (по Авиценѣ). Географія и исторія оставляются въ сторонѣ, впрочемъ, *шакирды* (ученики) узнаютъ во время курса весь ветхій завѣтъ и исторію халифовъ.

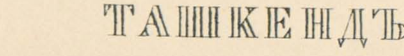
Здѣсь принятъ способъ взаимнаго обученія, такъ какъ количество учениковъ доходитъ до цифры двухъ сотъ человѣкъ (частью приходящихъ, частью живущихъ въ медресе) и такъ какъ нѣкоторые ученики продолжаютъ свои занятія лѣтъ до тридцати, т. е. пока не откроется мѣста имама, муфти или аглама при какомъ-нибудь казы. Со старшими учениками занимается самъ имамъ, тѣ учатъ мальчиковъ, уже успѣвшихъ кое въ чемъ, а послѣдніе—вновь поступающихъ. Обученіе происходитъ вслухъ, поэтому можете представить, какой гвалтъ поражаетъ проѣзжающаго мимо такого заведенія. Тѣлесное наказаніе не отмѣнено въ училищахъ, и тамъ сѣкутъ мальчиковъ на пропалую. За хорошее поведеніе почитается, когда мальчикъ ходитъ въ мечеть на пять дневныхъ молитвъ и почтителенъ къ старшимъ.

На лѣто медресе пустѣетъ, потому что большая часть учениковъ нанимается на

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и Ко.

ТАШКЕНДЪ

Медресе Ишанкулъ-датха.

полевыя работы или въ караванъ-сарай для пріема товаровъ. Въ праздники курбанъ байрамъ (жертвоприношеніе Исаака) или гайди рамазанъ (празднество послѣ тридцатидневнаго поста) †) шакирды приглашаются жителями на угощеніе и получаютъ при этомъ въ награду по кокану ††). Бываютъ случаи довольно частые, впрочемъ, что шакирдовъ, прославившихся удачнымъ лѣченіемъ болѣзней, приглашаютъ къ больнымъ для ихъ исцѣленія; при этомъ нужна теплая вѣра въ цѣлебную силу шакирда, читающаго надъ больнымъ коранъ и поплевывающаго на воду или на самого больнаго послѣ каждой главы корана, съ произношеніемъ словъ «*ля хауля ва ля куввата илля билляги*», т. е. только въ Богѣ огражденіе наше и сила. За прочтеніе всего корана надъ больнымъ берется, примѣрно, отъ 5 до 10 тиллей, за прочтеніе части корана надъ водою получается отъ 1 до 3 тиллей. Такіе доходы даютъ нѣкоторымъ ученикамъ возможность жениться и начать жить пошире, чего они сильно добиваются.

Вдругъ открывается мѣсто имама, хоть бы въ Ташкендѣ же, шакирдъ долженъ собрать для себя большинство голосовъ прихода, чтобы занять это мѣсто. Такого рода вещь случается, впрочемъ, тогда только, когда у скончавшагося имама не осталось дѣтей мужскаго пола, а эти ташкендцы плодовиты чрезвычайно, и мудрено, чтобы не было у кого-нибудь дѣтей, потому что ему не нужно для этого прибѣгать къ разводу съ безплодною женою, а слѣдуетъ только взять вторую жену. Если и эта окажется неудовлетворившею, то берутъ третью и четвертую жену. Бѣда, если отъ всѣхъ ихъ народятся дочери и ни одного сына, а бываютъ и такіе случаи.

Муфтіями и аглямами шакирды могутъ быть при какомъ-нибудь казы и находясь въ училищѣ, но, по большей части, они этого избѣгаютъ, стремясь къ самостоятельности. Муфтій есть лицо, состоящее при казы, его обязанность заключается въ томъ, чтобы, во время выслушиванія казыемъ дѣлъ, онъ записывалъ ихъ, пріискивалъ бы фатву (разрѣшеніе) этого дѣла, и вносилъ бы ее на бумагу, которая выдается тяжущимся въ случаѣ ихъ непримиренія. Аглямъ же значитъ ученѣйшій, онъ почитается кандидатомъ на судейскую должность и рѣшаетъ споры за отсутствіемъ казы, или въ то время, когда много наберется тяжущихся.

Я разскажу случай разбирательства дѣла у ташкендскаго казы-келяна. Дѣло было такого рода: одинъ ташкендецъ продалъ принадлежавшій ему домъ, не предварившп объ этомъ сосѣдей; сосѣди пришли жаловаться на такую несправедливость, учиненную хозяиномъ, и притащили его съ собой.

— Отчего же ты, не предваривши сосѣдей, продалъ домъ?—спрашиваетъ казы-келянъ.

— Я сообщалъ имъ, почтеннѣйшій казы-келянъ, — отвѣчаетъ хозяинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій казы-келянъ, онъ насъ не предварялъ объ этомъ,— кричатъ сосѣди, сидящіе рядомъ съ хозяиномъ, продавшимъ домъ.

†) Считаю нужнымъ предупредить читателя, что эти праздники переходные, а не постоянные, какъ утверждали корреспонденты С.-Петербургск. Вѣдомостей и Русскаго Инвалида.

††) *Коканъ*—монета, соотвѣтствующая нашимъ 20 копѣйкамъ.

— Тише вы, черти,—говорите кто-нибудь одинъ.

— Онъ намъ ни слова не говорилъ, почтеннѣйшій казы-келянъ,—мы объ этомъ узнали, когда въѣхалъ новый хозяинъ.

— Что ты скажешь на это? — обращается казы-келянъ къ прежнему хозяину.

— Я имъ говорилъ, почтеннѣйшій казы-келянъ, о продажѣ дома. Одинъ въ это время прорывалъ канавку около стѣнки своего дома, и отвѣчалъ мнѣ: «продавай коли хочешь», а другой, вонъ тотъ, — онъ указалъ на сидѣвшаго отъ него подальше,— отвѣчалъ, что онъ купилъ бы домъ, да денегъ теперь нѣтъ, а выплатилъ бы года въ два — три, а такъ какъ мнѣ приспѣла нужда въ деньгахъ, то я и продалъ его за наличныя деньги.

— Ахъ, черная его рожа, — вретъ, казы-келянъ, ей богу, вретъ! Онъ мнѣ ничего не говорилъ,—если бы онъ говорилъ мнѣ, зачѣмъ бы я потащилъ его къ тебѣ?

— Ну, что же мнѣ съ вами дѣлать? — поклянешься ты прахомъ своихъ родителей, что ты говорилъ это?

— Поклянусь, поклянусь.

— Ну, ладно ступайте на могилу родителей, а ты, аглямъ, иди прими отъ него клятву.

Бываютъ случаи, что по одному и тому же дѣлу недовольные обращаются ко многимъ казы, и у каждаго казы является новое рѣшеніе спора, тогда это спорное дѣло рѣшается или по обычаю (расманъ), или правительственною властью (сіясетанъ), когда одна изъ тяжущихся сторонъ принесетъ жалобу.

Наказанія по шаріату налагаются строжайшія,—напримѣръ, за вторичное воровство, при явныхъ уликахъ обвиняемаго, ему приговариваютъ отрубить руку, а за прелюбодѣяніе и мужчина, и женщина приговариваются къ смертной казни.

Послѣ занятія края нашими войсками, генералъ Черняевъ отмѣнилъ различные строгіе приговоры духовнаго суда, начиная съ отрѣзанія уха, отсѣченія пальца и кончая смертною казнью.

Въ мусульманской религіи не существуетъ таинствъ, поэтому тамъ нѣтъ духовенства въ полномъ значеніи этого слова. Мусульманское духовенство пользуется однако же громаднымъ вліяніемъ, быть можетъ вслѣдствіе того, что оно было главнымъ наставникомъ народа. Оно часто произносило проповѣди, особенно когда велась война съ Россіею, на него было возложено объявленіе войны за вѣру. Можетъ быть и теперь находятся смѣльчаки, способные произнести слово противъ русскихъ въ пользу бухарскаго эмира.

Обрѣзаніе младенца, нареченіе ему имени, сватьба и похороны могутъ совершаться за отсутствіемъ имама и людьми грамотными и знающими коранъ. Судейская же часть требуетъ извѣстнаго знакомства съ *шергомъ* (закономъ) и *расмомъ* (обычаемъ). Впрочемъ, за отсутствіемъ контроля надъ медресами при кокандскомъ владычествѣ и при пристрастномъ избирательствѣ, въ казы попадали иногда люди и не совсѣмъ достойные этого званія, или по порядку наслѣдственности сынъ смѣнялъ отца, или же вслѣдствіе назначенія свыше,—напримѣръ я слыхалъ въ Ташкендѣ не совсѣмъ лестные отзывы

о настоящемъ казы-келянѣ и объ его родственникѣ шейхуль-исламѣ, которые были утверждены въ должностяхъ и нашимъ начальствомъ, по занятіи этого города. Въ Туркестанѣ, если припомнитъ читатель, казы-келянъ почитался половиною города за человѣка неспособнаго. Видно было, что власти эти пріобрѣтены ими противъ желанія населенія отъ всепокровительствующаго кокандскаго начальства. За то встрѣчались личности между мѣстными казыями, передъ которыми народъ благоговѣлъ.

По большей части случается такъ, что каждый казы есть въ тоже время глава медресе. Это обстоятельство, между прочимъ, и побудило меня такъ смѣло уменьшить цифру ташкендскихъ медресе, такъ какъ ихъ въ Ташкендѣ нельзя насчитать больше восьми человѣкъ,—пожалуй еще не будетъ и того.

Казыемъ долженъ быть человѣкъ ученый и высокой нравственности, онъ не долженъ употреблять ни опіума, ни хашиша въ пищѣ, не долженъ ни пить, ни курить и, вообще, не долженъ употреблять никакихъ одуряющихъ веществъ. Передъ выходомъ для суда онъ долженъ быть совершенно спокоенъ духомъ, не появляться въ судѣ послѣ ссоры съ женою, или послѣ какихъ-нибудь домашнихъ непріятностей. Особенныхъ присутственныхъ залъ у казыевъ не полагается, судъ ведется на дворѣ открыто для публики, судья сидитъ также, какъ и разбирающіяся у него лица. Муфтіи сидятъ на корточкахъ въ сторонѣ и строчатъ бумаги у себя на колѣняхъ. Говорятъ, будто бывшій казы-аскеръ при кокандскомъ владычествѣ игралъ важную роль въ управленіи и настоящій казы-келянъ ничего не значилъ. Говорятъ даже будто ташкендскій бекъ уступилъ право *имтихана* (экзамена) на духовныя должности, сопряженнаго съ значительнымъ подаркомъ, казы-аскеру, такъ что роль настоящаго казы-келяна была крайне ничтожна. Въ настоящее время нѣтъ казы-аскера, и казы-келянъ былъ бы въ полной силѣ, если бы онъ не оказывалъ расположенія къ бухарскому падишаху. Впрочемъ, настоящій казы-келянъ, какъ почти все духовенство, принадлежитъ къ разряду ходжей, т. е. къ потомкамъ *асхибовъ* (первыхъ послѣдователей пророка), распространителей ислама въ этомъ краѣ. Такого рода ходжей здѣсь очень много. Преимущества и привилегіи, какими они пользуются, не исчислимы,—приведу только нѣкоторыя изъ нихъ. Ходжа прежде всего пользуется доходами съ *вукуфа* (земель, пожертвованныхъ въ честь его предка) извѣстной долею. Нерѣдко, впрочемъ, случается, что доля эта такъ ничтожна, что жить не на что,—такъ мнѣ случалось видѣть въ Туркестанѣ потомковъ тамошняго святителя, Ахмеда Ясави, которые ничего не имѣли, кромѣ почетнаго званія ходжи, гордились этимъ, ходили въ тряпьѣ и пользовались подачкой. Ходжа имѣетъ всюду свободный доступъ, конечно, кромѣ туркестанскаго губернатора и другихъ русскихъ властей; но во время кокандскаго владычества онъ имѣлъ доступъ и къ самому беку, въ присутствіи котораго садился, совершалъ молитву и начиналъ докладывать свою просьбу о чемъ-нибудь. При чтеніи молитвы бекъ тоже былъ обязанъ воздѣвать руки и дотрогиваться ими до бороды.

Бывали, быть можетъ, случаи, когда бекъ задавалъ хорошаго пурганца и какому нибудь ходжѣ, но если это и было, то всегда происходило съ глаза-на-глазъ безъ

*

свидѣтелей, такъ какъ у азіятскихъ сановниковъ вести себя прилично было доведено до nec plus ultra.

Потомъ ходжи освобождались отъ *доры* †) и въ случаѣ только тяжкаго преступленія приговаривались къ дорѣ *иджлясомъ* (собраніемъ) ходжей съ тѣмъ, чтобы наказаніе было совершено въ самомъ засѣданіи, понеже зазорно драть ходжу публично на базарѣ. Въ большей части случаевъ за великія преступленія ходжу лишали на нѣсколько лѣтъ, иногда на всю жизнь, права пользоваться *вакфомъ* ††). Назначеніе такого рода наказанія имѣетъ весьма выгодныя послѣдствія,—всѣ ходжи держатъ себя скромно и заботятся о нравственности больше остальныхъ смертныхъ, такъ что примѣры наказанія ходжей весьма рѣдки.

Кромѣ ходжей въ Ташкендѣ есть нѣсколько *ишановъ* (при жизни святыхъ), которые тоже ходжи, но выше ихъ, такъ какъ въ родѣ своемъ идутъ по прямой линіи отъ святителя и сохраняютъ тайны его боговдохновенія. Эти ишаны имѣютъ обыкновенно при себѣ медресе, ученики которой кромѣ образованія получаютъ отъ своего великаго учителя еще *нефесъ*, т. е. присутствуютъ при его самосозерцаніи, при чемъ лицо, избранное замѣнить его, называющееся *халифе*, углубляется въ самого себя больше всѣхъ остальныхъ учениковъ и больше даже самого учителя. Личность ишана, по своему положенію въ обществѣ, должна быть безукоризненно чиста, должна удаляться отъ всѣхъ мірскихъ суетъ. Жизнь ему обходится не дешево, такъ какъ онъ не долженъ отказывать въ пріемѣ никому, а посѣтителей къ нему является множество; но издержки на угощенія съ избыткомъ покрываются приношеніями посѣтителей. Кромѣ того, ишанъ пользуется значительнѣйшею долею вакфа по праву первородства.

Ѣздитъ ишанъ всегда на бѣлой лошади или на бѣломъ мулѣ, въ сопровожденіи двоихъ—троихъ учениковъ, которые бѣгутъ за нимъ пѣшкомъ. Встрѣчающіеся отдаютъ ему селямъ и стараются поймать какъ-нибудь его руки, чтобы получить хоть маленькую частичку святительскаго нефеса. По праздникамъ мусульманскимъ ишанъ принимаетъ на дому приношенія и ѣздитъ въ гости только къ двоимъ—троимъ своимъ знакомымъ. Честь принять у себя ишана такъ высока, что каждый, имѣющій средства, ея добивается, но пользуются ею почти только тѣ, родъ которыхъ или которые сами внесли извѣстную долю въ вакфъ въ честь того святаго, потомкомъ котораго считается ишанъ.

Я зналъ одного будущаго ишана, который не только великолѣпно пилъ у меня вино и спиртъ,—водки въ это время въ Ташкендѣ не было,—но даже выпрашивалъ у меня бутылочку спирта къ себѣ на домъ. Надо полагать, что онъ позволялъ себѣ это дѣлать у меня, вслѣдствіе пріятельскаго расположенія ко мнѣ, и ничего подобнаго не допускалъ въ домахъ мусульманъ, т. е. не просилъ тамъ ни хашиша, ни опіума, замѣняющихъ

†) *Дора* — арапникъ, употреблявшійся при экзекуціяхъ. Онъ дѣлался изъ нѣсколькихъ ремней шириною пальца въ три, въ аршинъ длиною съ коротенькой ручкой. Еще въ настоящее время такого рода символъ употребляется помощниками раиса при проѣздѣ какъ самаго раиса, такъ и губернатора по городу, для разогнанія толпы.

††) *Вакфъ* — доходъ съ имѣній, пожертвованныхъ въ память какого-нибудь святаго.

отчасти спиртъ, а оставался тамъ ходжею и халифою, какимъ ему слѣдовало быть. Умираетъ ишанъ,—его тѣло везутъ туда, гдѣ похоронены его предки. Нѣтъ ни слезъ, ни скорби, ни рыданій, такъ какъ онъ переселился въ тотъ міръ, гдѣ мы всѣ будемъ и переселился не просто, а въ качествѣ святаго. У суннитовъ впрочемъ не допускается скорби о кончинѣ кого бы то ни было и почитается это грѣхомъ, между тѣмъ какъ въ Персіи у шiитовъ проливаются безконечныя слезы о покойномъ. Я не забуду никогда плача, поднятаго въ одномъ домѣ въ Зергенде, гдѣ мы стояли лагеремъ, по только что умершемъ какомъ-то персіянинѣ. †)

Нѣкоторые полагаютъ, будто у такихъ ишановъ находятся богатыя книгохранилища, это не совсѣмъ вѣрно, — я былъ въ библіотекѣ одного ишана и, кромѣ рукописей духовно-нравственнаго содержанія, не нашелъ ни одной исторической, если не считать Шахъ-наме Фердауси персидскаго письма и съ рисунками, на которыхъ всѣ лица стерты святительскимъ перстомъ, такъ какъ религія не позволяетъ живописи.

Мнѣ удалось пріобрѣсти одну чрезвычайно интересную рукопись, носящую названіе Хавадисати-Тимури, но я ее получилъ случайно и отъ частнаго лица: мнѣ предложилъ эту книгу Сеидъ Азимъ, извѣстный всему Ташкенду богачъ.

Мнѣ кажется, что я уже достаточно сказалъ и о просвѣщеніи мусульманъ, и о духовенствѣ; конечно, можно было бы пересчитать всѣ предметы, преподающіеся въ медресе, но это сдѣлалъ уже г. Н. В. Ханыковъ въ своемъ «Описаніи бухарскаго ханства», и оно было бы безъинтересно въ моей книгѣ.

Что касается вліянія духовенства на народъ, то оно громадно, и нужны столѣтія, чтобы его искоренить, такъ какъ образованіе городскіе жители получаютъ чрезъ нихъ, и 85% изъ нихъ, благодаря духовенству, грамотны и наслушались съ своего дѣтства бездну проповѣдей о превосходствѣ ислама надъ всѣми другими религіями и о неуваженіи къ невѣрнымъ. По моему мнѣнію, было бы самымъ резоннымъ дѣломъ назначить, положимъ, двадцати пяти-лѣтній срокъ, послѣ котораго обязать лицъ, желающихъ получить званіе имама, выдерживать экзаменъ изъ русскаго языка, не заботясь вовсе о назначеніи имъ преподавателей въ школы, а назначать развѣ ежегодное жалованье, которое и выдавать въ руки мутеваллей. Это было бы и резонно, и практично, и не возстановило бы противъ насъ населенія. Я знаю до сихъ поръ многихъ муллъ, въ казанской губерніи которые, ни слова не умѣютъ говорить по-русски, и которые ничего дальше Уфы, гдѣ живетъ Муфти, экзаменующій ихъ на званіе муллы, не видали, а

---

†) Масса дервешей толпами стоитъ у домовъ ишановъ, около нихъ всегда толпится народъ и когда я проѣзжалъ мимо такой толпы, то мнѣ хотѣлось увидѣть въ одномъ изъ этихъ оборвышей закостюмированнаго европейца, на подобіе Вамбери, который разсказываетъ будто онъ прошелъ всю Азію константинопольскимъ дервишемъ. Но мудрено было бы признать хоть въ одной изъ этихъ дервишскихъ физіономій европейскій типъ, по всему вѣроятію то были кашмирцы, такъ какъ ихъ смуглыя физіономіи съ черными выразительными глазами, украшенными прекрасными бровями говорили за это.

дѣлается вѣдь мы уже владѣемъ этимъ краемъ болѣе трехъ сотъ лѣтъ, но тамъ почти тоже самое, что и въ Ташкендѣ: есть свои ишаны, развѣ только нѣтъ казыевъ — въ этомъ вся и разница †).

†) См. Современникъ 1860 г. Т. 81 и 82 «Волжскіе Татары» П. А. Шино.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

САРТЯНСКІЙ БЫТЪ.

Благодаря почти ежедневному посѣщенію меня сартами, таджиками, афганцами, индусами, кашмирцами и киргизами разныхъ родовъ, я имѣлъ возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи сартовъ, насколько пріятели мои могли познакомить меня съ этимъ предметомъ.

Нужно замѣтить, что оренбургскій генералъ-губернаторъ возложилъ на меня первою обязанностью изучить этотъ вопросъ обстоятельнѣе и усерднѣе.

Типъ сарта и характеръ его съ перваго знакомства говорятъ за его арійское происхожденіе. Конечно, можно встрѣтить въ Туркестанской области много личностей, именующихъ себя сартами и носящихъ самый несомнѣнный отпечатокъ монгольскаго происхожденія. Но такое обстоятельство не должно противорѣчить моему доводу о происхожденіи сартовъ, такъ какъ и между поселившимися здѣсь кровными персіянами во второмъ же колѣнѣ является типъ вовсе не персидскій; и это происходитъ отъ браковъ съ монгольскою расою, представительницами которой являются въ этихъ бракахъ по преимуществу вывезенныя изъ Россіи татарки и весьма рѣдко киргизскія и кипчакскія дѣвушки.

Когда поселились здѣсь арійцы и какимъ путемъ пришли сюда они: перешли-ли они Гиндукушъ или Парапомизъ — это все остается нерѣшенными вопросами при отсутствіи письменныхъ памятниковъ. Я осмѣливаюсь, впрочемъ, сдѣлать слѣдующее предположеніе, что народъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ сартовъ и встрѣчающійся въ каждомъ населенномъ пунктѣ отъ Каспійскаго моря до Небесныхъ горъ, происходитъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые волею или неволею являлись сюда во времена завоеваній эпохи Чингизъ-хана, въ качествѣ ученыхъ, искусныхъ строителей, мастеровъ, учителей различнымъ ремесламъ и просто военноплѣнныхъ. Что сарты персидскаго происхожденія, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ то, что многіе изъ нихъ знаютъ персидскій языкъ и въ такомъ государствѣ, какъ

Кокандское ханство, гдѣ главная масса населенія говоритъ на нарѣчіяхъ тюркскихъ, языкъ этотъ сдѣлали языкомъ официальнымъ †).

Что же касается до названія сартъ, то мнѣ толковали различно: одни говорили, что сарты прежде назывались *башъ-сартами*, и это названіе имъ дано потому, что они носили шапку изъ мѣха звѣрка, называющагося у киргизъ сартомъ ††).

Такое толкованіе отчасти правдоподобно, если припомнимъ, что въ Азіи существуетъ обыкновеніе давать незнакомому народу прозвища и кличку по головному убору; напримѣръ, персіянамъ — *кизылбашей* (красноголовыхъ), одному роду киргизъ — *каракалпаковъ* [чернокалпачныхъ] †††), башкирамъ — *башкурдовъ* (волчьеголовыхъ). Отчего же не повѣрить, что народъ, носящій на головѣ шапки изъ шакальяго мѣха, удостоился клички — *башсартовъ* (шакалье-головыхъ) ††††).

Другіе доказывали, что названіе сартъ дано этому народу кочевниками-завоевателями, и есть исковерканное киргизскимъ произношеніемъ слово *шартлы* †††††), которое по ихъ выговору произносится *сарты*. Шартлы значитъ условленный или обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій, и потому давалось поселенцамъ, остававшимся жить въ городахъ и селеніяхъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Можно сдѣлать еще предположеніе, что новые персидскіе поселенцы, смѣшиваясь съ древнимъ побѣжденнымъ монголами населеніемъ, получили ихъ имя. А что древніе обитатели могли именоваться сартами, это возможно допустить, такъ какъ звуки, составляющіе это слово, мы находимъ въ самыхъ древнѣйшихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей и даже самая р. Сыръ-Дарья называлась въ древности *Яксартомъ*. Такому предположенію противорѣчитъ то, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ средне-азіятскихъ завоевателей, въ которыхъ перечисляются названія ими покоренныхъ народовъ, даже самыхъ отдаленныхъ, какъ армяне, грузины и русскіе, имя сартъ мнѣ не случалось встрѣчать.

Нѣкоторые смѣшиваютъ сартовъ съ таджиками и говорятъ, что сартъ и таджикъ одно и тоже. Дѣйствительно, между таджиками и сартами есть много общаго, такъ какъ

---

†) Сарты бухарскіе не знаютъ другаго языка, кромѣ персидскаго; кокандскіе же говорятъ на джагатайскомъ нарѣчіи тюркскаго языка.

††) Башъ-сартъ — сартья голова. Сартомъ называется звѣрокъ съ желтымъ мѣхомъ, нѣчто въ родѣ лисицы или шакала. Должно быть это слово сокращено изъ *сары-итъ* — желтая собака. Клапротъ производитъ это слово отъ имени джагатаевой патримоніи, называвшейся Sarthol.

†††) Замѣчательно, что мусульмане оренбургскаго края помѣщичьихъ крестьянъ изъ татаръ называютъ также *каракалпаками*, хотя тѣ и не носятъ черныхъ шапокъ. Это, вѣроятно, произошло отъ того, что киргизскіе каракалпаки не были никогда самостоятельными и съ давнихъ поръ находились въ полномъ подчиненіи хивинскимъ ханамъ. Родъ этотъ славится въ народныхъ розсказняхъ своею глупостью и между ними дѣйствительно развитъ кретинизмъ въ сильной степени.

††††) У насъ подъ Москвою есть селеніе Бѣлый Колпь, получившій названіе отъ головнаго убора— *бѣлаго колпика*, который и до сихъ поръ употребляется обывателями. — Малороссовъ называютъ по головному украшенію — *хохлами*. Турокъ даже въ литературѣ величаютъ чалмоносцами, хотя тамъ давно чалма замѣнилась феською.

†††††) Киргизы это слово произносятъ сарты, такъ какъ у нихъ буква *ш* всегда переходитъ въ *с*, а окончанія *лы* замѣняется постоянно — *ты*.

Дозволено Цензурою. Съ натуры рисов. Д. Вележевъ. Литогр. Беккера и К°

ТАШКЕНДЪ

Улица.

оба эти народа арійскаго происхожденія. Таджики Туркестанской области — кровные персы, попавшіеся сюда въ неволю въ новѣйшія времена и укоренившіеся здѣсь; что же касается до сартовъ, то хотя они и положительно арійскаго происхожденія, но что они переселенные персіяне, это предположеніе гадательное и требуетъ подтвержденія †). Каждый сартъ очень оскорбился бы, если бы его назвали таджикомъ, такъ какъ послѣдній здѣсь не пользуется никакимъ уваженіемъ, потому во-первыхъ, что произошелъ отъ раба, во вторыхъ, по предубѣжденію сарта (суннита), что каждый таджикъ, если не явно, то въ душѣ шіитъ, раскольникъ, человѣкъ презрѣнный.

Такіе и тому подобные разсказы людей положительно незнакомыхъ съ исторіею и стоявшихъ за то, что Афрасіабъ былъ нѣкогда ихъ царемъ и что въ Ташкендѣ находятся остатки его трона и развалины дворца его дочери, хотя и не могли меня окончательно убѣдить по вопросу о происхожденіи сартовъ, однако же я скорѣе согласенъ признать ихъ за особый народъ арійскаго происхожденія, чѣмъ смѣшать ихъ съ таджиками, которые волей неволей поселились здѣсь со временъ Тамерлана.

Жизнь сарта весьма схожа съ жизнью какого - нибудь волжскаго или сибирскаго татарина. Развѣ только нѣкоторые предразсудки, исчезнувшіе у волжскихъ татаръ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, сохранились у сартовъ, такъ какъ за нравственностью послѣднихъ наблюдаетъ особо поставленное лицо и слѣдитъ за исполненіемъ всѣхъ религіозныхъ обычаевъ. Это лицо называется *раисомъ* и избирается изъ лицъ высшаго образованія, при немъ состоятъ нѣсколько помощниковъ, назначаемыхъ имъ самимъ. Эти люди должны постоянно слѣдовать за нимъ пѣшкомъ во время разъѣздовъ его по городу, они не получаютъ никакого содержанія и существуютъ повольными приношеніями.

Я не могу ничего сообщить о томъ, что дѣлается въ семьѣ сарта во время родовъ, такъ какъ мнѣ не случалось спрашивать объ этомъ посѣщавшихъ меня знакомыхъ. Затѣмъ ребенокъ растетъ въ женскомъ отдѣленіи, окруженный попеченіями матери, до тѣхъ поръ, пока онъ начнетъ бѣгать. Я подразумѣваю здѣсь конечно жизнь сарта городскаго и зажиточнаго. У бѣдняковъ, же старшія дѣти няньчатся съ младшими, какъ и у насъ повсюду въ Россіи, и таскаютъ ихъ по улицамъ и по базарамъ. Впрочемъ въ способѣ переноски дѣтей существуетъ нѣкоторая разница: въ Ташкендѣ, напримѣръ, почти никогда не носятъ дѣтей такъ какъ слѣдуетъ, а всегда сажаютъ ихъ себѣ за спину; это, впрочемъ, я говорю только о дѣтяхъ бѣдняковъ, когда они находятся на рукахъ подростковъ, матери же не могутъ обходиться такъ съ дѣтьми по неудобству своего костюма если онѣ встрѣчаются съ дѣтьми на улицѣ, то ребенокъ всегда сидитъ у нихъ на рукахъ какъ слѣдуетъ.

До десятилѣтняго возраста на воспитаніе ребенка не обращается никакого вниманія, лишь бы только онъ не былъ воришкой. Въ теченіе дня мальчика можно увидать въ своей семьѣ только во время обѣда, или въ то время, когда ему ѣсть захочется. Не то совсѣмъ

---

†) По Зендавестѣ родиною всѣхъ арійскихъ народовъ почитается мѣстность на верховьяхъ рѣкъ Сыра и Аму, и сартовъ счесть можно скорѣе за аборигеновъ этого края, а не за пришельцевъ изъ какой-кибудь другой стороны, если вѣрить показаніямъ Зендавесты.

съ дѣвушкой,—она съ восьмилѣтняго возраста начинаетъ учиться грамотѣ сперва дома, а потомъ — у жены приходскаго имама. Мальчикъ же отдается для образованія самому имаму, когда ему минетъ десять лѣтъ. Само собою разумѣется, что дѣти, во время обученія въ семействѣ имама, свободные часы проводятъ дома: дѣвушки сидятъ за рукодѣліемъ, а мальчики, если принадлежатъ къ ремесленному сословію и если ремесло ихъ родителей имъ подъ силу, пріучаются къ нему.

Дѣвица оканчиваетъ образованіе лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, смотря по тому, какихъ лѣтъ она выйдетъ за мужъ. Мальчикъ же, пройдя курсъ ученія чтенію и письму у своего имама въ мектебѣ, переходитъ въ медресе и продолжаетъ тамъ учиться пока родители того пожелаютъ или, если онъ почувствуетъ призваніе къ наукѣ, то пока не кончитъ полнаго курса. Особеннымъ рвеніемъ отличаются преимущественно дѣти духовенства и дѣти недостаточныхъ родителей, которые стремятся получить какое-нибудь духовное званіе. Встрѣчаются между мальчиками охотники служить у насъ русскихъ и ихъ такъ много, что конечно большая часть остается безъ мѣста.

У одного начальника населенія былъ прекрасный и чрезвычайно смышленый лакей изъ сартовъ, который уже нѣсколько объяснялся по-русски. Мнѣ разсказывали про него одинъ только случай недогадливости: разъ какъ-то собрались у начальника гости и тотъ приказалъ своему Абдуллѣ подать чаю, тотъ по обыкновенію и принесъ одинъ стаканъ съ чаемъ.

— Что жъ, ты братецъ, такъ глупо распорядился!—закричалъ на него хозяинъ,— подай столько стакановъ, сколько тутъ насъ есть.

Абдулла сконфузился, покраснѣлъ и вышелъ.

На другой день, снова собираются гости у начальника населенія; кому-то пить захотѣлось, тотъ спросилъ себѣ воды, вода что-то долго не появлялась, потомъ вдругъ видятъ, что Абдулла несетъ на подносѣ нѣсколько стакановъ съ водою и разноситъ ихъ гостямъ, — это возбудило всеобщій смѣхъ.

Мальчикъ выростаетъ и становится юношей; дѣвушка же — невѣстой. Сына надо женить, дочь слѣдуетъ выдать за мужъ, для этого обращаются обѣ стороны къ свахамъ. Тѣ расхваливаютъ какую-нибудь дѣвушку и устраиваютъ смотрины, которыя случаются уже послѣ предложенія. Смотрины эти устраиваются слѣдующимъ образомъ: дѣвушку наряжаютъ въ лучшую рубаху, подрумянивают если дѣвушка не хороша собой и везутъ въ гости къ матери жениха или къ свахѣ, гдѣ прячется женихъ. Бываютъ, впрочемъ, случаи, что вмѣсто невѣсты привозятъ другую дѣвушку, которая гораздо изящнѣе невѣсты и не имѣетъ бросающагося въ глаза уродства. Свадьба устраивается въ домѣ родителей невѣсты, куда приходитъ имамъ читать *некяхъ* (свадебная молитва). Послѣ этого невѣсту везутъ въ домъ жениха и оставляютъ ихъ на три дня въ покоѣ. Бываютъ случаи, впрочемъ, что молодые не выдерживаютъ и этого термина,—это случается когда молодая не понравится мужу, или вслѣдствіе какихъ-нибудь наружныхъ недостатковъ или вслѣдствіе преждевременной потери дѣвственности. Тогда слѣдуетъ разводъ и начинается процессъ то есть преслѣдуются родители, получившіе часть денежной платы за свою дочь. Взносъ платы за невѣсту обыкновенно устраивается такъ: женихъ вноситъ половину денегъ впередъ, а остальную часть обязывается заплатить впослѣдствіи.

Количество денегъ обусловливается средствами и взаимнымъ соглашеніемъ, въ большей части случаевъ женихъ платитъ матери сверхъ условленной суммы еще за молоко, которымъ та кормила въ дѣтствѣ невѣсту. Обычай этотъ собственно персидскій и называется тамъ также какъ и здѣсь *ширъ-бага*. Какъ этотъ обычай вошелъ здѣсь въ моду, я не могу объяснить. Случается такъ, что родители съ дѣтства сговариваютъ своихъ дѣтей и тѣ впослѣдствіи женятся.

Положеніе женщины здѣсь совершенно обусловливается привязанностью къ ней мужа, она легко можетъ просидѣть нѣсколько сутокъ безъ работы и безъ хлѣба, тогда какъ супругъ ея, проводя время на базарѣ, и сытъ и веселъ. Онъ разгуливаетъ по разнымъ чай-хане, слушаетъ тамъ разсказы дервишей, видавшихъ виды, таскавшихся цѣлую жизнь по Персіи, Афганистану, Палестинѣ, Сиріи и Аравіи и побывавшихъ, пожалуй, въ Истамбулѣ и Мисрѣ (Египтѣ). Эти оборвыши разсказываютъ исторіи о Гарунъ Аррашидѣ, о какихъ-нибудь персидскихъ царяхъ, о турецкомъ султанѣ, объ Афрасіабѣ и его битвахъ съ Рустемомъ, о бухарскомъ эмирѣ, о несчастномъ положеніи мусульманъ подпавшихъ подъ владычество невѣрныхъ и о томъ, что слѣдовало бы мусульманамъ соединиться во едино тѣло и единъ духъ и передушить всѣхъ невѣрныхъ въ честь и славу ислама. Они такъ мило и увлекательно напѣваютъ особенно о послѣднемъ обстоятельствѣ, что несчастные слушатели ихъ, забывая всѣ жестокости и несправедливости бывшаго своего начальства, сидятъ и заливаются горькими слезами. Говорятъ, будто посѣтители чай-хане употребляютъ опіумъ или *хашхашъ* (хашишъ), я не замѣтилъ этого и не знаю, на сколько оно вѣрно; но, судя по тому, какъ скупые отъ природы сарты бросаютъ деньги за подобные разсказы, пожалуй можно бы было допустить, что они вкушаютъ это зелье. Проведя цѣлый день въ такой компаніи, обмѣнявшись новостями, что Сыддыкъ—туря,—да хранитъ его Богъ,—взялъ уже г. Туркестанъ и грозитъ Чимкенду, что орда его потопила два русскихъ парохода въ Сыръ-Дарьѣ, что Ишпута съ Рустемъ-бекомъ взяли кр. Креучи и что эмиръ съ 200,000 войскомъ стоитъ въ двадцати верстахъ отъ русскаго отряда, и тому подобныхъ нелѣпицъ, онъ отправляется съ компаніею куда-нибудь провести ночь гдѣ онъ совершаетъ торжественный *бату* (поклонъ) наравнѣ съ другими лицами передъ мальчишкой разрумяненнымъ, одѣтымъ въ женское платье и безконечно развратнымъ......... между тѣмъ жена его терпитъ и нужду и голодъ! Такихъ браковъ приходится, быть можетъ, 25 на 100.

Заботливый-же супругъ изъ силъ выбивается самъ и хлопочетъ объ отысканіи работы своей семьѣ. Нерѣдко можно видѣть, что мужчина занимается ткачествомъ на самой многолюдной улицѣ Ташкенда. Это онъ дѣлаетъ не для того, чтобы порисоваться, а оттого, что дома мѣста нѣтъ, семья занята работою. Съ августа мѣсяца начинаются усиленныя занятія во всѣхъ домахъ города, такъ какъ къ этому времени поспѣваетъ хлопокъ и настаетъ время разматыванія коконъ.

Сарты, ведущіе торговыя дѣла и отправляющіеся по временамъ въ Россію, имѣютъ тамъ свою особую семью и пріютъ. Есть богачи, имѣющіе по двѣ, по три жены на окраинахъ Россіи въ разныхъ городахъ: Троицкѣ, Семипалатинскѣ и Петропавловскѣ. Они чрезвычайно любятъ заключать браки съ нашими татарками, такъ какъ послѣднія по большей части хорошія мастерицы и занимаются вышиваньемъ шелками и приготовленіемъ

роскошныхъ блюдъ. Нерѣдко бываетъ, что сарты привозятъ свою жену къ себѣ на родину, и я подозрѣваю, что не имъ ли обязаны сартянки умѣньемъ вышивать шелками чапраки, *келляпуши* (тибитейки), сумочки и шаравары.

Въ семьѣ сартъ имѣетъ свои законныя обязательства. Законъ дозволяетъ ему имѣть четырехъ женъ и сколько угодно наложницъ, обязуя его съ каждою женою проводить недѣлю, въ теченіе которой дежурная супруга прислуживаетъ мужу, подаетъ ему умываться и провожаетъ его, когда онъ уѣзжаетъ изъ дома. Прочія жены остаются равнодушными зрительницами всего этого и хлопочутъ по хозяйству. Старшая жена занимаетъ всегда почетное мѣсто, освобождена отъ работъ и можетъ, если хочетъ, проводить время не стукнувши палецъ о палецъ; иногда, по взаимному соглашенію, она освобождаетъ мужа и отъ законной недѣли. Согласія между женами трудно добиться. Разсказываютъ, по поводу этаго, одинъ анекдотъ: нѣкто имѣлъ двухъ женъ и обѣихъ любилъ одинаково страстно, вдругъ онѣ умираютъ обѣ въ одной комнатѣ. Мужъ, чтобы не оскорбить какой-нибудь изъ нихъ, приказываетъ пробить другія двери. Ихъ обѣихъ выносятъ разомъ и хоронятъ. Ночью является къ мужу одна изъ женъ и со слезами на глазахъ объявляетъ ему, что она огорчена. «Чѣмъ же, чѣмъ же?» — спрашиваетъ взволнованный супругъ.—«Да ты меня вовсе не любилъ несчастную, — отвѣчала ему жена,—я въ этомъ только послѣ смерти убѣдилась, когда ты велѣлъ меня вынести въ старыя двери, а ее въ новыя.» Этотъ анекдотъ разсказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда спрашиваютъ сартовъ, въ согласіи ли живутъ ихъ жены между собой.

У каждаго, даже самаго бѣднаго сарта, есть особое отдѣленіе для женщинъ, куда имѣютъ право входить, кромѣ мужа и родителей, изъ мужчинъ еще близкіе родственники женъ. Казалось бы, что любовная интрига тутъ окончательно искоренена, но и здѣсь амуръ находитъ пріютъ. Лѣтнимъ прохладныхъ вечеромъ, когда все кругомъ спитъ мертвымъ сномъ, сартянки любятъ помечтать. Нерѣдко случается такъ, что въ сосѣдствѣ ихъ сада, какой нибудь джигитъ затягиваетъ заунывную любовную арію; онѣ слушаютъ ее нѣсколько вечеровъ сряду, потомъ у нихъ является желаніе увидѣть физіономію молодца, такъ сладко заливающагося, просверливается въ заборѣ щель... и потомъ дѣло подвигается впередъ crescendo. Предпринимаются учащенныя поѣздки на богомолье, гдѣ устраиваются любовныя свиданія, словомъ, мало ли можетъ подобрать женское сердце способовъ, чтобы видѣться со своимъ любезнымъ? а въ Ташкендѣ, я думаю, больше нежели въ Петербургѣ, такъ какъ здѣсь женщина ходитъ закрытая покрываломъ изъ толстаго конскаго волоса, и можетъ выходить во всякое время куда ей угодно одна. Мужчины никогда не обидятъ проходящую женщину, они всегда сторонятся отъ нея, чтобы она не закричала караулъ, такъ какъ при крикѣ женщины всѣ бросаются заступаться за нее †). Что касается закона мусульманскаго, то онъ чрезвычайно строго преслѣдуетъ развратъ, онъ предписываетъ побіеніе камнями обоихъ уличенныхъ, но въ тоже время строго относится и къ уликѣ. Чтобы признать преступленіе, шаріатъ требуетъ, чтобы

†) Въ азіятскихъ лагеряхъ присутствіе женщины не воспрещено, и тамъ нерѣдко подъ покрываломъ женщины можно встрѣтить и мужчину — лазутчика, по крайней мѣрѣ я слыхалъ, что бывали такіе примѣры.

пришли *одновременно* къ казы три свидѣтеля, пользующихся въ обществѣ репутаціею людей честныхъ и высоконравственныхъ. Если же одинъ свидѣтель явится позже другихъ, то преступленіе признается недѣйствительнымъ. Вмѣсто 3 мужскихъ свидѣтельствъ нужно 6 женскихъ, такъ какъ законъ не питаетъ особеннаго довѣрія къ показанію женщины, по причинѣ ея легкомысленности и незнакомства со свѣтомъ и его жизнью.

Къ сожалѣнію, то время, въ которое сартянка можетъ нравиться, для нея весьма скоро проходитъ, такъ какъ южная природа положила весьма ограниченный предѣлъ ея красотѣ. Разцвѣтая рано, она очень скоро и блекнетъ, — женщина лѣтъ двадцати пяти покажется вамъ никуда негодной старухой. Я, по крайней мѣрѣ, объясняю себѣ этимъ необходимость закона о полигаміи; понятно, что при этомъ нужна извѣстная воздержность со стороны семьянина, нельзя, конечно, ни чѣмъ оправдать богатаго киргиза, имѣющаго четырехъ молодыхъ женъ. Здѣсь въ городахъ многоженство привилось чрезвычайно умѣренно, богатые люди постоянно — многоженцы, а народъ простой по большей части живетъ съ одною женою всю жизнь.

Въ былое время ташкендцы жили «подъ своимъ бекомъ» почти также, какъ живутъ и теперь; конечно, только самые богатые скрывали цифру своего имущества и выходили въ самомъ скромномъ одѣяніи. Если позоветъ ихъ бекъ къ себѣ, тогда они одѣвали жалованные халаты, блиставшіе роскошью. По праздникамъ всѣ богатые люди являлись заявлять беку свое *мубарекъ-башетъ*. Такихъ праздниковъ насчитывалось въ году три. Курбанъ-байрамъ, гаетъ (гайди рамазанъ) и день возшествія на престолъ хана. Въ курбанъ-байрамъ, равно какъ и въ гаетъ, приглашалось на домъ духовенство, въ первый изъ этихъ дней, оно закалывало собственноручно барашка, корову, лошадь или верблюда, за что шкура зарѣзаннаго животнаго доставалась ему съ извѣстною суммою денегъ за чтеніе молитвы; во второй — даже самый бѣдный сартъ приглашалъ своего имама къ себѣ на домъ отвѣдать кушанья и платилъ ему за это деньги. День же восшествія на престолъ праздновался всеобщимъ угощеніемъ на счетъ бека и богатыхъ людей, гдѣ нибудь за городомъ. Бекъ самъ не присутствовалъ въ этотъ день на народномъ гульбищѣ, такъ какъ онъ къ такому высокоторжественному дню отправлялся съ большими подарками въ Кокандъ. Распоряжались всѣмъ бекскіе люди и едва ли приходилось жителямъ воспользоваться тою долею, которая показывалась въ отчетахъ беку, они, налюбовавшись вдоволь бекскими плясунами, чинно марширующими по канату, фокусниками, выдѣлывающими штуки на шестѣ и козлами, ходящими по канату, натянутому вдоль столбиковъ съ чашечками, отправлялись по домамъ. Нѣкоторые оставались, впрочемъ, до конца вечера, пробовали бекскаго пилау, смотрѣли на ловкихъ бѣгуновъ, борцовъ и джигитовъ, выкидывающихъ разные интересные фокусы. Конечно, найдутся личности, вздыхающія при воспоминаніи о былыхъ торжествахъ, но зато въ настоящее время большинство чувствуетъ себя гораздо спокойнѣе, такъ какъ, при занятіи края русскими, безопасность каждаго обезпечена русскимъ закономъ и признано за всѣми право собственности. Въ былое время услышитъ сартъ чрезъ кого-нибудь, что бекъ желаетъ сдѣлать ему визитъ, то сейчасъ же пойдетъ къ беку съ поклономъ пригласить его къ себѣ, зная навѣрное, что онъ получитъ такой отвѣтъ: «ладно, если будетъ свободное время, то пріѣду». Послѣ этого онъ является до четырехъ разъ къ беку съ тою же просьбою и наконецъ

ему назначается день и часъ, когда беку угодно будетъ пожаловать. Въ домѣ сарта все очищается и самыя цѣнныя вещи прячутся у сосѣдей, оставляются только подарки для бека и его челядинцевъ. Теперь же сарты не ждутъ намековъ, а являются сами просить къ себѣ русскаго губернатора и сейчасъ же получаютъ отъ него согласіе пріѣхать тогда-то. Правда, имъ такіе порядки кажутся странными, но что же дѣлать, «таковъ у русскихъ обычай». Отъ наѣзда русскаго *джандарала* (генерала) ничего изъ дома не выносится, такъ какъ онъ не принимаетъ никакихъ подарковъ.

Нѣкоторые торговые люди перессорились съ своими товарищами по торговлѣ, такъ какъ они вели торговлю въ былые дни подъ именемъ этихъ самыхъ лицъ, другіе же— продолжаютъ и до сихъ поръ попрежнему вести свои дѣла съ тѣми же лицами, такъ какъ авось съ ними посчастливится въ торговлѣ, потому что въ былые дни шло же дѣло съ ними хорошо.

Подъ русскимъ начальствомъ какъ-то привольнѣе живется ташкендцамъ. Они большими толпами проводятъ цѣлые дни передъ губернаторскимъ домомъ, отыскивая здѣсь множество предметовъ, достойныхъ изученія. Сарты съ удовольствіемъ посѣщали минурюкъ, гдѣ днемъ вкушали хорошую пищу, приготовленную поварами Сеидъ Азима, и любовались, какъ на нѣчто небывалое у нихъ, на фейерверки, устраиваемые г.М—чемъ, и глубокою ночью расходились по домамъ и разсказывали, не видавшимъ такого чуда, бездну новостей чрезвычайно оригинальныхъ. Теперь не таскаютъ по улицамъ несчастныхъ, приговоренныхъ или къ истязаніямъ или казни, какъ это случалось въ былые дни, не берутъ никого и не сажаютъ въ ямы, не взимаютъ усиленныхъ налоговъ на войну противъ невѣрныхъ, а взыскиваютъ обыкновенныя подати, освященныя исторіей.

Какъ въ былые дни, такъ и теперь, въ полѣ собираетъ подати *закятчи*, а въ городѣ—*серкяръ*. Танапной подати полагалось съ сѣна по 1 р., съ фруктовъ—по 2 р.; хараджа съ ячменя и пшеницы получалось съ 5—1; закята получалось съ товаровъ по $2^1/_2$ съ 100; съ барановъ и козъ по шаріату полагалось брать съ 40 по 1, а ханы брали со 100 — 3; съ коровъ, съ 30 штукъ, полагалось брать 2 телокъ, а если не было 30 головъ, то ничего не бралось; съ 5 верблюдовъ брался 1 баранъ, а съ 25— одинъ верблюдъ; съ лашадей брался налогъ по цѣнѣ, съ 40 р. 1 р. Ханы не брали въ послѣднее время ни чего кромѣ барановъ. Съ лавокъ наемная плата получалась въ пользу хозяина, если же она была пожертвована на богоугодныя заведенія, то плата сдавалась въ вакфъ, если же принадлежала казнѣ, то плата взыскивалась казною. Кромѣ того производились различные налоги, которые не вошли въ этотъ счетъ. Нельзя также счесть сколько доставалось на долю подарковъ, начиная съ бека и оканчивая послѣднимъ чиномъ городской администраціи. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ русскомъ управленіи. Сарту больше ничего и не нужно, понятія о родинѣ въ его головѣ не сложилось еще. По его мнѣнію, гдѣ есть два или три мусульманина и гдѣ жить хорошо, тамъ его и родина—ubi bene, ibi patria. Онъ сознаетъ, что будто-бы, немного неловко подчиняться *невѣрному* правительству, но, что же дѣлать, рано или поздно пришлось бы подчиниться этому не совсѣмъ непріятному обстоятельству.

У сартовъ, какъ вообще у всѣхъ среднеазіятскихъ народовъ, существуетъ нѣсколько легендъ о подчиненіи всего востока бѣлому царю: «настанутъ дни, говорятъ сарты,

тяжелаго испытанія, когда два народа сойдутся у семи ручьевъ, немного ниже Балха, и сразятся, на первый разъ урусъ будетъ побѣжденъ инглисомъ, начнутся повсюду измѣны урусу и дѣло его будетъ худо, но подойдутъ войска и онъ нагрянетъ всею силою на инглиса въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ семь рѣкъ сливаются въ одну большую и широкую рѣку. Рѣзня будетъ продолжаться семь дней, большая рѣка обагрится кровью невѣрныхъ, инглисы бѣжатъ и дѣло завоеванія будетъ кончено. Наступитъ семь лѣтъ благодатной жизни, потомъ пойдутъ засухи, голодъ, явится *деджалъ* (антихристъ) и начнетъ мѣтить людей нечестивыхъ, обреченныхъ на вѣчныя мученія и, въ заключеніе, настанетъ конецъ міра.» Существуетъ нѣсколько подобныхъ легендъ, но разница между ними весьма ничтожна. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ только яснѣе обозначено мѣсто битвы русскихъ съ англичанами.

Благодаря подобнымъ сказаніямъ, которыя, какъ мнѣ говорили, находятся у нихъ въ письменномъ видѣ, сарты снисходительнѣе относятся къ русскому владычеству. Есть, впрочемъ, и между ними приверженцы нашего врага—бухарскаго эмира и кокандскаго хана Худаяра, признавшаго власть нашу надъ всѣми завоеванными мѣстностями. Въ мое время такія лица имѣли свое пребываніе подъ покровительствомъ особъ, ими уважаемыхъ и только нѣкоторыя находились въ Ташкендѣ. По всему вѣроятію въ настоящее время большинство изъ нихъ вернулось въ Ташкендъ, такъ какъ тамъ цифра населенія возрасла чрезвычайно быстро.

Я не описываю въ настоящемъ очеркѣ никакихъ сартянскихъ празднествъ, ни свадебныхъ, ни похоронныхъ церемоній, такъ какъ мнѣ не довелось ихъ видѣть. Я знаю, напримѣръ, что покойника не оставляютъ лежать въ домѣ ни одной минуты, а сейчасъ же хоронятъ по предписаніямъ ислама, и знаю, что наше начальство въ мое время не обращало на это никакого вниманія и не издавало приказаній, чтобы, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, зарывали покойника на третій день. Впрочемъ, обыкновеніе хоронить на первыя же сутки еще не искоренено и въ казанской губерніи.

Сходство характера сартовъ съ персіянами чрезвычайно велико, чтó показываетъ только одинаковость условій и жизненной обстановки. Сартъ, также, какъ и персіянинъ, чрезвычайно смышленъ, имѣетъ страсть къ торговлѣ, у него нѣтъ ничего завѣтнаго, все продажное, нѣтъ богатства или если есть, то онъ его скрываетъ, какъ и персіянинъ. Раболѣпіе и лукавство у сартовъ развито настолько же, насколько и въ Персіи. Народъ, склонный къ измѣнѣ и вообще привыкшій видѣть разнообразіе въ администраціи, но намъ нечего безпокоиться насчетъ ихъ, такъ какъ этотъ смышленый народъ возстанетъ развѣ только тогда, когда увидитъ неоднократное пораженіе нашихъ войскъ какимъ-нибудь внѣшнимъ врагомъ, или тогда когда къ нему подойдетъ довольно значительная помощь.

Сарты чрезвычайно любезны на словахъ, многое обѣщаютъ, но мало исполняютъ. Они злопамятны и ничтожная ссора нерѣдко служитъ причиною вражды двухъ семействъ. На этотъ счетъ у нихъ существуетъ извѣстная пословица: разбитое стекло не срастается. Сарты чрезвычайно трудолюбивы, но за отсутствіемъ работы проводятъ дни въ болтовнѣ на базарѣ; отъ этого и кажется людямъ не знающимъ ихъ сартянскаго быта, что они отъявленные лѣнтяи. Сартъ пропитанъ до костей этикетомъ, ему, напримѣръ, кажется страннымъ, отчего русскіе сами ѣздятъ на базаръ. По ихъ понятіямъ особа, занимающая

высокую должность, не должна сама являться на базаръ; сартянскіе казы и ишаны никогда не бываютъ на базарѣ, къ нимъ все приносятъ на домъ. Въ былые дни бекъ и его первые чины тоже никогда не покупали на базарѣ ничего. Потомъ сартовъ поражало всегда, когда они заставали русскихъ чиновниковъ, распѣвавшихъ пѣсни; они думали тогда, что правду говоритъ писаніе, будто наслажденія этого міра всѣ предоставлены невѣрнымъ. Мнѣ пришло на умъ теперь, что бухарскіе послы, налюбовавшись фейерверкомъ, на мою насмѣшку, что у нихъ ничего подобнаго нѣтъ, отвѣчали: «ладно, смѣйтесь надъ нами, вы не знаете, что всѣ земныя наслажденія предопредѣлены вамъ, а мы будемъ молиться да такую пушку выдумаемъ, что всѣхъ васъ закидаемъ чугунными яблоками.»

Въ-заключеніе нелишнимъ считаю сообщить кое-какія свѣдѣнія о Ташкендѣ, полученныя мною по почтѣ. Ташкендъ стоитъ на пяти арыкахъ, идущихъ изъ Чирчика: 1-й Бозсу, 2-й Загарыкъ, 3-й Саларъ, 4-й Дженгабъ и 5-й Кейкаусъ. Онъ имѣетъ пять замѣчательныхъ медресе: 1-е Лешкеръ Бекляръ-беги, со временъ Мамедъ-Али хана, 2-е Ходжа Ахраръ, самое древнее изъ училищъ †), 3-е Баракъ ханъ, 4-е Махмудъ дестерханчи и 5-е Бури ходжа. Въ этихъ училищахъ воспитывается отъ 60 до 100 учениковъ. Мнѣ кажется, что я не упустилъ ничего, что зналъ, и спокоенъ въ томъ отношеніи, что нѣтъ въ моей книгѣ ни одной строки умышленной лжи.

КОНЕЦЪ.

†) Могила этого святаго находится въ Самаркандѣ По причинѣ моей болѣзни, въ литографированныхъ рисункахъ встрѣтилась опечатка: тамъ напечатано: Ходжа-Ахралъ, которую прошу исправить.

МАРШРУТЪ †)

ОТЪ ОРЕНБУРГА ДО ТАШКЕНДА.

Отъ **ОРЕНБУРГА**	
Нѣжинская	17 вер.
Каменноозерная	15
Вязовская	16
Красногорская	27
Гиръяльская	$22^1/_4$
Верхнеозерная	21
Никольская	$27^1/_2$
Ильинская	19
Подгорная	$19^1/_2$
Губерлинская	26
Хабарная	29
г. Орскъ	26
Степь Токанъ	27
Истемессъ	$32^1/_2$
Аралъ тюба	$25^1/_3$
Сары камысъ	$36^3/_4$
Бугаты сай	22
Дамды	19
Башъ Карабутакъ	$28^1/_4$
Ф. Карабутакъ	20
Чулакъ кайракты	$32^1/_2$
Кумъ сай	$25^1/_4$
Кара сай	$26^3/_4$
Саралы	$32^1/_2$
Кызылъ яръ	$30^1/_4$
Бузъ гумаръ	$14^3/_4$
Ук. Уральское	20
Джалангачъ	20
Катыкулъ	18
Джаловлу	36
Тереклы	30
Джулюсъ	17
Кара Кудукъ	18
Джунгурлю соръ	32
Куль Кудукъ	26
Алты Кудукъ	28
Акъ джулпасъ	18
Саппакъ	28
Камышлы башъ	28
Бикбаулы	34
Фортъ № I	22
Баскара	18
Майлы башъ	22
Акъ суатъ	32
Акъ джаръ	22
Ильчи бай	24
Кара тугай	26
Куръ кутъ	20
Фортъ № 2	17
Букабай куль	43
Баюзакъ кумъ куль	20
Иръ куль	$21^1/_4$
Куль ике	25
Фортъ Перовскій	25
Пырказанъ	30
Джарты кумъ	18
Сары чаганакъ	25
Таръ тугай	25
Укр. Джулекъ	30
Куги ирумъ	20
Тюменъ арыкъ	$41^1/_2$
Яны курганъ	19
Арасадъ	$35^1/_2$
Сауранъ	35
Кусмысгиль	28
Гор. Туркестанъ	22
Иканъ	22
Акъ мулла	30
Бугунь	39
Арысъ	30
г. Чимкендъ	34
Беглербекъ	25
Шерапханъ	20
Акъ джаръ	28
Капланъ бекъ	25
и гор. **ТАШКЕНДЪ**	20

†) Я счелъ необходимымъ приложить настоящій маршрутъ для читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

и

Объясненіе къ рисункамъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр.	*сверху*	*напечатано.*	*надо читать.*
21	36 строкѣ.	Тагерана	Тегерана
22	2 »	проекта	проэкта
38	16 »	окоймленнаго	окаймленнаго
40	37 »	*Козылъ*	*Кызылъ*
43	19 »	припятствія	препятствія
57	3 »	объѣзжающій	объѣзжающій
—	8 »	импровозируетъ	импровизируетъ
61	23 »	въ	съ
69	19 »	скупщи	скупщики
85	2 »	огоньги	огоньки
97	9 »	москательными	москотильными

КАРТА
ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

(къ Книгѣ „Туркест. Край въ 1866 году" Путевыя замѣтки Н. И. Пашино.)

